

СОВЕТСКИЙ АВАНГАРД 1920—1930-Х ГОДОВ

Sowjetische Avantgarde der 1920er und 1930er Jahre

СОВЕТСКИЙ

Sowjetische Avantgarde
der 1920er und 1930er Jahre

1920—1930-Х ГОДОВ

А
В
А
Н
Г
А
Р
Д

Правительство Москвы
Комитет по культурному наследию города Москвы
Пятницкая ул., 19

Regierung der Stadt Moskau
Komitee für Kulturerbe der Stadt Moskau
Pjatnizkaja 19

СОВЕТСКИЙ АВАНГАРД 1920—1930-х годов

Sowjetische Avantgarde der 1920er und 1930er Jahre

**Правительство Москвы
Комитет по культурному наследию
города Москвы**

Руководитель проекта:

В.А. Шевчук

Ответственный редактор:

С.Е. Солнцева

Издатель:

К.А. Руденцова

Редакторы:

П.С. Уханова

А.А. Максимова

Корректор:

Е.В. Сокольская

Перевод:

А.П. Нестеров

Н.И. Иванова

Верстка:

Дизайн-студия Натальи Малининой

ООО «Издательский дом Руденцовых»

**Regierung der Stadt Moskau
Komitee für Kulturerbe
der Stadt Moskau**

Projektleiter:

W.A. Schewtschuk

Chefredakteur:

S.Je. Solnzewa

Herausgeber:

K.A. Rudenzowa

Lektoren:

P.S. Uchanowa

A.A. Maksimowa

Korrektor:

Je.W. Sokolskaja

Übersetzung:

A.P. Nesterow

N.I. Iwanowa

Satz:

Design-Studio Natalja Malinina

Verlag „Isdatelskij dom Rudenzowych“

**I. Международный семинар
«Наследие XX столетия — охрана и сохранение памятников».
13—15 сентября 2007 года, Берлин. Выставка «Советский авангард
1920—1930-х годов»**

**Internationales Seminar
„Das Erbe des 20. Jahrhunderts — Schutz und Erhaltung der Denkmale“.
13.–15. September 2007, Berlin
Ausstellung „Sowjetische Avantgarde
der 1920er und 1930er Jahre“**

- 14** **Юрий Волчок.** Наследие архитектуры авангарда в Москве: проблемы, связанные с выявлением и определением предмета охраны

Jurij Woltschok. Das Erbe der Architektur der Avantgarde in Moskau: Probleme, die mit der Aufspürung und Bestimmung des Schutzgegenstandes der Baudenkmäler der Epoche der Avantgarde verbunden sind

- 24** **Наталья Голубкова.** Поселения 1920—1930-х годов в Москве: проблемы сохранения и реставрации

Natalja Golubkowa. Die Siedlungen in Moskau in 1920–1930 Jahren: Die Probleme der Erhaltung und der Wiederherstellung

- 30** **Виктор Логвинов.** Наследие XX столетия — охрана и сохранение памятников

Wiktor Logwinow. Das Erbe des XX. Jahrhunderts – der Schutz und die Erhaltung der Denkmäler

- 35** **Елена Соловьева.** Концепция сохранения, реконструкции и развития территорий жилой застройки 1920—1930-х годов

Jelena Solowjew. Die Konzeption der Erhaltung, der Rekonstruktion und der Entwicklung der Territorien des Wohngebietes der 1920–1930er Jahren

- 44** **Лев Траскунов.** Парки культуры и отдыха — новый тип парков, созданный в 1920—1930-х годах

Lew Traskunow. Die Parks der Kultur und der Erholung – der neue Typ der Parks, die in den 1920–1930 Jahren geschaffen sind

- 53** **Татьяна Царева.** Сохранение памятников индустрии и технической инфраструктуры Москвы (на примере московских хлебозаводов 1924—1935-х годов)

Tatjana Tsarewa. Die Erhaltung der Denkmäler der Industrie und der technischen Infrastruktur Moskaus (am Beispiel der Moskauer Brotfabriken der 1924–1935 Jahre)

- 59** **Валерий Шевчук.** Вопросы сохранения, реставрации объектов культурного наследия города Москвы

Walerij Schewtschuk. Die Fragen der Erhaltung, der Wiederherstellung der Objekte des Kulturellen Erbes Moskaus

I. Международный семинар

«Наследие XX столетия — охрана и сохранение памятников».

13—15 сентября 2007 года, Берлин. Выставка «Советский авангард 1920—1930-х годов»

Internationales Seminar

„Das Erbe des 20. Jahrhunderts — Schutz und Erhaltung der Denkmale“.

13.–15. September 2007, Berlin

Ausstellung „Sowjetische Avantgarde der 1920er und 1930er Jahre“

- 64 Матиас Дунгер.** Защита памятников промышленной архитектуры и технической инфраструктуры — баланс интересов

Matthias Dunger. Bewahrung der Denkmale der Industrie und der technischen Infrastruktur – eine Zwischenbilanz

- 72 Ганс Ахим Грубе.** Восстановление промышленных сооружений. Защита памятников поставщиком электроэнергии Vattenfall Europe в Берлине

Hans Achim Grube. Revitalisierung von Industriebauten – Das Denkmal-Management des Energieunternehmens Vattenfall Europe in Berlin

- 78 Йорг Хаспель.** Защита и сохранение памятников в Берлине

Jörg Haspel. Denkmalschutz und Denkmalpflege in Berlin

- 89 Норберт Хойлер.** Новые постройки в ансамбле памятников предместья Шпандау

Norbert Heuler. Neubauten im Denkmalensemble Spandauer Vorstadt

- 96 Клаус Лингенаубер.** Сохранение уникальных садово-парковых ансамблей Берлина в годы между двумя мировыми войнами

Klaus Lingenauber. Siedlungen der Zwischenkriegszeit in Berlin Bedeutendes Gartenerbe als Aufgabe der Gartendenkmalpflege

- 101 Клаудиа Темплин.** Мой дом — памятник архитектуры? Восстановление и сдача в наем жилых домов 1920-х годов

Claudia Templin. Wohnen im Welterbe? Sanierung und Vermietung denkmalgeschützter Siedlungen der 1920er Jahre

- 105 Анке Заливако.** Взаимные влияния в истории архитектуры XX столетия

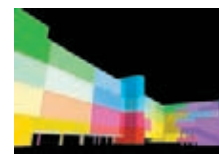
Anke Zalivako. Architekturhistorische Wechselwirkungen im 20. Jahrhundert

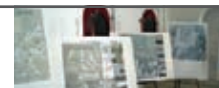
II. Выставка «Жизнь во всемирном наследии? Рабочие поселки 1920-х годов в Берлине». 18—30 июня 2008 года, Москва, Белые палаты, Пречистенка, 1
Круглый стол. 19 июня 2008 года, Москва, Белые палаты, Пречистенка, 1

Ausstellung „Wohnen im Welterbe? Arbeitersiedlungen der 1920er Jahren in Berlin“ 18.–30. Juni 2008, Moskau, Weiße Kammern, Pretschistenka 1.
Rundtischgespräch
19. Juni 2008, Moskau, Weiße Kammern, Pretschistenka 1

- 112 Наталья Душкина.** Сохранение архитектурного наследия XX века. Итоги последних лет
Natalja Duschkina. Die Erhaltung des architektonischen Erbes des XX. Jahrhunderts.
 Die Ergebnisse der letzten Jahre

- 122 Александр Кудрявцев.** Взгляд в недавнюю историю
Alexander Kudrjawtsew. Der Blick in die neuliche Geschichte

- 124 Всеволод Кулиш.** Дом-коммуна архитектора И.С. Николаева. Опыт реставрации
Wsewolod Kulisch. Die Haus-Kommune des Architekten I.S. Nikolaew. Die Erfahrung der Wiederherstellung

- 132 Елена Овсянникова, Николай Васильев.** Проект «Москонструкт»
Jelena Owsjannikowa, Nikolaj Wassiljew. Das Projekt „Moskonstrukt“

- 136 Елена Овсянникова.** Роль общественности Москвы в деле охраны наследия
Jelena Owsjannikowa. Die Rolle der Öffentlichkeit Moskaus im Schutz des Erbes

- 140 Денис Ромодин.** Популяризация советской архитектуры 1920-х годов
Denis Romodin. Die Popularisierung der sowjetischen Architektur der 1920er Jahre

- 144 Йорг Хаспель.** Наследие Третьего Рейха — изменение функции как способ сохранения
Jörg Haspel. Das Erbe des Dritten Reichs – Funktionsveränderung als eine Erhaltungsart

- 152 Анке Заливако.** Дом культуры им. И.В. Русакова. Исследование и предложения по дальнейшему использованию (Отчет о работе совместной группы Берлинского технического университета (TUB) и Московского государственного строительного университета (МГСУ), 2007 год)
Anke Zalivako. Bauforschung und Nachnutzungsvorschläge zum Rusakov-Arbeiterklub
 (Projektbericht aus der Kooperation der Technischen Universität Berlin TUB mit der Staatlichen Moskauer Bauuniversität MGSU 2007)

Архитектурное наследие XX столетия во всем мире рассматривается как феномен развития современной архитектуры с характерным для нее отказом от традиций архитектуры предшествующих эпох и использованием нетрадиционного языка форм.

Архитектура первой трети XX века определяется как «архитектура авангарда». Как архитектурный стиль, авангард явился одним из краеугольных камней в архитектуре XX столетия, получив широкое развитие во многих странах Европы — Германии, Франции, Италии, России.

Москва, в 1918 году ставшая столицей нового социалистического государства, явилась центром нового архитектурного движения, ставившего своей целью поиск нового архитектурного языка и новой типологии сооружений, соответствующих молодому коммунистическому обществу. Именно в Москве были осуществлены наиболее яркие эстетические устремления эпохи, определившие выдающийся статус советского архитектурного авангарда.

В настоящее время архитектура 1920—1930-х годов рассматривается как часть общемирового наследия, подлежащего охране и сохранению. В Германии, в частности в Берлине, на протяжении ряда десятилетий проводятся активные работы по исследованию и реставрации объектов, относящихся к наследию начала XX века. Берлинскими специалистами накоплен большой опыт в методике реставрации таких объектов, особенно в части соблюдения аутентичности строительных материалов, а также приспособления к современному использованию. В 2008 году Берлинские жилые комплексы эпохи авангарда внесены в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Работы по исследованию и популяризации московской архитектуры эпохи авангарда пребывают в начале пути: разворачивается реставрация объектов наследия, появляются статьи и книги, посвященные архитектуре авангарда, ее своеобразию и непреходящей ценности, разрабатываются новые методики реставрации и сохранения.

В связи с этим, Комитетом по культурному наследию города Москвы совместно с берлинскими коллегами организованы семинары в Берлине (сентябрь 2007-го года) и Москве (июнь 2008-го года) по обмену опытом в области выявления, исследования, сохранения, практического использования и популяризации объектов наследия начала XX века. Данное издание представляет собой сборник докладов, изложенных в ходе проведения указанных семинаров. Надеюсь, материалы сборника привлекут внимание к уникальному наследию первых послереволюционных десятилетий Москвы не только специалистов, но и позволят любителям отечественного искусства больше узнать об истории и архитектуре этой эпохи, а также будут способствовать дальнейшей консолидации усилий в сохранении культурного наследия.

Валерий Шевчук,
председатель Комитета по культурному
наследию города Москвы

Das architektonische Erbe des 20. Jahrhunderts wird in der gesamten Welt als ein Phänomen der Entwicklung der modernen Architektur betrachtet, für die ein Verzicht auf Traditionen der Baukunst vorangegangener Epochen und die Verwendung einer nichttraditionellen Sprache der Formen charakteristisch ist.

Die Architektur des ersten Drittels des 20. Jahrhunderts wird als „Architektur der Avantgarde“ definiert. Als Architekturstil bildete die Avantgarde einen der Eckpfeiler in der Architektur des 20. Jahrhunderts und erfuhr eine breite Entwicklung in vielen Ländern Europas – in Deutschland, Frankreich, Italien und in Russland.

Moskau, das im Jahre 1918 zur Hauptstadt eines neuen sozialistischen Staates wurde, entwickelte sich zum Zentrum der neuen architektonischen Bewegung, die sich die Suche nach einer neuen architektonischen Sprache und einer neuen Typologie der Bauten, welche der jungen kommunistischen Gesellschaft angemessen sein sollten, zum Ziel setzte. Es war gerade Moskau, wo die markantesten ästhetischen Intentionen der Epoche verwirklicht wurden, die der sowjetischen architektonischen Avantgarde zum herausragenden Status verholfen haben.

Heute wird die Architektur der 1920er und 1930er Jahre als ein Teil des Welterbes betrachtet, der zu schützen und zu erhalten ist. An der Erforschung und Restaurierung von Objekten, die zum Erbe von Anfang des 20. Jahrhunderts gerechnet werden, wird seit mehreren Jahrzehnten in Deutschland, unter anderem in Berlin, aktiv gearbeitet. Berliner Fachleute konnten große Erfahrungen in der Methodik der Restaurierung solcher Objekte, besonders in Hinblick auf die Authentizität der Baumaterialien sowie die Anpassung auf moderne Nutzung sammeln. Im Jahre 2008 wurden die Berliner Wohnkomplexe der Epoche der Avantgarde in die Welterbeliste der Unesco aufgenommen.

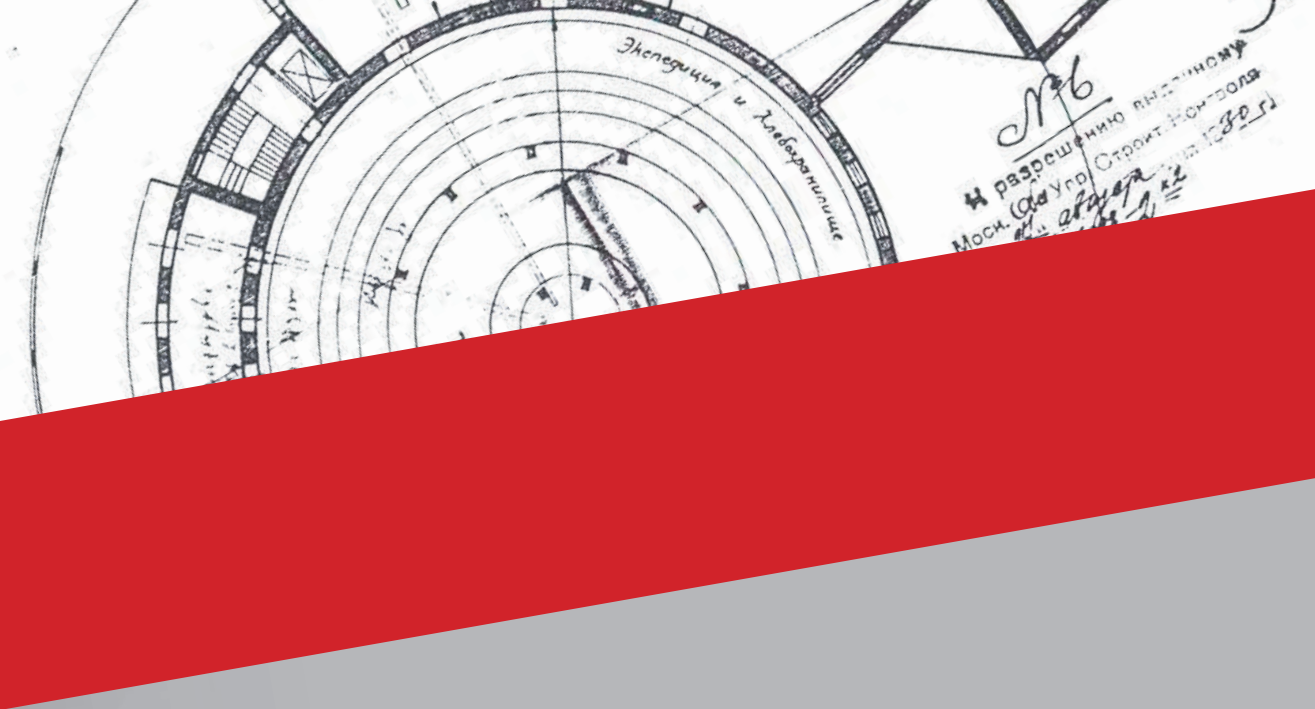
Arbeiten zur Erforschung und Popularisierung der Moskauer Architektur der Epoche der Avantgarde stehen erst am Beginn des Weges: Es wird nach und nach mit der Restaurierung der Objekte des Erbes begonnen, es erscheinen Artikel und Bücher, die der Architektur der Avantgarde, ihrer Originalität und ihrem zeitlosen Wert gelten, es werden neue Methoden der Restaurierung und Pflege entwickelt.

In diesem Zusammenhang wurden vom Komitee für Kulturerbe der Stadt Moskau zusammen mit den Berliner Kollegen Seminare in Berlin (September 2007) und Moskau (Juni 2008) über Erfahrungsaustausch in Bereich der Erschließung, Erforschung, Erhaltung, praktischer Nutzung und Popularisierung der Objekte des Erbes der Periode von Anfang des 20. Jahrhunderts organisiert. Diese Ausgabe ist ein Sammelband der Vorträge, die während der genannten Seminare gehalten wurden. Ich hoffe, dass die Beiträge in diesem Sammelband nicht nur Fachleute auf das einzigartige Erbe Moskaus aus den ersten Jahrzehnten nach der Revolution von 1917 aufmerksam machen, sondern auch den Liebhabern der Kunst der Heimat mehr Wissen über die Geschichte und Architektur jener Epoche vermitteln können sowie dazu beitragen, weitere Bemühungen um die Erhaltung des Kulturerbes zu konsolidieren.

Walerij Schewtschuk,
Vorsitzender des Komitees
für Kulturerbe der Stadt Moskau

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР

**«НАСЛЕДИЕ XX СТОЛЕТИЯ —
ОХРАНА И СОХРАНЕНИЕ
ПАМЯТНИКОВ»**

13—15 СЕНТЯБРЯ 2007 ГОДА, БЕРЛИН

ВЫСТАВКА «СОВЕТСКИЙ АВАНГАРД 1920—1930-Х ГОДОВ»

Internationales Seminar

**„Das Erbe des 20. Jahrhunderts — Schutz
und Erhaltung der Denkmale“**

13.-15. September 2007, Berlin

Ausstellung „Sowjetische Avantgarde der 1920er und 1930er Jahre“

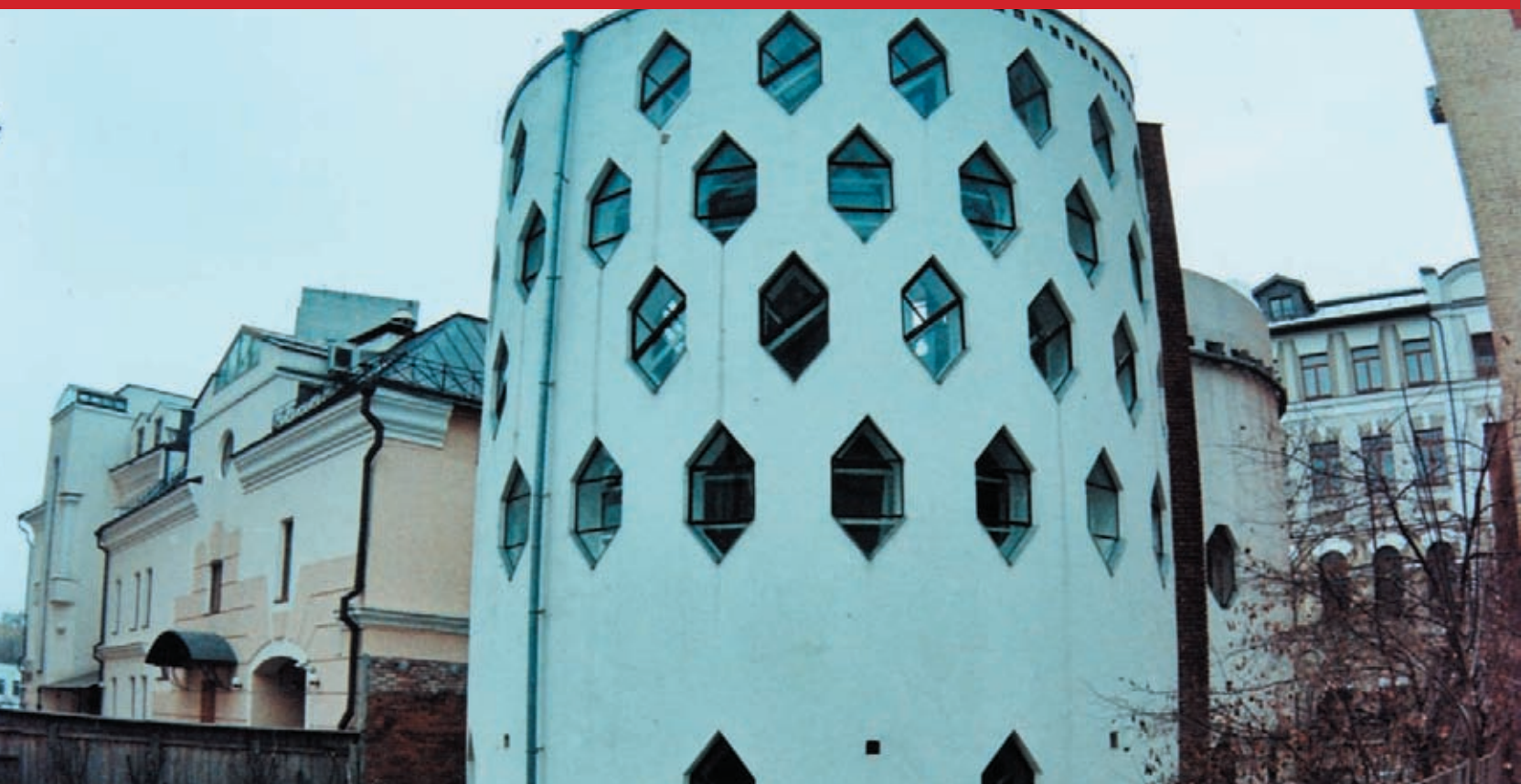
**Юрий Волчок,
член Союза московских
архитекторов,
профессор Московского
архитектурного института**

**Jurij Woltschok,
Mitglied des Bündnisses der
Moskauer Architekten,
Professor des Moskauer architek-
tonischen Institutes**

НАСЛЕДИЕ АРХИТЕКТУРЫ АВАНГАРДА В МОСКВЕ:

ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ВЫЯВЛЕНИЕМ И ОПРЕДЕЛЕНИЕМ ПРЕДМЕТА ОХРАНЫ

**Das Erbe der Architektur der Avantgarde in Moskau:
Probleme, die mit der Aufspürung und Bestimmung des Schutzgegen-
standes der Baudenkmäler der Epoche der Avantgarde verbunden sind**

Наследие архитектуры эпохи авангарда — наследие Новейшего времени

Современная историческая наука пришла к необходимости пересмотреть хронологические границы Новейшего времени. Дискуссии идут только о том, с какого момента начать отсчет: с конца 1930-х годов или со времени окончания Второй мировой войны. Таким образом, интересующий нас исторический период отойдет к Новому времени.

Это существенно отразится на судьбе памятников архитектуры эпохи авангарда. Ценность их как исторического наследия, без сомнения, возрастает. Они больше не будут восприниматься нашими современниками как объекты, в работе с которыми возможны разнообразные вольности. Будет прекращена практика, когда кажется допустимым в нарушение законодательства об охране памятников «улучшать» наследие тех лет, приспособляя его к сиюминутным интересам инвесторов или городской администрации. А в случае, когда ни у тех, ни у других такого интереса нет, памятник может десятилетиями не ремонтироваться, не говоря уже о его научной реставрации. Жилой дом Наркомфина на Новинском бульваре архитектора М.Я. Гинзбурга, пожалуй, самый наглядный тому пример. Лишь недавно наметились положительные тенденции в решении судьбы этого уникального архитектурного сооружения.

Сегодня в Москве сложилась ситуация, когда под тем или иным предлогом можно снести (разобрать) не только памятник архитектуры 1920—1930-х годов, но и более ранние исторические сооружения. Для этого нужно всего лишь предварительно вывести здание из числа объектов, охраняемых государством. Повод всегда можно найти. Например, сослаться на его плохое физическое состояние. А в тех случаях, когда общественность и историки начинают активно возражать и препятствовать этому процессу, на месте сносимого памятника предлагается построить новое здание, внешне весьма похожее на оригинал, но выстроенное из современных материалов с помощью новых технологий. Так, в частности, было решено поступить с гостиницей «Москва».

**Экспериментальный
жилой дом, 1927—
1929 годы, арх. К.С.
Мельников.
Дом архитектора К.С.
Мельникова, в кото-
ром он жил и работал
в 1920—1974 годах.
Кривоарбатский
пер., д. 10**

**Experimentelles
Wohnhaus, 1927—29,
Architekt K.S. Melnikow.
Haus des Architekten
K.S. Melnikow, in dem
er in den Jahren 1920
bis 1974 wohnte und
arbeitete.
Kriwoarbatzkij
pereulok 10**

**Экспериментальный
жилой дом,
1927—1929 годы,
арх. К.С. Мельников.**

**Experimentelles
Wohnhaus, 1927—29,
Architekt K.S. Melnikow.**

Поэтому сегодня основная проблема, связанная с памятниками архитектурного авангарда в Москве — это проблема подлинности исторического наследия.

При этом необходимо понимать, что содержание архитектурно-строительной деятельности в первой половине XX века имеет существенные отличия от аналогичной деятельности в предыдущие эпохи. Именно в это время появились понятия «экспериментальное», «монтаж». Еще в начале 1930-х годов М.Я. Гинзбург призывал заменить атавистическое понятие «стройка» на современное понятие «монтаж». Именно тогда стало понятно, что в силу вступают иные ритмы и сроки фи-

**Экспериментальный
жилой дом,
1927—1929 годы,
арх. К.С. Мельников.**

**Experimentelles
Wohnhaus, 1927—29,
Architekt K.S. Melnikow.**

Das Erbe der Architektur der Epoche der Avantgarde ist das Erbe der Neuesten Zeit

Die moderne historische Wissenschaft ist zur Notwendigkeit gekommen, die chronologischen Grenzen der Neuesten Zeit zu revidieren. Die Diskussionen gehen nur darum, von welchem Moment, das Abzählen zu beginnen: vom Ende 1930 Jahre oder von der Zeit des Abschlusses des Zweiten Weltkrieges. So wird die historische Periode, die uns interessiert, zur Neuen Zeit eintreten.

Es wird auf dem Schicksal der Baudenkmäler der Epoche der Avantgarde wesentlich widerspiegelt werden. Ihr Wert als ein historisches Erb wächst zweifellos. Sie werden von unseren Zeitgenossen nicht mehr wahrgenommen werden, wie die Objekte in der Arbeit mit denen sind die vielfältigen Freiheiten möglich. Die Praxis wird eingestellt sein, wenn es zulässig unter Verletzung der Gesetzgebung des Schutzes der Denkmäler scheint, das Erbe jener Jahre zu "verbessern", es zu den momentanen Interessen der Investoren oder der städtischen Verwaltung verwendend. Und für den Fall, wenn keiner von beiden solches Interesse hat, kann das Denkmal von den Jahrzehnten nicht repariert werden, ganz zu schweigen von seiner wissenschaftlichen Wiederherstellung. Das Wohnhaus von Narkomfin des Architekten M.J. Ginzburgas, das sich auf dem Novinsky Boulevard befindet, ist wohl das anschaulichste Beispiel dafür. Nur haben vor kurzem die positiven Tendenzen in der Lösung des Schicksals dieses einzigartigen architektonischen Baus hervorgetreten.

Heute hat sich in Moskau die Situation gebildet, wenn man unter diesem oder jenem Vorwand nicht nur das Denkmal der Architektur 1920–1930 Jahre, sondern auch die späteren historischen Bauten forttragen (zerlegen) kann. Dazu muss man nur das Gebäude aus der Zahl der Objekte vorläufig herausführen, die vom Staat geschützt werden. Den Anlass kann man immer finden.

зического и морального износа несущих и несомых архитектурно-строительных систем и их составляющих. А.А. Богданову принадлежит честь создания в первые десятилетия XX века новой гуманитарной науки о строительстве — тектологии.

Очень важно понять сегодня, насколько существенную роль в эпоху авангарда играли гуманитарные представления о содержании архитектурно-строительной деятельности: что значили для мастеров того времени понятия «новое», «эксперимент», «монтажная культура», «функция и форма», «время — место — пространство» и т.д. Понимание новых ценностей архитектурного мышления, сформированных в ту эпоху, позволит значительно глубже выявить подлинные ценности архитектурного наследия и передать их обществу.

У нас было много времени полемизировать и дискутировать о том, что важнее для сохранения архитектурного наследия: подлинность фрагментов исторической реальности или ощущение образа эпохи, который, якобы, создает «новое», сооруженный в историческом стиле в наши дни. Однако решения требует совершенно конкретная задача: как в каждом отдельном случае сформулировать предмет охраны, в чем в первую очередь она должна заключаться? И какие критерии — собственно исторические или художественные — должны стать приоритетными?

Поэтому проблема сохранения наследия авангарда — не только узко профессиональная, но и социальная, общественно значимая. Как можно большее число памятников 1920—1930-х годов необхо-

**Экспериментальный
жилой дом,
1927—1929 годы,
арх. К.С. Мельников.**

**Experimentelles
Wohnhaus, 1927—29,
Architekt
K.S. Melnikow.**

димо сохранить в их подлинном состоянии, в надежде на то, что в ближайшем будущем предполагаемый новый исторический статус этих построек создаст более благоприятные условия для их восстановления и реставрации. Изменение временной принадлежности наследия авангарда не просто «состарит» его, но и добавит оснований для выявления и сохранения подлинно исторических ценностей.

Особенности наследия архитектуры московского авангарда

Достаточно широко известны социальные эксперименты московских (российских) архитекторов: дома-коммуны, клубы, крупные общественные комплексы. Параллельно с ними шли поиски «чистой» формы и художественного языка архитектуры. Именно в этой связи принято вспоминать в первую очередь имена К.С. Малевича, Л.М. Лисицкого, братьев Весниных, И.И. Леонидова, К.С. Мельникова, М.Я. Гинзбурга, Н.А. Ладовского и др. Достаточно хорошо известны и градостроительные работы и идеи тех лет: концепция линейного города Н.А. Милютина, парабола Н.А. Ладовского, крупные планировочные работы, связанные с раз-

zum Beispiel, man kann seinem schlechten physischen Zustand beistimmen. Und für jene Fälle, wenn die Öffentlichkeit und die Historiker aktiv zu widersprechen und diesen Prozess zu behindern beginnen, schlägt man vor, auf der Stelle des fortgetragenen Denkmals ein neues Gebäude aufzubauen, das äusserlich dem Original sehr ähnlich ist, aber mit den modernen Materialien und Hilfe der neuen Technologien aufgebaut. So war es insbesondere entschieden, mit Hotel "Moskau" zu handeln.

Deshalb ist heute das Hauptproblem, das mit den Denkmälern die architektonische Avantgarde in Moskau verbunden ist – das ist ein Problem der Authentizität des historischen Erbes.

Dabei muss man verstehen, dass der Inhalt der Architektur- und Bautätigkeit in der ersten Hälfte des XX. Jahrhunderts die wesentlichen Unterschiede von der ähnlichen Tätigkeit in die vorhergehenden Epochen hat. Gerade zu dieser Zeit sind die Begriffe "experimental", "die Montage" erschienen. Noch am Anfang 1930 Jahre rief M.J. Ginzburg, den atavistischen Begriff "der Bau" durch den modernen Begriff "die Montage" zu ersetzen. Es wurde gerade damals klar, dass andere Rhythmen und die Fristen des physischen und moralischen Verschleißes tragender und getragener Architektur- und Bausysteme und ihrer Komponenten rechtskräftig werden. A.A. Bogdanow kommt die Ehre der Bildung in die ersten Jahrzehnte des XX. Jahrhunderts der neuen Geisteswissenschaft über den Bau zu – der Tektologie.

Es ist sehr wichtig, heute zu verstehen, inwiefern wesentliche Rolle die Geistesvorstellungen über den Inhalt der Architektur- und Bautätigkeit zur Zeit der Avantgarde spielten: was die Begriffe "neu", "das Experiment", "die Montagekultur", "die Funktion und die Form", "die Zeit – die Stelle – der Raum" usw. für die Meister jener Zeit bedeuteten. Das Verständnis der neuen Werte des architektonischen Denkens, die in dieser Epoche gebildet wurden, wird wesentlich tiefer ermöglichen, die echten Werte des architektonischen Erbes zu offenbaren und sie dem gesamthistorischen Wissen zu übergeben.

Wir hatten viele Zeit zu diskutieren und zu polemisieren, was für die Erhaltung des architektonischen Erbes wichtiger sind: die Authentizität der Fragmente der historischen Realität oder die Empfindung der Gestalt der Epoche, die „der Neubau“ angeblich schafft, der im historischen Stil heutzutage errichtet ist. Doch fordert die ganz konkrete Aufgabe die Lösung: wie man für jeden abgesonderten Fall den Gegenstand des Schutzes abfasst, worin sie in erster Linie bestehen soll? Und welche Kriterien – eigentlich historisch oder künstlerisch – sollen vorrangig werden?

Deshalb ist das Problem der Erhaltung des Erbes der Avantgarde nicht nur professionell, sondern auch sozial, öffentlich bedeutsam. Möglichst viel Denkmäler der 1920–1930 Jahre muss man in ihrem echten Zustand aufsparen, in der Hoffnung darauf, dass in nächster Zukunft der vermutete

витиём промышленности (Магнитогорск, Днепропетровск и др.).

При этом существует мнение, что архитекторы авангарда не любили историю, отрицали роль наследия и были небрежны с городскими реалиями, многое разрушили, особенно в историческом центре города. Отсюда, как бы «в отместку» им, формируется негативное отношение к их собственным работам в общественном сознании в наши дни. Это — результат трагического для судьбы авангарда в Москве заблуждения. В действительности все было далеко не так однозначно. Лидеры авангарда достаточно умело сочетали поиски художественной формы со стремлением закрепить и в градостроительстве новый статус Москвы, сложившийся к тому времени. Москва в 1918 году после долгого перерыва вновь стала столицей. Мастера-архитекторы 1920-х годов относились к этому весьма ответственно. Для них было очень важно создать на основе сложившейся городской застройки именно Столицу.

Важный пример — конкурс на создание лучшего проекта Дворца Труда, проводившийся в 1921 году. Дворец планировалось возвести на месте будущей гостиницы «Москва». Широко известный проект братьев Весниных на этом конкурсе получил только третью премию, но он определил отношение к участникам архитектурного диалога между прошлым и настоящим как равнозначным представителям своего времени на многие годы вперед. Внимательное отношение к городу, к его градостроительным возможно-

Кинотеатр «Ударник», входящий в комплекс Дома правительства, 1928—1931 годы, арх. Б.М. Иофан. Дом правительства связан с именами выдающихся деятелей коммунистической партии и Советского государства. Серафимовича ул., д.2/20,

Лichtspielhaus „Udar-nik“, das zum Wohngebäudekomplex „Haus der Regierung“ gehört, 1928—31, Architekt B.M. Iofan. Das Haus der Regierung ist mit den Namen herausragender Funktionäre der kommunistischen Partei und des Sowjetstaates verbunden. Serafimowitsch-Straße 2/20, Bau 8

neue historische Status dieser Bauten günstigere Bedingungen für ihre Wiederaufbau und Wiederherstellung schaffen wird. Die Veränderung der vorübergehenden Zugehörigkeit des Erbes der Avantgarde wird nicht es einfach „alt machen“, sondern auch wird die Gründe für Aufspürung und Erhaltung der echten historischen Werte ergänzen.

Die Besonderheiten des Erbes der Architektur der Moskauer Avantgarde

Die sozialen Experimente Moskauer (russischer) Architekten sind ziemlich bekannt: Häuser-Kommunen, Klubs, grosse öffentliche Komplexe. Parallel mit ihnen gingen die Su-

**Дом правительства.
Вид с Пречистенской
набережной**

**Wohngebäudekomplex
„Haus der Regierung“.
Ansicht von der
Uferstraße Pretsch-
stenskaja**

стям ярко иллюстрируют и проекты К.С. Мельникова.

Однако возникали объективные трудности. Население Москвы в те годы бурно растет. Кто они, новые столичные жители? В основном крестьяне, сельские труженики, у которых практически нет навыка и опыта городской жизни. А это значит, что городская культура только нарождается, при этом без опоры на исторические традиции — в связи с радикально изменившимися социальными условиями.

Понятно, что для самоопределения в культуре, это в равной мере трудно и для новых горожан, и для архитекторов. Именно в связи с этим мастера авангарда в первую очередь были требовательны к истории, к историческому наследию города, относились к нему весьма строго и избирательно, не допуская компромиссов. И, при этом они любили свой город, с любовью создавали вновь нарождающуюся столицу. Они не улучшали ее, не украшали, а пытались сделать ее качественно спроектированным городом: здраво урбанизированным, зрелым в культурном отношении и грамотно смоделированным с архитектурной точки зрения. Ярчайший пример — Дом на набережной архитектора Б.М. Иофана, строительство которого было начато в 1927 году.

Архитекторы тех лет активно вступали в диалог с городом, учились у него

che der „reinen“ Form und der künstlerischen Sprache der Architektur. Gerade in diesem Zusammenhang erinnert man sich in erster Linie an die Namen von K.S.Malewitsch, L.M.Lisitskij, Brüder Wesniny, I.I.Leonidow, K.S.Melnikow, M.J.Ginzburg, N.A.Ladovskij u.a. Ziemlich wohlbekannte sind die städtebaulichen Arbeiten und Ideen jener Jahre: die Konzeption der linearen Stadt von N.A.Miljutin, die Parabel von N.A.Ladovskij, die grossen Planierarbeiten, die mit der Entwicklung der Industrie verbunden sind (Magnitogorsk, Dneprostroj u.a.).

Dabei existiert die Meinung, dass die Architekten der Avantgarde die Geschichte nicht mochten, verneinten die Rolle des Erbes und waren mit den städtischen Realien nachlässig, vieles haben zerstört, besonders im historischen Stadtzentrum. Von hier aus, wie sich «in отместку» von ihm, die negative Beziehung zu ihren eigenen Arbeiten im öffentlichen Bewusstsein heutzutage entwickelt. Es ist das Ergebnis tragisch für das Schicksal der Avantgarde in Moskau die Irrtümer. Tatsächlich war aller bei weitem so eindeutig. Die Führer der Avantgarde kombinierten die Suche der künstlerischen Form mit dem Streben, und im Städtebau den neuen Status Moskaus zu festigen, ausgeprägt zu jener Zeit genügend geschickt. Moskau in 1918 nach der langen Pause wurde Hauptstadt wieder. Die Meister-Architekten 1920 Jahre verhielten sich zu diesem Problem sehr verantwortlich. Für sie war es sehr wichtig, aufgrund der ausgeprägten städtischen Bebauung gerade die Hauptstadt zu schaffen.

Das wichtige Beispiel ist der Wettbewerb um die Bildung des besten Projektes des Palastes des Werkes, der in 1921 durchge-

führt wurde. Man plante, den Palast auf der Stelle des zukünftigen Hotels „Moskau“ zu errichten. Das bekannte Projekt der Brüder Wesniny hat auf diesem Wettbewerb nur den dritten Preis bekommen, aber das hat die Beziehung zu den Teilnehmern des architektonischen Dialoges zwischen der Vergangenheit und Gegenwart wie den gleichwertigen Vertretern ihrer Zeit auf viele Jahre vorwärts bestimmt. Die aufmerksame Beziehung zur Stadt, zu ihren städtebaulichen Möglichkeiten illustrieren die Projekte von K.S.Melnikow auch.

Doch entstanden die objektiven Schwierigkeiten. Die Bevölkerung Moskaus wachste in jene Jahre stürmisch. Wer waren sie, die neuen hauptstädtischen Bewohner? Hauptsächlich waren sie Bauer, ländliche Werktätigen, die keine Fertigkeit und Erfahrung des städtischen Lebens tatsächlich hatten. Und das bedeutete, dass die städtische Kultur nur erschien, dabei hatte sie keine Stütze auf die historischen Traditionen — in Zusammenhang mit den sich radikal ändernden sozialen Bedingungen.

Es ist klar, dass es für die Selbstbestimmung in der Kultur im gleichen Maß für die neuen Städter und für die Architekten schwierig ist. Die Meister der Avantgarde waren gerade in diesem Zusammenhang zur Geschichte, zum historischen Erbe der Stadt in erster Linie anspruchsvoll, sie verhielten sich zu ihm sehr streng und trennscharf, die Kompromisse nicht zulassend. Und, dabei mochten sie die Stadt, schufen sie mit der Liebe die wieder erscheinende Hauptstadt. Sie verbesserten sie nicht, schmückten nicht, doch versuchten sie sie qualitativ entworfene Stadt zu machen: vernünftig urbanisiert, reif in der kulturellen Beziehung und sachkundig modellierten vom architektonischen Standpunkt. Das prägnante Beispiel ist das Haus auf der Uferstraße des Architekten B.M.Iofan, dessen Bau in 1927 begonnen war.

Die Architekten jener Jahre betraten den Dialog mit der Stadt aktiv, lernten bei ihr die Gesetzmäßigkeiten des Planens und des kreativen Gestaltens.

Warum ist es so wichtig, diese These festzulegen? Deshalb lässt sie das Verständnis von den Meister der Architektur der Avantgarde der professionellen Aufgabe der Lebensgestaltung und der Städtebau der Hauptstädte (die Terminologie jener Jahre) vollkommen vorzustellen, die vor ihnen standen. Das eigene Wohnhaus des Architekten K.S.Melnikow ist, vielleicht, das eklatante Beispiel.

Die objektive Realität unserer Tage demonstriert: die Periode des romantisch gefärbten Wissens über die Avantgarde geht zu Ende. Heute beginnt es in die praktische Ebene überzugehen, die in erster Linie mit der Notwendigkeit der wissenschaftlichen Begründung der Wiederherstellung, Rekonstruktion und Bestimmung der Möglichkeiten für die moderne Nutzung des Erbes der Avantgarde verbunden ist. Die Erwerbung des neuen Wissens über die architek-

планировочным и формотворческим закономерностям.

Почему так важно зафиксировать этот тезис? Потому что он позволяет в полной мере представить понимание мастерами архитектуры авангарда стоявшей перед ними профессиональной задачи жизнестроительства и градостроительства столицы (терминология тех лет). Собственный жилой дом архитектора К.С. Мельникова, возможно, самый яркий тому пример.

Объективная реальность наших дней демонстрирует: заканчивается период романтически окрашенного знания об авангарде. Сегодня оно начинает переходить в практическую плоскость, в первую очередь, связанную с необходимостью научного обоснования реставрации, реконструкции и определения возможностей для современного использования наследия авангарда. Обретение нового знания об архитектурно-градостроительном, архитектурно-ландшафтном, архитектурно-ландшафтном связано с историко-культурными исследованиями городских территорий. Знания в этой области важно систематизировать и собрать в единое целое. Результаты такого подхода могут быть полезны не только в границах архитектуроведения, но и шире — для культурологии и исторической науки.

Обращение к знанию о городе, его архитектурно-ландшафтному может спровоцировать ускорение процесса установления подлинных ценностей наследия первой половины XX века как наследия не Новейшей, а Новой истории. Архитектуроведение, таким образом, может внести свою закономерную методологическую лепту в развитие истории как науки. Это можно рассматривать в качестве важного этапа развития как для градостроительства и архитектурного знания, так и культурологии.

Подлинное историко-культурное знание о городе XX века позволяет вернуть в научный обиход понятие «градостроительное искусство», по общему мнению современных исследователей города, утраченное и по существу не востребованное актуальной урбанокультурной. Оно необходимо для обеспечения полноценной преемственности в современном градостроительстве. В связи с этим сегодня совершенно по-новому можно говорить о выявлении предмета охраны историко-культурного наследия архитектуры.

«От существующего к возникающему»: автобиография места и историко-культурные исследования

Основные проблемы сохранения архитектурного наследия в Москве, особенно наследия XX века predeterminedены тем, что архитектуру привычно принято

Здание бывш. Центросоюза, ныне ЦСУ РФ, 1928—1936 годы, арх. Ле Корбюзье при участии Н.Я. Колли. Мясницкая ул., д. 39

Гebäude der ehem. Zentrosojus, heute Zentralamt für Statistik der RF, 1928—36, Architekt Le Corbusier unter Beteiligung von N.Ja. Kolli. Mjasnizkaja-Straße 39

определять как искусство пространственное. Но живет она не в безвоздушном пространстве, а в городе и во времени, поэтому архитектура в равной мере искусство и временное. И все качественно новое, в городе возникающее, — результат поисков пространственно-временных образов наиболее уместных для конкретного места строительства.

Приведу пример. Мы реконструировали работы участников конкурсов, проводившихся во второй половине 1920-х годов на лучший проект здания Центросоюза в Москве. По результатам этих конкурсов было построено знаменитое здание Ле Корбюзье (в соавторстве с московским архитектором Н.Д. Колли). На градостроительной подоснове рубежа 1920—1930-х годов показаны во-

тоническую и стadttebauliche Landschaft ist mit den historischen und kulturellen Forschungen der städtischen Territorien direkt verbunden. Man muss das Wissen dieses Gebiets systematisieren und zum Ganzen sammeln. Die Ergebnisse solches Heran-gehens können nicht nur in den Grenzen des Architekturwesens nützlich sein, sondern auch breiter — für die Kulturforschung und die historische Wissenschaft.

Der Aufruf an Wissen über die Stadt, ihre architektonische Landschaft kann die Beschleunigung des Prozesses der Errich-

tung der echten Werte des Erbes der ersten Hälfte des XX. Jahrhunderts wie das Erbe nicht Neuest, sondern der Neuen Geschichte provozieren. So kann das Architekturwesen ein gesetzmäßiges methodologisches Scherflein zur Entwicklung der Geschichte wie die Wissenschaften beitragen. Das kann man als die wichtige Etappe der Entwicklung für den Städtebau, architektonisches Wissen und Kulturforschung betrachten.

Das echte historische und kulturelle Wissen über die Stadt des XX. Jahrhunderts lässt zu, den Begriff „die stadttebauliche Kunst“ in den wissenschaftlichen Gebrauch zurückzugeben, die nach der allgemeinen Meinung der modernen Forscher der Stadt zum Anfang des vorigen Jahrhunderts verloren wurde und im Wesentlichen von der aktuellen Urbanologie nicht gefordert wurde. Es ist für die Versorgung der vollwertigen Nachfolge im modernen Städtebau notwendig. In diesem Zusammenhang kann man heute ganz auf neue Weise über die Aufspürung des Gegenstandes des Schutzes des historischen und kulturellen Erbes der Architektur sagen.

Жилой экспериментальный комплекс Наркомфина, 1928—1930 годы, арх. М.Я. Гинзбург, И.Ф. Милинис. Новинский бульв., д. 25, стр. 13

Experimenteller Wohngebäudekomplex „Narkomfin-Haus“, 1928—30, Architekten M.Ja. Gisburg, I.F. Milinis. Nowinskij Boulevard 25, Bau 13

семь вариантов различных подходов к объемно-пространственной реализации конкурсной задачи. Очень важно, определяя предмет охраны этого памятника, понимать все аспекты мотивации выбора именно проекта Ле Корбюзье для реализации конкурсной программы.

На сегодняшний день в Москве сложилось нигде не зафиксированное, но всеми признаваемое или, точнее, подразумеваемое «общее правило»: реконструктивное мышление применительно к историческому центру города «по определению» ретроспективно. Ретроспек-

тивное сознание приравнено к историческому. Этому есть достаточно много и вполне веских оснований, вытекающих из реалий истории нашей страны последнего столетия. В первую очередь, как психологическая реакция на них. Но в то же время, историческое миропонимание (пространствопонимание, по П.А. Флоренскому), особенно в контексте Новейшей истории, которому и принадлежит сегодняшний опыт градорегулирования и сохранения памятников архитектуры авангарда, проявляется в полной мере через выявление подлинной взаимосвязи

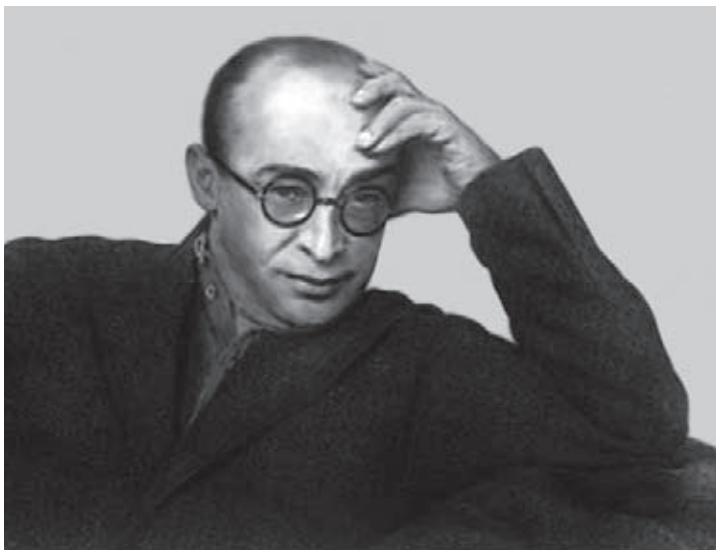
Жилой экспериментальный комплекс Наркомфина.

Experimenteller Wohngebäudekomplex „Narkomfin-Haus“

Ich werde ein Beispiel anführen. Wir rekonstruierten die Arbeiten der Teilnehmer der Wettbewerbe, die in der zweiten Hälfte der 1920 Jahre um das beste Projekt des Gebäudes für „Tsentrosojus“ in Moskau durchgeführt waren. Als Ergebnis dieser Wettbewerbe war das berühmte Gebäude von Le Corbusier (in der Mitautorenschaft mit dem Moskauer Architekten N.D.Kolli) aufgebaut. Auf der städtebaulichen Unterbasis der Grenze der 1920–1930 Jahre sind acht Varianten verschiedener Herangehens zur Raumrealisierung der Wettbewerbsaufgabe gezeigt. Es ist sehr wichtig, den Gegenstand des Schutzes dieses Denkmals bestimmend, alle Aspekte der Motivation der Auswahl gerade des Projektes von Le Corbusiers für die Realisierung des Wettbewerbsprogramms zu verstehen.

Für heute hat sich in Moskau „eine allgemeine Regel“ gebildet, die nirgends fest-

М.Я. Гинзбург

**Процесс стройки
Начало 1930-х гг**

ключевых для профессионального архитектурного творчества понятий «время — место — пространство».

В преодолении заложенной в этой триаде конфликтности взаимоотношений заключена закономерная проблема творчества и сопутствующего ему осмысления устройства застройки на конкретных территориях в городе. Но закономерность в данном случае предполагает естественность в логике как развития содержания и употребления самих понятий, так и бытования городской жизни и культуры.

Опыт внимательного диалога с историей здесь, без сомнения, весьма полезен. Впрочем, как и внимательный интерес к современному мировому развитию архитектурного процесса, в том числе и к наследию функционализма. Подчеркну, что этот процесс интересен нам именно в своем развитии, в динамике. И в этом одно из основных обретений в профессиональном сознании московских архитекторов за последние десять — пятнадцать лет — умение мыслить не сменой статических картин наложения, напластования временных слоев, а в динамике, в слитном движении времени, т.е. навык осмысления архитектуры во времени. Однако дается этот навык с большим трудом.

Добавляет проблем и устоявшееся представление об архитектурном ансамбле как о единовременном понятии. Отсюда мнение, что при реконструкции новое и старое должны составить «ансамбль», по облику как бы одному времени принадлежащий. При этом желательно, чтобы возникло ощущение если и не исторической подлинности, то исторической целостности вновь создаваемого объекта

«Vom Existierenden zum Entstehenden»: die Autobiografie der Stelle und der historischen und kulturellen Forschung

Die Hauptprobleme der Erhaltung des architektonischen Erbes in Moskau, besonders des Erbes des XX. Jahrhunderts sind davon vorherbestimmt, dass man die Architektur gewohnheitsmäßig wie die räumliche Kunst bestimmen. Aber sie lebt nicht im luftleeren Raum, sondern in der Stadt und in der Zeit, deshalb ist die Architektur im gleichen Maß die zeitweilige Kunst. Und alles, das ganz qualitativ neu ist und in der Stadt entsteht, — ist das Ergebnis der Suche der räumlichen und zeitweiligen Gestalten, die für den konkreten Bauplatz passendst sind.

gelegt, aber allen anerkannt, oder genauer, gemeint ist: das rekonstruktive Denken ist in Bezug auf das historische Stadtzentrum „nach der Bestimmung“ retrospektiv. Das retrospektive Bewusstsein ist zum historischen gleichgemacht. Dazu gibt es viele und gewichtige Gründe, die aus den Realien der Geschichte unseres Landes des letzten Jahrhunderts folgen. In erster Linie ist es die psychologische Reaktion auf sie. Aber gleichzeitig wird die historische Weltanschauung (Raumauffassung, P.A.Florenskij), besonders im Kontext der Neuesten Geschichte, dem die heutige Erfahrung der Städteregulierung und der Erhaltung der Denkmäler der Architektur der Avantgarde gehört, vollkommen durch die Aufspürung der echten Wechselbeziehung der Begriffe «die Zeit — die Stelle — der Raum» gezeigt,

**Жилой экспериментальный комплекс
Наркомфина**

**Experimenteller
Wohngebäudekomplex
„Narkomfin-Haus“**

в пространстве данного конкретного места. Эффект при этом может быть только обратным, т.к. под сомнение ставится историческая подлинность и девальвируется ценность достоверно исторических фрагментов памятника, на данном месте существующих. Понятие «ансамбль» обретает полноценную действенность, когда из пространственного, формирующего содержание и культурологический смысл перерастает в понятие «ансамбль во времени». Т.е. превращается в явление, способное собирать и накапливать на низываемый с течением времени в пространстве данного места разнообразный опыт, воссоздавать реально существующий архитектурно-ландшафтный ландшафт.

Истинное изменение отношения к архитектурно-строительному творчеству, реконструкции застройки, градоосмыслению и сохранению памятников может произойти только тогда, когда в профессиональном и общественном сознании выкристаллизуется новая конструкция взаимоотношений «время — место — пространство».

Возможно, ключевая проблема, связанная с этим, — именно та, с которой мы начали: разное понимание целостностно-ценностных закономерностей применительно к историческому наследию и наследию Новейшего времени. Но подвижность Новейшей истории и всегда непростые взаимоотношения ее с исторической культурой — действительно общее правило не только для нашего века и нашего города. Всегда существовало свое «новейшее время» и современникам при-

Жилой экспериментальный комплекс Наркомфина

Experimenteller Wohngebäudekomplex „Narkomfin-Haus“

ходилось решать все ту же задачу: искать основания для диалога между прошлым и настоящим, конструировать «картину миропонимания», способную соотнести Новейшее время с историческим опытом. Но представления о пространстве, времени и закономерностях их совместного бытования в XX веке разительно отличаются от предшествующих времен. Более того, в течение XX столетия и в начале нового XXI века они значительно менялись и продолжают меняться. Формула-метафора «здесь и теперь», ставшая общим местом для культуры последней четверти XX века, строго говоря, вобрала в себя исто-

Жилой экспериментальный комплекс Наркомфина. Интерьер квартиры

die für das professionelle architektonische Schaffen führend sind.

In der Überwindung der Konfliktfähigkeit der Wechselbeziehungen, die in dieser Triade gelegt ist, ist das gesetzmäßige Problem des Schaffens und Verständnisses der Einrichtung der Bebauung auf den konkreten Territorien in der Stadt, das von diesem Schaffen begleitet ist, geschlossen. Aber in diesem Fall vermutet die Gesetzmäßigkeit die Natürlichkeit der Logik der Entwicklung des Inhalts und des Gebrauchs der Begriffe und auch der Existenz des städtischen Lebens und der Kultur.

Die Erfahrung des aufmerksamen Dialoges mit der Geschichte ist hier zweifellos sehr nützlich. Im übrigen, wie auch das aufmerksame Interesse für die moderne weltweite Entwicklung des architektonischen Prozesses, einschließlich zum Erbe des Funktionalismus. Ich werde betonen, dass dieser Prozess uns gerade in der Entwicklung, in der Dynamik interessiert. Und darin gibt es eine der Hauptwerbungen im professionellen Bewusstsein der Moskauer Architekten für die Letzten zehn-fünfzehn Jahre – die Fähigkeit, nicht vom Wechsel der statischen Bilder des Auferlegens, der Ablagerung der vorübergehenden Schichten zu denken, sondern in der Dynamik, in der verbundenen Bewegung der Zeit, d.h. die Fertigkeit des Verständnisses der Architektur in der Zeit. Doch bekommt man diese Fertigkeit mit dem großen Werk.

Die Probleme ergänzt die widerstandene Vorstellung über das architektonische Ensemble wie über einen einmaligen Begriff. Von hier aus gibt es die Meinung, dass das Neue und das Alte bei der Rekonstruktion ein „Ensemble“ bilden müssen, das nach der Gestalt als ab einer Zeit gehören soll. Es wäre dabei wünschenswert, dass die Empfindung wenn nicht der historischen Authentizität, so der historischen Ganzheit des wieder geschaffenen Objektes im Raum der konkreten Stelle entstanden ist. Der Effekt kann nur rückgängig, da unter den Zweifel die historische Authentizität gestellt wird und der Wert der glaubwürdigen historischen Fragmente des Denkmals abwertet wird, die auf der gegebenen Stelle existieren. Der Begriff „die Ensemble“ gewinnt die vollwertige Wirksamkeit, wenn aus

Павильон «Москва»

рический опыт конца XIX и первой трети ушедшего века. Именно с этих же позиций мы анализируем ценности архитектурного наследия 1960-х годов, которое уже сегодня имеет все основания быть поставленным под государственную охрану. Вполне уместный и наглядный предмет для подобного рода исследований — павильон «Москва», представлявший нашу страну на ЭКСПО 1967 года в Монреале, ныне размещенный в районе Всероссийского Выставочного Центра (бывшей ВДНХ).

Сегодня мы можем интерпретировать бахтинскую формулу «здесь и теперь» несколько иначе: «Здесь и везде. Теперь и всегда». В таком виде она в большой мере отвечает и реалиям культуры наших дней, и задачам реконструкции исторического города, и в полной мере — сохранению ценностей архитектурного наследия XX века.

Как же искать наиболее естественно воспринимаемую взаимосвязь пространства, места и времени? На мой взгляд, наиболее перспективно попытаться сделать это через понятие «автобиография места», поскольку оно обеспечивает главное — непрерывность во времени, что позволяет восстановить подлинное содержание ключевых понятий.

В этом контексте более глубоким становится обсуждение проблем сохранения и жизнеобеспечения ценностей архитектурного наследия и тем более объектов, поставленных под государственную охрану в качестве памятников архитектуры. Это дает нам более весомые критерии для определения подлинной исторической ценности и формирования предмета охраны исторического наследия. Таким образом, мы имеем возможность в полном объеме применять требования Закона об охране памятников к историко-культурному наследию архитектуры Новейшего времени.

Итогом этих наблюдений может быть постановка задачи специализированной подготовки кадров не столько для историко-культурных исследований территорий, содержащих наследие XX века (с этим дела обстоят в Москве достаточно хорошо), а, что много важнее, — подготовки специалистов, владеющих мето-

диками и технологиями обследования новых для научной реставрации материалов и технологий, а также подготовки реставраторов, работающих с памятниками архитектуры XX века.

**И. Николаев.
Общежитие студентов
Текстильного института**

ден рäumlichen, den Inhalt und kulturologischen Sinn bildenden in den Begriff „ein Ensemble in der Zeit“. D.h. verwandelt sich in die Erscheinung, die fähig ist, die vielfältige Erfahrung anzusammeln, die mit der Strömung der Zeit im Raum der gegebenen Stelle aufgerieben ist, die tatsächlich existierende architektonische Landschaft zu reproduzieren.

Die wahrhafte Veränderung der Beziehung zum Architektur- und Bauschaffen, zur Rekonstruktion der Bebauung, städtebaulicher Verständnis und der Erhaltung der Denkmäler kann nur dann geschehen, wenn die Neukonstruktion der Wechselbeziehungen „die Zeit – die Stelle – der Raum“ im professionellen und öffentlichen Bewusstsein ankristallisieren wird.

Vielleicht, das Schlüsselproblem, das damit verbunden ist, – ist gerade die, mit der wir begonnen haben: verschiedenes Verständnis der ganzheitlichen-wertmäßigen Gesetzmäßigkeiten in Bezug auf das historische Erbe und das Erbe der Neuesten Zeit. Aber die Beweglichkeit der Neuesten Geschichte und immer ihre komplizierten Wechselbeziehungen mit der historischen Kultur ist wirklich die allgemeine Regel nicht nur für unser Jahrhundert und unsere Stadt. Die eigene „neueste Zeit“ existierte immer und die Zeitgenossen mussten die selbe Aufgabe lösen: die Gründe für den Dialog zwischen der Vergangenheit und der Gegenwart suchen, „das Bild der Weltanschauung“ konstruieren, das fähig ist, die Neueste Zeit mit der historischen Erfahrung zu entsprechen. Aber die Vorstellungen über den Raum, die Zeit und die Gesetzmäßigkeiten ihrer gemeinsamen Existenz im XX Jahrhundert unterscheiden sich von den vorangehenden Zeiten auffallend. Au-

ßerdem, im Laufe des XX. Jahrhunderts und am Anfang des neuen XXI. Jahrhunderts änderten sie sich wesentlich, und sie setzen fort, sich zu ändern. Die Formel-Metapher «Hier und jetzt», die einen Gemeinplatz für die Kultur des letzten Viertels des XX. Jahrhunderts wurde, genaugenommen, hat die historische Erfahrung des Endes XIX. Jahrhunderts und des ersten Drittels des weggehenden Jahrhunderts resorbiert. Gerade von diesen Positionen analysieren wir die Werte des architektonischen Erbes 1960 Jahre, das schon heute alle Gründe hat, gestellt unter den staatlichen Schutz zu sein. Pavillon „Moskau“ ist ein passender und anschaulicher Gegenstand für die solchen Forschungen; der vorstellte unser Land auf EKSP0 im 1967 in Montreal, heutzutage ist er im Raum des Allrussischen Ausstellungszentrums aufgestellt (der ehemaligen Ausstellung der Errungenschaften der Volkswirtschaft).

Heute können wir die Formel «Hier und jetzt» von Bahtin etwas anders interpretieren: «Hier und überall. Jetzt und immer». So entspricht sie mehr den Realien der Kultur unserer Tage und den Aufgaben der Rekonstruktion der historischen Stadt, und vollkommen der Erhaltung der Werte des architektonischen Erbes des XX. Jahrhunderts.

Wie kann man die am natürlichsten wahrgenommene Wechselbeziehung des Raumes, der Stelle und der Zeit suchen? Meiner Meinung nach, ist am meisten perspektivisch, zu versuchen, es durch den Begriff „die Autobiografie der Stelle“ zu machen, da er die Hauptsache – die Kontinuität in der Zeit gewährleistet, die zulässt, den echten Inhalt der Schlüsselbegriffe wieder herzustellen.

In diesem Kontext wird die Erörterung der Probleme der Erhaltung und der Lebenserhaltung der Werte des architektonischen Erbes tiefer, und um so mehr der Objekte, die unter den staatlichen Schutz als die Denkmäler die Architektur gestellt sind. Es gibt uns die wichtigeren Kriterien für die Bestimmung des echten historischen Wertes und der Bildung des Gegenstandes des Schutzes des historischen Erbes. So haben wir die Möglichkeit im vollen Umfang, die Forderungen des Gesetzes über den Schutz der Denkmäler zum historischen und kulturellen Erbe der Architektur der Neuesten Zeit zu verwenden.

Ein Ergebnis dieser Beobachtungen kann die Aufgabenstellung der spezialisierten Kaderausbildung nicht so für die historischen und kulturellen Forschungen der Territorien sein, die das Erbe des XX. Jahrhunderts enthalten (es ist gut in Moskau bestellt), sondern, was viel wichtiger ist, – die Vorbereitung der Fachkräfte, die die Methodiken und die Technologien der Überprüfung der neuen Materialien und die Technologien für die wissenschaftlichen Wiederherstellung besitzen, sowie die Vorbereitung der Restauratoren, die mit den Denkmälern die Architektur des XX. Jahrhunderts arbeiten.

**Наталья Голубкова,
заведующая сектором
советской архитектуры
Комитета по культурному
наследию города Москвы**

**Natalja Golubkova,
Leiterin des Sektors der
sowjetischen Architektur des
Komitees für das kulturelle Erbe
Moskaus**

ПОСЕЛЕНИЯ 1920—1930-Х ГОДОВ В МОСКВЕ: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ

**Die Siedlungen in Moskau in 1920–1930 Jahren:
Die Probleme der Erhaltung und der Wiederherstellung**

**Жилой дом.
Гаврикова ул., д. 3**

**Wohnhaus
in Gawrikow-Straße 3**

Архитектурное наследие в области жилищного строительства 1920—1930-х годов — едва ли не самое обширное среди архитектурного наследия того времени. Типология этих объектов весьма разнообразна: это малоэтажное строительство первых послереволюционных лет, дома-коммуны, комплексы жилой застройки секционными домами и комплексы студенческих общежитий.

Первыми мероприятиями советской власти в области архитектуры были декреты и законы, послужившие развитию жилищного строительства: о переселении рабочих из бараков, казарм и подвалов в жилые дома буржуазии, об отмене частной собственности на жилье. Архитекторы, вдохновленные идеями нового социалистического расселения и создания нового социального быта, активно включились в работу по разработке, проектированию и строительству новых районов жилой застройки Москвы. Проектирование районов нового строительства осуществлялось прежде всего в местах бывших городских рабочих окраин, в зонах уже сложившихся до революции промышленных производств, таких как Дангауровка, Ленинская слобода, Сокольники, Русаковская улица и проч. Здесь не существовало больших градостроительных комплексов, основу застройки составляло дешевое малоэтажное доходное и частное жилье, как правило, деревянное и без коммунальных удобств (канализация, водопровод, освещение).

Учитывая условия крайней нужды и острой нехватки строительного материала — кирпича, цемента, металла, что было характерно для 1920—1930-х годов, большинство жилых объектов возводилось с использованием дерева, мелких шлакоблоков, бетонированных камней и других дешевых технологий. В сущности, каждая строительная площадка превращалась в экспериментальную: здесь отрабатывались новые экономичные технологии, апробировались новые строительные материалы, конструкции и планировочные решения.

Своеобразие настоящего момента состоит в том, что в области охраны культурного наследия в Москве происходит коренной перелом в отношении к наследию 1920—1930-х годов. Исполнительная власть, увлекаемая архитектурной и творческой общественностью, впервые обратилась к архитектурному наследию первых послереволюционных лет в целом, начиная работу по его комплексному выявлению, изучению и сохранению. В связи с этим особенно интересна работа исследователей института Генплана г. Москвы, которые по поручению Комитета по строительству и архитектуре г. Москвы совместно с Комитетом по культурному наследию г. Москвы разрабатывают Концепцию по сохранению в столице жилой застройки 1920—1930-х годов. Уже сейчас становится ясно, что эта, казалось бы, узкоспециальная тема в рамках деятельности по учету и сохранению насле-

**Хавско-Шабловский
жилой комплекс**

**Wohngebäudekomplex
Chawsko-Schabolowskij**

дия определенного периода оборачивается долгосрочной программой, которая позволит включить в процесс современной жизни города обширный пласт уникальной исторической застройки.

Жилая застройка Москвы первых послереволюционных десятилетий в плане теоретического (научного) осмысления изучена довольно хорошо в трудах таких

**Комплекс жилых
домов «Палиха».
Жилой дом в
Тихвинском переулке**

**Комплекс der Wohnhäuser
„Palicha“. Wohnhaus
in Tichwinskij pereulok**

Дас architektonische Erbe auf dem Gebiet des Wohnungsbaues in 1920—1930 Jahren ist wohl am meisten umfangreich unter dem architektonischen Erbe jener Zeit. Die Typologie dieser Objekte ist sehr vielfältig: der Flachbau der ersten nachrevolutionären Jahre, die Häuser-Kommunen, die Komplexe des Wohngebietes von den Sektionshäusern und die Komplexe der studentischen Wohnheime.

Die ersten Veranstaltungen der sowjetischen Macht auf dem Gebiet der Architektur waren die Dekrete und Gesetze, die der Entwicklung des Wohnungsbaues dienten: über die Übersiedlung der Arbeiter aus den Baracken, Kasernen und Kellern in die Wohnhäuser der Bourgeoisie, über die Aufhebung des Privateigentums an Wohnungen. Die Architekten, die von den Ideen des neuen sozialistischen Ansiedelns und die Bildungen des neuen sozialen Alltagslebens begeistert waren, haben sich in die Arbeit nach der Entwicklung, der Projektierung und dem Bau der neuen Bezirke des Wohngebietes Moskaus aktiv eingereicht. Die Projektierung der Bezirke des neuen Baues verwirklichte sich vor allem an den Stellen der ehemaligen städtischen Arbeitsränder, in den Zonen der industriellen Produktionen, die schon bis zur Revolution ausgeprägt waren, in solchen wie Dangaurowka, der Leninskaja Flecken, Sokolniki, die Rusakowskaja Straße u.a.m. Hier gab es keine großen städtebaulichen Komplexe, die Grundlage der Bebauung bildete billige einträgliche Flachbauten und private Wohnungen, die in der Regel hölzernen waren und keine kommunalen Bequemlichkeiten hatten (die Kanalisation, die Wasserleitung, die Beleuchtung).

In Anbetracht der Bedingungen des äussersten Bedürfnisses und des scharfen Mangels des Baustoffs — des Ziegels, des Zements, des Metalls, was in 1920—1930 Jahren charakteristisch war, die Mehrheit der Wohnobjekte wurden mit der Nutzung des Baumes, der kleinen Schlackenbetonblöcke, der betonierte Steine und anderer billiger Technologien errichtet. Eigentlich, jeder Bauplatz verwandelte sich in die Experimentale: hier wurden die neuen rentablen Technologien durchgearbeitet, die neuen Baustoffe, Konstruktionen und planerischen Lösungen wurden approbiert.

Die Originalität des gegenwärtigen Momentes besteht darin, dass der gründliche Bruch in der Beziehung zum Erbe der 1920—1930 Jahre auf dem Gebiet des Schutzes des kulturellen Erbes in Moskau geschieht. Die vollziehende Macht, die von der architektonischen und schöpferischen Öffentlichkeit hingerissen wird, hat sich an das architektonische Erbe der ersten nachrevolutionären Jahre insgesamt zum ersten Mal gewendet, die Arbeit an seiner komplexen Aufspürung, der Untersuchung und der Erhaltung beginnend. Die Arbeit der Forscher des Institutes des Generalplanes Moskaus ist in diesem Zusammenhang besonders interessant, die im Auftrag des Komitees für den Bau und die Architektur Moskaus zusammen mit dem Komitee für das kulturelle

Жилой дом на 1-й
Боевской улице

Wohnhaus in der
1. Bojewskaja-Straße

исследователей как С.О. Хан-Магомедов, В.Э. Хазанова и др. Гораздо хуже исследованы эти объекты на практике в структуре города: нет четкого адресного списка этих объектов, не определен их статус в структуре архитектурного наследия города, не говоря уж об их полном учете, описании и историко-архитектурной оценке.

На фоне научной разработки Концепции возникает и требует решения целый ряд специфических вопросов охраны культурного наследия, которые призваны решить специалисты Москомнаследия.

Самое сложное состоит в том, что в рамках подготовки Концепции сохранения жилой застройки 1920—1930-х годов участникам этой работы — исследователям, архитекторам и специалистам Москомнаследия — предстоит впервые разработать методику оценки историко-архитектурной ценности выявленных градостроительных комплексов для определения их статуса, сформулировать критерии оценки градостроительных объектов, методику режимов содержания и реабилитации таких комплексов, предложить комплексную программу их сохранения в структуре современного города с учетом современных социальных аспектов организации жизни: повысить привлекательность такого жилья для современных жителей города, решить проблемы модернизации инженерного и технического оборудования, вопросы социальной ориентированности обновленного жилищного фонда и т.д.

Для проведения этой работы наиболее целесообразно сформировать рабочую группу, куда бы вошли представители и от группы исследователей, и от Москомархитектуры, и от Москомнаследия, а также действующие архитекторы. Предполагается, что основная дискуссионная работа по рассмотрению градостроительных комплексов, выработке критериев историко-архитектурной оценки и разработке режимов сохранения будет проводиться на заседаниях рабочей группы, а затем вопросы будут комплексно выноситься на рассмотрение Экспертного совета Москомнаследия для утверждения статуса предлагаемых к рассмотрению объектов.

Следует отметить, что работа по выявлению и учету объектов жилой застройки 1920—1930-х годов началась с начала 2000-х. На сегодняшний день основной круг градостроительных комплексов уже определен — это объекты рядовой комплексной застройки районов для рабочих. В данном случае принципиально важным становится вопрос об определении категории охраны для данных комплексов.

В реестре объектов культурного наследия времени 1920—1930-х годов состоит 66 объектов, среди них шесть — объекты жилой застройки, включающей и ансамбли, и градостроительные комплексы. Это достаточно разные комплексы, включающие и объекты культурного наследия — памятники истории и культуры, и ансамбли жилой застройки: «образцовые» жилые дома на Русаковской улице, поселок Буденовский, Хавско-Шаболовский жилой комплекс и др. В этот список вхо-

Жилой дом на
Сущевском валу

Wohnhaus
in Suschtschewskij Wal

Erbe Moskaus die Konzeption für die Erhaltung des Wohngebietes der 1920—1930 Jahre in der Hauptstadt entwickeln. Das ist schon jetzt klar, dass dieses engspezialisierte Thema sich im Rahmen der Tätigkeit an der Berücksichtigung und der Erhaltung des Erbes einer bestimmten Periode in ein langfristiges Programm verwandelt, das zulässt, in den Prozess des modernen Lebens der Stadt die umfangreiche Schicht der einzigartigen historischen Bebauung aufzunehmen.

Das Wohngebiet Moskaus der ersten nachrevolutionären Jahrzehnte ist in puncto des theoretischen (wissenschaftlichen) Verständnisses in den Werken solcher Forscher wie S.O.Khan-Magomedow, W.E.Hazanow u.a. ziemlich gut studiert. Diese Objekte sind in der Praxis in der Struktur der Stadt viel schlechter untersucht: es gibt keine deutliche Adressliste dieser Objekte, ihr Status ist in der Struktur des architektonischen Erbes der Stadt nicht bestimmt, abgesehen von ihrer vollen Berücksichtigung, Beschreibung und historischen und architektonischen Einschätzung.

Auf dem Hintergrund der wissenschaftlichen Entwicklung der Konzeption entsteht und fordert die ganze Reihe der spezifischen Fragen des Schutzes des kulturellen Erbes die Lösung, die gerufen sind, die Fachkräfte von Moskomnasledie zu entscheiden.

Das Komplizierteste besteht darin, dass die Teilnehmer dieser Arbeit — die Forscher, Architekten und Fachkräften von Moskomnasledie — im Rahmen der Vorbereitung der Konzeption der Erhaltung des Wohngebietes der 1920—1930 Jahre bevorsteht, die Methodik der Einschätzung des historischen und architektonischen Wertes der entfalteten städtebaulichen Komplexe für die Bestimmung ihres Status zum ersten Mal zu entwickeln, die Kriterien der Einschätzung der städtebaulichen Objekte, die Methodik der Regimes des Inhalts und der Rehabilitation solcher Komplexe abzufassen, das komplexe Programm ihrer Erhaltung in der Struktur der modernen Stadt unter Berücksichtigung der modernen sozialen Aspekte der Organisation des Lebens anzubieten: die Attraktivität solcher Wohnungen für die modernen Stadtbewohner zu erhöhen, die Probleme der Modernisierung der ingenieurmässigen und technischen Ausrüstung, die Fragen der sozialen Ausrichtung des erneuerten Wohnraumbestandes usw. zu entscheiden.

Diese Arbeit zu durchführen, ist es am meisten zweckmässig, die Arbeitsgruppe zu bilden, wohin die Vertreter von der Gruppe der Forscher, von Moskomarchitektura und Moskomnasledie, sowie die geltenden Architekten eingegangen sein würden. Die Hauptdiskussionsarbeit an der Betrachtung der städtebaulichen Komplexe, der Leistung der Kriterien der historischen und architektonischen Einschätzung und der Entwicklung der Regimes der Erhaltung soll in den Sitzungen der Arbeitsgruppe durchgeführt werden, und dann die Fragen werden zur Erörterung des Expertenratschlag

дит и застройка 1920—1930-х годов в составе достопримечательного места — например, комплекс Усачевки, где присутствует особая трансформированная архитектурная среда с сохранившейся стилистикой, планировочными решениями и габаритами застроечного комплекса. При работе с такого рода объектами Москомнаследие сталкивается с проблемами, которые необходимо решать и при реализации Концепции сохранения застройки 1920—1930-х годов.

Сохранить все обозначенные в Концепции объекты невозможно. Поэтому будет необходимо тщательно прописать критерии историко-архитектурной оценки и категории охраны. Комплексы, наиболее сохранившиеся в своих первоначальных планировочных решениях, полностью сохранившие выразительность художественного образа и стилистических особенностей, образуют **первую группу** объектов культурного наследия в качестве архитектурных ансамблей со строгим режимом реставрации. Во **вторую группу** «достопримечательных мест» будут включены комплексы, трансформированные позднейшими структурами, но не утратившие планировочного решения и стилистических характеристик, с возможным режимом мягкой реконструкции при сохранении пространственных габаритов и стилистических особенностей архитектуры. **Третью группу** составят объекты, практически утратившие первоначальные характеристики, содержание которых будет организовано в режиме реконструкции, регенерации или вариантного сохранения при воссоздании стилистических характеристик первоначального проектного решения.

В состав объектов Концепции вошли комплексы, которые уже поставлены на государственную охрану (Хавско-Шаболовский комплекс, поселок Буденовский, ансамбль показательных жилых домов на Русаковской улице, поселок Сокол, застройка Усачевки и др.), и комплексы, которые заявлены к рассмотрению в качестве объектов культурного наследия (район Дангауэровка, застройка улицы Мельникова — 2-й Дубровской, застройка Колодезной улицы и др.). В этот перечень не входят объекты так называемой точечной застройки, которая проводилась в эти же годы, как правило, в центре города по индивидуальным проектам и на средства жилищных кооперативов и различных ведомств.

Территории первых рабочих поселков практически безболезненно подвергались реконструкции с целью создания жилых комплексов «нового социального быта» с благоустроенными квартирами и дворами с определенной сетью социально-бытовой инфраструктуры (бани, общественные столовые, детские ясли, школы, амбулатории, магазины). Работами на таких территориях занимались известные архитекторы-градостроители — Травин, Мотылев, Блохин, Мешков и

**Жилая застройка.
Мира пр-т, 186**

**Wohnbauten. Prospekt
Mira 186**

von Moskomnasledie für die Behauptung des Status der Objekte, die zur Betrachtung angeboten sind, komplex vorgelegt werden.

Es ist nötig zu bemerken, dass die Arbeit an der Aufspürung und der Berücksichtigung der Objekte des Wohngebietes der 1920–1930 Jahre von dem Anfang 2000 angefangen hat. Für heute ist der Hauptkreis der städtebaulichen Komplexe schon

bestimmt, das sind die Objekte der gewöhnlichen komplexen Bebauung der Bezirke für die Arbeiter. In diesem Fall wird die Frage über die Bestimmung der Kategorie des Schutzes für die gegebenen Komplexe grundsätzlich wichtig.

In der Liste der Objekte des kulturellen Erbes der 1920–1930 Jahre bestehen 66 Objekte, die sechs unter ihnen die Objekte des Wohngebietes sind, das sowohl die Ensembles, als auch die städtebaulichen Komplexe aufnimmt. Es ist genügend verschiedene Komplexe, die sowohl die Objekte des kulturellen Erbes – die Denkmäler die Geschichte und der Kultur, als auch die Ensembles des Wohngebietes aufnehmen: die „musterhaften“ Wohnhäuser in der Rusakowskaja Straße, die Budenowskij Siedlung, der Hawsko-Schabolowskij Wohnkomplex u.a. In diese Liste geht auch die Bebauung der 1920–1930 Jahre im Bestand der sehenswerten Stelle ein – zum Beispiel, der Usatschewskij Komplex, wo die besondere umgeformte architektonische Umgebung mit der erhalten bleibenden Stilistik, Baukörpergestaltungen und den Abmessungen des Bebauungskomplexes anwesend ist. Bei der Arbeit mit derartigen Objekten stößt Moskomnasledie auf die Probleme, die man bei der Realisierung der Konzeption der Erhaltung der Bebauung der 1920–1930 Jahre entscheiden muss.

Es ist unmöglich alle Objekte, die in die Konzeption bezeichneten sind, aufzusparen. Deshalb muss man die Kriterien der historischen und architektonischen Einschätzung und der Kategorie des Schutzes sorgfältig verordnen. Die Komplexe, die in ihren ursprünglichen Baukörpergestaltungen am meisten erhalten blieben und die Ausdruckskraft der künstlerischen Ge-

**Жилая застройка.
Мира пр-т, 186**

**Wohnbauten. Prospekt
Mira 186**

др. Они стремились создать, прежде всего, оптимальное планировочное решение поквартальной территории, с учетом ориентировки по сторонам света и «розы ветров», добивались максимальной плотности застройки при хорошей освещенности и инсоляции помещений, что достигалось за счет использования различных типовых секций с квартирами в 2—3 непроходные комнаты. Среди таких районов выделяются цельностью архитектурных решений район Усачевки, Дангауэровка, поселок Дубровка и район Мантулинской улицы — Нижняя Пресня. Однако при проведении историко-архитектурной оценки необходимо принимать во внимание, что буквально до недавнего времени здания этого периода, не имеющие определенного охранного статуса, воспринимались просто как старое и часто «ветхое» жилье, которое в лучшем случае шло под реконструкцию с заменой деревянных перекрытий на железобетонные, с надстройкой от двух до пяти этажей, с полной перепланировкой внутренних помещений, а нередко и под снос. Поэтому предстоит большая работа по выявлению полного объема сохранившихся первоначальных объектов и определения их статуса среди сохранившейся застройки тех лет.

Принципиально важным при рассмотрении комплексной оценки градостроительных комплексов представляется учет состояния инженерно-технических коммуникаций объектов этого времени. Так, в поселке Сокол при строительстве апро-

**Жилая застройка.
Мира пр-т, 186**

**Wohnbauten. Prospekt
Mira 186**

стalt und der stilistischen Besonderheiten vollständig aufsparen, bilden **die erste Gruppe** der Objekte des kulturellen Erbes als die architektonischen Ensembles mit dem strengen Regime der Wiederherstellung. **In die zweite Gruppe** der „sehenswürdigen Stellen“ werden die Komplexe, die von den spätesten Strukturen umgeformt sind, aber keine Baukörpergestaltung und die stilistischen Charakteristiken verloren, mit dem möglichen Regime der weichen Rekonstruktion bei der Erhaltung der Raumabmessungen und der stilistischen Besonderheiten der Architektur aufgenommen sein. **Die dritte Gruppe** bilden die Objekte, die tatsächlich die ursprünglichen Charakteristiken verloren, deren Inhalt im Regime der Rekonstruktion, der Regeneration oder der alternativen Erhaltung bei der Wiederherstellung der stilistischen Charakteristiken der ursprünglichen Projektlösung organisiert sein wird.

Zum Bestand der Objekte der Konzeption gehörten die Komplexe, die auf den staatlichen Schutz (der Hawsko-Schabolskij Komplex, die Budenovskij Siedlung, das Ensemble der vorbildlichen Wohnhäuser in der Rusakowskij Straße, die Sokol Siedlung, die Usatschewskij Bebauung u.a.) schon gestellt sind, und die Komplexe, die zur Betrachtung als die Objekte des kulturellen Erbes angemeldet sind (der Dangauerowka Bezirk, die Bebauung der Melnikow

Straße – der 2. Dubrovskaja Straße, die Bebauung der Kolodjesnaja Straße u.a.). Zu diesem Verzeichnis gehören die Objekte der sogenannten Punktbebauung nicht, die in diesen Jahren in der Regel im Stadtzentrum für die individuellen Projekten und auf die Mittel der Wohnungsgenossenschaften und verschiedener Ämter durchgeführt wurde.

Die Territorien der ersten Arbeitssiedlungen zogen sich der Rekonstruktion zwecks der Bildung der Wohnkomplexe „des neuen sozialistischen Alltagslebens“ mit den komfortablen Wohnungen und den Höfen mit einem bestimmten Netz der sozialen Infrastruktur (die Saunas, die öffentlichen Gaststätten, Kinderkrippen, Schulen, Ambulanzen, Geschäfte) tatsächlich schmerzlos unter. Auf solchen Territorien arbeiteten die bekannten Architekten-Städtebauer – Trawin, Motylew, Blochin, Meschkow u.a. Sie strebten, vor allem das optimale Baukörpergestaltung der Viertelgeländes zu schaffen, unter Berücksichtigung der Orientierung nach den Seiten des Lichtes und den „Windrosen“, sie strebten nach der maximalen Dichte der Bebauung bei der guten Beleuchtungsstärke und Besonnung der Räume, was aufgrund der Nutzung verschiedener typisierter Sektionen mit den Wohnungen mit 2–3 nichtbegehbaren Zimmern erreicht wurde. Unter solchen Bezirken heben sich den Bezirk Usatschewkij, Dangauerowka, die Dubrowka Siedlung und der Bezirk der Mantulinskaja Straße, Nischnjaja Presnja, von der Ganzheit der architektonischen Lösungen heraus. Doch muss man bei der Durchführung der historischen und architektonischen Einschätzung beachten, dass die Gebäude dieser Periode, das nicht den bestimmten Schutz-Status hatte, buchstäblich bis vor kurzem einfach wie die alten und häufig „baufälligen“ Wohnungen wahrgenommen wurden, die unter die Rekonstruktion mit dem Ersatz der hölzernen Überdeckungen auf die stahlbetonen bestenfalls gingen, mit dem Überbauen von zwei bis zu fünf Stockwerken, mit der vollen Neuplanung der inneren Räume, die häufig unter den Abbruch gingen. Deshalb steht die große Arbeit an der Aufspürung des vollen Umfangs der erhalten bleibenden ursprünglichen Objekte und der Bestimmung ihres Status unter der erhalten bleibenden Bebauung jener Jahre bevor.

Grundsätzlich wichtig bei Betrachtung der komplexen Einschätzung der städtebaulichen Komplexe wird die Berücksichtigung des Zustandes der ingenieurtechnischen Kommunikationen der Objekte dieser Zeit vorgestellt. So wurden in der Sokol Siedlung beim Bau die Baukörpergestaltung, die Baustoffe, die Konstruktionen und die Sanitärarmatur approbiert. In Anbetracht dieser Besonderheit, ist es bei der Entwicklung des Programms der Rehabilitation der Wohnkomplexe notwendig, die schon vorhandenen Methodiken der Wiederherstellung und der Erhaltung der Objekte des Erbes verwendend, die praktische Erfahrung der ausländischen, insbesondere

бировались и планировочные решения, и строительные материалы, конструкции и сантехническое оборудование. Учитывая эту специфику, при разработке программы реабилитации жилых комплексов необходимо, используя уже имеющиеся методики реставрации и сохранения объектов наследия, привлечь практический опыт зарубежных, в частности, немецких специалистов по сохранению и реставрации объектов подобного рода.

Также для привлекательности такого жилья для современного пользователя необходимо будет разработать и утвердить на городском уровне специальную социальную программу реабилитации подобного жилья, как с учетом интересов объекта наследия, так и потребностей современного жителя.

При анализе градостроительной и архитектурно-художественной значимости объектов жилой застройки 1920—1930-х годов следует учитывать: степень реализованности первоначального проектного замысла и степень его сохранности, цельность и выразительность художественного образа, а также уровень трансформации комплекса позднейшими структурами. В рамках такой оценки можно сформулировать единые критерии для определения категории охраны объектов. К сожалению, работа, подготовленная специалистами института Генплана г. Москвы, еще не представлялась в целом на рассмотрение Экспертного совета Москомнаследия, и в рамках целой Концепции окончательного экспертного решения еще не принято. При этом следует обратить внимание, что задача исследователей — выявление в застройке Москвы наибольшего ресурса для реконструкции и нового строительства, в то время как задачей Москомнаследия является сохранение своеобразия застройки Москвы с учетом ценности жилой застройки 1920—1930-х.

Действующей московской практикой сохранения объектов наследия предусматривается научная реставрация объектов и приспособление их к современному использованию. На сегодняшний момент между Комитетом по строительству и архитектуре г. Москвы и Москомнаследием идет дискуссия об историко-архитектурной ценности объектов наследия, ставших предметом исследований авторов Концепции, о путях и методах сохранения многочисленных градостроительных комплексов исследования. Эти моменты разногласий должны быть преодолены в ходе деятельности рабочей группы, которая будет готовить материалы для комплексного рассмотрения наиболее спорных вопросов на Экспертном совете Москомнаследия. Поэтому на сегодняшний день следует считать своевременным и правильным решение авторского коллектива выйти с предложением об объявлении моратория на всякую градостроительную деятельность на данных территориях вплоть до принятия

согласованного комплексного решения о режимах сохранения и реабилитации.

Следует признать, что по тому огромному числу вопросов, которые возникают и множатся в ходе работы по комплексной оценке целого пласта градостроительной деятельности большого исторического периода, по определению статуса данных объектов и, главное, по сохранению и содержанию их в рамках утвержденных режимов реабилитации, работа еще далеко не закончена. Предстоит выработать общие принципы и подходы к методическому обеспечению решения проблем, связанных с сохранением рабочих поселков Москвы, которые являются результатом творческих поисков архитекторов послевоенных десятилетий.

**Жилой дом на 1-й
Боевской улице**

**Wohnhaus in der 1.
Bojewskaja-Straße**

деutschen Fachkräfte für die Erhaltung und die Wiederherstellung der Objekte des ähnlichen Geschlechtes heranzuziehen.

Auch muss man für die Attraktivität solcher Wohnungen für die modernen Benutzer auf dem städtischen Niveau das spezielle soziale Programm der Rehabilitierung der ähnlichen Wohnungen unter Berücksichtigung der Interessen des Objektes des Erbes und der Bedürfnisse des modernen Bewohners entwickeln und behaupten.

Bei der Analyse der städtebaulichen und architektonischen-künstlerischen Bedeutsamkeit der Objekte des Wohngebietes der 1920–1930 Jahre muss man berücksichtigen:

der Verwirklichungsgrad des ursprünglichen Projektvorhabens und die Stufe seiner Unversehrtheit, die Ganzheit und die Ausdruckskraft der künstlerischen Gestalt, sowie das Niveau der Transformation des Komplexes von den spätesten Strukturen. Im Rahmen solcher Einschätzung kann man die einheitlichen Kriterien für die Bestimmung der Kategorie des Schutzes der Objekte abfassen. Leider, die Arbeit, die von den Fachkräften des Institutes des Generalplanes des Moskaus vorbereitet ist, wurde insgesamt zur Betrachtung des Expertenratschlag von Moskomnasledie noch nicht vorgestellt, und keine endgültigen Expertenlösung wird im Rahmen einer ganzen Konzeption gefasst. Dabei muss man beachten, dass die Aufgaben der Forscher die Aufspürung in der Bebauung Moskaus der meisten Ressource für die Rekonstruktion und den neuen Bau sind, während eine Aufgabe von Moskomnasledie die Erhaltung der Originalität der Bebauung Moskaus unter Berücksichtigung des Wertes des Wohngebietes der 1920–1930 Jahre ist.

Die geltende Moskauer Praxis der Erhaltung der Objekte des Erbes sieht die wissenschaftliche Wiederherstellung der Objekte und ihre Verwendung zur modernen Nutzung vor. Auf den heutigen Moment geht die Diskussion zwischen dem Komitee für den Bau und die Architektur Moskaus und Moskomnasledie über den historischen und architektonischen Wert der Objekte des Erbes, die der Gegenstand der Forschung der Autoren der Konzeption wurden, über die Wege und die Methoden der Erhaltung der zahlreichen städtebaulichen Komplexe der Forschung. Diese Momente der Differenzen sollen im Verlauf der Tätigkeit der Arbeitsgruppe überwunden sein, die die Materialien für die komplexe Betrachtung am meisten der Streitfragen auf dem Expertenratschlag von Moskomnasledie vorbereitet wird. Deshalb ist es für heute eine termingemäße und richtige Lösung des Autorenkollektives, mit dem Vorschlag über die Erklärung des Moratoriums auf jede städtebauliche Tätigkeit auf den gegebenen Territorien bis auf Annahme der vereinbarten komplexen Lösung über die Regimes der Erhaltung und der Rehabilitierung hinauszugehen.

Man muss anerkennen, dass die Arbeit an jener riesiger Zahl der Fragen, die im Verlauf der Arbeit an der komplexen Einschätzung einer ganzen Schicht der städtebaulichen Tätigkeit der großen historischen Periode entstehen und sich vermehren, an der Bestimmung des Status der gegebenen Objekte und, die Hauptsache, an ihrer Erhaltung im Rahmen der behaupteten Regimes der Rehabilitierung, ist bei weitem noch nicht zu Ende. Man muss die Grundprinzipien und das Herangehen zur methodischen Versorgung der Lösung der Probleme produzieren, die mit der Erhaltung der Arbeitssiedlungen Moskaus verbunden sind, die ein Ergebnis der schöpferischen Suche der Architekten der nachrevolutionären Jahrzehnte sind.

Виктор Логвинов,
президент Союза московских
архитекторов

Wiktor Logwinow,
Präsident des Bündnisses der
Moskauer Architekten

НАСЛЕДИЕ XX СТОЛЕТИЯ — ОХРАНА И СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ

Das Erbe des XX. Jahrhunderts – der Schutz und die Erhaltung der Denkmäler

Клуб завода «Каучук»,
1927—1929 годы,
арх. К.С. Мельников.
Плющиха ул., д. 64

Klubhaus der Fabrik
„Kautschuk“, 1927—29,
Architekt K.S. Melnikow.
Pljuschicha 64

Архитектурное наследие Москвы XX века состоит из нескольких стилистически различных слоев, как и в большинстве крупных городов Европы, однако две архитектурные особенности Первопрестольной резко отличают ее от других западных столиц.

Первой такой особенностью является тот факт, что пространственные слои Москвы не разделены, как в Риме или Париже, а перемешаны. Вторая же особенность заключается в непосредственной близости мирно сосуществующих друг с другом зданий чрезвычайно контрастной

Дас architektonische Erbe Moskaus des XX. Jahrhunderts besteht aus einigen stilistisch verschiedenen Schichten, wie auch in der Mehrheit der grossen Städte Europas, doch unterscheiden zwei architektonische Besonderheiten Moskaus sie von anderen westlichen Hauptstädten heftig.

Solche erste Besonderheit ist die Tatsache, dass die Raumschichten Moskaus, wie in Rom oder Paris, nicht geteilt, sondern vermischt sind. Die zweite Besonderheit besteht in der unmittelbaren Nähe der friedlich koexistierenden miteinander Gebäude der außerordentlich kontrastreichen

архитектуры с прямо противоположной стилистической направленностью.

Законы цикличности смены стилей еще недостаточно изучены, и Россия XX столетия дает нам удивительный материал для подобного изучения. С поразительной точностью — практически через равные двадцатилетние отрезки времени стилистическая направленность российской архитектуры в целом, и московской в частности, менялась на прямо противоположную, с методичностью маятника, раскачивающегося между двумя диалектическими полюсами — традицией и новаторством.

1917-й, 1937-й, 1957-й годы — это время великих переломов, словно в зеркале отразившихся в архитектуре огромного государства. Есть данные, что и до, и после этих трех периодов направленность профессионального сознания менялась с той же последовательностью и периодичностью, но эти изменения трудно заметить, поскольку происходили они постепенно, эволюционным путем. При этом указанная цикличность характерна для развития не только русской архитектуры. В Берлине, Риме, Мадриде, например, слой архитектурного наследия 1930-х имеет явную неоклассическую стилистику, охватившую тогда всю Европу. Так что Россия в этом вопросе не является исключением. Однако только в России специфическая политическая система просуществовала настолько долго, что охватила несколько периодов смены стилей, многократно усилив и резко выявив цикличность этих смен.

Власть в те годы, как известно, требовала одновременного и беспрекословного следования ее указаниям, в том числе и в использовании архитектурных стилей. Именно поэтому в советский период архитектурные настроения менялись столь резко, болезненно и глобально, и эти изменения сопровождались мощными пропагандистскими компаниями и обострением идеологической борьбы между сторонниками противоположных направлений.

Это обстоятельство имеет огромное значение для понимания проблем сохранения архитектурного наследия прошлого века в Москве, т.к. здесь мы имеем не единое поле культурного и исторического наследия, а несколько идеологически противоположных и несовместимых слоев, которые вынужденно существуют в одном пространстве города и мирно уживаться просто не могут. Общество вслед за профессионалами также делится на два почти враждебных лагеря, имеющих свои собственные, друг другу противоположные системы ценностей, идеалы и приоритеты.

Так люди, чья молодость, время становления личности, пришлась на период «освоения наследия» любят в архитектуре все историчное, включая дореволюционную эклектику и пост-модерн 1980-х, не признавая ценность «современной ар-

Гараж Госплана, 1936 год, арх. К.С. Мельников. Авиамоторная ул., д. 63, стр. 1, 3

Garage von Gosplan, 1936, Architekt K.S. Melnikow. Awiamotornaja-Straße 63, Bau 1, 3

хитектуры» любого периода, воспринимая ее в качестве враждебной истории. Крайне болезненно относится этот слой населения к сносу рядовой застройки XIX века, оставаясь, при этом, абсолютно безразличным к гибели шедевров русского авангарда. И напротив — те, кто сформировался как личность в начале 1920-х или 1960-х годов, на всю жизнь сохраняли неприязнь к «декорациям исторических стилей», отрицая их ценность.

В этом отношении замечателен пример конкурса 1971-го года на реконструкцию центра Москвы, в котором почти все участники (в основном выпускники Высших художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС)) предлагали снести практически все застройки XIX столетия как «малоценные», превратив, например, Замоскворечье в огромный парк, в котором стоит сохранить только храмы...

Консенсуса в понимании ценности любого слоя наследия нет также ни среди представителей власти, ни среди специалистов, призванных охранять историческое наследие независимо от своих личных симпатий и антипатий, что является, на мой взгляд, главной «психологической» социокультурной проблемой сохранения наследия XX века в Москве.

Второй по важности является экономическая проблема, возникшая в 1992-м году после того, как все, ранее находившиеся в единой государственной собственности памятники истории и культуры, стали принадлежать различным собственникам. Раздел собственности между частными лицами, предприятиями и ведомствами, федеральными, региональными и муниципальными органами в России до сих пор не завершен, что особенно опасно для объектов культурного наследия, поскольку уже 15 лет не решается вопрос, кто обязан и имеет право инвестировать средства в их сохранение и реставрацию.

Эти 15 лет деления собственности для многих памятников всех эпох стали роковыми, но самым уязвимым и незащищенным культурным слоем в Москве ныне являются архитектурные памятники русского авангарда 1920-х—1930-х годов, знатоков и ценителей которого в самой

Архитектур mit gerade entgegengesetzten stilistischen Ausrichtung.

Die Gesetze der Zyklizität des Wechsels der Stile sind noch ungenügend untersucht, und Russland des XX. Jahrhunderts gibt uns das merkwürdige Material für diese Untersuchung. Die stilistische Ausrichtung der russischen Architektur in ganz und Moskau insbesondere änderte sich auf die gerade entgegengesetzte mit der auffallenden Genauigkeit praktisch alle gleichen zwanzig Jahre, das war planmäßig wie ein Pendel, das zwischen zwei dialektischen Polen — die Tradition und die Neuerung, geschaukelt wird.

1917, 1937, und 1957 sind die Jahre der großen Brüche, die wie im Spiegel in der Architektur des riesigen Staates widergespiegelt wurden. Es gibt die Daten, dass sich die Ausrichtung des professionellen Bewusstseins bevor und nach diesen drei Perioden mit der selben Reihenfolge und Periodizität änderte, aber es ist diese schwierig, diese Veränderungen zu bemerken, da sie allmählich im Wege der Evolution geschahen. Dabei ist diese Zyklizität für die Entwicklung nicht nur der russischen Architektur charakteristisch. In Berlin, Rom, Madrid zum Beispiel hat die Schicht des architektonischen Erbes der 1930er Jahre die offenbare neoklassische Stilistik, die dann ganze Europa erfasste. So ist Russland in dieser Frage keine Ausnahme ist. Doch hat das spezifische politische System nur in Russland so lange existiert, dass etwas Perioden des Wechsels der Stile erfasst hat, die Zyklizität dieser Wechsel vielfach verstärkt und heftig festgestellt.

Die Macht in jenen Jahren forderte das gleichzeitige und unbedingte Folgen ihrer Hinweisen bekanntlich, einschließlich in der Nutzung der architektonischen Stile. Gerade deshalb änderten sich die architektonischen Stimmungen in der sowjetischen Periode so heftig, kränklich und global, und diese Veränderungen wurden von den mächtigen propagandistischen Kampagnen und der Verschärfung des ideologischen Kampfes zwischen den Anhängern der entgegengesetzten Richtungen begleitet.

Dieser Umstand hat die riesige Bedeutung für das Verständnis der Probleme der Erhaltung des architektonischen Erbes des vorigen Jahrhunderts in Moskau, da gibt es hier nicht das einheitliche Feld des kulturellen und historischen Erbes, sondern einige ideologische entgegengesetzte und unvereinbare Schichten, die in einem Raum der Stadt erzwungen existieren und sich friedlich nicht vertragen können. Die Gesellschaft teilt sich gleich nach den Spezialisten auch in zwei fast feindselige Lager, die eigene, mit einander entgegengesetzten Systeme der Werte, die Ideale und die Prioritäten haben.

So mögen die Menschen, wessen Jugend, die Zeit des Entstehens der Persönlichkeit auf die Periode „der Aneignungen des Erbe“ fielen, alle historischen in der Architektur, einschließlich den Vorrevolutionseklektismus und Postmoderne der 1980er Jahren,

России, к сожалению, гораздо меньше, чем на Западе.

В известной Красной Книге 2003 года объектов культурного наследия России, находящихся под угрозой уничтожения, нет ни одного московского объекта, относящегося к XVII—XIX векам и имеющего статус объекта культурного наследия, включенного в реестр (по старому закону — памятника архитектуры). В то же время в Красную Книгу внесено два объекта русского авангарда, включенных в реестр в качестве объектов федерального значения. И к этим двум за прошедшие четыре года можно прибавить еще три!

Это объясняется тем, что в отношении сохранения русского авангарда к перечисленным социокультурным и экономическим проблемам прибавляется еще ряд технических, психологических и организационных вопросов. Если здания русского модерна начала XX-го века или Art Deco сталинской эпохи строились «на века» из качественных долговечных материалов по проверенным временным технологиям, то русский авангард программно был нацелен не только на социальный эксперимент и новое формообразование, но и на технический эксперимент по упрощению и удешевлению строительства. Кроме того, «голодное время» русского авангарда, это еще и время революционного отрицания всего, что было накоплено «отжившим» старым миром, включая традиционные технологии строительства, которые надлежало решительно заменить на более «прогрессивные» и менее трудоемкие.

**Гараж «Интуриста»,
1934 год, арх. К.С. Мельников. Суцешский Вал
ул., д. 33**

**Garage von Intourist,
1934, Architekt K.S. Melnikow. Suschtschewskij
Wal 33**

**Гараж для грузовых
машин, 1929—1931
годы, арх. К.С. Мельников. Новорязанская
ул., д. 27**

**Garage für Lastkraft-
wagen 1929—31,
Architekt K.S. Melnikow.
Noworjasanskaja-
Straße 27**

den Wert „der modernen Architektur“ einer beliebigen Periode nicht zugebend, sie als die feindselige Geschichte wahrnehmend. Diese Schicht der Bevölkerung nimmt den Abbruch der gewöhnlichen Bebauung des XIX. Jahrhunderts äußerst kränklich, dabei absolut gleichgültig zum Niedergang der Meisterwerke der russischen Avantgarde bleibend. Und umgekehrt – die Menschen, wer sich wie die Persönlichkeiten am Anfang der 1920er oder 1960er Jahren gebildet hat, behielten die Mißgunst zu „den Dekorationen der historischen Stile“ lebenslang, ihren Wert verneinend.

In dieser Hinsicht ist ein Beispiel des Wettbewerbes des 1971. Jahres um die Rekonstruktion des Zentrums Moskaus bemerkenswert, in der fast alle Teilnehmer (hauptsächlich die Absolventen der Höchsten künstlerischen und technischen Werkstätten (WHUTEMAS)) anboten, tatsächlich alle Bebauungen des XIX. Jahrhunderts wie „minderwertige“ abzutragen, zum Beispiel, Samoskworetschje in den riesigen Park umgewandelt, in dem man nur die Tempel aufzusparen braucht...

Keinen Konsens im Verständnis des Wertes einer beliebigen Schicht des Erbes gibt es auch weder unter den Vertretern der Macht, noch unter den Fachkräften, die gerufen sind, das historische Erbe unabhängig von den persönlichen Sympathien und Antipathien zu beschützen, was, meiner Meinung nach, ein „psychologisches“ soziokulturelles Hauptproblem der Erhaltung des Erbes des XX. Jahrhunderts in Moskau ist.

Das zweite wichtige ökonomische Problem entstand im 1992, nachdem alle Denkmäler der Geschichte und der Kultur, die sich früher im einheitlichen Staatseigen-

tum befindenden, begannen, verschiedenen Besitzer zu gehören. Die Vermögensteilung zwischen den Privatpersonen, Unternehmen und Ämtern, den föderalen, regionalen und Kommunalorganen ist in Russland bis jetzt nicht beendet, was für die Objekte des kulturellen Erbes besonders gefährlich ist, da wird die Frage schon 15 Jahre nicht entschieden, wer verpflichtet und berechtigt ist, die Mittel in ihre Erhaltung und die Wiederherstellung zu investieren.

Diese 15 Jahre der Vermögensteilung wurden für viele Denkmäler aller Epochen schicksalhaft, aber die kulturelle Schicht, die in Moskau heutzutage am meisten verwundbar und schutzlos ist, ist die architektonischen Denkmäler der russischen Avantgarde der 1920-1930er Jahren, dessen Kenner es in Russland leider viel weniger, als im Westen, gibt.

Im bekannten Roten Buch des 2003. Jahres der Objekte des kulturellen Erbes Russlands, die von der Vernichtung bedroht sind, gibt es kein Moskauer Objekt, das zu den XVII–XIX. Jahrhunderten zugerechnet ist und den Status des Objektes des kulturellen Erbes hat, das in die Liste aufgenommen ist (nach dem alten Gesetz – des Denkmals der Architektur). Gleichzeitig sind zwei Objekte der russischen Avantgarde, die in die Liste als die Objekte der föderalen Bedeutung aufgenommen sind, zum Roten Buch beigetragen. Und zu diesen zwei kann man für vier vergangene Jahre noch drei hinzufügen!

Es klärt sich damit, dass noch die Reihe der technischen, psychologischen und planmäßigen Fragen zu den aufgezählten soziokulturellen und ökonomischen Problemen in Bezug auf die Erhaltung der russischen Avantgarde hinzugefügt wird. Wenn die Gebäude des russischen Jugendstils des Anfanges des XX. Jahrhunderts oder Art Deco der Stalinepoche „auf ewige Zeiten“ aus den qualitativen dauerhaften Materialien laut den Technologien, die der Zeit

Именно это является одной из главных причин плохого физического состояния большинства объектов русского авангарда, часть которых не ремонтировались со времени создания и являются уже неремонтнопригодными. Положение этих памятников усложняется не только полным физическим износом ограждающих, а часто и несущих конструкций зданий, но и их значительным моральным износом, сильно затрудняющим признание ценности стиля конструктивизма в России. И в этом еще одна психологическая сложность сохранения этого уникального слоя культурного наследия.

Если объекты, построенные по проектам Ф.О. Шехтеля, А.В. Щусева, И.В. Желтовского, А.Н. Душкина, А.К. Бурова, Л.В. Руднева и других крупных архитекторов эпохи модерна и «освоения наследия», находятся сегодня в хорошем физическом состоянии, почти в первоначальном виде (не считая интерьеров, подвергшихся разрушению в 1970-е—1990-е годы), то здания братьев Весниных, П.А. Голосова и, особенно, К.С. Мельникова и М.Я. Гинзбурга доведены варварской эксплуатацией, достройками, перестройками, покрасками и иными изменениями первоначального вида до неузнаваемости! Порой очень трудно доказать владельцам и властям, что эти изуродованные полуразвалившиеся здания имеют непреходящую ценность и всемирное значение. Тем более, что из-за несовершенства дошедших до нас оригинальных авторских графических материалов, проектов русского авангарда, затруднительно доказать «красоту» первоначального замысла указанных памятников архитектуры.

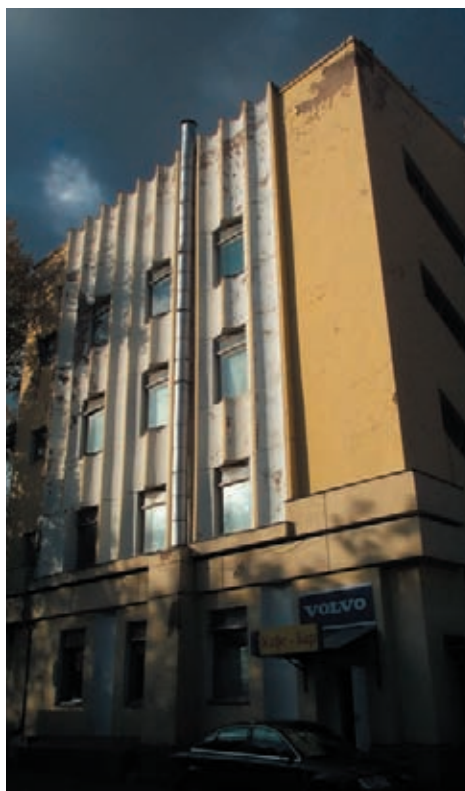
В этой связи замечательны опыты реконструктивной визуализации и макетирования, проводимые сейчас в Москве. Такие, как виртуальный музей И.И. Леонидова, созданный Ю.И. Авакумовым, или выставка макетов объектов К.С. Мельникова, куратором которой был Ю.П. Волчок. Последняя экспозиция несколько лет назад произвела эффект культурного шока, буквально открыв для общества почти забытого великого мастера архитектуры. И если такой шок сумели произвести макеты, то можно представить сколь более сильный пропагандистский эффект был бы от созерцания знаменитых конструктивистских объектов вживую, отреставрированных и приведенных в первоначальный вид! Увы, примеры подобной реставрации единичны, что вскрывает еще одну, на этот раз организационную проблему.

В XX веке в России были созданы замечательные школы реставрации, мощным стимулом для развития которых были, как это ни печально, гигантские разрушения войн. Эти же школы и сегодня успешно справляются с реставрацией древних памятников, а часто и с их воссозданием — в случаях крайней необходимости. Опыт каменщиков, плотников, резчиков, лепщиков, паркетчиков, художников этих школ, безусловно, до-

Гараж Госплана, 1936 год, арх. К.С. Мельников. Авиамоторная ул., д. 63, стр. 1, 3

Garage von Gosplan, 1936, Architekt K.S. Melnikow. Awiamotornaja-Straße 63, Bau 1, 3

geprüft waren, aufgebaut wurden, so war die russische Avantgarde programmgemäß nicht nur auf das soziale Experiment und die neue Formgebung, sondern auch auf das technische Experiment in der Vereinfachung und der Verbilligung des Bauvorhabens ausgerichtet. Außerdem ist „die hungerrige Zeit“ der russischen Avantgarde auch die Zeit der revolutionären Negation aller, was von „der Veralteten“ der alten Welt angesammelt war, einschließlich die traditionellen Technologien des Baues, die man auf „progressiver“ und weniger arbeitsintensiv entschlossen ersetzen musste.

Gerade es ist einer der Hauptgründe des schlechten physischen Zustandes der Mehrheit der Objekte der russischen Avantgarde, deren Teil von der Zeit der Bildung nicht repariert wurden und für die Reparatur schon untauglich ist. Die Lage dieser Denkmäler wird nicht nur von dem vollen Verschleiß der beschützenden, und auch der tragenden Konstruktionen der Gebäude, sondern auch von ihrem bedeutenden moralischen Verschleiß komplizierter, der die Anerkennung den Werte des Stils des Konstruktivismus in Russland häufig stark erschwert. Und darin ist noch eine psychologische Komplexität der Erhaltung dieser einzigartigen Schicht des kulturellen Erbes.

Wenn die Objekte, die nach den Projekten von F.O.Schehtel, A.W.Schtschusew, I.W.Zheltowskij, A.N.Dushkin, A.K.Burow, L.W.Rudnew und anderen grossen Architekten der Epoche der Moderne aufgebaut waren, sind heute gut erhalten, fast mit der ursprünglichen Gestalt (abgesehen von den Innenansichten, die der Zerstörung in 1970-1990 ausgesetzt wurden), so sind die Gebäude von Brüdern Wesniny, P.A.Golosow und besonders K.S.Melnikow und M.J.Ginsburg von der barbarischen

статочен для реставрации объектов русского модерна и сталинской эпохи. Но специалистов, знающих технологические приемы, используемые при строительстве зданий русского авангарда, практически нет, так как, по сути, нет и самой практики реставрации этих зданий.

Круг проблем замкнулся и для того, чтобы вырваться из него, необходимо принять срочные экстраординарные меры для спасения от гибели выдающихся памятников XX столетия, аналогов которым просто не существует. Именно поэтому Союз московских архитекторов в 2006-м году выступил с инициативой разработки и реализации специальной федеральной программы спасения русского архитектурного авангарда и, в частности, с инициативой проведения Международной конференции «Сохранение архитектуры XX века и Всемирное наследие», прошедшей в Москве в апреле 2007-го года.

Одним из результатов этой Конференции стало вынесение проблемы сохранения уникального архитектурного пласта ушедшей эпохи на специальное обсуждение Совета по культуре при Президенте Российской Федерации, где были намечены первоочередные организационные меры. Однако практически пока ничего не изменилось, и памятники эпохи русского архитектурного авангарда продолжают разрушаться...

Уже сейчас ясно, что без всемерной поддержки мировой профессиональной общественности, без международного обмена мнениями, без прямых иностранных инвестиций и прямого участия в реставрационных работах специалистов европейских стран разорвать круг сложных социокультурных, психологических, экономических, технических и организационно-методологических проблем невозможно. Эту неприятную истину необходимо признать — ради спасения замечательного слоя культурного наследия прошлого века, безусловно составляющего предмет истинной национальной гордости России.

Ausbeutung, Ausbauten, Anstreichen und anderen Veränderungen der ursprünglichen Gestalt bis zur Unkenntlichkeit gebracht! Manchmal ist es sehr schwierig, den Besitzern und Behörden zu beweisen, dass diese entstellten halbzerstörten Gebäude den fortwährenden Wert und die weltweite Bedeutung haben. Um so mehr ist es schwierig, „die Schönheit“ des ursprünglichen Vorhabens der angegebenen Denkmäler der Architektur wegen der Unvollkommenheit der originellen graphischen Autorenmateriale, der Projekte der russischen Avantgarde, die zu uns ankommenden sind, zu beweisen.

In diesem Zusammenhang sind die Versuchen der rekonstruktiven Visualisierungen und Prototypenherstellungen, die jetzt in Moskau durchgeführt werden, bemerkenswert. Das sind das virtuelle Museum namens I.I.Leonidow, das von J.I.Awakumow geschaffen ist, oder die Ausstellung der Modelle der Objekte von K.S.Melnikow, deren Kurator J.P.Woltschok war. Die letzte Exposition hat den Effekt des kulturellen Schocks vor einigen Jahren erzeugt, die für die Gesellschaft fast den vergessenen großen Meister der Architektur buchstäblich geöffnet hat. Und wenn solchen Schock die Modelle gemacht haben, so könnte man sich vorstellen, inwiefern stärkerer propagandistischer Effekt von der Betrachtung der berühmten konstruktivistischen Objekte wäre, die in die ursprüngliche Gestalt

restauriert und gebracht war! Leider sind die Beispiele der ähnlichen Wiederherstellung einzeln, was noch eine, diesmal das planmäßige Problem öffnet.

In XX. Jahrhundert waren die bemerkenswerten Schulen der Wiederherstellung in Russland geschaffen, ein mächtiger Stimulus für deren Entwicklung waren, wie es traurig ist, die riesenhaften Zerstörungen der Kriege. Und heute kommen diese Schulen mit der Wiederherstellung der alttümlichen Denkmäler erfolgreich zurecht, und auch häufig mit ihrem Wiederaufbau – für die Fälle der äußersten Notwendigkeit. Die Erfahrung der Maurer, Zimmerleute, Holzschneider, Stukkateure, Parkettierer, Maler dieser Schulen ist für die Wiederherstellung der Objekte der russischen Moderne und der Stalinoepoche unbedingt ausreichend. Aber es gibt tatsächlich keine Fachkräfte, die die technologischen Aufnahmen wissen und beim Bau der Gebäude der russischen Avantgarde verwendet sind, da es auch keine Praxis der Wiederherstellung dieser Gebäude eigentlich gibt.

Der Kreis der Probleme wurde geschlossen und, um man von ihm ausgerissen zu werden, man die eiligen extraordinären Maßnahmen für die Rettung vom Niedergang der hervorragenden Denkmäler des XX. Jahrhunderts ergreifen muss, die Analoga von ihnen einfach nicht existieren. Gerade deshalb erhoben das Bündnis der Moskauer Architekten im 2006 die Initiative der Entwicklung und der Realisierung des speziellen föderalen Programms der Rettung der russischen architektonischen Avantgarde, und insbesondere, die Initiative der Durchführung der Internationalen Konferenz „Die Erhaltungen der Architektur des XX. Jahrhunderts und das Weltweite Erbe“, die in Moskau im April, 2007 stattgefunden hat.

Eines der Ergebnisse dieser Konferenz wurde das Hinaustragen des Problems der Erhaltung der einzigartigen architektonischen Schicht der weggehenden Epoche auf die spezielle Erörterung des Ratschlages für der Kultur beim Präsidenten der Russischen Föderation, wo die vorrangigen planmäßigen Maße geplant waren. Aber bis jetzt hat sich praktisch nichts geändert, und die Denkmäler der Epoche der russischen architektonischen Avantgarde setzen fort, zerstört zu werden...

Es ist schon jetzt klar, dass es unmöglich ist, den Kreis der komplizierten soziokulturellen, psychologischen, ökonomischen, technischen und planmäßig-methodologischen Probleme ohne größtmögliche Unterstützung der weltweiten professionellen Öffentlichkeit, ohne internationalen Meinungsaustausch, ohne gerade ausländischen Investitionen und die gerade Teilnahme in den Wiederherstellungsarbeiten der Fachkräfte der europäischen Länder zu zerreißen. Diese unangenehme Wahrheit muss man anerkennen – für die Rettung der bemerkenswerten Schicht des kulturellen Erbes des vorigen Jahrhunderts, das unbedingt den Gegenstand des wahrhaften nationalen Stolzes Russlands bildet.

Клуб фабрики
«Буревестник»

Klubhaus der Fabrik
„Burewestnik“

Клуб фабрики
«Буревестник»,
1927—1929 годы,
арх. К.С. Мельников.
3-я Рыбинская ул., д.
17, стр. 1

Klubhaus der Fabrik „Burewestnik“, 1927—29,
Architekt K.S. Melnikow.
3. Rybinskaja-Straße
17, Bau 1

**Елена Соловьева,
заведующая научно-
проектным отделением
Научно-исследовательского
и проектного института
Генерального плана
города Москвы**

**Jelena Solowjewa,
Leiterin der Wissenschaft-
und Projektteilung
des Forschungs- und
Projekthinstitutes des
Generalplanes Moskaus**

КОНЦЕПЦИЯ СОХРАНЕНИЯ, РЕКОНСТРУКЦИИ И РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ 1920—1930-Х ГОДОВ

Die Konzeption der Erhaltung, der Rekonstruktion und der Entwicklung der Territorien des Wohngebietes der 1920–1930er Jahren

В самом начале работ по теме сохранения, реконструкции и развития территорий жилой застройки 1920—1930 годов в Москве Комитетом по архитектуре и градостроительству г. Москвы была поставлена задача комплексного подхода к проблеме ревалоризации комплексов жилых поселков той эпохи. Это было вызвано рядом причин:

- полным осознанием ценности российского вклада в развитие мировой градостроительной культуры, всевозрастающим интересом мировой архитектурной общественности к наследию 1920—1930 годов XX века;

- участвовавшей практикой замены отдельных зданий и сооружений в составе жилых комплексов 1920—1930 годов, происходящей по мере их ветшания и нарушающей целостность этих архитектурных ансамблей и качество застройки;

- исчерпанностью градостроительного ресурса центральной части Москвы, где практически не осталось свободных участков, в силу чего территории жилых поселков 1920—1930 годов являются крайне привлекательными как для городских властей — для решения проблем постройки нового муниципального жилья, так и для потенциальных инвесторов, которым исторический центр города по-прежнему представляется вожаделенной строительной площадкой.

Работа, которая выполняется Институтом Генерального плана г. Москвы по заказу Комитета по архитектуре и градостроительству г. Москвы, отражает наши намерения и способы решения поставленных нами задач.

**Дом-коммуна, 1929
год, арх. И.С. Николаев.
Фрагмент фасада.
Орджоникидзе ул,
д. 8/9**

**Kommune-Haus, 1929,
Architekt I.S. Nikolajew.
Fragment der Fassade.
Ordschonikidse-Straße
8/9**

Первая задача. Выявление объектов исследования — комплексов жилой застройки 1920—1930 годов.

Этот начальный этап работ почти закончен. Были собраны исходные данные о существующих в Москве конструктивистских жилых комплексах 1920—1930 годов, исторические сведения о них, сделана попытка их типологизации, которая позволяет выделить как уникальные, так и повторяющиеся типовые приемы застройки данных комплексов.

В результате наших исследований выявлены все находящиеся в Москве крупные комплексы жилой застройки 1920—1930 годов (с территорией не менее одного квартала) и отдельные группы зданий (участки, занимаемые тремя и более зданиями). Составлен их адресный перечень. Выделены основные типы социального назначения жилых комплексов. Это так

Гleich am Anfang der Arbeiten am Thema der Erhaltung, der Rekonstruktion und der Entwicklung der Territorien des Wohngebietes der 1920–1930er Jahren in Moskau hat das Komitee für die Architektur und den Städtebau Moskaus die Aufgabe des komplexen Herangehens zum Problem der Revalorisation der Komplexe der Wohnsiedlungen jener Epoche gestellt. Es war von einigen Gründen herbeigerufen:

- volles Begreifen des Wertes des russischen Beitrags in die Entwicklung der weltweiten städtebaulichen Kultur, das steigende Interesse der weltweiten architektonischen Öffentlichkeit für das Erbe der 1920–1930er Jahren des XX. Jahrhunderts;

- die sich beschleunigende Praxis des Ersatzes einiger Gebäude und Bauten im Bestande der Wohnkomplexen der 1920–1930er Jahren, die nach ihrer Alterung geschehen war und die Ganzheit dieser architektonischen Ensembles und die Qualität der Bebauung verletztten;

- die Erschöpfung der städtebaulichen Ressource des zentralen Teiles Moskaus, wo es keine freie Grundstücke tatsächlich übrig blieb, infolge wessen sind die Territorien der Wohnsiedlungen der 1920–1930er Jahren sowohl für die städtischen Behörden – für die Lösung der Probleme des Baus der neuen Kommunalwohnfläche, als auch für die potentiellen Investoren, die das historische Stadtzentrum für den heißersehten Bauplatz nach wie vor halten, äußerst attraktiv.

Die Arbeit, die vom Institut des Generalplanes Moskaus auftragsgemäß vom Komitee für die Architektur und den Städtebau des Moskaus erfüllt wird, spiegelt unsere Absichten und Weisen der Lösung der von

называемые рабочие поселки для проживания трудящихся того или иного промышленного предприятия; жилые комплексы сотрудников ведомственных учреждений; группы жилых кооперативных домов, предназначенные для проживания сотрудников того или иного научного института, министерства, треста; комплексы студенческих общежитий и жилых домов для научно-преподавательского состава академических институтов. Москва содержит довольно большой пласт жилой застройки этого периода.

Важно отметить, что объектами нашего исследования на данном этапе работ были комплексы и группы жилых домов, поэтому работа в отношении отдельных построек жилого, общественного и производственного назначения 1920—1930 годов, многие из которых представляют собой выдающиеся шедевры московской архитектуры, не производилась.

Была сделана попытка определения типологии планировочной организации крупных жилых комплексов, которая преследовала цель выявить как наиболее устойчивые и часто повторяющиеся, так и уникальные приемы планировки.

Выделены три основных приема организации планировочной структуры комплексов:

- планировочная структура, ориентированная на создание проникающего пространства, не разделяющая жизнь улицы и двора;

- планировочная структура, ориентированная на организацию замкнутого периметрального пространства дворовой территории;

- планировочная структура, основанная на сочетании двух первых приемов и обеспечивающая одновременную пульсацию и взаимопроникновение уличного и внутридворового пространства.

Особенности планировочной организации диктовались градостроительным контекстом, в котором осуществлялось проектирование.

Периферийные территории, не имевшие на момент проектирования четко сформированного градостроительного окружения, тяготели к композиции супрематического характера, обеспечиваю-

щей слияние уличного и внутридворового пространства. Они выплескивают себя в город, не делая попытки сформировать уличный фронт застройки. Элементом, замыкающим комплекс вовнутрь, на себя, было озелененное пространство — бульвар или сквер, где, как правило, располагались здания общественного назначения и социально-бытового обслуживания. Для них характерно индифферентное отношение к сложившейся сетке улиц. В качестве таких примеров можно привести комплексы студенческих общежитий на Студенческой улице, на Соколе, на Энергетической улице, комплекс общежитий для рабочих на улице Машиностроения (утрачен), Хавско-Шаболовский комплекс на улице Шаболовка.

Второй прием — периметр — возник в условиях строительства в сложившемся градостроительном окружении. Это более традиционный способ организации пространства в городе. Здания формируют фронт уличной застройки, который, тем не менее, не образует сплошной кулисы. Дворовое пространство комплекса более замкнуто, ориентировано вовнутрь. К ним можно отнести комплексы поселка Нижняя Пресня на Мантулинской улице, поселок Усачевка на улице Усачева, поселок Дубровка, поселок Буденовский на Почтовой улице.

Третий прием сочетает характерные черты двух первых и, как правило, является результатом позднейшей докомпоновки супрематических комплексов. К ним можно отнести комплекс жилых домов на Погодинской улице, на Студенческой улице, на улице Матросская Тишина.

Жилой городок МЭИ

Wohnheime der Moskauer Hochschule für Energiewirtschaft MEI

unser gestellten Aufgaben wider.

Die erste Aufgabe. Die Aufspürung der Objekte der Forschung – der Komplexe des Wohngebietes der 1920–1930er Jahren.

Diese Anfängerstufe der Arbeiten ist fast erledigt. Die Ausgangsdaten über existierende in Moskau konstruktivistische Wohnkomplexe der 1920–1930er Jahren, die historischen Nachrichten über sie sind gesammelt, man hat den Versuch ihrer Typologie gemacht, die zulässt, sowohl einzigartige, als auch die wiederholten typisierten Aufnahmen der Bebauung der gegebenen Komplexe zu wählen.

Im Ergebnis unserer Forschungen sind alle grossen Komplexe des Wohngebietes der 1920–1930er Jahren (mit dem Territorium nicht weniger als ein Quartal) und die einigen Gruppen der Gebäude (die Grundstücke, die mit den drei und mehreren Gebäuden eingenommen werden), die sich in Moskau befinden, enthüllt. Man hat ihr Adressverzeichnis gebildet und die Haupttypen der sozialen Bestimmung der Wohnkomplexe gewählt. Es ist die sogenannten Arbeitssiedlungen für den Aufenthalt der Arbeiter dieses oder jenes industriellen Unternehmens; die Wohnkomplexe der Mitarbeiter der amtlichen Institutionen; die Gruppen der genossenschaftlichen Wohnhäuser, die für den Aufenthalt der Mitarbeiter dieses oder jenes wissenschaftlichen Institutes, des Ministeriums, des Trusts vorbestimmt ist; die Komplexe der studentischen Wohnheime und der Wohnhäuser für den Wissenschaftslehrbestand der akademischen Institute. Moskau enthält die ziemlich große Schicht des Wohngebietes dieser Periode.

Man muss bemerken, dass die Objekte unserer Forschung auf dieser Arbeitsstufe die Komplexe und die Gruppen der Wohnhäuser waren, deshalb die Arbeit in Bezug auf einigen Bau der Wohn-, Gesellschafts- und Produktionsbestimmung der 1920–1930er Jahren, viele von deren die hervorragende Meisterwerke der Moskauer Architektur darstellen, wurde nicht erzeugt.

Man hat den Versuch der Bestimmung der Typologie der Planierorganisationen der grossen Wohnkomplexe gemacht, die sowohl die standfestesten und häufig wiederholten, als auch die einzigartigen Aufnahmen des Planierens aufkären sollte.

Drei Hauptaufnahmen der Organisation der Planierstruktur der Komplexe sind gewählt:

- die Planierstruktur, die auf die Bildung des durchdringenden Raumes ausgerichtet ist und das Leben der Straße und des Hofes nicht abteilt;

- die Planierstruktur, die auf die Organisation des geschlossenen Perimeterraumes des Hofterritorium ausgerichtet ist;

- die Planierstruktur, die auf der Kombination der zwei ersten Aufnahmen gegründet ist und das gleichzeitige Pulsieren als auch die gegenseitige Durchdringung der Straßen- und Innenhofräume.

Die Besonderheiten der Planierorganisation sind vom städtebaulichen Kontext

Вторая задача. Определение критериев историко-культурной оценки комплексов жилой застройки 1920—1930 годов.

Для формирования системы критериев объективной оценки необходимо, прежде всего, понимание истоков конструктивизма как градостроительного течения, его вклада в развитие мировой градостроительной мысли и архитектурного искусства, видение всего пласта сохранившихся построек этого периода в городе, уникальности отдельных приемов или тиражируемого характера других, понимание местных, московских особенностей этого интернационального архитектурного течения.

Естественно, что массовое строительство в Москве в 1920—1930-х годах было порождено небывалым голодом на жилье, возникшем в результате взрывного роста городского населения и провозглашенного в то время лозунга «Улучшение качества жизни трудящихся масс, освобожденных революцией».

Однако следует отметить, что необходимость решения жилищной проблемы была крайне актуальна и для всей Европы после Первой мировой войны. Началось этому процессу было положено еще в 1919—1923 годах муниципальным строительством Вены. В своей статье в журнале «Современная архитектура» за 1926 год венский инженер Нейдакер писал: «Острый жилищный кризис в Вене был порожден последствиями закона, изданного в военное время, наложившего запрет на повышение квартирной платы и свободную сдачу квартир домовладельцами ... Это привело Вену к громадному дефициту жилой площади. Строительство в 1919—1923 годах, давшее 3500 квартир, было явно недостаточно. В 1923 году была утверждена пятилетняя программа на 1924—1928 годы, охватывающая строительство 25000 квартир».

Муниципалитет создал руководящую строительную организацию и подвел финансовую базу. Финансовая сторона вопроса обеспечена введением целевого налога, построенного на прогрессивном ... Организация строительства была построена на подрядном способе. Взявшая работу фирма целиком снабжалась всеми материалами из центрального снабженческого аппарата муниципалитета, являющегося монополистом на рынке строительных ма-

диктирует, в чем себя проектирование воплотило.

Die Peripherieterritorien, die zum Zeitpunkt der Projektierung keine deutlichen gebildeten städtebaulichen Umgebung hatten, gravitierten zur Komposition des suprematischen Charakters, die Verschmelzung des Straßen- und Innenhofraumes gewährleistete. Sie schütten sich in die Stadt aus, ohne Versuch die Straßenfront der Bebauung zu bilden. Ein Element, das den Komplex nach innen, auf sich schließt, war der begrünte Raum – der Boulevard oder die Grünanlage, wo sich die Gebäude der öffentlichen Bestimmung und der sozialen Bedienung in der Regel einrichteten. Für sie ist die indifferente Beziehung zum ausgeprägten Netz der Straßen charakteristisch. Als solche Beispiele kann man die Komplexe der studentischen Wohnheime in der Studentskaja Straße, in Sokol, in der Energetitscheskaja Straße, den Komplex der Wohnheime für die Arbeiter in der Maschinostroenie Straße des Maschinenbaues (verloren), den Hawsko-Schabolowskij Komplex in der Schabolowka Straße anführen.

Die zweite Aufnahme – das Perimeter – ist unter den Bedingungen des Baues in der ausgeprägten städtebaulichen Umgebung entstanden. Es ist die mehr traditionelle Weise der Organisation des Raumes in der Stadt. Die Gebäude bilden die Front der Straßenbebauung, die die ununterbrochene Kulisse nichtsdestoweniger nicht bildet. Der Hofraum des Komplexes ist mehr geschlossen, nach innen ausgerichtet. Dazu kann man die Komplexe der Nizhnjaja Presnja Siedlung in der Mantulinskaja Straße, die Usatschewka Siedlung in der Usatschew Straße, die Dubrowka Siedlung, die Budenowskij Siedlung in der Potschtowaja Straße zurechnen.

Die dritte Aufnahme kombiniert die charakteristischen Striche der zwei ersten und ist in der Regel ein Ergebnis der spätesten Nachaufmachung der suprematischen Komplexe. Dazu kann man den Komplex der Wohnhäuser in der Pogodinskaja Straße, in der Studentskaja Straße, in der Matrosskaja Straße zurechnen.

Die zweite Aufgabe. Die Bestimmung der Kriterien der historischen und

Жилой экспериментальный комплекс Наркомфина

Experimenteller Wohngebäudekomplex von Narkomfin

Заводские дома на окраинах Москвы

Arbeiterwohnhäuser in den Randbezirken von Moskau

kulturellen Einschätzung der Komplexe des Wohngebietes der 1920—1930er Jahren.

Für die Bildung des Systems der Kriterien der objektiven Einschätzung ist vor allem das Verständnis der Quellen des Konstruktivismus wie der städtebaulichen Strömung, seines Beitrags an die Entwicklung des weltweiten städtebaulichen Gedankens und die architektonische Kunst, die Vision der ganzen Schicht des erhalten bleibenden Baus dieser Periode in der Stadt, der Einmaligkeit der einigen Aufnahmen oder des vervielfältigten Charakters der anderen, das Verständnis der lokalen, Moskauer Besonderheiten dieser internationalen architektonischen Strömung notwendig.

Natürlich, war der Massenbau in Moskau in 1920—1930 Jahren vom niedagewesenen Hunger auf der Wohnfläche bewirkt, der im Ergebnis der Explosionsgröße der städtischen Bevölkerung und der ausgerufenen damals Lösung „Verbesserung der Qualität des Lebens der arbeitenden Massen, die von der Revolution befreit sind“ entstand.

Doch ist nötig es zu bemerken, dass die Notwendigkeit der Lösung des Wohnungsproblems auch für ganze Europa nach dem Ersten Weltkrieg äußerst aktuell war. Den Anfang hat der Kommunalbau Wiens diesem Prozess noch in 1919—1923 Jahren gemacht. Im seinem Artikel in der Zeitschrift „Die Moderne Architektur“ von 1926 schrieb der Wiener Ingenieur Nejdaher: „Die scharfe Wohnungsnot in Wien war von den Folgen des Gesetzes, das zur Militärzeit herausgegeben war, bewirkt, der die Erhöhung der Miete und die freie Aufgabe der Wohnungen den Hausbesitzern verbot... Es hat Wien zum riesigen Defizit des Wohnraumes gebracht. Der Bau in 1919—1923 Jahren, der 3500 Wohnungen gegeben hatte, war offenbar ungenügend. In 1923 war das fünfjährige Programm für 1924—1928 Jahre behauptet, das den Bau von 25000 Wohnungen erfassenden erfasste.

Die Stadtverwaltung hat die leitende Bauorganisation geschaffen und die Finanzbasis zugeführt. Die Finanzseite der Frage ist mit der Einleitung der zweckbestimmten Steuer versorgt, die auf progressiven gebildet ... Die Organisation des Baues war auf der Vertragsweise gegründet. Die Firma, die Arbeit nahm, wurde mit allen Materialien

**Жилой дом на
Новорязанской улице**

**Wohnhaus in der Nowor-
jasanskaja-Straße**

териалов и диктовавшего цены. Участие муниципалитета в отдельных отраслях производства строительных материалов и фабрикация стандартных частей построек еще больше усиливало его господство на рынке строительных материалов».

Эта длинная цитата, приведенная здесь, как нельзя лучше доказывает, что московские власти, градостроители и архитекторы опирались на европейский опыт.

Специфика московской деятельности состояла, быть может, в том, что под процесс поисков форм нового жилья подводился внушительный идеологический фундамент. В статье архитектора А.Л. Пастернака «Новые формы современного жилья», напечатанной в журнале «Современная архитектура» за 1927 год, говорилось: «Мы не можем новое содержание втискивать в старые формы, которые вчера были еще пригодны, и к которым мы лишь по традиции, по привычке обращаемся, но которые уже не подходят к сегодняшней жизни. «Рабочие дома» буржуазной культуры — негатив эпохи. Одна из причин их возникновения — смягчить остроту классово-вражды. Став интернациональным явлением, рабочие дома должны были увеличить число обеспеченных мелких собственников. Необходимо переосмыслить понятия «комфорт» и «уют» ... Не стыдно ли нам повторять гнилые формы буржуазных квартир ... Отрешиться от индивидуальной, на себе замкнутой квартиры, отрешиться от гостиничного казарменного типа общежитий — поставленная цель ... Не менее важная цель — экономия размеров, экономия траты рабочей силы и времени на обслуживание себя».

Из приведенной цитаты следует, что задача, стоявшая перед архитектором, — ориентация на максимальное обо-

ществление жизненного процесса горожанина, как антитеза западной модели образа жизни, в основе которой лежит «разумный индивидуализм», сохранение личного пространства. Квинтэссенция этого устремления — появление домов-коммун, например, таких, как всем хорошо известный дом-коммуна архитектора И.С. Николаева на улице Орджоникидзе. Надо отметить, что данная модель образа жизни не прижилась и была отвергнута самими же современниками, что также следует из статьи того же архитектора А.Л. Пастернака.

Тем не менее, именно идеологический императив коммунистического общества породил столь великую активность и разнообразие направлений в поиске новых форм в градостроительном, архитектурном, инженерном искусстве, а также в их экономических аспектах. Поиски архитекторов того времени — конструктивистов — как они сами себя называли, были посвящены не только новому укрупненному элементу городского расселения — рабочему поселку, комплексу, но и новой жилой ячейке — квартире, а также их оптимальному составу, размерности, схеме движения, новому пониманию комфорта.

В статье архитектора Г.Г. Вегмана в журнале «Современная архитектура» за 1927 год декларируется следующее: «Пропаганда создания крупных жилых единиц, вместо индивидуально замкнутых ячеек, есть, прежде всего, акт правильной, разумно и логично принятой тактики человека в борьбе за свое существование. Раз и навсегда надо четко всем уяснить и понять, что столь упорное стремление человека к коллективному, к коммуналному началу жизни ни в коем случае не является лишь одним идеологическим лозунгом революции. Оно коренится глубже. Оно вызывается к жизни самыми элементарными, естественными предпосылками человеческого бытия. Облегчение самообслуживания, отказ от индивидуального воспитания детей, от обособленного ведения хозяйства, максимальная коллективизация труда, отдыха, культурного развития и т.д. приводит к вырастанию таких форм общественной жизни как фабрики, мастерские, школы, ясли, столовые, больницы, новые жилища. Эта организованная практическим разумом, а не минутным

**Жилой дом
в Нижнем
Кисельном
переулке.
Вид со двора**

**Wohnhaus in der
Nishnij Kisselnij-
Gasse. Ansicht vom
Innenhof**

**Жилой дом
в Нижнем
Кисельном
переулке**

**Wohnhaus in der
Nishnij Kisselnij-
Gasse**

aus dem zentralen Versorgungsapparat der Stadtverwaltung vollständig versorgt, die der Monopolist auf dem Markt der Baustoffe war und den Preise diktierte. Die Teilnahme der Stadtverwaltung an den einigen Zweigen der Produktion der Baustoffe und der Fabrikation der standardmäßigen Teile des Baus verstärkte seine Herrschaft auf dem Markt der Baustoffe noch grösser».

Dieses lange Zitat, das hier angegeben ist, beweist bestmöglich, dass die Moskauer Behörden, Städtebauer und die Architekten stützten sich auf die europäische Erfahrung.

Die Besonderheit der Moskauer Tätigkeit bestand, kann sein, darin, dass ein ein-drucksvolles ideologisches Fundament unter den Prozess der Suche der Formen der neuen Wohnfläche zugeführt wurde. Im Artikel des Architekten A.L. Pasternak „Die Neuen Formen der modernen Wohnfläche“, der in der Zeitschrift „Die Moderne Architektur“ von 1927 gedruckt war, sagte er: „Wir können den neuen Inhalt in die alten Formen nicht hineindrängen, die gestern noch brauchbar waren, und zu denen wir uns nur traditions-gemäß, nach der Gewohnheit wenden, aber welche heutigem Leben nicht entsprechen. „Die Arbeitshäuser“ der bürgerlichen Kultur ist das Negativ der Epoche. Einer der Gründe ihres Entstehens ist, den Witz der Klassen-feindschaft zu mildern. Eine internationale Erscheinung geworden, sollten die Arbeits-häuser die Zahl der gewährleisteten kleinen Besitzer vergrößern. Man muss die Begriffe „der Komfort“ und „die Gemütlichkeit“ um-werten... Schämen uns wir nicht, die verfallenen Formen der bürgerlichen Wohnungen zu wiederholen... Das gesetzte Ziel ist, auf der individuellen, auf sich geschlossenen Wohnung, auf kasernierten Hoteltyp der Wohn-heime zu verzichten... Noch ein wichtiges Ziel ist die Einsparung der Umfänge, die Einsparung der Ausgabe der Arbeitskraft und der Zeit auf die Selbstbedienung“.

Aus dem gebrachten Zitat ist es nötig, dass die Aufgabe, die vor dem Architekten stand, die Orientierung auf die maximale Vergesellschaftung des lebenswichtigen Prozesses des Städtlers, wie die Antithese des westlichen Modells der Lebensweise, war, in deren Grundlage „der vernünftige Individualismus“, die Erhaltung des persönlichen Raumes legen. Die Quintessenz dieser Bestrebung ist das Erscheinen der Häuser-Kommunen zum Beispiel solcher, wie die

вдохновением, жилой единица имеет для нас важное значение. Наличие в здании новых помещений не жилых, а помещений общественного назначения, вреда яслей, зала собраний, детских комнат, с площадками на свежем воздухе и т.д. ставит плотную человека с его общественными воспитанием».

Эти цитаты показывают сколь специфическими в городе Москве, отличными от сегодняшнего понимания, были социальные предпосылки, вызвавшие к жизни новые единицы городского расселения, начиная от организации оптимальной жилой ячейки — квартиры — к проблемам организации дома, как элемента коллективизированного хозяйства, до рациональной организации застройки территории квартала. И в то же время проблемы формирования нового социального жилья в Москве были проблемами всего международного сообщества и заложили фундамент всей градостроительной и архитектурной науки XX века. Провозглашенные в 1920—1930 годах принципы поиска оптимального элемента расселения нашли продолжение в массовом строительстве 1960—1980 годов, объективная оценка достижений которого еще ждет своего часа.

Третья задача, сопряженная с предыдущей — **анализ архитектурно-художественной и градостроительной значимости комплексов жилой застройки 1920—1930 годов, типологических, композиционных, масштабных, функциональных, хронологических особенностей, определение историко-культурной ценности объектов исследования, степени сохранности первоначальной объемно-планировочной структуры, системы благоустройства, озеленения.**

Этот комплекс задач тесно связан с предыдущей проблемой — с определением критериев оценки комплексов жилой застройки 1920—1930-х годов. В него входят: оценка степени реализованности и сохранности первоначального проектного замысла, цельности образа и его художественной выразительности; оценка степени трансформации в ходе эволюционного развития; градостроительная значимость, выражаемая степенью соответствия градостроительному контексту и степенью участия в формировании образных характеристик города в целом; полнота раскрытия принципов конструктивизма.

Проведенная оценка показала, что наиболее ценными по вышеперечисленным факторам являются следующие комплексы: Хавско-Шаболовский, Нижняя Пресня, поселок Буденовский, юго-западная часть Усачевки, центральная часть Русаковки, центральная часть Дангауэровки, западная часть Дубровки, Преображенский, общежития Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

Именно эти комплексы мы оцениваем как объекты культурного наследия города на которые должен распространяться жесткий режим научной реставрации,

Жилой поселок «Дангауэровка», 1920—1930 годы. Фрагмент одного из домов. Авиамоторная ул.

Wohnsiedlung „Dangauerowka“, 1920—30. Fragment eines der Häuser. Awiamotornaja-Straße

wohlbekannte Haus-Kommune des Architekten I.S.Nikolaew in der Ordschonikidse Straße. Man muss bemerken, dass sich das vorliegende Modell der Lebensweise nicht eingelebt hat und von den Zeitgenossen abgelehnt war, was aus dem Artikel des selben Architekten A.L.Pasternak auch nötig ist.

Nichtsdestoweniger, hat gerade der ideologische Imperativ der kommunistischen Gesellschaft so große Aktivität und Vielfältigkeit der Richtungen in der Suche der neuen Formen in der städtebaulichen, architektonischen, ingenieurmässigen Kunst, und auch in ihren ökonomischen Aspekten bewirkt. Die Suche der Architekten jener Zeit — der Konstruktivisten — wie sie sich selbst nannte, waren nicht nur dem neuen vergrößerten Element des städtischen Ansiedelns — der Arbeitssiedlung, dem Komplex, sondern auch der neuen Wohnzelle — der Wohnung, sowie ihrem optimalen Bestand, der Dimension, dem Schema der Bewegung, dem neuen Verständnis des Komforts gewidmet.

Im Artikel des Architekten G.G.Wegman in der Zeitschrift „Die Moderne Architektur“ von 1927 wird das Folgende deklariert: „Die Propaganda der Bildung der grossen Wohneinheiten, anstelle der individuell geschlossenen Zellen, ist vor allem ein Akt der richtigen, logisch und vernünftig übernommenen Taktik des Menschen im Kampf für die Existenz. Ein für alle Mal muss man deutlich erfahren und verstehen, dass so hartnäckige Strebe des Menschen zum kollektiven, kommunalen Anfang des Lebens keinesfalls nur eine ideologische Lösung der Revolution ist. Sie wurzelt tiefer. Sie wird ins Leben von den elementarsten, natürlichen Vorbedingungen des menschlichen Daseins gerufen. Die Erleichterung der Selbstbedienung, die der individuellen Erziehung der Kinder, der isolierten Füh-

rung der Wirtschaft, die maximale Kollektivierung der Arbeit, der Erholung, der kulturellen Entwicklung bringt zum Wachsen solcher Formen des öffentlichen Lebens wie die Fabriken, Werkstätten, Schulen, Krippen, Speisesäle, Krankenhäuser, neuen Behausungen usw. Diese Wohneinheit, die von der praktischen Vernunft, und nicht von der minutenlangen Eingebung organisiert ist, hat für uns eine wichtige Bedeutung. Das Vorhandensein im Gebäude der neuen Räume nicht der bewohnbaren, sondern der öffentlichen Bestimmung, wie die Krippen, der Versammlungssaal, die Kinderzimmer, mit den Plätzen an der frischen Luft usw., stellt den Menschen mit seiner öffentlichen Erziehung dicht.

Diese Zitate zeigen jedoch spezifische in Moskau, ausgezeichnete vom heutigen Verständnis, waren die sozialen Vorbedingungen, die die neuen Einheiten des städtischen Ansiedelns ins Leben hervorgerufen haben, von der Organisation der optimalen Wohnzelle — die Wohnungen — zu den Problemen der Organisation des Hauses, wie des Elementes der kollektiven Wirtschaft, bis zur rationalen Organisation der Bebauung des Territoriums des Quartals. Und die Probleme der Bildung der neuen sozialen Wohnfläche in Moskau waren zur gleichen Zeit die Probleme der ganzen internationalen Gesellschaft und haben das Fundament der ganzen städtebaulichen und architektonischen Wissenschaft des XX. Jahrhunderts gelegt. Die in 1920–1930 Jahren ausgerufenen Prinzipien der Suche des optimalen Elementes des Ansiedelns haben die Fortsetzung im Massenzug der 1960–1980er Jahren gefunden, dessen objektive Einschätzung der Errungenschaften auf ihre Zeit wartet.

Die dritte Aufgabe, die mit vorhergehende verknüpft ist — **die Analyse der architektonischen, künstlerischen und städtebaulichen Bedeutsamkeit der Komplexe des Wohngebietes der 1920–1930er Jahren, der typologischen, zusammengesetzten, großzügigen, funktionalen, chronologischen Besonderheiten, die Bestimmung des historischen und kulturellen Wertes der Objekte der Forschung, der Stufe der Unversehrtheit der ursprünglichen räumlichen und planerischen Strukturen, des Systems des Komforts, der Begrünung.**

Дом Московского автозавода на Велозаводской улице

Wohnhaus des Moskauer Automobilwerkes in Welosawodskaja-Straße

предусматривающий сохранение их первоначальной объемно-пространственной и планировочной структуры с возможной докомпоновкой утраченных или нереализованных по первоначальному проектному замыслу элементов застройки с сохранением и восстановлением системы благоустройства, малых форм первоначального периода, с сохранением стилового оформления фасадов.

К этой же категории охраны мы предлагаем отнести комплекс Всесоюзного электротехнического института, возникший в 1930-х годах на отведенной по плану Большой Москвы территории бывшей Анненгофской рожи (архитекторы: В.Я. Мовчан, Г.Я. Мовчан, Л.Н. Мейльман, А.С. Фисенко, И.С. Николаев, конструктор Г.Г. Карлсен, общее руководство проф. А.В. Кузнецов), несмотря на довольно значительные утраты в его первоначальном объемно-пространственном и планировочном решении. В Москве это чуть ли не единственное градостроительное образование периода «конструктивизма», сформированное по типу университетского кампуса (научного городка с лабораториями, опытными мастерскими, учебными корпусами, жилыми домами научно-преподавательского состава, студенческими общежитиями).

К категории ценных комплексов застройки, имеющих частичные утраты и трансформированных позднейшими наложениями, могут быть отнесены комплексы студенческих общежитий на Студенческой улице, северо-восточная часть Усачевки, комплекс в Колодезном переулке, северная часть Дангауэровки, юго-западная часть комплекса на Восточной улице, комплекс на Мытной улице, на Писцовой улице, на Абельмановской заставе, у Хапиловских прудов.

Остальные комплексы мы классифицируем как рядовую застройку. Это вызвано тем, что они имеют значительные утраты, не позволяющие говорить о них, как о целостных образованиях, не представляют уникальной типологической ценности и (или) находятся в аварийном состоянии.

В соответствии с существующим в Москве порядком наши предложения по ценностной дифференциации этих объектов должны пройти экспертизу Комитета по культурному наследию г. Москвы, который может согласиться с ними или отвергнуть.

Четвертая задача. Разработка мероприятий по сохранению, реконструкции и развитию территорий комплексов жилой застройки 1920—1930 годов.

Опыт экспертного рассмотрения отдельных материалов данного исследования в органах охраны культурного наследия Москвы показал нам, что первым порывом по защите комплексов застройки 1920—1930-х годов является постановка под государственную охрану практически

**Жилой дом
в г. Королеве,
арх. А. Лангман**

**Wohnhaus in der Stadt
Koroljow,
Architekt A. Langmann**

всех выявленных в ходе данной работы объектов.

По здравому размышлению этот шаг представляется преждевременным и даже популистским. Ставить себе целью сохранить все, не зная как, значит не сохранить ничего. На сегодняшний момент среди профессионалов в области охраны культурного наследия отсутствует четкое представление о том, что же такое охрана жилой застройки и, в частности, конструктивистских поселков. Отсутствует четкое представление о приемах и методах контроля сохранности и реставрации памятников жилой застройки. Какого вида охранные обязательства надо заключать с владельцами квартир жилого дома для того, чтобы исключить случаи замены аутентичных столярных и дверных заполнений в квартирах, случаи перепланировки квартир?

Действующая московская практика охраны памятников предусматривает их полную научную реставрацию и приспособление. Научная реставрация, в основном, предполагает полное восстановление объекта на его первоначальный период; приспособление сводится к возможному изменению прежнего функционального использования и щадящей модернизации без затрагивания конструктивных элементов, с сохранением первоначальной планировки и отделки интерьеров. В то же время ясно, что сохранить полностью внутреннюю планировку жилых квартир невозможно. Жесткая и крайне экономная планировочная схема жилых ячеек

Д Dieser Komplex der Aufgaben ist mit dem vorhergehenden Problem – mit der Bestimmung der Kriterien der Einschätzung der Komplexe des Wohngebietes der 1920–1930 Jahren eng verbunden. Sie besteht aus: die Einschätzung der Stufe der Realisierung und der Unversehrtheit des ursprünglichen Projektvorhabens, der Ganzheit der Gestalt und ihrer künstlerischen Ausdruckskraft; die Einschätzung der Stufe der Transformation im Verlauf der Evolutionsentwicklung; die städtebauliche Bedeutsamkeit, die von der Stufe der Übereinstimmung mit dem städtebaulichen Kontext und von der Stufe der Teilnahme an der Bildung der bildlichen Charakteristiken der Stadt insgesamt geäußert wird; die Fülle des Öffnens der Prinzipien des Konstruktivismus.

Die durchgeführte Einschätzung hat gezeigt, dass die folgenden Komplexe laut diesen Faktoren meistens wertvoll sind: Hawsko-Schabolowskij, Nizhnaja Presnja, die Budenowskij Siedlung, der Südwestteil der Usatschewka Siedlung, der zentrale Teil der Rusakowka Siedlung, der zentrale Teil der Dangauerowka Siedlung, der westliche Teil der Dubrowka Siedlung, die Preobrazhenskij Siedlung, das Wohnheim der Timirjazewskij der landwirtschaftlichen Akademie.

Wir bewerten gerade diese Komplexe wie die Objekte des kulturellen Erbes der Stadt, auf die sich das harte Regime der wissenschaftlichen Wiederherstellung erstrecken soll, das Erhaltung ihrer ursprünglichen räumlichen und planerischen Strukturen mit dem möglichen Nachaufbau der verlorenen und der Elemente, die nach dem ursprünglichen Projektvorhaben nicht realisierten waren, mit der Erhaltung und die Wiederherstellung des Systems des Komforts, der kleinen Formen der ursprünglichen Periode, mit der Erhaltung der Stylerledigung der Fassaden vorsieht.

Dieser Kategorie des Schutzes bieten wir an, den Komplex des Elektrotechnischen Unionsinstitutes, der in den 1930 Jahren auf dem Territorium des ehemaligen Annengofskaja Wäldchen, das nach dem Plan „Bolschaja Moskwa“ zur Verfügung gestellt war, zuzurechnen (die Architekten W.J.Mowtschan, G.J.Mowtschan, L.N.Mejlman, A.S.Fisenko, I.S.Nikolaew, der Konstrukteur G.G.Karlson, die allgemeine Führung des Prof. A.V.Kusnezow), ungeachtet der ziemlich bedeutenden Verluste in seinem ursprünglichen räumlichen und planerischen Lösung. In Moskau ist es fast die einzige städtebauliche Bildung der Periode „des Konstruktivismus“, nach dem Typ des Universitätscampus gebildet war (des wissenschaftlichen Städtchens mit den Laboren, Versuchswerkstätten, Lehrkörper, Wohnhäusern des Wissenschaftlehrbestandes, den studentischen Wohnheimen).

Der Kategorie der wertvollen Komplexe der Bebauung, die die Teilverluste und die umgeformten spätesten Schichten haben, kann man die Komplexe der studentischen Wohnheime in der Studentscheskaja Straße, den nordöstlichen Teil der Usatschewka Siedlung, den Komplex in der Kolodesnyj Gasse, den Nordteil der Dangauerowka, der

**Лестница в жилом
доме авиазавода.
Типичное состояние**

**Treppenhaus im
Wohngebäude des
Flugzeugwerkes.
Typischer Zustand**

— квартир, спроектированных в 1920—1930-х годах, не совсем соответствует потребностям сегодняшнего дня. Кроме того, нельзя не понимать, как важно сохранить и зафиксировать результат поиска в конструировании оптимального жилья 1920—1930-х. Попытаться разрешить это противоречие нам еще предстоит.

Представляется целесообразным приступить к принятию решений о постановке под государственную охрану тех или иных жилых комплексов, относящихся к периоду конструктивизма, после того, как будет сформулирована методология их охраны, включая рассмотрение проблем предмета охраны, после завершения всего комплекса исследований по жилой застройке 1920—1930 годов. Все это даст нам объективную картину ее состава и состояния. До завершения этих работ мы предлагаем органам власти, уполномоченным в области градостроительства и охраны культурного наследия, наложить мораторий на принятие решений по этим комплексам, как в отношении проектных мероприятий, так и охранных.

Разработанные нами в рамках данной работы рекомендации по режимам реабилитации комплексов жилой застройки 1920—1930-х годов направлены на сохранение и восстановление целостности их объемно-пространственного и планировочного решения, и не касаются вопросов внутренней организации отдельных зданий.

В соответствии с тремя группами категорий ценности, выявленными в результате исследований (объекты культурного наследия, ценные элементы застройки и рядовые элементы застройки), мы предлагаем три типа режимов реабилитации.

Первый режим — научная реставрация: не допускает изменений установленного на основании историко-культурной экспертизы предмета охраны объекта культурного наследия; замены аутентичных элементов исторического комплекса застройки, обладающих архитектурно-художественной ценностью, сохранность которых возможно обеспечить методами консервации и реставрации; изменения характеристик природного ландшафта.

Этот режим предусматривает реставрационное воссоздание утраченных элементов, в том числе первоначальной системы озеленения, архитектуры малых форм, и устранение диссонансирующих объектов в соответствии с согласованным в установленном порядке проектом комплексной научной реставрации и приспособления. Также предусматривается обеспечение условий доступности объекта культурного наследия в целях его экспонирования. Допускается реконструкция инженерных сетей и дорог, не наносящая физического ущерба объектам культурного наследия.

Второй режим — реконструкция: предусматривает сохранение первоначального планировочного решения комплекса, ценных элементов и стилистических характеристик застройки, допускает частичные изменения объемно-

**Жилой дом в
Нижнем Кисельном
переулке. Фрагмент
уличного фасада**

**Wohnhaus in der
Nishnij Kisselnij-
Gasse. Fragment der
Außenfassade**

Сüdwestteil des Komplexes in der Wostotschnaja Straße, den Komplex in der Mytnaja Straße, in der Pistsowaja Straße, auf der Abelmanowskaja Einfahrt, bei den Hapilowskie Teichen zurechnen.

Wir stufen die übrigen Komplexe wie die gewöhnliche Bebauung ein. Es ist davon herausgerufen, dass sie die bedeutenden Verluste haben, die nicht zulassen, über sie, wie über die ganzheitlichen Bildungen zu sagen, keinen einzigartigen typologischen Wert vorstellen und (oder) sich im Notzustand befinden.

Entsprechend der Ordnung, der in Moskau existiert, sollen unsere Vorschläge nach der wertmäßigen Differenzierung dieser Objekte die Expertise des Komitees für das kulturelle Erbe Moskaus beurteilt sein, das mit ihnen zustimmen oder ablehnen kann.

Die vierte Aufgabe. Die Entwicklung der Veranstaltungen nach der Erhaltung, der Rekonstruktion und der Entwicklung der Territorien der Komplexe des Wohngebietes der 1920–1930er Jahren.

Die Erfahrung der Expertenbetrachtung einiger Materialien der gegebenen Forschung in den Organen des Schutzes des kulturellen Erbes Moskaus hat uns gezeigt, dass der erste Stoß, die Komplexe der Bebauung der 1920–1930er Jahren zu schützen, war das Aufstellen unter den staatlichen Schutz tatsächlich aller Objekte, die im Verlauf der vorliegenden Arbeit enthielten waren.

Laut der vernünftigen Überlegung wird dieser Schritt vorzeitig und sogar populistisch vorgestellt. Sich ein Ziel zu stecken, allen aufzusparen, nicht wissend, wie das zu machen, bedeutet, nichts aufzusparen. Auf den heutigen Moment haben die Spezialisten des Gebiets des Schutzes des kulturellen Erbes keine deutliche Vorstellung darüber, was der Schutz des Wohngebietes und, insbesondere, der konstruktivistischen Siedlungen ist. Man hat keine deutliche Vorstellung über die Aufnahmen und die Methoden der Kontrolle der Unversehrtheit und die Wiederherstellung der Denkmäler des Wohngebietes. Welche Schutzverpflichtungen muss man mit den Besitzern der Wohnungen des Wohnhauses abschließen, um die Fälle des Ersatzes der authentischen Tischler- und Türauffüllungen in den Wohnungen, die Fälle der Neuplanung der Wohnungen auszuschließen?

Die geltende Moskauer Praxis des Schutzes der Denkmäler sieht ihre volle

wissenschaftliche Wiederherstellung und die Verwendung vor. Die wissenschaftliche Wiederherstellung vermutet hauptsächlich die volle Wiederherstellung des Objektes auf seine ursprüngliche Periode; die Verwendung wird auf die mögliche Veränderung der vorigen funktionalen Nutzung und der schonenden Modernisierung, ohne die konstruktiven Elemente zu betreffen, mit der Erhaltung des ursprünglichen Planierens und der Ausstattung der Innenansichten, zurückgeführt. Es ist gleichzeitig klar, dass man das innere Planieren der Wohnwohnungen nicht aufsparen kann. Das harte und äußerst sparsame Planierschema der Wohnzellen – der Wohnungen, die in 1920–1930 Jahren entworfen sind, entspricht den Bedürfnissen des heutigen Tages ganz nicht. Außerdem muss man verstehen, wie es wichtig ist, das Ergebnis der Suche im Konstruieren der optimalen Wohnfläche der 1920–1930er Jahren aufzusparen und festzulegen. Man muss versuchen, diesen Widerspruch noch entscheiden.

Es scheint zweckmässig, der Annahme der Lösungen über das Anstellen unter den staatlichen Schutz dieser oder jener Wohnkomplexe anzufangen, die sich zur Periode des Konstruktivismus verhalten, nachdem die Methodologie ihres Schutzes abgefasst wird, einschließlich die Betrachtung der Probleme des Gegenstandes des Schutzes, nach der Vollendung des ganzen Komplexes der Forschungen in dem Wohngebiet der 1920–1930er Jahren zu beginnen. Alles wird uns das objektive Bild seines Bestandes und Zustandes geben. Bis zur Vollendung dieser Arbeiten bieten wir den Machtorganen an, die auf dem Gebiet des Städtebaus und dem Schutz des kulturellen Erbes bevollmächtigt sind, das Moratorium auf die Annahme der Lösungen über diesen Komplexen in Bezug auf die Schutz- und Projektveranstaltungen verhängen.

Die Empfehlungen über den Regimes der Rehabilitierung der Komplexe des Wohngebietes der 1920–1930er Jahren, die von uns im Rahmen der vorliegenden Arbeit entwickelt wurden, sind auf die Erhaltung und die Wiederherstellung ihrer Ganzheit der räumlichen und planerischen Lösung gerichtet, berühren die Fragen der inneren Organisation einiger Gebäude nicht.

Entsprechend drei Gruppen der Kategorien des Wertes, die im Ergebnis der Forschungen enthüllt wurden (die Objekte des kulturellen Erbes, die wertvollen Elemente der Bebauung und die gewöhnlichen Elemente der Bebauung), bieten wir drei Typen der Regimes der Rehabilitierung an.

Das erste Regime – die wissenschaftliche Wiederherstellung: lässt keine Veränderungen des Gegenstandes des Schutzes des Objektes des kulturellen Erbes, die aufgrund der historischen und kulturellen Expertise bestimmten sind; keinen Ersatz der authentischen Elemente des historischen Komplexes der Bebauung, die den architektonischen und künstlerischen Wert verfügen, deren Unversehrtheit man mit den Methoden der Konservierung und der Wiederherstellungen gewährleisten

пространственных параметров застройки, замену элементов застройки в случаях их неудовлетворительного технического состояния, докомпоновку комплекса утраченными или нереализованными элементами застройки в соответствии с первоначальным проектным замыслом.

Второй режим — реновация: допускает изменение объемно-пространственной структуры территории, включая снос существующей малоценной застройки.

Пятая задача. Обобщенная оценка инженерно-технического состояния зданий, составляющих комплексы жилой застройки 1920—1930 годов.

Серьезным аргументом для активной реконструкции, а порой и тотального сноса застройки жилых поселков 1920—1930 годов является их крайне тяжелое техническое состояние. Методы и приемы эксплуатации этих домов, большая часть из которых дожила до нашего времени без капитального ремонта, использование при строительстве дешевых материалов, обусловленное требованиями жесткой экономии, быстрой окупаемости и доступности жилья, привели к тому, что многие дома разрушаются.

Выяснение реального технического состояния домов окажет влияние на определение дальнейших методов их реконструкции и целесообразности сохранения.

Шестая задача. Анализ соответствия градостроительных характеристик комплексов жилой застройки 1920—1930 годов действующим нормам и правилам планировки и застройки жилых территорий, в том числе современным социальным, гигиеническим, градостроительным требованиям организации жилой среды и комфортности проживания

В отношении соответствия градостроительных характеристик комплексов жилой застройки 1920—1930-х годов современным социальным, гигиеническим требованиям организации жилой среды и комфортности проживания мы можем сделать только предварительный вывод. Он заключается в том, что плотность существующей застройки жилых комплексов 1920—1930-х годов настолько оптимальна, что ее превышение с точки зрения действующих норм проектирования практически не возможно. Снос данных комплексов и строительство взамен них новых объектов не решит проблемы значительного приращения жилой площади на территории кварталов. Разумеется, все это требует подтверждения специальными расчетами допустимой плотности застройки, достаточности сети учреждений обслуживания. Отдельных усилий требует организация парковочных мест для автомашин.

Архитектурно-планировочные решения рассматриваемых комплексов создают весьма комфортные характеристики среды: хорошую обеспеченность придо-

Жилой дом на Преображенском валу. Фрагмент здания со срубленными балконами

Wohnhaus in Preobrazhenskij Wal. Fragment des Gebäudes mit abgeschnittenen Balkons

мовыми территориями, высокий уровень озеленения, наличие мест для отдыха и занятий спортом, что является реальной предпосылкой для организации здесь престижного жилья при условии возможности перепланировки квартир в отдельных зданиях.

Одновременно с этим функционально-планировочные качества некоторых квартир, несмотря на отдельные издержки, связанные с ранее ставившейся во главу угла и отмененной временем установкой на обобществление быта, вполне соответствуют сегодняшним требованиям для определенного, отчасти ограниченного круга семей, в том числе молодоженов, а также для одиноких.

Таким образом, градостроительный и нормативный ресурс данных жилых образований соответствует потребностям разных групп городского населения.

Седьмая задача. Определение градостроительных, архитектурных и инженерных методов и приемов сохранения, реконструкции и развития территории комплексов жилой застройки 1920—1930-х годов.

Градостроительные и архитектурные методы, преследующие цель сохранения внешнего облика конструктивистских комплексов, их роли в формировании образа города и комфортной среды обитания, понятны. Вопрос об инженерных методах и приемах их реставрации и реконструкции остается для нас наиболее трудным. Отечественная практика не имеет подобных аналогов. Изучение европейского опыта реконструкции и реставрации жилой застройки конструктивистского периода — одна из задач нашего участия в семинаре «Москва—Берлин».

Восьмая задача. Разработка предложений по созданию организационно-экономического механизма реализации мероприятий по сохранению, реконструкции и развитию территории комплексов жилой застройки 1920—1930-х годов.

Выполнение этой задачи предусматривает ответ на вопрос о придании процессу реабилитации территорий комплексов жилой застройки 1920—1930-х годов последовательного и целевого характера в

кann; keine Veränderungen der Charakteristiken der natürlichen Landschaft.

Данное Региме видит die Wiederherstellung der verlorenen Elemente vor, einschließlich des ursprünglichen Systems der Begrünung, der Architektur der kleinen Formen, und die Beseitigung der dissonierenden Objekte entsprechend dem Projekt der komplexen wissenschaftlichen Wiederherstellung und der Verwendung, das ordnungsgemäß vereinbart ist. Auch wird die Versorgung der Bedingungen der Fassbarkeit des Objektes des kulturellen Erbes zwecks seines Exponierens vorgesehen. Man lässt die Rekonstruktion der ingenieurmässigen Netze und der Wege, die keinen physischen Schaden den Objekten des kulturellen Erbes zufügt.

Das zweite Regime – die Rekonstruktion: sieht die Erhaltung der ursprünglichen planerischen Lösungen des Komplexes, der wertvollen Elemente und der Stylcharakteristiken der Bebauung vor, lässt die Teilveränderungen der Raumparameter der Bebauung, den Ersatz der Elemente der Bebauung für die Fälle ihres unbefriedigenden technischen Zustandes, den Nachaufbau des Komplexes von den verlorenen oder nicht realisierten Elementen der Bebauung entsprechend dem ursprünglichen Projektvorhaben zu.

Das zweite Regime – Erneuerung: lässt die Veränderung der Raumstruktur des Territoriums zu, einschließlich den Abbruch der existierenden minderwertigen Bebauung.

Die fünfte Aufgabe. Die verallgemeinerte Einschätzung des ingenieurtechnischen Zustandes der Gebäude, die die Komplexe des Wohngebietes der 1920-1930er Jahren bilden.

Ein ernstes Argument für die aktive Rekonstruktion, und manchmal für den totalen Abbruch der Bebauung der Wohnsiedlungen der 1920–1930er Jahren ist ihr äußerst schwerer technischer Zustand. Die Methoden und die Aufnahmen der Ausbeutung dieser Häuser, deren große Teil hat bis zu unserer Zeit ohne Generalüberholung erlebt, die Nutzung beim Bau der billigen Materialien, die von den Forderungen der harten Einsparung, der schnellen Rückflussdauer der Investitionen und der Fassbarkeit der Wohnfläche bedingt war, haben dazu herbeigefahren, dass viele Häuser zerstört werden.

Die Klärung des realen technischen Zustandes der Häuser wird auf die Bestimmung der weiteren Methoden ihrer Rekonstruktion und Zweckmäßigkeit der Erhaltung beeinflussen.

Die sechste Aufgabe. Die Analyse der Übereinstimmung der städtebaulichen Charakteristiken der Komplexe des Wohngebietes der 1920–1930er Jahre den geltenden Normen und den Regeln des Planierens und den Bebauungen der Wohnterritorien, einschließlich den modernen sozialen, hygienischen, städtebaulichen Forderungen der Organisation der Wohnumgebung und der Behaglichkeit des Aufenthaltes.

условиях разобщенности форм собственности на отдельные здания. Каким образом исключить «штучные» решения по отдельным домам? За счет каких средств можно организовать реставрацию, реконструкцию и развитие территорий комплексов? Может ли данная программа привлечь средства инвестора или она должна разрабатываться за счет средств городского бюджета?

Данный раздел включает:

- определение последовательности работ по реставрации, реконструкции и новому строительству, выделение стартовых объектов;

- укрупненную оценку затрат, необходимых для переселения жителей износимых зданий, на проведение реставрационных, реконструктивных работ, на освоение новой застройкой освобождаемых территорий комплексов с малоценной застройкой, а также на освоение новой застройкой дополнительных участков на смежных территориях;

- определение механизма «волнового» переселения жителей и возможности сохранения за ними привычных мест проживания;

- укрупненную оценку доходов, получаемых после завершения всего комплекса работ по реставрации, реконструкции и новому строительству.

По нашему мнению выводы этого раздела должны стать основой для разработки комплексной инвестиционной программы, включающей как мероприятия по сохранению ценных комплексов застройки, так и по новому строительству на освобождаемых и смежных территориях. Видимо только таким образом можно избавить городской бюджет от исключительно затратного механизма реализации Концепции.

В нашей работе пока больше вопросов, чем ответов. Однако мы надеемся, что правильная постановка вопросов приводит к правильному результату.

Поселок Буденовский. Сiedlung Budenowskij.
Фрагмент жилой. Fragment der Siedlungs-
планировки и застройки planung und Bebauung
Москвы 1920—1930-х Moskaus in den 1920er und
 годов. Б. Почтовая ул. 1930er Jahren. Bolschaja
 Potschtowaja-Straße

Wir können nur die vorläufige Schlussfolgerung über die Übereinstimmung der städtebaulichen Charakteristiken der Komplexe des Wohngebietes der 1920–1930 Jahren den modernen sozialen, hygienischen Forderungen der Organisation der Wohnumgebung und der Behaglichkeit des Aufenthaltes. Sie besteht darin, dass die Dichte der existierenden Bebauung der Wohnkomplexe der 1920–1930er Jahren so optimal ist, dass ihre Überschreitung vom Gesichtspunkt der geltenden Normen der Projektierung tatsächlich nicht möglich ist. Der Abbruch der gegebenen Komplexe und der Bau anstatt ihr der neuen Objekte werden das Problem des bedeutenden Zuwachses des Wohnraumes auf dem Territorium der Quartale nicht entscheiden. Natürlich, fordert das alles die Bestätigung von den speziellen Berechnungen der zulässigen Dichte der Bebauung, der Zulänglichkeit des Netzes der Institutionen der Bedienung. Einige Bemühungen fordert die Organisation der Parkstellen für die Autos.

Die Architektur- und Planierlösungen der betrachteten Komplexe schaffen sehr komfortable Charakteristiken der Umgebung: die gute Sicherstellung von der Flächen, die an Wohnungen gelegen sind, das hohe Niveau der Begrünung, das Vorhandensein der Stellen für die Erholung und Sport, was eine reale Vorbedingung für die Organisation der angesehenen Wohnfläche vorbehaltlich der Möglichkeit der Neuplanung der Wohnungen in den abgesonderten Gebäuden hier ist.

Gleichzeitig ist damit die funktionalen und planerischen Eigenschaften einiger Wohnungen, ungeachtet einiger Kosten, die mit der Anlage auf die Vergesellschaftung des Alltagslebens, die früher sehr wichtig war und von der Zeit aufgehoben wurde, verbunden sind, entsprechen den heutigen Forderungen für den bestimmten, teilweise begrenzten Kreis der Familien, einschließlich der jungen Paare, sowie für die Einsamen.

So entspricht die städtebauliche und normative Ressource der gegebenen Wohnbildungen den Bedürfnissen verschiedener Gruppen der städtischen Bevölkerung.

Die siebente Aufgabe. Die Bestimmung der städtebaulichen, architektonischen und ingenieurmässigen Methoden und Aufnahmen der Erhaltung, der Rekonstruktion und der Entwicklung des Territoriums der Komplexe des Wohngebietes der 1920–1930er Jahren.

Die städtebaulichen und architektonischen Methoden, die das Ziel der Erhaltung der äusserlichen Gestalt der konstruktivistischen Komplexe verfolgen, ihre Rolle in der Bildung der Gestalt der Stadt und des komfortablen Kulturmediums, sind klar. Die Frage über die ingenieurmässigen Methoden und die Aufnahmen ihrer Wiederherstellung und die Rekonstruktion bleibt für uns schwierigst. Die einheimische Praxis hat keine ähnlichen Analoga. Die Untersuchung der europäischen Erfahrung der Rekonstruktion und der Wiederherstellung

des Wohngebietes der konstruktivistischen Periode ist eine der Aufgaben unserer Teilnahme im Seminar „Moskau-Berlin“.

Die achte Aufgabe. Die Entwicklung der Vorschläge über der Bildung des planmäßig-ökonomischen Mechanismus der Realisierung der Veranstaltungen für der Erhaltung, der Rekonstruktion und der Entwicklung des Territoriums der Komplexe des Wohngebietes der 1920–1930er Jahren.

Die Ausführung dieser Aufgabe sieht die Antwort auf die Frage vor, dass man dem Prozess der Rehabilitierung der Territorien der Komplexe des Wohngebietes der 1920–1930er Jahren einen konsequenten und zweckbestimmten Charakter unter den Bedingungen der Getrenntheit der Eigentumsformen auf einigen Gebäude geben muss. Auf welche Weise kann man „die Stücklösungen“ über einigen Häuser ausschließen? Auf welche Kosten kann man die Wiederherstellung, die Rekonstruktion und die Entwicklung der Territorien der Komplexe organisieren? Kann dieses Programm die Mittel des Investors heranzuziehen oder soll es auf Kosten des kommunalen Haushaltes entwickelt werden?

Diese Abteilung nimmt auf:

- die Bestimmung der Reihenfolge der Arbeiten an der Wiederherstellung, der Rekonstruktion und dem neuen Bau, die Feststellung der Startobjekte;

- die vergrösserte Einschätzung der Aufwände, die für die Übersiedlung der Bewohner aus den abgetragenen Gebäuden, für die Durchführung der Wiederherstellungs-, Rekonstruktionsarbeiten, für die Aneignung von der neuen Bebauung der befreiten Territorien der Komplexe mit der minderwertigen Bebauung, sowie für die Aneignung von der neuen Bebauung der zusätzlichen Grundstücke auf den angrenzenden Territorien notwendig sind;

- die Bestimmung des Mechanismus „der Wellenübersiedlung“ der Bewohner und der Möglichkeit der Erhaltung der gewohnheitsmäßigen Wohnorte für sie;

- die vergrösserte Einschätzung der Einkommen, die nach der Vollendung des ganzen Komplexes der Arbeiten nach der Wiederherstellungen, der Rekonstruktion und dem neuen Bau bekommen werden.

Nach unserer Meinung sollen die Schlussfolgerungen dieser Abteilung die Grundlage für die Entwicklung des komplexen Anlageprogramms werden, das die Veranstaltungen wie für die Erhaltung der wertvollen Komplexe der Bebauung, sondern auch für den neuen Bau auf den befreiten und angrenzenden Territorien aufnimmt. Offenbar kann man nur so den kommunalen Haushalt vom außerordentlich aufwendigen Mechanismus der Realisierung der Konzeption befreien.

In unserer Arbeit gibt es bis jetzt mehr Fragen, als der Antworten. Doch hoffen wir, dass die richtige Fragestellung zum richtigen Ergebnis bringen wird.

**Лев Траскунов,
начальник Управления контроля
за сохранением произведений
ландшафтной архитектуры
Комитета по культурному
наследию города Москвы**

**Lew Traskunow,
Abteilungsleiter der Kontrolle
über die Erhaltung der Werke
der Landschaftsarchitektur des
Komitees für das kulturelle Erbe
Moskaus**

ПАРКИ КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА — НОВЫЙ ТИП ПАРКОВ, СОЗДАННЫЙ В 1920—1930-Х ГОДАХ

**Die Parks der Kultur und der Erholung – der neue Typ der Parks,
die in den 1920–1930 Jahren geschaffen sind**

**ЦПКиО
им. Горького.
1957 год**

**Zentraler Maxim-Gorki-Park
für Kultur und Erholung
(ZPKiO). 1957**

На территории Москвы исторические парки — памятники садово-паркового искусства — занимают огромную площадь почти в 7000 га. Всего под охраной государства в Москве находятся 102 объекта садово-паркового искусства. Основу этих памятников составляют бывшие дворянские и царские усадебные парки, скверы и бульвары дореволюционного периода.

Абсолютное большинство парков претерпело за время своего существования значительные изменения, связанные как с условиями содержания, так и с изменившимся функциональным назначением. Поэтому единое стилистическое авторское решение присуще относительно небольшому количеству исторических парков Москвы.

Советский период дал новый тип парков, ранее нигде не существовавший — парки культуры и отдыха (ПКиО) 1920—1930 годов. Они явились абсолютно новым этапом паркостроения со своей идеологией, ранее просто не существовавшей. Таких объектов в городе сохранилось немного.

Революция выдвинула к доминированию новые социальные классы, часть населения, прежде имевшую ограниченный доступ к ценностям культурного порядка. Задачи образования, повышения культуры и подготовки к жизни в стремительно развивающемся государстве с мощным уклоном в военно-промышленный сектор определили одним из идеологически важных объектов парки. Парки культуры и отдыха (ПКиО) были, прежде всего, государственными учреждениями, выполняющими именно эти функции. Также большое значение уделялось популяризации физкультуры и спорта.

Первым образцом советского паркостроения стал **Центральный парк культуры и отдыха**. В 1923 году на территории, прилегающей к Москве-

**Перспектива
I Сельскохозяйственной
и кустарно-промышленной
выставки в Москве.
1923 год**

**Gesamtansicht der
1. Landwirtschafts- und
Handwerksausstellung
in Moskau.
1923**

**Парк культуры и
отдыха «Сокольники».
Главная входная
аллея и круг со
зданием бывшего
«царского» павильона
— закрытого театра.
1940-е годы**

**Sokolniki-Park für Kultur
und Erholung. Hauptalle
am Eingang und Kreis
mit dem Gebäude des
ehemaligen „Zarenpavil-
lons“, eines überdach-
ten Theaters.
Um 1940**

Дие исторических Парки – die Denkmäler der Park- und Gartenkunst – nehmen auf die Territorien Moskaus die riesige Fläche fast in 7000 Hektare ein. Insgesamt befinden sich 102 Objekte der Park- und Gartenkunst unter dem Schutz des Staates in Moskau. Die Grundlage dieser Denkmäler bilden die ehemaligen adeligen und zaristischen Hofparks, Grünanlagen und die Boulevards der Vorrevolutionsperiode.

Die absolute Mehrheit der Parks hat inzwischen der Existenz die bedeutenden Veränderungen, die wie mit den Bedingungen des Inhalts verbunden sind, als auch mit der sich ändernden funktionalen Bestimmung, ertragen. Deshalb ist die einheitliche stilistische Autorenlösung der verhältnismäßig kleinen Zahl der historischen Parks Moskaus eigen.

Die sowjetische Periode hat den neuen Typ der Parks, der früher nirgends nicht existierte – die Parks der Kultur und der Erholung (PKiO) in 1920–1930 Jahre gegeben. Sie waren eine absolut neue Etappe des Parksaufbaus mit eigener Ideologie, die früher einfach nicht existierte. Solcher Objekte ist in der Stadt ein wenig erhalten geblieben.

Die Revolution hat zum Dominieren die neuen sozialen Klassen gerückt, den Teil der Bevölkerung, der früher den begrenzten Zugriff auf die Kulturwerte vorgebracht hatte. Die Aufgaben der Bildung, der Erhöhung der Kultur und der Vorbereitung zum Leben im sich ungestüm entwickelnden Staat mit der mächtigen Neigung in den militär-industriellen Sektor haben die Parks als die wichtigen ideologischen Objekte bestimmt. Die Parks der Kultur und der Erholung (PKiO) waren vor allem die staatlichen Institutionen, die gerade diese Funktionen erfüllen. Auch wurde die große Bedeutung der Popularisierung des Sports und des Sports zugeteilt.

Das erste Muster des sowjetischen Parks aufbau wurde der Zentrale Park der Kultur und der Erholung. In 1923 war die erste Allrussische landwirtschaftliche, handwerkliche und industrielle Ausstellung auf dem Territorium, das zur Moskwa angrenzte und damals mit den Brachlandern

павильоны, выполненные чаще всего из дерева, были решены в различных архитектурных стилях, от эклектики до конструктивизма, фасады расписаны художником А.А. Экстером, И.И. Нивинским, Г.А. и В.А. Стенбергами, И. Французом и др. К сожалению, павильоны, за исключением «Шестигранника», не сохранились. В постройке павильонов принимали участие И.В. Жолтовский, И.А. Голосов, А.В. Власов, В.Д. Кокорин, М.П. Парусников, Н.Д. Колли, К.С. Мельников, К.А. Грейнер.

В марте 1928 года Президиум Моссовета принял решение об устройстве в Москве парка культуры и отдыха на территории бывшей сельскохозяйственной выставки.

Так появился новый тип парков, имевших многофункциональное назначение.

Идеологическая составляющая становилась основной, культурно-просветительская, спортивная, военно-патриотическая темы отдыха были главными в парке, где лишь периферия отводилась для тихого отдыха и прогулок. Сам парк должен был занимать огромную территорию в несколько сот гектар, включая участок выставки, Нескучного сада и Воробьевых гор.

12 августа 1928 года был открыт Парк культуры и отдыха на участке Выставки и Нескучного сада (около 110 га). Авторами проекта были архитекторы специально созданного Проектного бюро парка — А.С. Коробов, М.И. Прохорова, М.И. Черкасов, позднее М.А. Коржев, Л.С. Залесская, И.П. Кычаков. В проектировании принимал участие первый главный архитектор парка К.С. Мельников, через год его сменил Л.И. Лисицкий. Над художественным оформлением работали И.Д. Шадр, Г.А. и В.А. Стенберги, П.В. Вильямс, В.В. Волков, А.А. Дейнека и др., а также первый директор парка Б.Н. Глан.

Планировочное решение в значительной степени было преемственным, однако появились новые взаимно перпендикулярные оси-аллеи: Автоаллея, аллея Кооперации. Центр партера был дополнен Большим ромбом, соединяющим основные планировочные узлы.

В 1929 году были осуществлены работы по озеленению и развитию функциональных зон. Большая часть временных выставочных павильонов была снесена, оставшиеся — реконструированы. Например, бывший павильон «Кустарный отдел» был преобразован в формы конструктивизма в звуковой кинотеатр по проекту бразильского архитектора Родриго Дакоста. Были проведены работы по устройству спортивных и игровых площадок, зоны аттракционов, открыты дополнительные входы, размещено множество объектов общественного питания. Завершалась регулярная многофункциональная часть парка на границе Нескучного сада свободным открытым пространством, в дальнейшем преобразованном в площадь Ударника.

Павильон сельскохозяйственного машиностроения («Шестигранник»), архитекторы И.В. Жолтовский, Н.Я. Колли, В.Д. Кокорин, М.П. Парусников. Внутренний двор

Pavillon des Landmaschinenbaus („Sechskant“), Architekten I.W. Scholtowski, N.Ja. Kolli, W.D. Kokorin, M.P. Parusnikow. Innenhof

блеили. Am Bau der Pavillons nahmen I.W. Zholtowski, I.A. Golosow, A.W. Wlasow, das W.D. Kokorin, M.P. Parusnikow, N.D. Kolli, K.S. Melnikow, K.A. Greiner teil.

In März 1928 hat das Präsidium des Moskauer Stadtrates die Entscheidung über die Einrichtung in Moskau des Parks der Kultur und der Erholung auf dem Territorium der ehemaligen landwirtschaftlichen Ausstellung getroffen.

So ist der neue Typ der Parks, die die multifunktionale Bestimmung hatten, erschienen.

Die ideologische Komponente wurde wesentlich, die kulturellen, aufklärerischen, sportlichen, militär-patriotischen Themen waren die Hauptsachen der Erholung im Park, wo nur die Peripherie für die leise Erholung und die Spaziergänge abgeführt wurde. Der Park sollte das riesige Territorium in etwas Hundert Hektare, einschließlich das Grundstück der Ausstellung, des Neskutschnyj Gartens und der Worobjewye Berge einnehmen.

Am 12. August 1928 war den Park der

Зеленый театр. 1930-е годы, арх. Л.З. Чериковер

Freilichttheater „Selenyj teatr“. 1930er Jahre, Architekt L.S. Tscharikower

Kultur und der Erholung auf dem Grundstück der Ausstellung und des Neskutschnyj Gartens (neben 110 Hektare) geöffnet. Die Autoren des Projektes waren die Architekten des speziell geschaffenen Projektbüros des Parks — A.S. Korobow, M.I. Prohorow, M.I. Tscherkasow, später M.A. Korzew, L.S. Zaleskaja, I.P. Kytschakow. An der Projektierung nahm der erste Hauptarchitekt des Parks K.S. Melnikow teil, nach einem Jahr hat L.I. Lissitskij ihn ersetzt. An der Dekoration arbeiteten I.D. Schadr, G.A. und W.A. Stenberg, P.W. Williams, W.W. Wolkow, A.A. Dejneka u.a., sowie der erste Direktor des Parks B.N. Glan.

Die Baukörpergestaltung war in bedeutendem Grade ererbt, aber die neuen gegenseitig senkrechten Achsen — die Alleen erschienen: die Autoallee, die Allee der Kooperation. Das Zentrum des Parkettes war mit Bolschoj Romb ergänzt, der die planrischen Hauptknoten verbindet.

In 1929 waren die Arbeiten nach der Begrünung und der Entwicklung der funktionalen Zonen verwirklicht. Der große Teil der vorübergehenden Ausstellungspavillons war abgebrochen, die bleibenden waren rekonstruiert. Zum Beispiel, der ehemalige Pavillon „Handwerkliche Abteilung“ war in den Formen des Konstruktivismus ins lautliche Kino nach dem Projekt des brasilianischen Architekten Rodrigos Dakosta umgewandelt. Die Arbeiten an der Einrichtung der Sport- und Spielplätze, die Zonen der Schaustellungen waren durchgeführt, die zusätzlichen Eingänge waren geöffnet, viele Objekte der Gemeinschaftspflege waren aufgestellt. Der regelmäßige multifunktionale Teil des Parks beendete an der Grenze des Neskutschnyj Gartens mit dem freien offenen Raum, der in der Folge in den Platz des Schlagzeigers umgewandelt wurde.

Der Neskutschnyj Garten hat die funktionale Bestimmung wie die Zone der leisen Erholung mit der kleinen Veränderung aufgespart: der untere Teil des Terrassenparkettes war für die Großveranstaltungen — die Kundgebungen und die Konzerte spontan verwendet, was zum Grund des Baues des Grünen Theaters hier gedient hat. Das Sommerhäuschen im Neskutschnyj Garten war als ein „Militärstädtchen“ verwendet, und die Bade- und Jagdhäuschen — als Cafe und Imbissstube. Der südliche Teil des Neskutschnyj Gartens hinter der Andreewskij Schlucht, wo noch in 1920 der Kommunalnikow Garten veranstaltet war, wurde wie das Städtchen der eintägigen Erholung verwendet, das den Wohnkörper, die Tanz- und Turnplätze, das Film- und Musikpodium, den Lesesaal, die Schaustellungen aufnimmt. Entlang dem Moskwa Fluss waren die Badeanstalten und die Anlegestellen für die Boote veranstaltet, sowie war die Kriegsmarinestation aufgestellt. Gleichzeitig entwickelte sich aktiv die Begrünung und besonders die Blumenerledigung des Parks. In dieser Periode wurde TsPKiO der erste Park mit den Winterschaustellungen und die erste Schule der Eistanze wurde geschaffen.

In 1932 hat Park den Namen von A.M. Gorkij bekommen.

Нескучный сад сохранил свое функциональное назначение как зона тихого отдыха с небольшим изменением: нижняя часть террасного партера была стихийно использована для массовых мероприятий — митингов и концертов, что послужило причиной строительства здесь Зеленого театра. Летний домик в Нескучном был использован в качестве «Военного городка», Банный и Охотничий домики — под чайно-закусочные. Южная часть Нескучного сада за Андреевским оврагом, где еще в 1920 году был устроен сад Коммунальников, использовался как Городок однодневного отдыха, включающий жилой корпус, танцевальные и физкультурные площадки, кино-музыкальную эстраду, читальню, аттракционы. Вдоль реки Москвы были устроены купальни и пристани для лодок, а также была размещена военно-морская станция. Одновременно активно развивалось озеленение и особенно цветочное оформление парка. ЦПКиО стал первым парком с зимними аттракционами, и в нем была создана первая школа танцев на льду.

В 1932 парку присвоено имя А.М. Горького.

В 1934 г. была создана проектная мастерская А.В. Власова. Эта мастерская, собрав весь имеющийся материал, разработала проект гигантского парка, включающего оба берега реки Москвы от Крымского вала до окружной железной дороги, Воробьевы горы, Лужнецкую пойму — всего 1106 га. По сути это был решительный переход к другой эпохе, предполагавший и новую стилистику. В начальной части парка начались активные работы.

После войны работы продолжились по проектам В.И. Долганова и К.И. Павловой, которые заложили в основу своих планов преемственность по отношению к ранее осуществленным проектам.

Последние мероприятия по благоустройству парка, также основанные на принципе стилистической преемственности и направленные на комплексное развитие парка, проводились до начала 1960-х годов.

Начиная с 1970-х началась деградация ЦПКиО. На партере установили крупные аттракционы, что привело к уничтожению полей и насаждений. Происходила потеря образа целостно выполненного парка, превращение его в скверный, случайным способом устроенный «луна-парк».

Разработанные проекты развития парка практически не осуществлялись, территория постепенно дробилась оградами, теряя первоначальный облик.

В 1999 году Правительство Москвы приняло под государственную охрану в качестве памятника садово-паркового искусства ЦПКиО им. А.М. Горького.

В конце 2006 года был утвержден проект планировки ЦПКиО им. А.М. Горь-

кого, предусматривающий его реставрацию и приспособление к современным условиям.

В начале 1930-х годов помимо этого, специально созданного парка культуры, на базе старых парков проводились большие работы по приспособлению их к новой идеологии в сфере отдыха и работы с населением.

Измайлово — огромная царская вотчина, в границах сегодняшнего объекта культурного наследия составляет 1621 га. Наиболее древняя ее часть сейчас располагается на искусственно созданном острове, окруженном Серебряно-Виноградным прудом. Здесь находится архитектурный комплекс усадьбы XVII—XIX веков.

Измайловский парк культуры располагается южнее и занимает в настоящее время 343 га. Образован этот парк культуры и отдыха решением исполкома

Von der Periode der 1920–1930 Jahre ist das Territorium in den ursprünglichen Grenzen erhalten geblieben, sowie das System der Eingänge, „Schestigrannik“, das Gebäude der Direktion, das Planieren des Großen Parkettes und teilweise die funktionale Zonenaufteilung.

In der Folge haben die führenden Architekten der Hauptstadt die Projekte der Verbesserung des Territoriums des Parks auf die Wettbewerbseinschätzung mehrmals angeboten, aber kein von ihnen war übernommen.

In 1934 war der Projektwerkstatt von A.V.Wlasow geschaffen. Diese Werkstatt, das ganze vorhandene Material gesammelt, hat das Projekt des riesenhaften Parks entwickelt, der beide Küsten des Moskwa Flusses von dem Krymskij Wall bis zur

Вид ЦПКиО им. Горького со стороны главного входа. 1934 год

Ансьет дс Зентрален Максим-Горки-Паркс фюр Кльтур и Ерholung вон Хауптеingang. 1934

Ringbahn, die Worobjewy Berge, die Luznetskaja Aue aufnimmt – insgesamt 1106 Hektare. Eigentlich war es der entschlossene Übergang zu anderer Epoche, die die neue Stilistik vermutete. Im Anfangsteil des Parks haben die aktiven Arbeiten angefangen.

Nach dem Krieg haben die Arbeiten an den Projekten des W.I.Dolganow und K.I.Pawlowa gedauert, die in den Grundstein ihrer Pläne die Nachfolge in Bezug auf die früher verwirklichten Projekte gelegt haben.

Die letzten Veranstaltungen an der bauliche Gestaltung des Parks, die auf dem Prinzip der stilistischen Nachfolge auch gegründet sind und auf die komplexe Entwicklung des Parks gelenkt, wurden bis zum Anfang 1960 Jahre durchgeführt.

Seit den 1970 Jahre hat die Degradation von TsPKiO angefangen. Auf dem Parkett

Моссовета в 1931 году. Первоначально ему отвели территорию бывшего Казенного Измайловского зверинца площадью в 1180 га. Однако фактически осваивалась только юго-западная часть в 240 га — вытянутый с севера на юг прямоугольник, ограниченный Народным, Московским и Пролетарским проспектами, Главной аллеей и шоссе Энтузиастов.

В 1932 году был выполнен первый генплан ПКЮ (мастерская арх. Н.Х. Полякова), затем был разработан эскизный проект планировки (арх. В.В. Бабуров), который, однако, создавался без учета исторически сложившейся планировочной структуры данного места.

Затем проектирование поручили молодым, но уже имеющим опыт ландшафтного проектирования М.П. Коржеву и М.И. Прохоровой (6-я планировочная мастерская Моссовета, руководитель — арх. К. Майер). Проект предполагал функциональное зонирование в соответствии с идеологическими задачами, при этом он учитывал особенности существующей планировки, гидрографической сети, гидротехнических сооружений, характер насаждений на основе плана лесонасаждений, выполненного профессором Этингеном в 1931 году.

В проекте развивались имеющиеся входы и дороги, создавалась парадная часть у Круглого пруда, площадки для массовых мероприятий — эстрады, аттракционы, игровые площадки, читальни, павильоны.

Восточная часть трактовалась как зона тихого отдыха и прогулок. Предполагалось восстановление прудов XVII века — Большого (80 га) и Лебедянского (30 га) — и использования их для купания и рыбной ловли.

Планировка центральной части носила регулярный характер и отражала функциональные задачи ПКЮ. За основу была взята планировка второй половины XIX века, но были более детально проработаны новые функциональные узлы, акцентировались проспекты и входы, создавались партеры.

Основными функциональными зонами были:

- массово-зрелищная;
- культурно-политическая;
- физкультурно-спортивная;
- военно-оборонная;
- работы с детьми;
- тихого отдыха.

На подходе от Народного проспекта к Круглому пруду было поставлено крупное строение дугообразной формы — павильон «Новости торговли».

В 1938 году был разработан проект на устройство детской железной электрифицированной дороги длиной в 10 км. В конкурсе на проекты станций участвовали А.Я. Карра, Б.Н. Топаз, М.Т. Смулов, Е.О. Шейнин, М.П. Коржев, М.И. Прохорова, В.И. Долганов, однако в 1940 году эта работа была приостановлена.

К концу 1930-х годов работы по установке павильона и планировке были за-

**Зрительный зал
Зеленого театра**

**Zuschauerraum im
„Seleniy teatr“**

**Зеленый театр.
Общий вид.**

**Freilichttheater
„Seleniy teatr“.**

**Народный проспект.
Главный вход в парк.
1940—1950-е годы**

**Narodni Prospekt.
Haupteingang des
Parks. 1940—50**

hat man die grossen Schaustellungen aufgestellt, was zur Vernichtung der Waldwiesen und der Anpflanzungen gebracht hat. Der Verlust der Gestalt des Parks geschah, der ganzheitlich erfüllten war, und er sich in einen schlechten „Lunapark“ verwandelte, der auf zufällige Weise veranstalteten war.

Die entwickelten Projekte der Entwicklung des Parks verwirklichten sich tatsächlich nicht, das Territorium allmählich wurde von den Einzäunungen zerkleinert und verlor die ursprüngliche Gestalt.

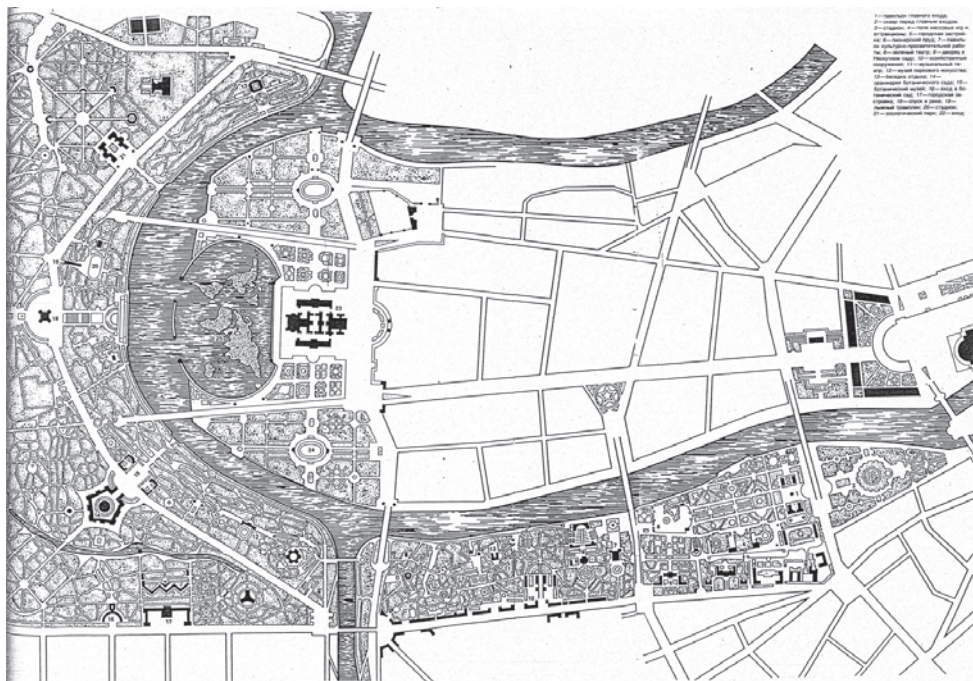
In 1999 hat die Regierung Moskaus den TsPKiO von A.M.Gorkij unter den staatlichen Schutz als die Denkmäler der Park- und Gartenkunst übernommen.

Ende 2006 war das Projekt des Planierens von TsPKiO von A.M.Gorkij, der die Wiederherstellung und seine Verwendung zu den modernen Bedingungen vorsah.

Am Anfang den 1930 Jahre wurden außer diesem speziell geschaffenen Parks der Kultur, auf Grund von den alten Parks die großen Arbeiten an ihrer Verwendung zur neuen Ideologie in der Sphäre der Erholung und der Arbeit mit der Bevölkerung durchgeführt.

Ismailowo ist die riesige zaristische Domäne und bildet 1621 Hektare in den Grenzen des heutigen Objektes des kulturellen Erbes. Ihr altertümlichster Teil befindet sich auf der künstlich geschaffenen Insel, die vom Serebrjano-Winogradnyj Teich jetzt umgeben ist. Hier befindet sich der architektonische Komplex des Hofes der XVII–XIX. Jahrhunderte.

Der Ismajlowskij Kulturpark befindet sich südlich und nimmt zur Zeit 343 Hektare ein. Dieser Park der Kultur und der Erholung ist von der Entscheidung des Exekutivkomitees des Moskauer Stadtrates in 1931 gebildet. Ursprünglich hat man ihm das Territorium des ehemaligen Staatlichen Ismajlowskij Tiergartens von der Fläche in 1180 Hektare

вершены, но функциональная стилистика конструктивизма в строениях уже исчезла. На смену ей пришла классическая ретроспекция. Здания и сооружения были деревянными оштукатуренными.

Главный вход на пересечении Народного и Московского проспектов был оформлен двумя пилонами с оградой, а парковый отрезок Народного проспекта украшен стриженными липами и гипсовыми копиями античных образцов. Перспектива завершалась скульптурой И.В. Сталина, чье имя носил парк культуры и отдыха (автор скульптуры С.Д. Меркуров), и системой ковровых цветников.

На территории парка располагались: однодневный дом отдыха, эстрада, библиотека-читальня, детский городок с различными секторами и детским домом отдыха. В южной части парка располагался Военный городок, включающий конный стадион, парашютную вышку, камеру окуривания, спортплощадки.

После войны на территории парка было возведено множество объектов обслуживания населения, большинство из которых в настоящее время обратились в руины.

В 1950-х годах в парке особое место занимали богатейшие и значительные по площади цветники.

Вариант проекта ЦПКИО им. Горького в Москве в предвоенный период, арх. А.В. Власов

Eine Projektvariante des Gorki-Parks in Moskau aus der Vorkriegszeit, Architekt A.W. Wlassow

abgeführt. Doch verwertete man tatsächlich nur der Südwestteil in 240 Hektare – das Rechteck, das von dem Norden bis dem Süden ausgedehnt war und von den Volkseigenen, Moskauer und Proletarische Prospekt, der Hauptallee und die Autobahn der Enthusiasten beschränkt war.

In 1932 war der erste Generalplan für PKiO (die Werkstatt des Architekten N.H.Poljakow) erfüllt, dann war das Skizzenprojekt des Planierens (Architekt W.W.Baburow) entwickelt, das ohne Rücksicht auf der historisch ausgeprägten Planierungsstruktur der gegebenen Stelle doch entstand war.

Dann die Projektierung hat man den jungen M.P.Korzhew und M.I.Prohorowa beauftragt, die schon die Erfahrung der Landschaftsprojektierung hatten (die 6. Planierenswerkstatt des Moskauer Stadtrates, der Leiter war Architekt K.Maier). Das Projekt vermutete die funktionale Zoneneinteilung entsprechend den ideologischen Aufgaben, dabei berücksichtigte er die Besonderheiten des existierenden Planierens, des hydrographischen Netzes, der hydrotechnischen Bauten, den Charakter der Anpflanzungen aufgrund des Planes der Waldbestände, der von Professor Ettingen in 1931 erfüllt war.

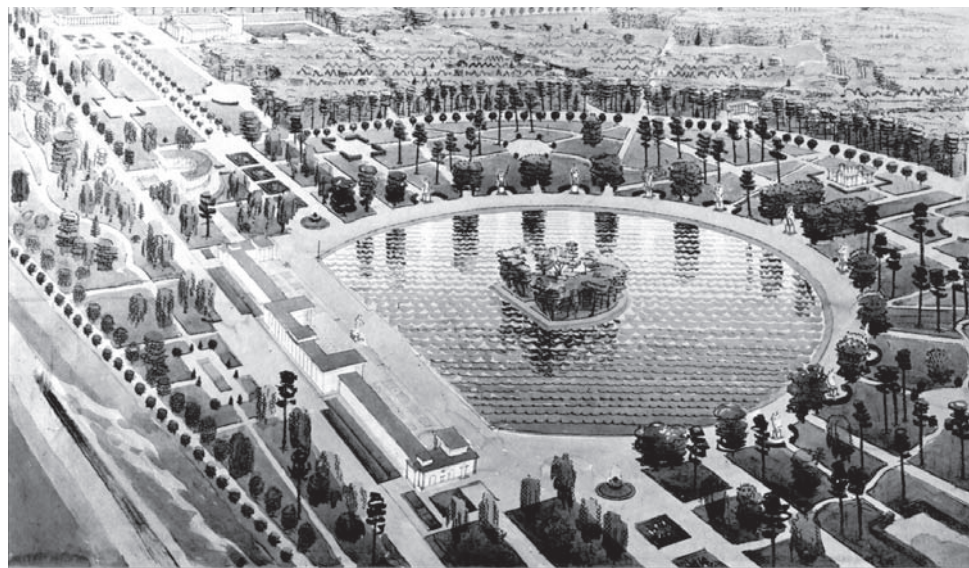
Im Projekt entwickelten sich die vorhandenen Eingänge und die Wege, man erschuf den Paradedeil beim Krugljy Teich, den Plätze für die Großveranstaltungen – die Podien, die Schaustellungen, die Spielplätze, die Lesesäle, die Pavillons.

Der östliche Teil wurde wie die Zone der leisen Erholung und der Spaziergänge geendet. Man plante die Wiederherstellung der Teiche des XVII. Jahrhunderts – der Bolschoj Teiche (80 Hektare) und der Lebedjanskij Teiche (30 Hektare) – und ihrer Nutzung für das Baden und den Fischfang.

Das Planieren des zentralen Teiles trug den regelmäßigen Charakter und spiegelte die funktionalen Aufgaben des PKiO wider. Für die Grundlage war das Planieren der zweiten Hälfte des XIX. Jahrhunderts, aber man entwickelte die neuen funktionalen

Перспектива участка первой очереди строительства парка (у Круглого пруда). 1938 год, арх. И.П. Кычаков

Perspektive des Bereiches des ersten Bauabschnitts des Parks (am Runden Teich). 1938, Architekt I.P. Kyschakow

С 1970-х годов в ПКиО проводились работы по замене обветшалых сооружений. Начиная с 1980-х состояние ПКиО резко ухудшилось, и этот процесс разрушения происходил вплоть до середины 1990-х годов, когда вновь начались работы по приведению парка в порядок.

В текущем году разработан проект планировки ПКиО, который предусматривает восстановление утраченной планировки по образцу 1930-х годов.

Сокольники — один из крупнейших и популярнейших парков Москвы площадью в 584 га, ставший городской собственностью 130 лет назад. На территории Сокольников с начала XIX века размещались дачи. Путеводитель 1925 года отмечает хорошее состояние насаждений, среди которых рассеяно значительное число дач.

В 1920-е годы часть территории парка была преобразована в Сад профсоюзов и обнесена оградой.

В 1931 году в Сокольниках был открыт Московский парк культуры и отдыха им. А.С. Бубнова. В это же время был разработан проект МПКиО (авт. А.Я. Карра, И.М. Петров).

К существовавшей веерно-лучевой планировке парка была добавлена и развита регулярная функциональная. Среди целей проекта был и вывод дач, превращенных в постоянное жилье, что предусматривалось еще в период организации парка в 1840-х годах.

Было выполнено функциональное зонирование, рассчитанное на посещаемость в 85 тыс. человек. Предполагалось развитие водной системы, связанной со строительством канала Москва — Волга и соответствующим подъемом уровня воды в Яузе.

Вся территория Сокольников разделялась на две основные части: Южную — для активного отдыха и Северную — для тихого. Основной вход располагался с юга.

Парадный вход широкой аллеи украшался цветочными рабатками. Предполагалось, что основная композиционная ось будет украшена водными каскадами и завершена большим водоемом, обрамленным садовым амфитеатром и террасным партером с цветниками, скульптурой, фонтанами. К сожалению, этот проект практически не был реализован. Планировочные функциональные узлы частично сохранились, однако их назначение изменилось.

В настоящее время парк Сокольники ежедневно посещает значительное число отдыхающих. В текущем году разработан проект планировки парка. Проводится работа по выводу с территории парка сторонних организаций.

В 1920—1930-х годах, помимо рассмотренных, были созданы множество других парков культуры меньшей площади: ПКиО «Красная Пресня» на основе исторической усадьбы «Студенец», Детский парк им. Мандельштама (быв-

Зеленый театр. Общий вид эстрады.

Кnoten detailliert, betonte die Prospekte und die Eingänge, erschuf die Parkette.

Die funktionalen Hauptzonen waren:

- Massenhaft;
- Kulturellpolitisch;
- Sportlich;
- Militärisch;
- Der Arbeiten mit den Kindern;
- Der leisen Erholung.

Auf dem Herangehen vom Volksprospekt zum Kruglyj Teich stellte man einen grossen bogenförmigen Bau – den Pavillon „Die Neuheit des Handels“.

In 1938 entwickelte man das Projekt für die Einrichtung der kindlichen elektrifizierten Eisenbahn von der Länge in 10 km. Am Wettbewerb der Projekte der Stationen nahmen A.J.Karra, B.N.Topass, M.T.Smurow, E.O.Shejnin, M.P.Korzhew, M.I.Prohorowa, W.I.Dolganow teil, aber in 1940 war diese Arbeit angehalten.

Круглый пруд («Большой пруд»). В XVII веке — Софроновский пруд Измайловской вотчины царя Алексея Михайловича. Вид со стороны партера (с северо-запада)

Runder („Großer“) Teich. Im 17. Jahrhundert — Sofronowski-Teich in der Domäne Ismailowo des Zaren Alexei Michailowitsch. Blick von der nordwestlichen Seite

Zu Ende 1930 Jahre waren die Arbeiten an der Anlage des Pavillons und dem Planieren beendet, aber die funktionale Stilistik des Konstruktivismus ist in den Bauten schon verlorengegangen. Auf den ihren Wechsel ist die klassische Retrospektion gekommen. Die Gebäude und die Bauten waren hölzern verputzt.

Der Haupteingang auf der Kreuzung der Volks- und Moskauer Prospekte war von zwei Pylonen mit der Einzäunung aufgemacht, und der Parkabschnitt des Volksprospektes war mit abgeschorene Linden und die Gipskopien der antiken Muster geschmückt. Die Perspektive wurde von der Skulptur I.V.Stalins beendet, wessen Namen der Park der Kultur und der Erholung trug (der Autor der Skulptur war S.D.Merkurow), sowie von dem System der Teppichblumengärten.

Auf dem Territorium des Parks befand sich: ein eintägiges Erholungsheim, ein Podium, eine Bibliothek-Lesesaal, ein Kinderstädtchen mit verschiedenen Sektoren und einem Kinderheim der Erholung. Im südlichen Teil des Parks befand sich das Militärstädtchen, das ein Reitstadion, einen Fallschirmturm, eine Begasungskamera, Sportplätze aufnimmt.

Nach dem Krieg errichtete man auf die Territorien des Parks viele Objekte der Bedienung der Bevölkerung, die Mehrheit aus denen sich zur Zeit in die Ruinen gewendet haben.

In 1950 Jahren nahmen die reichsten und großen Blumengärten die besondere Stelle im Park ein.

Von 1970 Jahren hat man in PKiO die Arbeiten an dem Ersatz der verfallenen Bauten durchgeführt. Seit 1980 wurde der Zustand des PKiO heftig verschlimmert, und dieser Prozess der Zerstörung geschah bis zur Mitte 1990 Jahre, wenn die Arbeiten nach der Anführung des Parks in die Ordnung wieder angefangen haben.

In diesem Jahr ist das Projekt des Planierens des PKiO entwickelt, das die Wiederherstellung des verlorenen Planierens nach der Gestalt der 1930 Jahre vorsieht.

„Sokolniki“ ist einer der größten und populärsten Parks Moskaus mit der Fläche in 584 Hektare, der ein städtisches Eigentum 130 Jahre zurück wurde. Auf dem Territorium von „Sokolniki“ befanden sich

**Площадка в честь
восьмисотлетия
Москвы. 1947 год,
арх. С.Я. Иконников**

**Kleiner Platz zu Ehren der
800-jährigen Wieder-
kehr der Stadtgründung
Moskaus. 1947, Architekt S.Ja.
Ikonnikow**

ший парк усадьбы Трубецких), Детский парк им. Пряникова, ПКЮ им. Первого Мая (бывшая усадьба Салтыковых) и др. Многие из них претерпели незначительные изменения. Другие подверглись изменениям в большей степени. Например, бывший парк Екатерининского института стал парком Центрального дома Советской Армии.

Следует сказать, что в 1920—1930-х годах в СССР не было опыта подобного ландшафтного строительства. Именно в работе над парками культуры и отдыха стала формироваться школа советских ландшафтных архитекторов. Доминирующие функциональные задачи во многом сдерживали попытки принять за основу эстетический фактор, тем не менее, они создали новый, очень интересный тип парков — парки культуры и отдыха, в основе которых лежали совершенно новые функциональные задачи.

**Вид на Круглый пруд
и партер.
Планировочное
решение зоны
главного
партера 1930-х годов,
арх. М.П. Коржев,
М.И. Прохорова**

**Blick auf den Runden
Teich und Parterre. Ge-
staltungslösung für den
Bereich des Hauptpar-
terres aus den 1930er
Jahren, Architekten
M.P. Korshew,
M.I. Prochorowa**

vom Anfang des XIX. Jahrhunderts die Wochenendhäuser. Der Reiseführer des 1925. Jahres bemerkt den guten Zustand der Anpflanzungen, unter denen viele Wochenendhäuser zerstreut sind.

In 1920 Jahre war der Teil des Territoriums des Parks in den Garten der Gewerkschaften umgewandelt und war mit Einzäunung umgeben.

In 1931 war in Sokolniki der Moskauer Park der Kultur und der Erholung von A.S. Bubnow geöffnet. Zu dieser Zeit war das Projekt des MPKЮ entwickelt (die Architekten sind A.J. Karra, I.M. Petrow).

Zum existierenden fächerradialen Planieren des Parks war ein regelmäßiges funktionales Planieren beigelegt und entwickelt. Zu den Aufgaben des Projektes gehörte die Ableitung der Wochenendhäuser, die in die ständigen Wohnungen umgewandelt sind, was noch im Laufe der Organisation des Parks in 1840 Jahren vorgesehen wurde.

Man hat die funktionale Zoneneinteilung erfüllt, die auf die Teilnehmerzahl in 85 Tausend Menschen gerechnet war. Man hatte vor, die Entwicklung des Wassersystems zu entwickeln, die mit dem Bau des Kanals Moskwa – Wolga verbunden war und dem entsprechenden Aufstieg des Niveaus des Wassers in Jausa.

Das ganze Territorium von Sokolniki wurde auf zwei Hauptteile geteilt: Südlich – für die aktive Erholung und Nordlich – für die leise Erholung. Der Haupteingang befand sich aus dem Süden.

Der Haupteingang der breiten Allee wurde von Blumenrabatten geschmückt. Man plante, dass die Hauptkompositionachse von die Wasserkaskaden geschmückt sein wird eben wird vom großen Wasserbecken, gerahmtem Gartenamphitheater und Terrassenparkett mit den Blumengärten, der Skulptur, den Springbrunnen vollendet sein. Leider war dieses Projekt tatsächlich nicht realisiert. Die funktionalen Planierenknoten sind teilweise erhalten geblieben, doch hat sich ihre Bestimmung geändert.

Zur Zeit besuchen viele Erholende den Park „Sokolniki“ täglich. In diesem Jahr ist das Projekt des Planierens des Parks entwickelt. Die Arbeit an der Ableitung der aussenstehenden Organisationen aus dem Territorium des Parks wird durchgeführt.

In 1920–1930, außer schon betrachteten Parks, waren viele andere Parks der Kultur von der kleineren Fläche geschaffen: PKЮ „Krasnaja Presnja“ aufgrund des historischen Hofes „Studentnets“, der Kinderpark von Mandelyschtam (der ehemalige Park des Hofes von Trubetskie), der Kinderpark von Prjamikow, PKЮ von Perwogo Maja (der ehemalige Hof von Saltykovy) u.a. Viele von ihnen ertragen die unbedeutenden Veränderungen. Andere haben sich den Veränderungen in höherem Grad untergezogen. Zum Beispiel, der ehemalige Park des Ekaterininskij Institutes wurde ein Park des Zentralen Hauses der Sowjetischen Armee.

Es ist nötig zu sagen, dass in 1920–1930 Jahre man in der UdSSR keine Erfahrung des ähnlichen Landschaftsbaues hatte. Die Schule der sowjetischen Landschaftsarchitekten begann, sich Gerade in der Arbeit an den Parks der Kultur und der Erholung zu entwickeln. Die vorherrschenden funktionalen Aufgaben hielten die Versuche in vielem zurück, den ästhetischen Faktor als Basis zu nehmen, nichtsdestoweniger haben sie den neuen, sehr interessanten Typ der Parks geschaffen – die Parks der Kultur und der Erholung, in dessen Grundlage die ganz neuen funktionalen Aufgaben lagen.

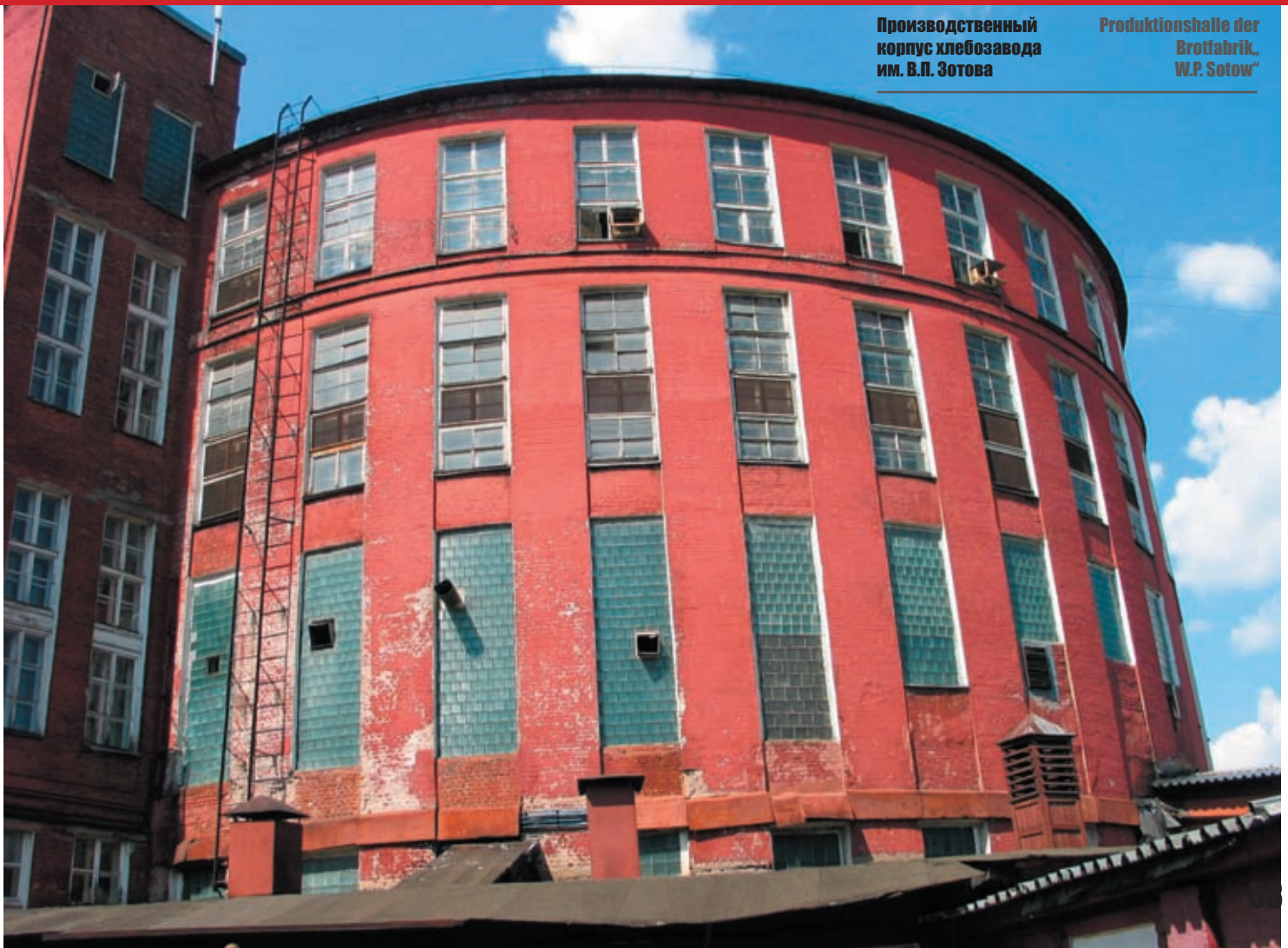
**Татьяна Царева,
заместитель заведующей
научно-проектным отделением
Научно-исследовательского
и проектного института
Генерального плана города
Москвы**

**Tatjana Tsarewa,
Stellvertreter der Leiterin der
Wissenschaftsprojektabteilung
des Forschungs- und
Projektinstitutes des
Generalplanes Moskaus**

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИНДУСТРИИ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ МОСКВЫ

(НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКИХ ХЛЕБОЗАВОДОВ 1924—1935-Х ГОДОВ)

**Die Erhaltung der Denkmäler der Industrie und der technischen Infrastruktur
Moskaus (am Beispiel der Moskauer Brotfabriken der 1924–1935 Jahre)**

**Производственный
корпус хлебозавода
им. В.П. Зотова**

**Produktionshalle der
Brotfabrik,
W.P. Sotow**

Политика борьбы с частной собственностью на зерно и монополизации государством производства хлеба активизировала развитие механического хлебопечения. В связи с этим Московский союз потребительских обществ (МОСПО) занялся организацией строительства московских хлебозаводов. Проблема проектирования хранилищ и заводов по переработке зерна (элеваторов, мелькомбинатов, хлебозаводов) стала настолько актуальной, что по данной тематике в центральных архитектурных вузах появляются специальные курсовые и дипломные проекты.

Первая попытка организации механического процесса хлебопечения была произведена в 1924 году путем переоборудования пекарни на Серпуховской площади (Валовая ул., д. 37), в результате чего эффективность его возросла с 15 до 70 т хлеба в сутки. На участке по адресу Бутырский вал, д. 68 в это же время начинается строительство хлебозавода мощностью 140 т ежедневной выпечки, оборудованного 14-ю двухъярусными печами системы Акционерного общества «Мельстрой». Это строительство позволило впервые отработать технологически последовательный процесс автоматического хлебопечения.

В 1928 году МОСПО заложил два новых хлебозавода: в Пролетарском (ул. Золоторожский вал, д. 6) и Сокольническом (Верхняя Красносельская ул., д. 3) районах, мощностью 180 т каждый, полностью механизированные и оснащенные заграничным, «ввозным», оборудованием.

В 1931-м году вышло постановление партии и правительства о полном переходе Москвы на механизированную вы-

**Самый мощный
хлебозавод в мире.
Выстроен МОСПО в
Пролетарском районе
г. Москвы в 1928 году**

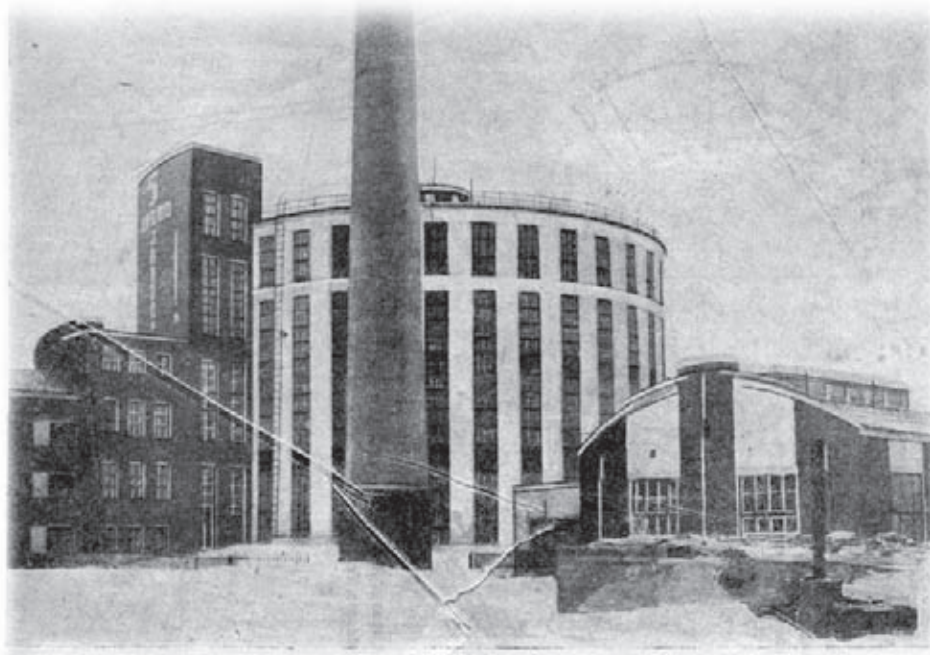
**Die leistungsstärkste
Brotfabrik der Welt.
Gebaut 1928 von MOSPO
im Rayon Proletarskij
der Stadt Moskau**

Дие Politik des Kampfes mit dem Privateigentum am Korn und der Monopolisierung vom Staat der Brotherstellung aktivierte die Entwicklung der mechanischen Brotbereitung. In diesem Zusammenhang hat sich das Moskauer Bündnis der Konsumgesellschaften (MOSPO) mit der Organisation des Baues der Moskauer Brotfabriken beschäftigt. Das Problem der Projektierung der Aufbewahrungsorte und der Getreideverarbeitungsbetriebe wurde (Getreidespeicher, Mühlenkombinate, Brotfabriken) so aktuell, dass die speziellen Kurs- und Diplomprojekte in der vorliegenden Thematik in den zentralen architektonischen Hochschulen erscheinen.

Der erste Versuch der Organisation des mechanischen Brotbereitungsprozesses war in 1924 mittels der Neuausrüstung der Bäckerei auf der Serpuhowskaja Platz ausgeführt (die Walowaja Straße, H. 37), als dessen Ergebnis wurde seine Effektivität von 15 bis zu 70 t des Brotes pro Tag gewachsen. Auf dem Abschnitt an der Adresse von der Butyrskij Wal, H. 68 fängt der Bau der Brotfabrik mit einer Gesamtleistung 140 t des täglichen Backens zu dieser Zeit, die mit 14 zweistöckigen Öfen des Systems der Aktiengesellschaft „Melstroj“ ausgerüstet. Dieser Bau hat zum ersten Mal zugelassen, den technologisch konsequenten Prozess der automatischen Brotbereitung durchzuführen.

In 1928 hat MOSPO zwei neue Brotfabriken gelegt: in der Proletarskij (die Zolotorozhskij Wall Straße, H. 6) und Sokolnitscheskij (die Werhnjaja Krasnoselskaja Straße, H. 3) Bezirken mit einer Gesamtleistung 180 t jeden, die vollständig mechanisiert waren und mit der ausländischen, „importen“ Ausstattung ausgerüstet.

In 1931 erschien die Verordnung der Partei und der Regierung über den vollen Übergang Moskaus auf die mechanisierte Brotbäckerei. Man hat die Verbraucherge-

печку хлеба. Потребкооперацию обязали приступить к строительству такого количества заводов, которое может обеспечить население новой Москвы хлебными изделиями. Для выполнения этой директивы к 1936-му году было выстроено еще восемь хлебозаводов, окончательно заменивших частные хлебопекарни. В отчетных материалах нового Генерального плана Москвы 1935-го года в виде таблиц представлен анализ капитальных вложений в развитие городского хозяйства за 1924—1934-е годы, из которого следует, что государственное финансирование строительства хлебозаводов выделялось в отдельную графу расходов наравне с транспортом, водоснабжением, канализацией и проч. Из этой таблицы видно, что финансирование программы строительства хлебозаводов началось в 1927—1928-х годах, достигло пика в 1931—1932-е годы и довольно успешно шло в 1933—1934-х.

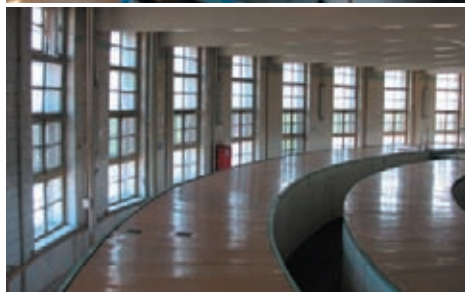
В 1930—1931-х годах строятся 5-й и 6-й хлебозаводы, обслуживающие Краснопресненский (Ходынская ул., д. 2) и Фрунзенский (Кооперативная ул., д. 16) районы. Эти заводы, оснащенные только отечественным оборудованием, рассчитаны на мощность 250 т хлеба в сутки.

Начиная с 1932-го года строятся еще шесть заводов: № 7, обслуживающий Замоскворецкий район (2-й Павелецкий пр., д. 4/6); № 8 — Сталинский район (Большая Черкизовская ул., д. 32); № 9 — Октябрьский район (Новодмитровская ул., д. 1); № 10 — Пролетарский район (Новоостاپовская ул., д. 12); № 12 — Сталинский район (Красноказарменная ул., д. 15). Завод № 11 предположительно находился в Кунцево.

Все двенадцать заводов строились по двум архетипам, связанным с технологическими особенностями производства: заводы по системе, разработанной Акционерным Обществом «Мельстрой», и заводы по системе инженера Г.П. Марсакова. Технологические системы предопределяли форму промышленных сооружений и это, в целом, влияло на объемно-пространственную композицию комплекса.

Система АО «Мельстрой», рассчитанная на прямоугольные помещения с движущимися по прямой подвесными люльками, позволяла обеспечить непрерывность процесса и была достаточно практична с точки зрения организации строительства. Промышленные сооружения, построенные в соответствии с этой системой, основанной на ранее существовавших аналогах, с точки зрения архитектурной формы не представляют значительного интереса.

Абсолютно оригинальная идея конвейерного производства хлеба инженера Г.П. Марсакова заключалась в использовании системы кольцевых конвейеров, обеспечивавших непрерывное автоматическое производство хлеба по вертикали сверху вниз. Мука со склада, находившегося в подвальном этаже, транспортером

В цехах

В производственных помещениях

нотариусом verpflichtet, dem Bau solcher Zahl der Betriebe zu beginnen, der die Bevölkerung neuen Moskaus mit den Kornserzeugnissen gewährleisten kann. Für die Ausführung dieser Direktive wurden noch acht Brotfabriken bis zum 1936. Jahr aufgebaut, die die privaten Bäckereien endgültig ersetzten. In den Rechnungsmaterialien des neuen Generalplanes Moskaus des 1935. Jahres ist die Analyse der Kapitalinvestitionen in die Entwicklung der städtischen Wirtschaft für die 1924—1934 Jahre in Tabellenform vorgestellt, woraus folgt, dass sich die staatliche Finanzierung des Baues der Brotfabriken in die abgesonderte Rubrik der Kosten auf gleichem Fuß mit dem Transport, der Wasserversorgung, der Kanalisation u.a.m. Aus dieser Tabelle ist es sichtbar, dass die Finanzierung des Programms des Baues der Brotfabriken in 1927—1928 angefangen hat, die den Pik in 1931—1932 erreicht hat und ziemlich erfolgreich in 1933—1934 verlaufen ist.

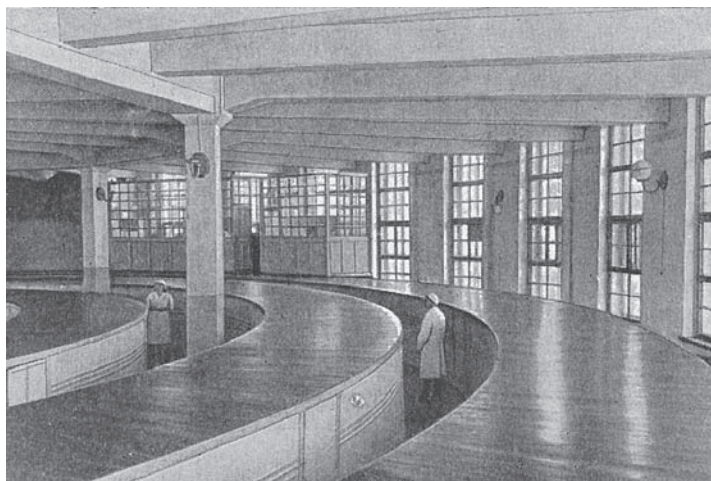
In 1930—1931 wurden die 5. und 6. Brotfabriken gebaut, die den Krasnopresnenskij (die Hodynская Straße, H. 2) und den Frunsenskij (die Kooperatiwnaja Straße, H. 16) Bezirke bedient hat. Diese Betriebe, die nur mit der einheimischen Ausrüstung ausgestattet waren, waren auf die Gesamtleistung 250 t des Brotes pro Tag gerechnet.

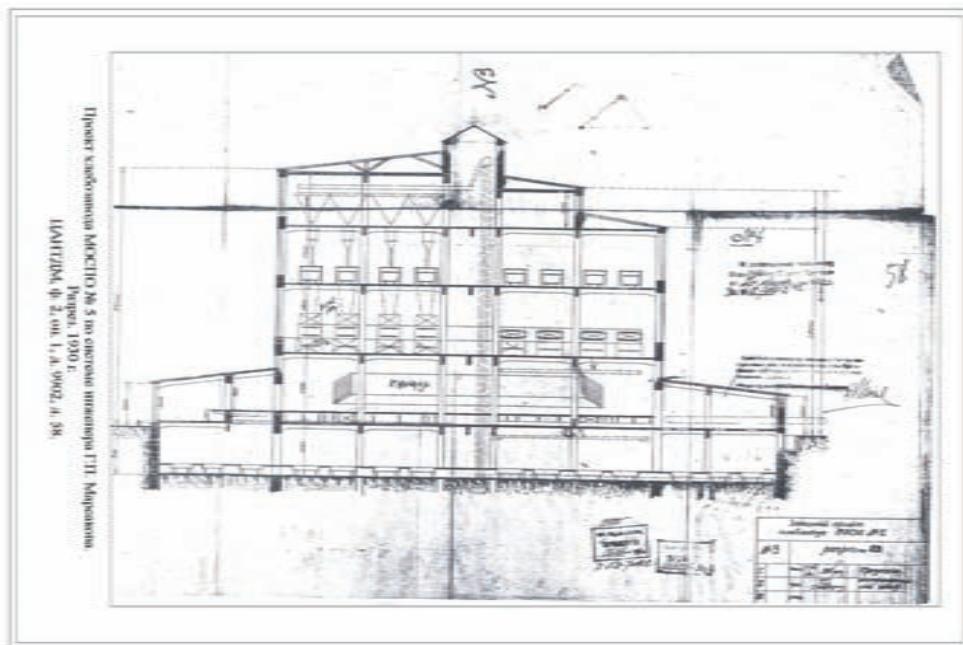
Seit dem 1932. Jahr werden noch sechs Betriebe gebaut: № 7, der den Samoskworeskij Bezirk bedient hat (der 2. Pawletskij Prospekt, H. 4/6); № 8 hat den Stalinskij Bezirk (die Bolschaja Tscherkisowskaja Straße, H. 32) bedient; № 9 — den Oktjabrskij Bezirk (die Nowodmitrowskaja Straße, H. 1); № 10 — den Proletarskij Bezirk (die Nowoostapowskaja Straße, H. 12); № 12 — den Stalinskij Bezirk (die Krasnokasarmennaja Straße, H. 15). Der Betrieb № 11 befand sich vermutlich in Kuntsewo.

Alle zwölf Betriebe wurden nach zwei Archetypen, die mit technologischen Besonderheiten der Produktion verbunden war, gebaut: die Betriebe des Systems, das von Aktiengesellschaft „Melstroj“ entwickelt war, und die Betriebe des Systems von Ingenieur G.P. Marsakow. Die technologischen Systeme bestimmten die Form der

Закрывающийся конвейер хлебозавода

Abgedeckte Förderanlage der Brotfabrik

**Проект Хлебозавода
МОСПО № 5 по системе
инж. Г.П. Марсакова.
Разрез. 1930 год**

**Projekt der Brotfabrik Nr. 5
von MOSPO, Produktionssystem
wurde vom Ingenieur
G.P. Marsakow entwickelt.
Querschnitt. 1930**

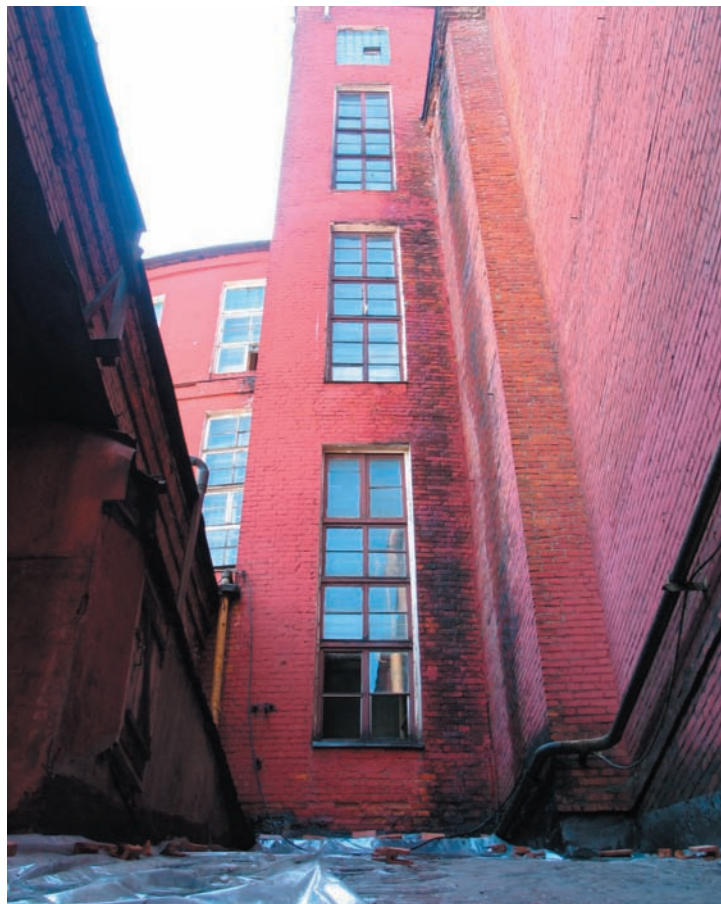
подавалась на четвертый этаж, где находилось заквасочное отделение. Отсюда готовая опара поступала на третий этаж в тестомесильное отделение, состоявшее из трех жестких кольцевых конвейеров, где происходил процесс брожения. После окончания брожения куски теста попадали в тесторазделочное отделение на втором этаже, а оттуда — в расположенное рядом на этом же этаже печное отделение. Хлеб выпекался в трех круглых кольцевых печах. После выпечки хлеб выгружался из печей и по наклонным спускам поступал в хлебохранилище на первом этаже.

Впервые данная система была применена для строительства хлебозавода № 5 в Москве, и затем с небольшими изменениями и усовершенствованиями было построено еще три (или четыре) завода в Москве и два в Ленинграде.

Существовали общие закономерности размещения хлебозаводов — крупных предприятий пищевой промышленности. Прежде всего, это обязательное наличие железнодорожных веток, осуществлявших подвоз муки и угля для котельной, а также отправку готового хлеба. Для всех хлебозаводов предусматривалась особая схема транспортного обслуживания, исходящая из идеи создания непересекающихся внешних грузопотоков. В целях создания бесперебойного процесса, не зависящего от городского водоснабжения, территории заводов оборудовались индивидуальными артезианскими скважинами.

**Производственный
корпус хлебозавода
им. В.П. Зотова (быв-
ший хлебозавод № 5),
1929—1933 годы, инж.
Г.П. Марсаков. Ходын-
ская ул., д. 2, стр. 2**

**Produktionshalle der
Brotfabrik „W.P. Sotow“
(ehem. Brotfabrik Nr. 5),
1929—33, Ingenieur G.P.
Marsakow. Chodyn-
ska-Straße 2, Bau 2**

Industriebauten vorher und es beeinflusste die Raumkomposition des Komplexes insgesamt.

Das System von AG „Melstroj“, das auf die rechteckigen Räume mit sich direkt bewegenden aufhängbaren Förderschalen gerechnet war, ließ zu, die Kontinuität des Prozesses zu gewährleisten, und war vom Gesichtspunkt der Organisation des Baues ziemlich praktisch. Die Industriebauten, die entsprechend diesem System aufgebaut sind, das auf den früher existierenden Analoga gegründet war, stellen vom Gesichtspunkt der architektonischen Form kein bedeutendes Interesse vor.

Die absolut originelle Idee der Fliessbrotproduktion des Ingenieurs G.P. Marsakow bestand in der Nutzung des Systems der Ringfließbänder, die die ununterbrochenen automatischen Brotproduktion vertikal oben nach unten gewährleisteten. Das Mehl von des Lagerhauses, das sich im Kellerstockwerk befand, wurde von dem Transporter auf das vierte Stockwerk gereicht, wo sich die Sauerteigabteilung befand. Von hier aus handelte der fertige Vorteig nach dem dritten Stockwerk in die Teigknetabteilung geliefert, die aus drei harten Ringfließbändern bestand, wo der Prozess der Gärung geschah. Nach dem Abschluss der Gärung gerieten die Teigstücke in die Teigwirkabteilung auf dem zweiten Stockwerk, und von da — in die Ofenabteilung, die nebenan auf diesem Stockwerk gelegen war. Das Brot wurde in drei runden Ringöfen ausge-

Размещение хлебозаводов взаимосвязано с территориями отдельных городских административных районов Москвы, однако, преимущественно расположение объектов тяготеет к восточной и юго-восточной части города, что обусловлено учетом направления господствующих ветров. Значительная удаленность хлебозаводов от центра (кроме завода № 1) связана с активизацией строительства на периферийных территориях, обладающих потенциалом для развития промышленной функции, а также со стремлением использовать преимущества кольцевой железной дороги.

Наиболее интересным в технологическом и архитектурно-строительном отношении является хлебозавод № 5 (позже ему было присвоено имя В.П. Зотова), расположенного на Ходынской улице. Здание является памятником истории и культуры «Производственный корпус хлебозавода № 5 им. В.П. Зотова», утвержденным распоряжением Правительства Москвы № 1608-РП от 10.08.2004 г.

Первоначальный проект хлебозавода, составленный по системе «Мельстроя», оборудованный люлевыми печами, был отвергнут, и в 1929-м году был принят проект кольцевого хлебозавода-автомата по системе инженера Г.П. Марсакова мощностью 240 т хлеба в сутки. Постройка здания была окончена в 1932-м году. Все конвейеры, печи, машины и приспособления были сделаны по проекту Г.П. Марсакова.

Однако вопрос авторства инженера Марсакова в архитектурном проекте вызывает сомнения. Так, принятые на охрану, как памятники промышленной архитектуры XX века, два хлебозавода системы Марсакова в Санкт-Петербурге, построенные в 1933–1934-х годах, приписываются архитектору А.С. Никольскому. При этом достоверность этих данных так же находится под вопросом.

Объемно-пространственная структура завода представляет собой промышленный комплекс, состоящий из основного четырехэтажного объема круглой в плане формы с двумя пристройками:

- 1) котельная с трубой и прямоугольный в плане ступенчатый корпус для вспомогательных и административных функций;

- 2) здания мастерской, электроподстанции, каменной постройки для автомобилей весов.

По мере эксплуатации к основному зданию неоднократно делались пристройки, искажившие его первоначальный облик. Кроме того, на территории хлебозавода было возведено множество хозяйственных построек.

В связи с принятым решением о конверсии промышленной функции и реконструкции территории завода был выполнен комплекс историко-культурных и конструктивно-технических исследований. В результате территория завода обрела статус памятника истории и культуры. Границы территории памят-

backen. Nach dem Backen wurde das Brot aus den Öfen ausgeladen und nach den geneigten Abstiegen nach dem Brotlager auf dem Erdgeschoß geliefert.

Zum ersten Mal war dieses System für den Bau der Brotfabrik № 5 in Moskau verwendet, und dann war noch drei (oder vier) Betriebe in Moskau und zwei in Leningrad mit kleinen Veränderungen und den Verbesserungen aufgebaut.

Es gab die allgemeinen Gesetzmäßigkeiten der Unterbringung der Brotfabriken – der grossen Unternehmen der Nahrungsmittelindustrie. Vor allem, das war die obligatorische Vorhandensein der Zweigbahnen, die die Mehl- Kohlezufuhr für den Kesselraum, sowie die Abfahrt des fertigen Brotes, verwirklichten. Für alle Brotfabriken wurde ein besonderes Schema der Transportbedienung vorgesehen, das aus der Idee der Bildung der unüberquerten äusserlichen Güterströme stammte. Zwecks der Bildung des ununterbrochenen Prozesses, der nicht von der städtischen Wasserversorgung abhängte, wurden die Territorien der Betriebe von den individuellen artesischen Spalten ausgestattet.

Die Unterbringung der Brotfabriken ist mit den Territorien der abgesonderten städtischen administrativen Bezirke Moskaus gegenseitig abgestimmt, aber die Anordnung der Objekte gravitiert zum Ost- und Südostteil der Stadt vorzugsweise, was von der Berücksichtigung der Richtung der beherrschenden Winde bedingt ist. Die bedeutende Entlegenheit der Brotfabriken vom Zentrum (außer dem Betrieb № 1) ist mit der Aktivierung des Baues auf den Peripherieterritorien verbunden, die über das Potential für die Entwicklung der industriellen Funktion verfügen, sowie mit dem Streben, die Vorteile der Ringeisenbahn zu verwenden.

In der technologischen, architektonischen und baulichen Ziehung ist die Brotfabrik № 5 am Interessanteste (später war ihr der Name des W.P.Sotow verliehen), die auf der Hodynская Straße gelegen. Das Gebäude ist ein Denkmal der Geschichte und der Kultur „Der Produktionskörper der Brotfabrik № 5 namens W.P.Sotow“, der von der Verfügung der Regierung Moskaus № 1608-RP von 10.08.2004 behauptet war.

Der Ursprungsplan der Brotfabrik, der nach dem System „Melstroj“ gebildet war, mit den Schaukelöfen ausgestattet, war abgelehnt, und im 1929 war das Projekt der Ringbrotfabrik-Automaten nach dem System des Ingenieurs G.P.Marsakow mit einer Gesamtleistung 240 t des Brotes pro Tag übernommen. Der Bau des Gebäudes war im 1932 beendet. Alle Fließbänder, Öfen, Maschinen und Verwendungen waren nach dem Projekt von G.P.Marsakow gemacht.

Doch erregt die Frage der Urhebererschaft des Ingenieurs Marsakow im architektonischen Projekt die Bedenken. So, auf den Schutz, wie die Denkmäler der industriellen Architektur des XX. Jahrhunderts übernommen, werden zwei Brotfabriken des Systems von Marsakow in Sankt Petersburg, die in 1933–1934 aufgebaut waren, dem Architekten A.S.Nikolskij zugeschrieben. Dabei steht die Glaubwürdigkeit dieser Daten ebenso auf der Kippe.

Die Raumstruktur des Betriebs stellt den industriellen Komplex dar, der aus dem Hauptvieretagenumfang der runden Form mit zwei Anbauten besteht:

- 1) Der Kesselraum mit dem Rohr und der orthogonale gestufte

Block für die behelfsmäßigen und administrativen Funktionen;

ника были определены с учетом характера трансформации ее первоначальных историко-градостроительных характеристик. В процессе исследования был проведен тщательный анализ сохранности и историко-культурной ценности конструктивных элементов строения завода. На основании полученной картограммы сохранности и ценности объекта были даны предложения по определению предмета охраны, в котором представлен перечень всех элементов здания, рекомендуемых к сохранению и реставрации.

При разработке проекта реставрации было рекомендовано учесть колористическую гамму первоначальной покраски здания: красное и белое; фактуры отделочных материалов — крашеный кирпич, прокатный и листовой металл, крашеное дерево, стекло; стилистику утраченного шрифтового оформления торцевой части юго-восточной башнеобразной лестничной клетки; сохранившиеся аутентичные материалы конструкций — монолитный железобетон, прокатное железо, дерево.

Предусматривается также уточнение предмета охраны при проведении натурных реставрационных исследований.

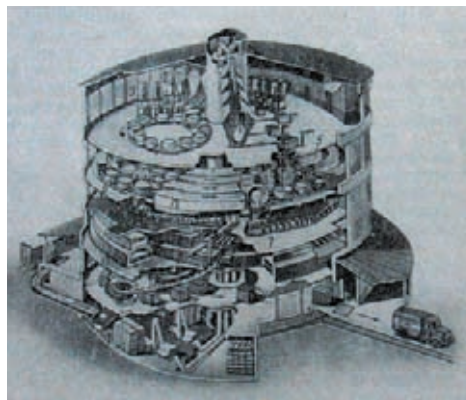
На основе предмета охраны в настоящее время разрабатывается проект реставрации памятника с приспособлением под новое функциональное назначение.

Рассматриваемый объект культурного наследия является единичным памятником промышленной архитектуры, расположенным в активно застраиваю-

щейся в настоящее время зоне отвода железнодорожного полотна. В связи с отсутствием подходящего стилистического окружения и деградацией контактной градостроительной среды в процессе функционирования завода, особенностью сохранения объекта является выделение и локализация территории памятника с целью создания условий композиционно-пространственного развития обширной территории хлебозавода в увязке с общей концепцией развития территории района.

**Кольцевой завод
системы
Г.П. Марсакова**

**Von G.P. Marsakow als
Ring konzipierte Brotbäckereianlage**

2) Die Gebäude der Werkstatt, der Elektrounterstation, des Steinbaus für die Autowaage.

Je nach der Ausbeutung wurden die Anbauten, die seine ursprüngliche Gestalt verzerrten, mehrfach zum Hauptgebäude aufgebaut. Außerdem wurden viele wirtschaftliche Bauten auf dem Territorium der Brotfabrik errichtet.

In Zusammenhang mit dem übernommenen Bescheid über die Konversion der industriellen Funktion und der Rekonstruktion des Territoriums des Betriebs war der Komplex der historischen und kulturellen und konstruktivtechnischen Forschungen erfüllt. Daraufhin hat das Territorium des Betriebs den Status des Denkmals der Geschichte und der Kultur gefunden. Die Grenzen des Territoriums des Denkmals waren unter Beachtung des Charakters der Transformation ihrer ursprünglichen historischen und städtebaulichen Charakteristiken bestimmt. Im Laufe der Forschung war die sorgfältige Analyse der Unversehrtheit und des historischen und kulturellen Wertes der konstruktiven Elemente des Baus des Betriebs durchgeführt. Aufgrund des bekommenen Kartogramms der Unversehrtheit und des Wertes des Objektes waren die Vorschläge zur Bestimmung des Gegenstandes des Schutzes gegeben, in der das Verzeichnis aller Elemente des Gebäudes vorgestellt war, die zur Erhaltung und Wiederherstellung empfohlen werden.

Bei der Entwicklung des Projektes der Wiederherstellung empfahl es sich, das folgende zu berücksichtigen: das koloristische Gamma des ursprünglichen Anstriches der Gebäude: rot und weiß; die Faktionen der Baumaterialien – gefärbte Ziegel, das Walz- und Blattmetall, gefärbter Baum, das Glas; die Stilistik der verlorenen Schriffterledigung des Stirnteiles des südöstlichen turmartigen Treppenkäfigs; die erhalten bleibenden authentischen Materialien der Konstruktionen – der einheitliche Stahlbeton, das Walzeisen, der Baum.

Die Präzisierung des Gegenstandes des Schutzes wird auch bei der Durchführung der Außenwiederherstellungsforschungen vorgehen.

Aufgrund des Gegenstandes des Schutzes wird zur Zeit das Projekt der Wiederherstellung des Denkmals mit der Verwendung für die neue funktionale Bestimmung entwickelt.

Das betrachtete Objekt des kulturellen Erbes ist ein einzelnes Denkmal der industriellen Architektur, das in der Zone der Ableitung des Bahnkörpers, die zur Zeit aktiv bebaut wird, gelegen ist. Die Absonderung und die Lokalisation des Territoriums des Denkmals zwecks der Bildung der Bedingungen der Komposition-Raumentwicklung des umfangreichen Territoriums der Brotfabrik in der Verpackung mit der Gesamtkonzeption der Entwicklung des Territoriums des Bezirks ist die Besonderheit der Erhaltung des Objektes in Zusammenhang mit der Abwesenheit der herankommenden stilistischen Umgebung und der Degradation der Kontakt-Städtebaumentwicklung im Laufe des Funktionierens des Betriebs.

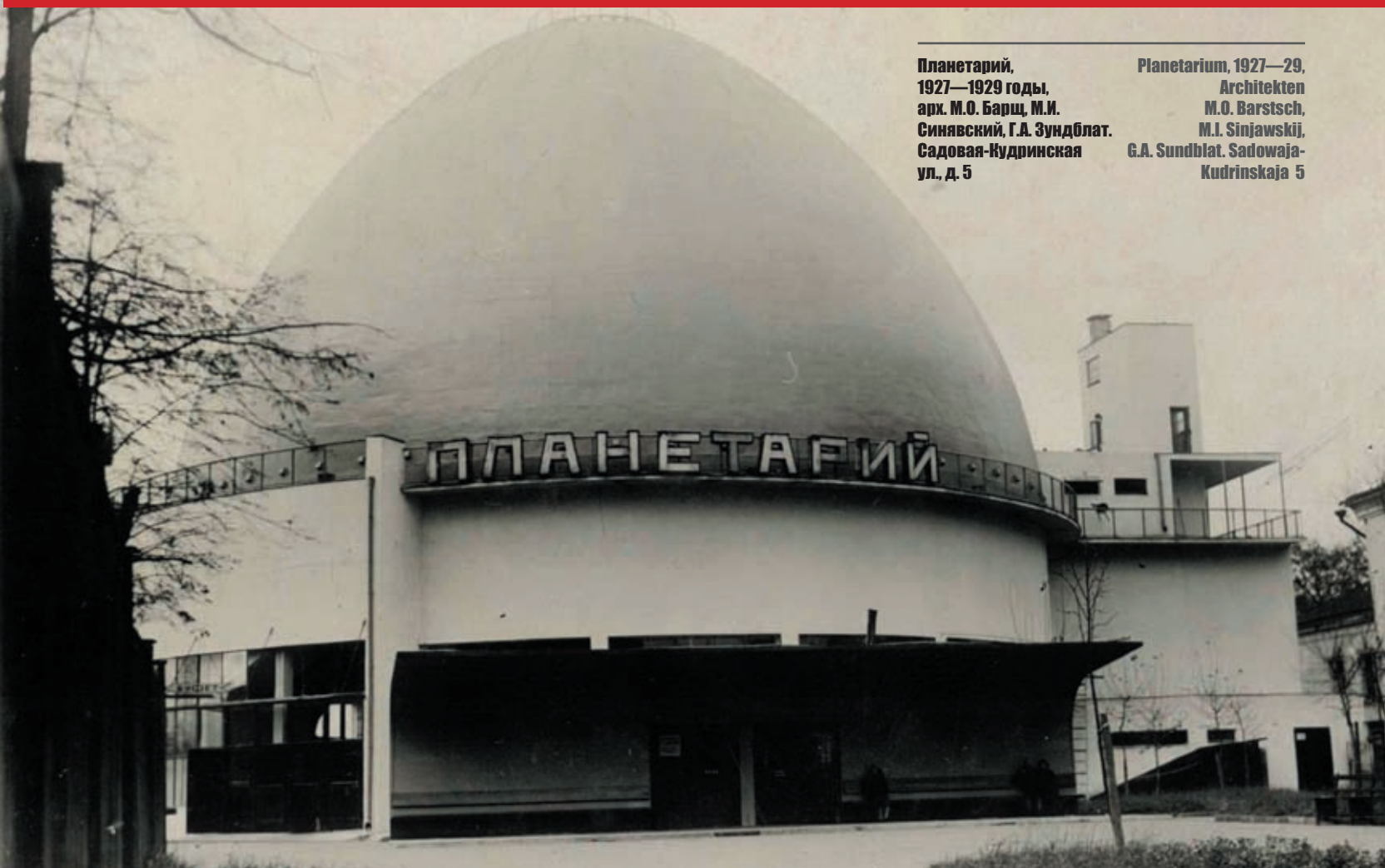
**Валерий Шевчук,
председатель Комитета
по культурному наследию
города Москвы**

**Walerij Schewtschuk,
Der Vorsitzende des Komitees
für das kulturelle Erbe Moskaus**

ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ, РЕСТАВРАЦИИ

ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ГОРОДА МОСКВЫ

**Die Fragen der Erhaltung, der Wiederherstellung der Objekte
des Kulturellen Erbes Moskaus**

**Планетарий,
1927—1929 годы,
арх. М.О. Барщ, М.И.
Синявский, Г.А. Зундблат.
Садовая-Кудринская
ул., д. 5**

**Planetarium, 1927—29,
Architekten
M.O. Barstsch,
M.I. Sinjawschij,
G.A. Sundblat. Sadowaja-
Kudrinskaja 5**

Комитет по культурному наследию города Москвы является отраслевым органом исполнительной власти столицы, уполномоченным в области государственной охраны, сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации; обеспечивает разработку и реализацию политики города в области недвижимого культурного наследия.

В своей деятельности Комитет руководствуется Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, в том числе ФЗ № 73-ФЗ от 25.06.2002 города «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, иными федеральными нормативными правовыми актами, международными договорами Российской Федерации, Уставом города Москвы, другими законами города

Москвы, иными правовыми актами города Москвы, в том числе Законом города Москвы № 40 от 09.06.2004 города «Об особом порядке регулирования градостроительной деятельности на исторических территориях города Москвы и на территориях зон охраны объектов культурного наследия в городе Москве».

На территории Первопрестольной расположено более 4500 объектов культурного наследия федерального и регионального значения, а также 1400 выявленных объектов наследия. В настоящее время идет формирование городского реестра недвижимого культурного наследия и историко-культурного опорного плана. Осуществляется постановка на государственную охрану выявленных объектов. Так в 2007 году распоряжениями Правительства Москвы № 932-РП от 16.05.2007 города и № 1455-РП от 10.07.2007 города принято под охрану 180 объектов.

Впервые в 1953 году в Москве был опубликован список «Историко-архитектурные памятники Москвы, со-

Дас Komitee für das kulturelle Erbe Moskaus ist ein Fachorgan der vollziehenden Macht der Hauptstadt, das auf dem Gebiet des staatlichen Schutzes, der Erhaltung, der Nutzung und der Popularisierung der Objekte des kulturellen Erbes (der Denkmäler der Geschichte und der Kultur) der Völker der Russischen Föderation bevollmächtigt ist; gewährleistet die Entwicklung und die Realisierung der Politik der Stadt auf dem Gebiet des immobilien kulturellen Erbes.

In der Tätigkeit richtet sich das Komitee nach der Verfassung der Russischen Föderation, den föderalen Verfassungsgesetzen, den föderalen Gesetzen, einschließlich FS № 73-FS von 25.06.2002 „Über die Objekte des kulturellen Erbes (die Denkmäler der Geschichte und die Kulturen) der Völker der Russischen Föderation“, den Akten des Präsidenten der Russischen Föderation und der Regierung der Russischen Föderation, anderen föderalen normativen Rechtsakten, den internationalen Verträgen der Russischen Föderation, dem Statut Moskaus, anderen Gesetzen Moskaus, anderen Rechtsakten Moskaus, einschließlich dem Gesetz Moskaus № 40 von 09.06.2004 „Über die besondere Ordnung der Regulierung der städtebaulichen Tätigkeit auf den historischen Territorien Moskaus und auf den Territorien der Zonen des Schutzes der Objekte des kulturellen Erbes in Moskau».

Auf dem Territorium Moskaus befinden sich mehr 4500 Objekte des kulturellen Erbes der föderalen und regionalen Bedeutung, sowie 1400 enthüllte Objekte des Erbes. Zur Zeit geschieht die Bildung der städtischen Liste des immobilien kulturellen Erbes und des historischen und kulturellen Stützplanes. Man verwirklicht die Errichtung auf den staatlichen Schutz der enthüllten Objekte. So in 2007 werden 180 Objekte unter den Schutz von den Verfügungen der Regierung Moskaus № 932-RP von 16.05.2007 und № 1455-RP von 10.07.2007 gefasst.

Zum ersten Mal war die Liste „Die historischen und architektonischen Denkmäler Moskaus, die sich unter dem staatlichen Schutz befinden“ in 1953 in Moskau veröffentlicht, in die 315 Schutznummern, die bis zum 1948 übernommen wurden, eingegangen sind.

Für die Letzten zehn Jahre, besonders im Ergebnis der Tätigkeit der Hauptverwaltung des Schutzes der Denkmäler Moskaus (jetzt Moskonnasledie), ist die Zahl der Denkmäler der Geschichte und der Kultur, die sich unter dem staatlichen Schutz bestehen, wesentlich gewachsen. Ihre Ansichtsverhältnis und qualitative Bestand haben sich geändert. Wenn die Mehrheit der Denkmäler in 1960–1980 Jahren die architektonischen Objekte waren, so ist tatsächlich all das historische Zentrum Moskaus als die komplexen und lokalen Denkmäler der Archäologie jetzt unter den Schutz des Staates. Unter den Denkmälern der Geschichte, die vom Staat beschützten sind, sind die historische Nekropole und die bedeutendsten Werke

Экспериментальный общественно-жилой комплекс Рабочего жилищно-строительного кооперативного товарищества (РЖСКТ) «Показательное строительство» на Гоголевском бульваре, первая половина XX века, архитекторы М.О. Барщ, В.Н. Владимиров, И.Ф. Милинис, С.В. Орловский, А.Л. Пастернак, Л.С. Славина

Experimenteller Sozial- und Wohnkomplex der Arbeiter-Wohnungsbau genossenschaft „Pokasatelnoje stroitelstwo“ in Gogolewskij Boulevard, erste Hälfte des 20. Jahrhunderts, Architekten M.O. Barstsch, W.N. Wladimirow, I.F. Milinits, S.W. Orłowski, A.L. Pasternak, L.S. Slawina

стоящие под государственной охраной», в который вошло 315 охраняемых номеров, принятых до 1948 года.

За последние десять лет, особенно в результате деятельности Главного Управления охраны памятников города Москвы (ныне Москомнаследие), значительно возросло количество памятников истории и культуры, состоящих под государственной охраной. Изменилось их видовое соотношение и качественный состав. Если в 1960—1980-х годах большинство памятников являлись архитектурными объектами, то теперь под охрану государства принят в качестве комплексных и локальных памятников археологии практически весь исторический центр Москвы. Среди охраняемых государством памятников истории теперь числятся исторический некрополь и наиболее значительные произведения монументального искусства 1920—1960-х годов, созданные мастерами XX столетия.

Важным результатом деятельности Главного Управления охраны памятников города Москвы (ныне Москомнаследие) было Решение Мосгорисполкома от 23.03.1987 города № 617 о принятии под государственную охрану 58 памятников архитектуры советского периода. В итоге на сегодняшний день на охране состоят 247 объектов культурного наследия советского периода регионального значения, среди которых особое место занимают сооружения периода советского авангарда, созданные в 1920-х—начале 1930-х годов в стиле конструктивизма.

Поиск новых архитектурных форм стал интенсивно развиваться в послереволюционные годы, дав толчок многим инициативам и экспериментам, продемонстрировавшим как творческие возможности архитекторов, так и их потребность самовыражения. Тематика, архитектурные изобретения и их реализация, составляющие наследие авангарда — наиболее богатый и значительный вклад в архитектуру XX века. На охране в Москомнаследии состоят 66 объектов культурного наследия регионального значения, относящихся к данному периоду. Один из них — памятник федерального значения Дом культуры железнодорожников, входящий в состав ансамбля Комсомольской площади.

Среди объектов советского авангарда — все московские постройки К.С. Мельникова: собственный дом архитектора в Кривоарбатском переулке, клуб им. И.В. Русакова, клуб фабрики «Свобода», клуб Дорхимзавода с фабрикой-кухней, гараж на Новорязанской улице, гараж на Сушевском валу, гараж на Авиамоторной; дома-коммуны М.Я. Гинзбурга, дом Наркомфина; И.С. Николаева — студенческий дом-коммуна на улице Орджоникидзе; общественные здания: Московский планетарий, Дом бывших политкаторжан (ныне Театр-студия киноактера), универсам на Красной Пресне (братьев Весниных), здание ЦСУ (ныне

Жилой экспериментальный комплекс Наркомфина, 1928—1930 годы, арх. М.Я. Гинзбург, И.Ф. Милинис. Новинский бульв., д.25, стр.13

Experimenteller Wohngebäudekomplex von Narkomfin, 1928—30, Architekten M.Ja. Gisburg, I.F. Milinis. Nowinskij Boulevard 25, Bau13

Росстат) на Мясницкой, д. 39, Наркомзем на Садово-Спасской; жилые кварталы на Шаболовке, на Усачевке и на Авиамоторной, жилой поселок Сокол и поселок Буденовский, жилые дома на Русаковской улице и др. По одиннадцати объектам советского авангарда заключена охранная документация.

Одно из самых знаменитых и значительных сооружений эпохи конструктивизма — клуб им. И.В. Русакова архитектора К.С. Мельникова 1927—1929 годов постройки на улице Стромынка, д. 6, по которому в настоящее время ведется проектирование и прорабатывается вопрос реставрации и приспособления под театральную студию Романа Виктюка с сохранением идеи многофункциональности, задуманной автором. Государственным Заказчиком выступает Москомнаследие.

Константин Степанович Мельников — замечательный представитель русского архитектурного гения, в творчестве которого воплотились наиболее дерзновенные идеи русского авангарда. Творчество Мельникова оказало огромное влияние на развитие современной архитектуры и оно, безусловно, должно быть сохранено как часть мировой культуры XX столетия. Архитектор жил и творил, главным образом, в Москве. Здесь находятся главные архитектурные произведения зодчего. Все московские постройки мастера взяты на государственную охрану и являются объектами культурного наследия (памятниками истории и культуры) регионального значения.

der monumentalen Kunst der 1920–1960er Jahren jetzt, die von den Meistern des XX. Jahrhunderts geschaffen wurden.

Ein wichtiges Ergebnis der Tätigkeit der Hauptverwaltung des Schutzes der Denkmäler Moskaus (jetzt Moskomnasledie) war die Lösung von Mosgorispolkom von 23.03.1987 № 617 über die Annahme unter den staatlichen Schutz von 58 Denkmälern der Architektur der sowjetischen Periode. Im Endeffekt bestehen 247 Objekte des kulturellen Erbes der sowjetischen Periode der regionalen Bedeutung auf dem Schutz für heute, unter denen die Bauten der Periode der sowjetischen Avantgarde, die am Anfang der 1920-1930er Jahren à la Konstruktivismus geschaffen wurden, die besondere Stelle einnehmen.

Die Suche der neuen architektonischen Formen fing an, sich in den nachrevolutionären Jahren intensiv zu entwickeln, vielen Initiativen und den Experimenten, die sowohl die schöpferischen Möglichkeiten der Architekten, als auch ihr Bedürfnis des Selbstausdruckes demonstrierten, ange-regt. Die Thematik, die architektonischen Erfindungen und ihre Realisierung, die das Erbe der Avantgarde – der reichste und meistens bedeutende Beitrag an die Architektur des XX. Jahrhunderts bilden. Unter dem Schutz in Moskomnasledie bestehen sich 66 Objekte des kulturellen Erbes der regionalen Bedeutung, die sich zu dieser Periode gehören. Ein von ihnen ist das Kulturhaus der Eisenbahner, das Denkmal der föderalen Bedeutung, das das Ensemble der Komsomolfläche bildet.

Unter den Objekten der sowjetischen Avantgarde sind alle Moskauer Bauten von K.S.Melnikow: das Eigenheim des Architekten in der Kriwoarbatiskij Gasse, der Klub namens I.W.Rusakow, der Klub der Fabrik „Swoboda“, der Klub von Dorchimsawod mit dem Großküchenbetrieb, die Garage in der Noworjasanskaja Straße, die Garage auf der Suschtschewskij Wall, die Garage in der Awiamotornaja Straße; die Häuser-Kommunen von M.J.Ginsburg (das Haus von Narkomfin, der Wohnkomplex auf dem Gogolewskij Boulevard, H. 8), I.S.Nikolaew (das studentische Haus-Kommune in der Ordschonikidse Straße); die öffentlichen Bauten – das Moskauer Planetarium, das Haus der ehemaligen politischen Zuchthäusler (jetzt das Theater-Studio des Filmschauspielers), das Kaufhaus in der Krasnaja Presnja Straße (der Brüder Wesniny), das Gebäude von TsSU (jetzt Rosstat) in der Mjasnitskaja Straße, H. 39, Narkomsem in der Sadowo-Spasskaja Straße; die Wohnviertel in Schabalowka, Usatschewka und in der Awiamotornaja Straße, die Wohnsiedlung Sokol und die Budenowskij Siedlung, die Wohnhäuser in der Rusakowskaja Straße u.a. Für elf Objekte der sowjetischen Avantgarde ist die Schutzdokumentation geschlossen.

Ein der berühmtesten und bedeutendsten Bauten der Epoche des Konstruktivismus ist der Klub namens I.W.Rusakow des Architekten K.S.Melnikow, der in 1927–

**Клуб Дорхимзавода
с фабрикой-кухней,
1927—1928 годы, арх.
К.С. Мельников. Береж-
ковская наб., д. 28**

**Klubhaus der che-
mischen Fabrik „Dor-
chimsawod“ mit einer
Großküche, 1927—28,
Architekt K.S. Melnikow.
Bereschkowskaja-Ufer-
straße 28**

Жемчужиной творческого наследия архитектора является созданный им для своей семьи жилой дом в Кривоарбатском переулке, отразивший в своей необычной планировке и своеобразном внешнем облике с оригинальными окнами-сотами и любовь к семье, и желание создать для детей новый быт, и надежду архитектора на торжество новаторской архитектурной мысли новой эпохи, на воспитание в новой архитектурной среде нового человека — творца будущего. В 1996—1997 годах была выполнена комплексная реставрация объекта культурного наследия «Экспериментальный жилой дом. 1928—1929 годы. Архитектор К.С. Мельников», которая проводилась за счет бюджетных средств Москвы.

В настоящее время Москомнаследием проведен ряд встреч и обсуждений по вопросу реставрации и дальнейшего использования здания — объекта культурного наследия «Жилой дом бывшего Наркомфина», расположенного по адресу Новинский бульвар, д. 25. стр. 1. Здание жилого дома Наркомфина состоит из двух смежных корпусов с разным функциональным назначением каждого корпуса. Главной задачей реставраторов должно стать именно комплексное восстановление данной структуры жилого дома, что и определяет его историко-архитектурную ценность как памятника архитектуры советского авангарда 1920—1930-х годов.

Учитывая сложные имущественно-правовые отношения на объекте, для достижения положительного результата

необходимо минимизировать количество пользователей и собственников, определив инвестора на конкурсной основе, который сможет провести отселение пользователей и собственников и осуществить комплексные работы по реставрации этого знакового объекта советского авангарда.

Основные проблемы по сохранению объектов культурного наследия указанного периода:

— по объектам наследия, использующимся под жилье, остро стоят вопросы взаимоотношений с жильцами; многих из них не устраивает первоначальная планировка, состояние инженерных сетей, состояние перекрытий. Большинство рядовых домов периода конструктивизма попадают в разряд ветхого жилья и являются первыми кандидатами под снос;

— остро стоит вопрос и о сохранении первоначальной функции большинства памятников конструктивизма; для приспособления к современному использованию часто требуется перепланировка, модернизация инженерных сетей и замена технического оборудования (например, реорганизация клуба под банк или под театр, жилых помещений под помещения для торговли);

— одним из главных методических вопросов является вопрос об инженерном состоянии строительных конструкций и строительных материалов, а также о нахождении уникальных способов решения инженерных проблем мастерами авангарда. На примере Дома Мельникова

1929 Jahren in der Stromynka Straße, H. 6 aufgebaut war, nach dem zur Zeit die Projektierung geführt wird und die Frage der Wiederherstellung und der Verwendung für das Schauspielstudio von Roman Wiktjuk mit der Erhaltung der Idee der Vielseitigkeit, die vom Autor beabsichtigt ist, durchgearbeitet wird. Moskomnasledie ist der staatliche Besteller.

Konstantin Stepanowitsch Melnikow ist der bemerkenswerte Vertreter des russischen architektonischen Genies, in dessen Schaffen sich die tapfersten Ideen der russischen Avantgarde verwirklicht haben. Das Schaffen Melnikows hat den riesigen Einfluss auf die Entwicklung der modernen Architektur ausgeübt und es soll unbedingt wie ein Teil der weltweiten Kultur des XX. Jahrhunderts aufgespart sein. Der Architekt lebte und schuf hauptsächlich in Moskau. Hier befinden sich die architektonischen Hauptwerke des Baumeisters. Alle Moskauer Bauten des Meisters ist auf den staatlichen Schutz genommen eben sind die Objekte des kulturellen Erbes (die Denkmäler der Geschichte und der Kultur) der regionalen Bedeutung.

Eine Perle des schöpferischen Erbes des Architekten ist das Wohnhaus in der Kriwoarbatiskij Gasse, das von ihm für seine Familie geschaffen war und im ungewöhnlichen Planieren und der eigentümlichen äusserlichen Gestalt mit den originellen Fenstern-Waben die Liebe zur Familie, den Wunsch, für die Kinder das neue Alltagsleben zu schaffen, und die Hoffnung des Architekten auf die Feier des Neuerungs-architektonischen Ge-

можно проследить уникальность методов решения инженерных вопросов, уникальность системы естественной вентиляции с воздушным обогревом (охлаждением) помещений, системы акустической (голосовой) связи между помещениями и калиткой входа на территорию здания.

Большинство зданий эпохи авангарда строилось в период острой нужды с применением недорогих материалов: дерева, шлакобетонных камней, дешевых утеплителей — торфа, сена с известковой пропиткой, шлаковой засыпки по методу инженера Герарда, в настоящее время не обеспечивающих теплозащиту и требующих скорейшего решения вопроса сохранения и реставрации.

Требуют решения вопросы укрепления и развития школы реставраторов-специалистов по данному периоду, разработки технологий с применением современных аутентичных материалов. Существует также проблема сохранения рядовых объектов жилой застройки XX века в структуре современного города.

В настоящее время возникает повышенный интерес к объектам архитектуры времени советского авангарда и архитектуре сталинского времени, которые в силу исторических условий находились в достаточном небрежении и заброшенности. Всплеск интереса к русскому авангарду объединил специалистов многих стран в желании помочь в сохранении, реставрации и популяризации наследия 1920—1930-х годов XX века. Для проведения качественной научной реставрации зданий указанного периода Москомнаследием создана экспертная рабочая группа с участием представителей общественности и зарубежных специалистов. Кроме того, прорабатывается вопрос о прямом сотрудничестве Международного Совета по вопросам памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС) с Москомнаследием в целях практической реализации программ по реставрации объектов русского авангарда.

дankens der neuen Epoche, auf die Erziehung in der neuen architektonischen Umgebung des neuen Menschen — des Schöpfers der Zukunft widerspiegelt hat. In 1996–1997 war die komplexe Wiederherstellung des Objektes des kulturellen Erbes „Das Experimentale Wohnhaus. Die 1928–1929er Jahre. Der Architekt K.S.Melnikow“ erfüllt, die auf Kosten der Budgetfonds Moskaus durchgeführt wurde.

Zur Zeit ist Moskomnasledie eine Reihe der Treffen und Erörterungen für die Wiederherstellung und die weitere Nutzung des Gebäudes — des Objektes des kulturellen Erbes „Das Wohnhaus von dem ehemaligen Narkomfin“ durchgeführt, das sich in dem Novinsky Boulevard, H. 25, G. 1 befindet. Das Gebäude des Wohnhauses von Narkomfin besteht aus zwei angrenzenden Gebäuden mit verschiedener funktionaler Bestimmung jedes Gebäudes. Eine Hauptaufgabe der Restauratoren soll die gerade komplexe Wiederherstellung dieser Struktur des Wohnhauses werden, die seinen historischen und architektonischen Wert wie ein Denkmal der Architektur der sowjetischen Avantgarde der 1920–1930er Jahren bestimmt.

In Anbetracht der komplizierten vermögensrechtlichen Verhältnisse auf dem Objekt muss man für die Erreichung des positiven Ergebnisses die Zahl der Benutzer und der Besitzer auf dem Objekt minimisieren, den Investor auf der Wettbewerbsgrundlage bestimmt, der Delogierung der Benutzer und Besitzer durchführen und die komplexen Arbeiten an der Wiederherstellung dieses Zeichenobjektes der sowjetischen Avantgarde verwirklichen kann.

Die Hauptprobleme für die Erhaltung der Objekte des kulturellen Erbes der angegebenen Periode:

- bezüglich der Objekte des Erbes, die als die Wohnfläche verwendet werden, hat man die Fragen der Wechselbeziehungen mit den Bewohnern scharf; das ursprüngliche Planieren, der Zustand der ingenieurmässigen Netze, der Zustand der Überdeckungen passen vielen von ihnen nicht. Die Mehrheit der gewöhnlichen Häuser der Periode des Konstruktivismus geraten in die Kategorie der baufälligen Wohnungen und sind die ersten Kandidaten für den Abbruch;

- scharf ist die Frage über die Erhaltung der ursprünglichen Funktion der Mehrheit der Denkmäler des Konstruktivismus; für die Verwendung zur modernen Nutzung wird die Neuplanung, die Modernisierung der ingenieurmässigen Netze und den Ersatz der technischen Ausrüstung häufig gefordert (zum Beispiel, die Reorganisation des Klubs für die Bank oder das Theater, der Wohnräume für die Verkaufsräume);

- Eine der methodischen Hauptfragen ist die Frage über den ingenieurmässigen Zustand der Baukonstruktionen und der Baustoffe, sowie über die Auffindung der einzigartigen Weisen der Lösung der ingenieurmässigen Probleme von den Meistern der Avantgarde. Am Beispiel des Hauses von Melnikow kann man die Einmaligkeit der Methoden der Lösung der ingenieurmässigen Fragen, die Einmaligkeit des Systems der natürlichen Lüftung mit der Luftbeheizung (Abkühlung) der Räume, des Systems der akustischen (Stimm-) Verbindung zwischen den Räumen und der Pforte des Eingangs zum Territorium des Gebäudes verfolgen.

Die Mehrheit der Gebäude der Epoche der Avantgarde wurde im Laufe des scharfsten Baubedürfnisses mit der Anwendung der preiswerten Materialien gebaut: des Baumes, Hüttensteine, billiger Wärmedämmstoffe — des Torfes, des Heus mit der kalkigen Imprägnierung, der Schlackehinterfüllung nach der Methode Ingenieurs Gerard, die zur Zeit den Wärmeschutz nicht gewährleisten und die schnellste Lösung der Frage der Erhaltung und der Wiederherstellung fordern.

Die Fragen der Festigung und der Entwicklung der Schule der Restauratoren für diese Periode, der Entwicklung der Technologien mit der Anwendung der modernen authentischen Materialien fordern die Lösungen. Das Problem der Erhaltung der gewöhnlichen Objekte des Wohngebietes des XX. Jahrhunderts existiert in der Struktur der modernen Stadt auch.

Zur Zeit entsteht das erhöhte Interesse zu den Objekten der Architektur der Zeit der sowjetischen Avantgarde und der Architektur der Stalinzeit, die sich infolge der historischen Bedingungen in der Vernachlässigung und der Verwahrlosung befanden. Das Plätschern des Interesses zur russischen Avantgarde hat die Fachkräfte vieler Länder im Wunsch, mit der Erhaltung, der Wiederherstellung und der Popularisierung des Erbes des 1920–1930er Jahren des XX. Jahrhunderts zu helfen, vereinigt. Für die Durchführung der qualitativen wissenschaftlichen Wiederherstellung der Gebäude der angegebenen Periode ist die Experten-Arbeitsgruppe mit der Teilnahme der Vertreter der Öffentlichkeit und der ausländischen Fachkräfte von Moskomnasledie geschaffen. Außerdem wird die Frage über die gerade Zusammenarbeit des Internationalen Ratsschlages für die Denkmäler und Sehenswürdigkeiten (IKOMOS) mit Moskomnasledie zwecks der praktischen Realisierung der Programme für die Wiederherstellung der Objekte der russischen Avantgarde durchgeführt.

Клуб Дорхимзавода

**Klubhaus von
„Dorchimsawod“**

**Матиас Дунгер,
Служба по защите памятников
Берлина**

**Matthias Dunger,
Landesdenkmalamt
Berlin**

ЗАЩИТА ПАМЯТНИКОВ

ПРОМЫШЛЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ — БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ

**Bewahrung der Denkmäler der Industrie und der
technischen Infrastruktur — eine Zwischenbilanz**

**Оттенбухштрассе, 11,
электростанция им.
Ройтера, 1929—1930-е
годы, 1943-й и 1948—
1949 годы, Siemens**

**Otternbuchtstraße
11, Kraftwerk Reuter,
1929—1930, 1943 und
1948—1949 von den
Siemens-Schuckert-
Werken**

Особый характер архитектурного ландшафта Берлина определяют его монументы промышленной истории. При первом взгляде на огромные площади промышленных зон и отдельных сооружений становится ясно, что Берлин был одной из крупнейших промышленных метрополий Европы, электропромышленность которой играла всемирную роль. Сегодня только некоторые из сооружений промышленного века соответствуют своей первоначальной функции, большинство же из них служат огромными монументами прошедшей эпохи, охватывающими целые районы города.

Проблемами сохранения производственных построек минувшего века вот уже несколько десятилетий занимается Служба по защите памятников г. Берлина, рассматривая их, прежде всего, с точки зрения архитектурной и исторической ценности. Важное значение этих зданий заставляет специалистов снова и снова обращаться к рассмотрению связанных с ними вопросов. Одно из известнейших сооружений — турбинный зал Петера Беренса — долгое время не был внесен в анналы истории архитектуры и не признавался архитектурным памятником. Однако в 1975-м году, когда отмечался Международный год защиты памятников, поршневые насосы водопроводной станции Фридрихсхаген были спасены от разрушения. На протяжении 80-ти лет и до сегодняшнего дня они исправно несут свою службу. Сегодня они представлены к обозрению в музее водопроводной станции.

Учитывая опыт продолжительной работы по защите промышленных и технических сооружений города, нельзя не отметить, что с момента воссоединения Берлина и его последующего существования в новом качестве, возникла необходимость в совершенно новом подходе к изложению данной темы.

Для судьбы большого количества исторических сооружений Берлина 1990-е годы стали переломными. Прежде всего, это связано с отходом от плановой экономики восточной части Берлина, что привело к стагнации развития промышленных районов города. Промышленные сооружения и крытые заводские территории, чья площадь зачастую превышала тысячи квадратных метров, оказались в запустении.

Однако западная часть города также в полной мере ощутила последствия известных политических событий. К началу 1990-х годов, после развертывания мероприятий по реформированию экономической системы, наступило затишье в промышленности, которая прежде функционировала в рамках программы развития Берлина и являлась неотъемлемым звеном конгломерата крупнейших предприятий Германии. Многие промышленные гиганты, как центральной части страны, так и периферии, не выдержали серьезных структурных изменений, которые повлекла за собой трансформация

**Улица Ноннендамм-
лее, заводы Siemens,
высотка Шальтвек,
1926—1928-е годы,
Ганс Гертлайн**

**Nonnendammallee,
Siemens-Schuckert-
Werke, Schaltwerk
Hochhaus, 1926—1928
von Hans Hertlein**

промышленных зон в торговые. Обособленное расположение Берлина обусловило необходимость отдельного обеспечения города электроэнергией, что было достигнуто строительством электростанций, обеспечивших независимое снабжение электроэнергией и бесперебойное функционирование насосных станций. С момента воссоединения вся техническая инфраструктура города неизбежно подверглась ревизии, что потребовало продолжительной консолидации всех имеющихся ресурсов. В итоге это привело к закрытию либо к перестройке целых электростанций и водонапорных сооружений.

Следующий фактор, который, без сомнения, серьезно повлиял на ситуацию, — технический прогресс, сделавший многие сооружения устаревшими. Огромные, издающие таинственный гул, одинокие здания трансформаторных подстанций безнадежно устарели. Все их оборудование и особенно управляющая техника, прежде с размахом размещавшаяся в просторных светлых залах, где на щитах центрального управления сияли десятки ламп-датчиков и элегантно поблескивали никелированные ручки и тумблеры, сегодня помещается в два неприметных серых ящика.

Таким образом, можно сделать вывод: первой задачей Службы по защите памятников в последние годы являлось участие в процессах комиссионного и творческого целевого перепрофилирования промышленных сооружений. Чистота и блеск старых поршневых насосов, сверкающие емкости для масла берлин-

Дас spezielle Profil der Berliner Denkmallandschaft wird wesentlich durch die Monumente der Industriegeschichte mitbestimmt. Allein die schiere Größe der überkommenen Industriegebiete und einzelnen Anlagen lässt noch heute keinen Zweifel daran, dass Berlin eine im europäischen Maßstab bedeutende Industriemetropole war, in der die Elektroindustrie gar eine weltweit führende Rolle spielte. Nur noch wenige Anlage des Industriezeitalters werden ihrer ursprünglichen Funktion entsprechend genutzt, doch sind sie Monumente einer vergangenen Epoche und prägen die Identität ganzer Stadtviertel.

Seit Jahrzehnten beschäftigt sich auch die Denkmalpflege mit diesen Zeugnissen, zuerst oft aus dem rein architekturgeschichtlichen Zusammenhang. Große Namen gaben immer Anlass, sich einem Bauwerk zuzuwenden, eines der bekanntesten ist die große Turbinenhalle von Peter Behrens, die in keiner einschlägigen Baugeschichte fehlt und unangefochten als Baudenkmal anerkannt wurde. Und das internationale Denkmalschutzjahr 1975 bewahrte vermutlich die Dampfkolbenpumpen des Wasserwerkes Friedrichshagen vor der Verschrottung. Bis dato verrichteten sie 80 Jahre ununterbrochen und klaglos ihren Dienst. Heute sind sie im Museum im Wasserwerk in situ zu bewundern.

Bei aller Kontinuität in der Beschäftigung der Denkmalpflege mit den Bauten der Industrie und der Technik darf aber nicht verhehlt werden, dass mit der Wiedervereinigung Berlins und der nachfolgenden Entwicklung eine neue Qualität in der Auseinandersetzung mit dem Thema erforderlich wurde.

Für einen großen Teil der denkmalwerten Berliner Industriebauten bilden die 90er Jahre eine Zäsur und eine Phase des Umbruchs. Zuerst muss natürlich die mit dem Zusammenbruch der Planwirtschaft im Ostteil Berlins einhergehende Auflösung

**Улица Сименсдамм,
высотка Вернерверк,
1929—1930-е годы,
Ганс Гертлайн**

**Siemensdamm,
Wernerwerk-Hochhaus,
1929–1930 von Hans
Hertlein**

ской водонапорной станции — вот пример успешной деятельности Службы в этом направлении. Он не единственный. Построенный в 1924-м году Трамвайный вагоноремонтный завод в Нидершеневайде до сих пор используется по своему прямому назначению. Уже упомянутая турбинная фабрика Петера Беренса также используется в качестве производственного помещения для изготовления турбин.

Совершенно ясно, что здания, стоящие без присмотра, приходят в негодность и разрушаются. В этом случае не помогают и федеральные законы о защите памятников, т.к. они, конечно же, базируются на экономической целесообразности, и особенности применения этих законов зависят от экономической ценности и значения каждого конкретного памятника (или участка земли). Кроме того, многие законодательные нормы подвержены политическому влиянию. Историческое здание небольшой фабрики может обрести своих ценителей и почитателей, однако, разговоры о промышленной площади в 6 тысяч квадратных метров часто заходят не только из простого любопытства. В результате таких разговоров защита памятника может очень быстро столкнуться с понятием «целевые ограничения использования недвижимости».

Для иллюстрации характерных проблем, связанных с охраной памятников промышленной архитектуры, приведем несколько примеров из нашей работы.

der Industriestandorte genannt werden. Industriegebäude und Hallen, deren Grundflächen sich oft nach tausenden Quadratmetern maßen, standen zur Disposition.

Aber auch für den Westteil der Stadt blieben die politischen Ereignisse nicht ohne Folgen. In der Industrie, die hier häufig im Rahmen der Berlin-Förderung als verlängerte Werkbank bundesdeutscher Unternehmen fungierte, kam es nach Auslaufen dieser Sonderfördermaßnahmen zu Beginn der 1990er Jahre zur Stilllegung traditionsreicher Standorte. Im Strukturwandel vom Industrie- zum Dienstleistungsstandort blieben vielerorts die ehemaligen großflächigen Standorte der Großindustrie, zumal die peripheren, auf der Strecke. Bedingt durch die Insellage war Berlin mit Kraftwerken ausgestattet, die eine autarke Versorgung sichern konnten und Wasserwerke waren für die Versorgungssicherheit vorgehalten worden. Mit der Wiedervereinigung musste die gesamte technische Infrastruktur der Gesamtstadt auf den Prüfstand und einem langjährigen Konsolidierungsprozess unterzogen werden — der bis zur Schließung bzw. zum Umbau ganzer Kraftwerke oder Wasserwerke führte.

Eine weitere, mit den vorgenannten untrennbar verbunden und keinesfalls zu vernachlässigende Ursache liegt in der technischen Entwicklung, die zahlreiche Anlagen schlicht überflüssig machte. Die gewaltigen Bauten der Umspannwerke, die mitten in der Stadt nahezu menschenleer

und geheimnisvoll vor sich hin brummt, waren überflüssig geworden, ihre Technik und insbesondere die in den elegant ausgestatteten Schaltwarten zelebrierte Regeltechnik passt heute in ein paar unspektakuläre graue Kästen.

Man darf also resümieren, dass eine Hauptaufgabe der Denkmalpflege in den letzten Jahren darin bestand, kompromissbereit und phantasievoll die Etablierung neuer Nutzungen in den Industriebauten zu fördern und zu begleiten. Solange die Bauten und Anlagen für ihren ursprünglichen Zweck genutzt wurden, standen sie oft unter der geradezu hingebungsvollen Pflege der dort Beschäftigten, — unvergessen die Sauberkeit, der Glanz der alten Kolbenpumpen und die blitzenden Ölkännchen in den Berliner Wasserwerken — und waren aus konservatorischer Sicht eine sichere Bank. So wird auch heute noch das 1924 erbaute S-Bahn-Ausbesserungswerk Niederschöneweide unverändert als S-Bahn-Ausbesserungswerk genutzt. Auch die bereits erwähnte Turbinenfabrik von Peter Behrens dient noch als Produktionshalle für große Turbinen. Es ist eine Binsenweisheit, dass Gebäude, die nicht genutzt werden, verwahrlosen und verfallen. Hier helfen auch die in den bundesdeutschen Denkmalschutzgesetzen vorgesehenen gesetzlichen Restriktionen nicht, da sie natürlich unter dem Vorbehalt der wirtschaftlichen Zumutbarkeit stehen und, nebenbei und in Abhängigkeit von der wirtschaftlichen Wertigkeit und Bedeutung

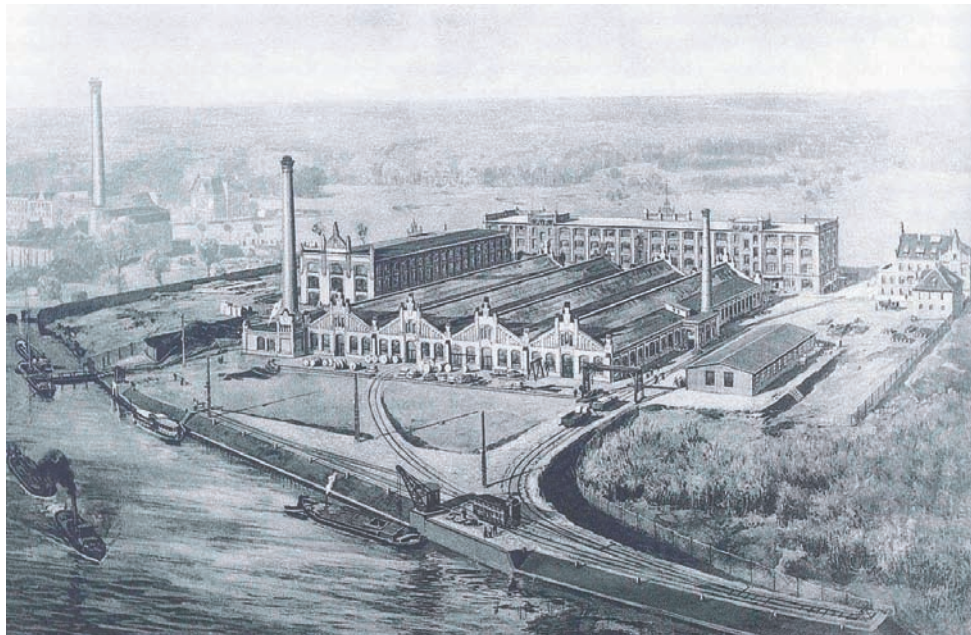
Сименсштадт

В конце XIX века в Берлине преобладали предприятия электроиндустрии, которые способствовали общему развитию технического прогресса в Германии. К крупнейшим из них относились AEG, Siemens и OSRAM, развернувшие в последствии деятельность во всем мире и придавшие Берлину славу «электрополиса». В 1898-м году в районе Нонненвизена между Шаролеттенбургом и Шпандау были основаны рабочие поселения фирмы Siemens, превратившиеся к 1940-м годам в новый город с собственной трамвайной линией. Общее единство промышленной архитектуры здесь подкреплялось повсеместным использованием красно-коричневого жженого кирпича, что и сегодня выделяет большинство зданий данной территории. Это — заслуга архитектора Ганса Гертлайна, который несколько десятилетий руководил застройкой Сименсштадта.

Уже в 1958-м и в 1966-м годах два из больших сооружений Ганса Гертлайна — высотки Шальтверк (1926—1928) и Вернерверк (1929) — были поставлены под защиту в качестве памятников архитектуры. После дальнейшего анализа архитектурного наследия около 50% строительных площадей фирмы Siemens в Берлине получили аналогичный статус. Однако необходимость модернизации и обновления промышленных помещений создавала конфликтную ситуацию. В результате проведенной научной работы и принятия мер, направленных на нахождение взаимопонимания в данном вопросе, была достигнута договоренность, зафиксированная в «Концепции защиты памятников архитектуры Сименсштадта». Перечень защищаемых объектов был согласован с предприятием. Были определены и рамки возможных строительных изменений. Таким образом, предприятие обрело возможность безопасного планирования, а процесс получения разрешений на строительство и реконструкцию упростился. Для некоторых зданий было найдено новое назначение. Фирма Siemens смогла достичь этого путем концентрации своей хозяйственной деятельности на территории Сименсштадта, а также с помощью привлечения новых арендаторов. Охраняемые государством сооружения перестраивались в строгом соответствии с предписаниями органов защиты архитектурных памятников.

Обершенвайде

Однако такой подход оказался совершенно недейственным в отношении другого комплекса тяжелой промышленности и электроиндустрии. Административный округ Обершенвайде представляет собой противоположность как в топографическом — район находится в удаленной восточной части города, — так и в эконо-

Вильгельминенгофштрассе, кабельный завод AEG Оберспре, 1897-й год, Пауль Тропп

Wilhelminenhofstraße, AEG-Kabelwerk Oberspree, 1897 von Paul Tropp

мическом и историческом плане, являясь оплотом извечного конкурента Siemens предприятия AEG.

Как и Siemens, компания AEG в конце XIX века обосновалась на окраине города, и без помех со стороны парцельной структуры и городского управления воздвигла фабричные сооружения в соответствии с новейшими знаниями о промышленном производстве.

В 1895—1896-х годах компания AEG построила первую электростанцию трехфазного тока для фирмы «Berliner Elektrizitätswerke» («Берлинская Электростанция»), а в 1896-м году начала строительство Кабельного завода Oberspree одновременно на нескольких участках. Кабельный завод имел новейшее по тем временам оборудование: впервые в Германии на медеплавильном производстве были использованы прокатные станы, на отдельных участках применялись электромоторы. Параллельно в 1898-м году возникла фабрика по производству инструментов немецкого концерна Niles, — вначале были построены монтажные залы вдоль Вильгельминенгофштрассе, а затем пересекающий ее многопролетный блок машинного зала.

На следующей стадии развития, прерванной Первой мировой войной, возникли новые архитектурные сооружения, существенно отличавшиеся от тогдашних построек, исполненных в декоративно-готическом стиле. С этим периодом связано имя Петера Беренса, который спроектировал упомянутые турбинные залы для AEG в округе Вединг.

der Denkmäler bzw. Grundstücke, natürlich auch dem politischen Einfluss unterliegen. Eine kleine Hinterhoffabrik mag ihren Liebhaber und Nutzer finden, eine Industriehalle von 6000qm unterhält man nicht aus Liebhaberei. Denkmalschutz gilt hier schnell als „immobilienwirtschaftliche Wertungseinschränkung.“

Lassen sie mich also stellvertretend für den reichen Bestand der Industriedenkmäler an einigen Beispielen die charakteristischen Problemlagen illustrieren.

Siemensstadt

Seit den 90er Jahren des 19. Jahrhunderts waren es vornehmlich in Berlin ansässige Unternehmen der Elektroindustrie, die den technischen Fortschritt in Deutschland vorantrieben und mit der AEG, Siemens und OSRAM schließlich weltweit agierten und Berlins Ruf als „Elektropolis“ begründeten. Aus der 1898 begründeten Ansiedlung der Firma Siemens auf den Nonnenwiesen zwischen Charlottenburg und Spandau entstand bis in die 40er Jahre des 20. Jahrhunderts eine völlig neue Stadt inklusive einer eigenen S-Bahnlinie. Die gestalterische Einheit der Industriearchitekturen, unterstützt durch die durchgehende Verwendung eines braun-roten Backsteines, prägt noch heute den überwiegenden Teil des Geländes. Sie ist wesentlich auf den Architekten Hans Hertlein zurückzuführen, der über Jahrzehnte den Ausbau der Siemensstadt betreute.

Bereits 1958 und 1966 wurden zwei der Großbauten von Hans Hertlein, das Schaltwerk-Hochhaus (1926—1928) und der Wernerwerk-Hochbau (1929) unter Denkmalschutz gestellt. Nach einer späteren grundlegenden Denkmalerfassung unterliegen ca. 50 Prozent der Gebäudeflächen der Firma Siemens in Berlin dem Denkmalschutz. Mit dem andauernden Erfordernis

Архитектура, представляющая сейчас особый интерес, представлена проектами Эрнста Цинзеля, который с помощью новых строений и разнообразных перестроек радикально изменил внешний вид местности. Особо следует отметить его монтажный зал для производства больших трансформаторов, который вклинился в правый угол уже построенного монтажного зала, а также фабрику по производству связанных кабелей — последовательный каркас здания с вынесенными лестничными площадками спроектирован таким образом, чтобы в дальнейшем можно было с легкостью сооружать надстройки. Оба здания уже в то время получили высокую оценку специалистов.

После смены политического режима в 1990-х годах в восточной части Берлина наблюдалось неуклонное снижение промышленных мощностей, что только в административном округе Обершеневайде привело к потере 20 000 рабочих мест. Огромные производственные сооружения внезапно опустели. Часть площадей кабельного завода была со временем приватизирована и после многочисленных перепродаж перешла в руки небольшого предприятия по производству кабелей, которое более десяти лет отважно боролось за сохранение исторического облика сооружения. И все же, в ближайшем будущем произойдут изменения. Большая часть кабельного завода будет передана в государственную собственность, и Служба по развитию федерального имущества займется санированием территории и подготовкой здания завода к модернизации и продаже.

Малодейственной оказалась и концепция сохранения промышленных площадей, ставившая задачу использования пустующих территорий в производственных целях: в итоге она привела к тому,

**Кабельный завод АЕГ
Обершпее, фабрика
связных кабелей,
1927—1928-е годы,
Эрнст Цинзель**

**АЕГ-Кабелwerk Ober-
spree, Fernmeldekabel-
fabrik, 1927—1928 von
Ernst Ziesel**

der Modernisierungen und Verjüngungen der Industrieanlagen war ein Konflikt absehbar. Im Ergebnis der wissenschaftlichen Beschäftigung mit dem Standort und nach einem langwierigen Verständnisprozess konnte eine Vereinbarung erzielt werden, die unter dem Namen „Denkmalschutzkonzeption Siemensstadt“ Vorbildwirkung entfaltete. Der Umfang des Schutzgutes wurde einvernehmlich mit dem Unternehmen fixiert und die Rahmenbedingungen für den baulichen Umgang festgelegt. Dadurch erhielt das Unternehmen Planungssicherheit und die denkmalrechtlichen Genehmigungsverfahren wurden vereinfacht. Für einige Bauten mussten neue Nutzungen gefunden werden. Die Firma Siemens erreichte dies in Berlin durch die Konzentration ihrer Wirtschaftstätigkeit auf den Standort Siemensstadt sowie durch die Gewinnung von neuen Mietern. Diese Bauten wurden in enger Abstimmung mit den Denkmalbehörden auf die veränderten Nutzungsbedürfnisse denkmalgerecht umgerüstet.

Oberschöneeweide

Eine ähnlich gedachte Vereinbarung über einen anderen Hauptstandort der Schwer- und Elektroindustrie blieb jedoch wirkungslos. Der Standort Oberschöneeweide bildet gewissermaßen ein Gegengewicht sowohl in topographischer Hinsicht – weit im Osten der Stadt – als auch in wirtschaftsgeschichtlicher Hinsicht als ein Hauptstandort des ewigen Konkurrenten von Siemens, der AEG.

Ganz ähnlich wie Siemens zog es auch die AEG Ende des 19. Jahrhunderts vor die Stadt, um ungehindert von älteren Parzellenstrukturen und städtebaulichen Vorbedingungen die Fabrikationsanlagen nach neuesten Erkenntnissen und den Erfordernissen moderner industrieller Produktion zu errichten.

1895/96 errichtete die AEG für die „Berliner Elektrizitätswerke“ das erste Drehstromkraftwerk Deutschlands, ab 1896 das Kabelwerk Oberspree in mehreren Bauabschnitten. Das Kabelwerk erhielt die seinerzeit modernste technische Ausstattung: erstmalig in Deutschland wurden die Walzstraßen im Kupferwerk im Einzelantrieb mit Drehstrommotoren betrieben. Parallel entstand ab 1898 die Werkzeugmaschinenfabrik der Deutschen Niles-Werke, zuerst mit der Montagehalle entlang der Wilhelminenhofstraße und dem quer dazu liegenden mehrschiffigen Block der Maschinenhallen.

In einem zweiten Entwicklungsschub, ausgelöst durch den ersten Weltkrieg, entstanden neue Architekturen, die sich deutlich von der um die Jahrhundertwende üblichen Dekorationsgotik unterschieden. Mit dieser Entwicklung ist vor allem wieder der Name Peter Behrens' verbunden, dessen Turbinenhalle für den AEG-Standort im Wedding wir eingangs schon gesehen haben.

Die uns hier besonders interessierende moderne Architektur wird durch den Architekten Ernst Ziesel vertreten, der mit einer Reihe von Neu- und Umbauten das Gelände überformte. Hervorzuheben sind u. a. seine Montagehalle für Großtransformatoren, die im rechten Winkel in die bestehende Montagehalle eingefügt wurde, und seine Fernmeldekabelfabrik, ein konsequenter Stahlskelettbau mit vorgelagerten Treppenhäusern, der so berechnet wurde, dass eine Aufstockung möglich war. Beide Bauten wurden in zeitgenössischen Bauzeitschriften ausführlich gewürdigt.

Der nach der politischen Wende im Ostteil Berlins eingeläutete systematische Niedergang der Schwerindustrie, der allein in Oberschöneeweide zum Verlust von über 20000 Arbeitsplätzen führte, hinterließ ein gewaltiges, plötzlich verwaistes Bauvolumen. Eine Teilfläche des Kabelwerkes konnte privatisiert werden und landete nach mehreren Zwischenverkäufen bei einem mittelständischen Kabelhersteller, der seit über 10 Jahren tapfer ausharrt und die historischen Gebäude extensiv nutzt. In naher Zukunft ist hier jedoch mit tiefgreifenden Veränderungen zu rechnen. Der größte Teil des Kabelwerkes wurde einer landeseigenen (russisch.) Entwicklungsgesellschaft (общество развития) übertragen, die das Gelände sanieren und die historischen Gebäude für eine Vermarktung vorbereiten sollte.

Als wenig hilfreich erwies sich dabei ein sogenanntes Industrieflächensicherungskonzept, das die gewerblichen Standorte für die industrielle Nutzung vorhalten sollte und vielmehr dazu führte, dass gar keine

что помещения вообще прекратили как-либо использовать. Результатом довольно продолжительной полемики вокруг исторического архитектурного фонда стал договор, который должен был регулировать процесс ухода за сооружениями. После того, как на проект ушли миллионы средств, а идея модернизации потерпела неудачу, объектами заинтересовалось Высшее техническое и экономическое училище. Только тогда началась и значительно продвинулась вперед перестройка комплекса, происходившая согласно концепции учебного кампуса. С точки зрения общего плана строительства города и сохранения его исторического вида данное событие можно было считать удачным, т.к. появилась надежда спасти район от разрушения. Однако здание бывшей кабельной фабрики, предназначенное для реконструкции, не выдержало перепланировок и не прошло проверку экологических служб на содержание вредных веществ. На фоне профессиональной некомпетентности и невежества строительных бюрократов в отношении здания было принято политическое решение. В результате Берлин, как и в случае с высоткой Ганса Гертлайна, лишился, возможно, еще более важного памятника индустриальной архитектуры (принимая во внимание конструктивную функциональность здания).

Большие помещения цехов, предназначавшиеся для производства трансфор-

маторов и опустевшие в 1990-е годы, сегодня используются в культурных целях — благодаря удачно проведенной работе Службы по защите памятников. Разумеется, интенсивное вмешательство обществу, которая не только постоянно поднимала вопрос о значительной ценности прилегающих к цехам жилых территорий, но и собрала значительное количество средств, привело к кардинальному изменению имиджа района. То, что раньше было отвратительными и грязными трущобами превратилось в интересную городскую достопримечательность. Таким образом, для защитников памятников архитектуры вопрос стоял не просто о сохранении здания, но и о перспективах нового использования исторической застройки.

Важными частями архитектурного облика Берлина являются также здания снабжения и распределения электроэнергии. Благодаря своему новому охранному статусу сегодня они воспринимаются не в качестве обузы, но как сооружения, обладающие серьезным экономическим потенциалом. В отношении этих объектов также возможен комбинированный подход, позволяющий гарантировать сохранение зданий, принимая при этом весьма болезненные решения. ???

Используя спокойную, терпеливую и дальновидную стратегию можно добиться реконструкции даже таких специфических сооружений как трансформаторные

Nutzung nachgefragt wurde. Die langwierige Auseinandersetzung um den historischen Gebäudebestand mündete in einem Vertrag, der Abriss und Erhaltung regeln sollte. Nachdem Millionen in das Gelände versenkt worden waren und die Vermarktung nicht anders als gescheitert bezeichnet werden konnte, konnte die Fachhochschule für Technik und Wirtschaft für den Standort erwärmt werden und mittlerweile ist der Ausbau zum Hochschulcampus weit fortgeschritten. Aus stadtplanerischer Sicht und auch aus konservatorischer Sicht ist das ein Glücksfall, weil damit ein ganzes Stadtviertel vor dem Niedergang bewahrt werden konnte und für die historischen Stockwerksbauten eine adäquate Nutzung gefunden worden war. Gleichzeitig war jedoch der Preis dafür ein unangemessen hoher: Das eigentlich zum Ausbau vorgesehen Gebäude der ehemaligen Fernmeldekabelfabrik überlebte die Planungen und erneute Schadstoffuntersuchungen nicht. In einer ungunstigen Verbindung von fachlicher Unsicherheit und baubürokratischer Ignoranz wurde eine politische Entscheidung gegen das Baudenkmal gefällt. Berlin hat sich damit eines seiner wichtigsten Zeugnisse der modernen Industriearchitektur beraubt, vergleichbar mit dem vorgestellten Hochhaus von Hans Hertlein, in seiner konstruktiven Funktionalität, den sichtbaren Flanschen der Stahlstützen und den durchlaufenden Fensterbändern vielleicht noch konsequenter.

Фабрика связных кабелей, 2006 год

Abriss Fernmeldekabelfabrik, 2006

подстанции, дом BEWAG и проч. для их дальнейшего использования. При этом возможны не только радикальные меры (как в случае с трансформаторной подстанцией на Селлерштрассе), но приветствуются и абсолютно щадящие решения (пример: перестройка трансформаторной подстанции на Лебнитцштрассе).

Конечно же, говоря о памятниках промышленной архитектуры Берлина, нельзя не упомянуть об электростанциях. К этой теме Служба по защите памятников обратилось сразу после начала процесса остановок этих сооружений в конце 1970-х годов. Статус памятника получила не только первая электростанция города, являющаяся выдающимся образцом промышленной архитектуры — электростанция Клингенберг в восточном Берлине (1927). Все остальные берлинские электростанции в 1995 году также были внесены в особый охраняемый список.

Одни только времена кайзеровской Германии дали нам огромное количество памятников, значение которых сейчас трудно переоценить. В годы между двумя мировыми войнами появился и вырос спрос на новые размеры и пропорции в архитектуре. В 1920-м году население Берлина выросло вдвое, что повлекло за собой необходимость увеличения жилых

**Шоссе Кепеникер,
электростанция Клинг-
берга, 1925—1926-е
годы, Вальтер Клинг-
берг и Вернер Иссель**

**Köpenicker Chaussee,
Kraftwerk Klinge-
berg, 1925—1926 von
Walter Klingenberg und
Werner Issel**

Auch die großen Hallen für die Transformatorproduktion, die recht bald stillgelegt worden waren, stehen nach einer intelligent organisierten und oft kulturellen Zwischennutzung in den 90er Jahren wieder zur Disposition. Allerdings hat die intensive Beschäftigung der Öffentlichkeit mit dem Standort Schöneeweide, die Aufwertung des benachbarten Wohngebietes durch Städtebau-Fördermittel und das Fehlen des charakteristischen Industriedecks zu einem grundlegenden Imagewandel geführt. Was vorher nur hässlich und schmutzig war, wird nun als interessante Baulichkeit und interessante „Location“ im Stadtgebiet wahrgenommen. So treibt den Denkmalfleger weniger die Sorge um, dass der grundsätzliche Erhalt in Frage gestellt werden könnte, sondern vielmehr die Frage nach den Konsequenzen für die historische Bausubstanz, die eine andere Nutzung erfordern wird.

Wesentlich für das unverwechselbare Gepräge der Berliner Denkmallandschaft sind die Bauten der Stromversorgung und Verteilung, eigentlich die Voraussetzung für die zuvor beschriebenen Industrien. Dank des Engagements des örtlichen Stromversorgers, der die Baudenkmäler nach eigenem Bekunden nicht als Altlast, sondern als Entwicklungspotential begreift, ist auch hier eine Gesamtschau möglich, die

площадей. Согласно требованиям времени в 1922-м году — в период растущих объемов экономики и бюджета — в эксплуатацию были сданы электрифицированные трамвайные пути. И хотя прокладывание линий электропередач на тот момент уже не составляло технической проблемы, исходя из экономических причин, городские власти 1920-х приняли решение значительно повысить уровень самообеспечения электроэнергией. В результате возникли новые электростанции Клингберг, Лихтенберг, Вест, строительство которых имело всемирное значение.

Электростанция Клингберг была построена в 1925—1926-х годах всего за пятнадцать месяцев фирмой AEG и являлась первой крупной берлинской электростанцией, обеспечивающей потребности заводов в электроэнергии. В 1927-м году станция мощностью 270 МВт была подключена к сети.

Архитектурный проект сооружения разработали Вальтер Клинггенберг и Вернер Иссель, придав строению такие современные формы, что оно стало вызывать ассоциации не с постройками государственного значения, а скорее с отголосками экспрессионизма. Это было характерно и для других промышленных сооружений той эпохи. В качестве примера назовем многоэтажное здание «Уллштейнхауз» («Ullsteinhaus») в берлинском районе Темпельхоф и башню на территории завода Borsig в районе Тегель. В публикациях того времени электростанция Клингберга преподносилась как произведение искусства.

В 1965-м году восемь стальных дымовых труб, во многом формировавших силуэт станции, были заменены бетонными. При перестройке ТЭЦ в период с 1974-го по 1987-й годы техническое оборудование станции было обновлено, обе котельные заменены новыми постройками, рядом со старым был построен новый блок станции.

В дополнение к первой электростанции Клингберга в 1930-м году была спроектирована Западная электростанция в округе Шпандау. Во время Второй мировой войны здание было сильно повреждено, а в 1948—1949 годах его возвели заново. С 1953-го года, названная в честь главы города Эрнста Ройтера, электростанция стала одной из главных в обеспечении электроэнергией Западного Берлина в послевоенные годы.

Следует упомянуть и о проблеме сохранения дымовых труб. Для одних дымовые трубы являются символом уходящего парового века — эпохи стремительного прогресса и научного подъема. Кто-то считает их символом загрязнения окружающей среды, безвозвратного удаления человека от природы. Но, может быть, дымовые трубы — просто яркие свидетельства своего времени, части ценного культурного наследия, впечатляющие архитектурные явления? Их сохранение тяжело осуществимо в техническом

плане и еще сложнее — в хозяйственном. В середине 1990-х годов были реконструированы обе трубы исторической водонапорной станции Фридрихсхаген (1895). Берлину пришлось распрощаться и с впечатляющей 125-метровой трубой электростанции Шарлоттенбург, построенной в 1928—1929-х годах. Характерный комплекс труб электростанции Ройтера также скоро исчезнет с лица города. Смогут ли стать символом своего времени и памятником архитектуры колоссальные очистные сооружения 1970-х годов, покажет будущее.

es erlaubt, in Abwägungsprozessen auch manchmal schmerzhaft Entscheidungen zu fällen, weil dafür an anderer Stelle der denkmalpflegerische Erhalt gesichert werden kann. Mit einer unaufgeregten und geduldischen und damit weitsichtigen Strategie konnten mehrere der eindrucksvollen Umspannwerke des Hausarchitekten der ehemaligen BEWAG, Hans Heinrich Müller, für eine nachhaltige Nutzung umgestaltet werden. Dabei sind sowohl radikale Lösungen wie im Umspannwerk Sellenstraße, die auf eine vollständige Entkernung hinausliefen, möglich gewesen, als auch eher behutsame Umbauten wie in der Leibnitzstraße.

Natürlich dürfen in dieser Tour de Force durch die Berliner Industriedenkmäler die Kraftwerke nicht fehlen. Die Berliner Denkmalpflege hat sich diesem Thema mit der beginnenden Stilllegung von Anlagen seit Ende der 1970er Jahre zugewandt. Das erste Kraftwerk, das als Denkmal, und d.h. hier vor allem als herausragendes Zeugnis der Industriearchitektur, geschützt wurden, war das Kraftwerk Klingenberg in Ost-Berlin (1977). Alle anderen Berliner Kraftwerke wurden 1995 mit der Einführung des nachrichtlichen Listenverfahrens erfasst.

Allein aus der Kaiserzeit sind mehrere Anlagen überliefert, deren Denkmalbedeutung kaum zu überschätzen ist. In den Jahren zwischen den beiden Weltkriegen waren jedoch neue Dimensionen gefragt. Durch den Zusammenschluss zur Großgemeinde 1920 verdoppelte sich die Einwohnerzahl Berlins, die Fläche vervielfachte sich. Neben dem wachsenden Bedarf der Wirtschaft und der Haushalte löste auch die ab 1922 verwirklichte Elektrifizierung der S-Bahn einen Nachfrageschub aus. Obwohl die Fernleitung von Strom inzwischen technisch kein Problem mehr war, entschied sich die Stadt jedoch in den 1920er Jahren vor allem aus wirtschaftlichen Gründen, den Selbstversorgungsgrad deutlich zu erhöhen. Im Ergebnis entstanden mit den Kraftwerken Klingenberg in Lichtenberg und Kraftwerk West in Ruhleben technisch hochmoderne Anlagen, die damals weltweit Maßstäbe setzten.

Das Kraftwerk Klingenberg wurde 1925—1926 in nur fünfzehnmonatiger Bauzeit von der AEG als erstes Berliner Großkraftwerk für die Städtischen Berliner Elektrizitätswerke (seit 1934 Bewag) errichtet. 1927

ging das Kraftwerk mit einer Leistung von 270 MW ans Netz.

Die architektonische Gestaltung der großräumigen Industrieanlage besorgten die Architekten Walter Klingenberg und Werner Issel in wirkungsvoller Weise in modernen Formen, das die Anlage akzentuierende Verwaltungshochhaus zeigt eher expressionistische Anklänge, wie sie sich übrigens auch bei anderen Gewerbebauten der Zeit, wie dem Ullsteinhaus in Tempelhoof oder dem Turm auf dem Borsig-Gelände in Tegel von Eugen Schmohl finden. In zeitgenössischen Publikationen wurde das Kraftwerk Klingenberg als ein bis in kleinste Details durchgestaltetes Gesamtkunstwerk präsentiert. 1965 wurden die die Silhouette des Kraftwerkes maßgeblich prägenden acht Stahlschornsteine durch zwei hohe Betonessen ersetzt. Mit dem 1974—1987 durchgeführten Umbau zum Heizkraftwerk wurden technische Anlagen erneuert, die beiden Kesselhäuser durch Neubauten ersetzt und ein neuer Kraftwerksblock neben das alte Kraftwerk gestellt.

Als Nachfolgeanlage von Klingenberg und westliches Pendant ging 1930 das Kraftwerk West in Spandau ans Netz. Im 2. Weltkrieg schwer beschädigt und demonitiert, erlebte die Anlage auf Anordnung der Westalliierten nach der Teilung der Stadt einen stark beachteten Wiederaufbau in den Monaten der Berlin-Blockade und der Luftbrücke 1948—1949. Das 1953 nach dem Bürgermeister und Bewag-Aufsichtsratsvorsitzenden Ernst Reuter benannte Kraftwerk bildete gleichsam den Grundstein für die Versorgung der Strominsel Berlin-West in der Nachkriegszeit.

Aus aktuellem Anlass darf an dieser Stelle im Zusammenhang mit dem Kraftwerk Reuter auf ein scheinbar nebensächliches konservatorisches Teilproblem hingewiesen werden: Die Erhaltung der Schornsteine.

Schornsteine als Symbol des Dampfzeitalters, als Symbol des Fortschritts, des wirtschaftlichen Aufschwungs. In der Ikonografie der Stadtansichten wandelte sich ihr Bild zum Symbol für Umweltverschmutzung und Entfremdung von der Natur. Nichtsdestoweniger sind sie eindrucksvolle Zeugen einer Epoche, manchmal auch von architektonisch eindrucksvoller Gestalt und ohne Zweifel Bestandteile der denkmalwerten Industrieanlagen. Ihre Erhaltung ist technisch und auch schlicht wirtschaftlich kaum oder nur schwer darstellbar. Während noch in der Mitte der 90er Jahre die beiden historischen Schornsteine des Wasserwerkes Friedrichshagen aus den Jahren 1895 saniert bzw. rekonstruiert werden konnten, musste sich Berlin von dem beeindruckenden 125m hohen Schornstein des Kraftwerkes Charlottenburg, erbaut 1928—1929, verabschieden. Auch die charakteristische Schornsteingruppe des Kraftwerkes Reuter wird bald der Vergangenheit angehören. Ob die kolossalen Anlagen für die Filterung der Rauchgase aus den 70er Jahren künftig auch Symbolgehalt und Denkmalruhm erlangen, wird erst die Zukunft zeigen.

**Ганс Ахим Грубе,
руководитель отдела Vattenfall
Europe Berlin Aktiengesellschaft &
Co. KG по управлению объектами
недвижимости**

**Hans Achim Grube,
Leiter Immobilien und Facility
Management für Vattenfall Europe
Berlin Aktiengesellschaft & Co. KG**

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ СООРУЖЕНИЙ.

**ЗАЩИТА ПАМЯТНИКОВ ПОСТАВЩИКОМ
ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ «VATTENFALL EUROPE» В БЕРЛИНЕ**

**Revitalisierung von Industriebauten – Das Denkmal-Management des
Energieunternehmens Vattenfall Europe in Berlin**

Берлин — электрополис. Жизнь города в эру индустриализации

Огромное количество построек в Берлине являются свидетелями неслыханного промышленного роста, происходившего в Германии на рубеже XIX—XX веков. В то время Берлин считался не только крупнейшим промышленным центром Европы, но и самым передовым в техническом плане. Именно в те годы такие крупные предприятия, как AEG и Siemens наряду с берлинским поставщиком электроэнергии Bewag (с 2006 года — Vattenfall Europe Berlin), начали строительство современной системы электроснабжения с использованием технических инноваций, чем значительно подняли уровень развития экономики Германии.

В 1925—1932-х годах в Берлине было возведено четырнадцать понижающих подстанций, которые уменьшали напряжение поставляемого электроцентралями тока до напряжения местной распределительной сети. Главным архитектором данной программы строительства был Ганс Генрих Мюллер (1879—1951), прошедший путь от правительственного архитектора при прусском министерстве по делам культуры до ведущего специалиста тогдашней компании Bewag. По чертежам Мюллера в Берлине было создано более сорока распределительных электростанций. Сегодня в результате появления новых, более современных, технологических разработок в области электроэнергетики их существование утратило свою актуальность. Тем не менее, эти сооружения, свидетели стремительной индустриализации Берлина начала прошлого века, были взяты под охрану государства в качестве ретро-городков — «электрополисов».

К сожалению, в связи с отсутствием технических и экономически осуществимых программ эксплуатации, эти здания начали разрушаться, и тогда один из крупнейших поставщиков электроэнергии в Берлине — Vattenfall — поставил перед собой задачу выкупить у государства данные сооружения. В 1997—1998-м годах предприятие провело систематическую регистрацию таких объектов недвижимости и составило концепцию их использования. В числе этих объектов оказались, в частности,

понижающие подстанции Лейбниц, Бухендлергоф, Шарнгорст и Мариенбург, а также электростанции Шиффабауердамм и Руммельсбург.

Компромисс между защитой памятников, экономической выгодой и целевым использованием

О выдающемся качестве упомянутых промышленных строений стало известно в начале 1980-х годов, когда профессор архитектуры Пауль Кальфельдт заинтересовался работами Ганса Генриха Мюллера. Компания Bewag начала постепенно осознавать историческую ценность своих понижающих подстанций и взяла на себя работу по текущему обслуживанию зданий согласно обширной, ежегодно обновляемой программе.

Было разработано множество стратегий объединения под эгидой одной общей концепции двух, казалось бы, противоположных целей, первая из которых — сохранение исторических сооружений в качестве памятников архитектуры, вторая — необходимость экономического развития данных объектов. Предприятие-владелец должно было соблюсти баланс интересов, заключенный в «магическом треугольнике»: сохранение уникальности памятника, его защита и одновременное использование в качестве объекта недвижимости.

Являясь одним из крупнейших собственников земельных участков в Берлине, Vattenfall разработал концепцию использования подобных объектов недвижимости. В ней предусматривался переход от пассивного использования к активной эксплуатации. При этом необходимо было учесть особую ситуацию в Берлине на рынке недвижимости, для которой с 1995-го года было характерно состояние застоя и падения цен. Подобная ситуация складывалась и в отношении спроса на профессиональных разработчиков проектов эксплуатации недвижимости. Классические инвесторы объектов недвижимости и предприятия, аккумулирующие свободный капитал, такие как пенсионные фонды, страховые компании и агентства недвижимости, проявляли интерес к специфическим зданиям только при наличии долгосрочного договора с пользователем, т.к. это значительно снижало риск вложения инвестиций.

Однако на приобретение отдельных зданий желающие все-таки нашлись. Бывшие понижающие подстанции представляли интерес с практической и экономической точки зрения для предприятий сферы коммуникаций, информационных технологий и дизайна, во-первых, благодаря своему местонахождению — большинство из них располагалось в престижной центральной части города. Во-вторых, значительным плюсом для по-

Berlin-Elektropolis – Wandel einer Stadt im Industriezeitalter

In Berlin zeugen zahlreiche Bauwerke von einer beispiellosen Industrialisierung im 19. Jahrhundert. Berlin war um 1900 nicht nur der größte, sondern auch der modernste Industriestandort Europas. Großunternehmen wie AEG und Siemens haben mit dem Berliner Energiedienstleister Bewag (seit 2006 Vattenfall Europe Berlin) durch technische Innovationen den Aufbau einer modernen Stromversorgung in Berlin begründet und damit die Entwicklung in Deutschland maßgeblich beeinflusst. Zwischen 1925 und 1932 entstanden in Berlin unter anderem vierzehn Groß-Abspannwerke, in welchen der von Großkraftwerken gelieferte Starkstrom auf die lokale Verteilungsspannung abgespannt wurde.

Verantwortlicher Architekt dieses Bauprogramms war Hans Heinrich Müller (1879–1951), einst Regierungsbaumeister im Preußischen Kultusministerium, später leitender Architekt der damaligen Bewag. Nach Müllers Entwürfen entstanden in Berlin mehr als vierzig Stromverteilungsstationen. Heute haben sie auf Grund neuer technologischer Entwicklung ihren eigentlichen Zweck verloren. Die Gebäude aber stehen unter Denkmalschutz. Als Bauwerke der herausragenden Industrialisierung Berlins sind sie von großer Bedeutung. Sie gelten als gebaute „Elektropolis“.

Ohne technisch und wirtschaftlich realisierbare Umnutzungskonzepte waren diese technischen Denkmale jedoch dem Verfall preisgegeben. Berlins Energiedienstleister hat es sich aber in den letzten Jahren als Eigentümer der Immobilien zur Aufgabe gemacht, die Gebäude zu erhalten.

Zwischen 1997 und 1998 hat das Unternehmen für zahlreiche Immobilien dieser Art die systematische Bestandserfassung veranlasst und Umnutzungskonzepte entwickelt. Dazu gehören z. B. die Abspannwerke Leibniz, Buchhändlerhof, Scharnhorst und Marienburg sowie die Kraftwerke Schiffbauerdamm und Rummelsburg.

Im Spannungsfeld zwischen Denkmalschutz, Wirtschaftlichkeit und Nutzerorientierung

Der Erkenntnisprozess über die herausragende Qualität dieser Industriebauten hatte Anfang der 80er Jahre begonnen, als der Architekt Professor Dr. Paul Kahlfeldt begann, über Hans Heinrich Müller zu forschen. Die Bewag wurde sich erst langsam der Denkmalswürdigkeit seiner Abspannwerke bewusst und hat die Verantwortung als Eigentümer in einem sehr umfangreichen, jährlich festgeschriebenen

**Kopenhagener
Штрассе, подстанция
Вильгельмсру.
1925—1927 годы,
Ганс Генрих Мюллер.
Реконструкция под
офисное размещение**

**Kopenhagener
Straße, Abspannwerk
Wilhelmsruh, 1925–1927
von Hans Heinrich
Müller – Umbau für
Büronutzung**

купателей такого рода являлось удачное функциональное разделение внутренних помещений выставленных на продажу сооружений и заложенная в их изначальном архитектурном проекте экономия пространства. Бывшие промышленные комплексы как нельзя лучше соответствовали требованиям корпоративной философии покупателей в отношении архитектурной и прикладной комбинации классического промышленного стиля 1920-х годов и инновационного, творческого разделения пространства.

Маркетинговая стратегия для памятников

Маркетинговая стратегия для памятников, разработанная отделом Bewag/Vattenfall по управлению недвижимостью, способствовала эксплуатации бывших зданий электрохозяйства в духе нынешнего времени. В связи с тем, что после снятия с эксплуатации понижающих подстанций и электростанций мало кто думал о возможности их практического использования, с 1998 года Vattenfall предоставлял свои площади для временных художественных и коммерческих проектов. Успешными примерами такого использования являются проекты выставок в подстанции Пауль-Линк-Уфер, музей дизайна Витра, а также оперный проект «Malpotia» в подстанции Гумбольдт.

Благодаря многочисленным публикациям в прессе и выставкам, регулярно проводившимся с целью продемонстрировать заинтересованным лицам широкие возможности эксплуатации подобных

бальных Instandhaltungsprogramm wahrgenommen.

Es wurden zunehmend Umnutzungsstrategien erarbeitet, um das denkmalpflegerische Ziel des baulichen Erhalts mit den wirtschaftlich umsetzbaren Zielen des Immobilieneigentümers im Rahmen eines stimmigen Gesamtkonzeptes in Einklang zu bringen und zielorientiert umzusetzen. Das Unternehmen musste das Gleichgewicht im „magischen Dreieck“ von Einzeldenkmal, Denkmalschutz und Immobilienkonzeption herstellen.

Als einer der großen Grundstückseigentümer in Berlin legte Vattenfall ein Konzept für das Immobilienportfolio fest. Dieses sah die Entwicklung von einer passiven Vorhaltpolitik zu aktiver Verwertung vor. Dabei musste die besondere Immobiliensituation Berlins, die seit 1995 durch einen zunehmenden Leerstand und Preisverfall gekennzeichnet war, berücksichtigt werden. Entsprechend war die Nachfrage der professionellen, gewerblich tätigen Immobilien-Projektentwickler verhalten. Klassische Immobilieninvestoren und Kapitalsammelstellen wie Pensionskassen, Versicherungen und Immobilienfonds interessierten sich nur dann für diese Sondergebäude, wenn eine langfristige Mieterbindung erfolgte und der Umbau bereits abgeschlossen war, da dadurch das Investitionsrisiko minimiert wurde.

Копенгагенер Штрассе 58—63, Подстанция Гумбольдт, 1925—1927 годы, Ганс Генрих Мюллер. Музей дизайна Витра и оперный проект «Malpotia»

Kopenhagener Straße 58-63, Abspannwerk Humboldt, 1925-1927 von Hans Heinrich Müller – Vitra-Design-Museum und Opernprojekt „Malpotia“

Für einzelne Gebäude jedoch kristallisierte sich eine potenzielle und interessierte Käufergruppe heraus. Die ehemaligen Abspannwerke waren durch ihre Lage in nachgefragten Innenstadtbereichen und aufgrund der funktionalen Flächenzuschnitte und -ökonomie besonders für Unternehmen aus den Bereichen Kommunikation, Medien, Informationstechnologie und Design nutzerseitig interessant und wirtschaftlich berechenbar. Diese potenziellen Eigennutzer suchten vorzugsweise ehemalige Industriekomplexe, die der jeweiligen firmeneigenen Unternehmensphilosophie entsprechend eine architektonische und nutzungsspezifische Kombination aus klassischer Industriearchitektur der 20er Jahre und innovativen, kreativen Raumkombinationen anbieten konnten.

Denkmal-Marketing

Die Denkmal-Marketing-Strategien, die das Immobilienmanagement von Bewag/Vattenfall entwickelte, trugen zu einer zeitnahen Umnutzung der ehemaligen Gebäude der Elektrizitätswirtschaft bei. Da die nach der Außerbetriebnahme erreichte Verfügbarkeit der Abspannwerke und Kraftwerke nur langsam bekannt wurde, stellte Berlins Energiedienstleister ab 1998 die Flächen auch für temporäre Kunst- und Kommerzprojekte zur Verfügung. Erfolgreiche Beispiele für diese Nutzungen sind Ausstellungskonzepte im Abspannwerk Paul-Lincke-Ufer, das Vitra-Design-Museum sowie das Opernprojekt „Malpotia“ im Abspannwerk Humboldt.

Durch anschauliche Dokumentationen, Publikationen und Ausstellungen wurde das Nutzungspotenzial der Komplexe, die auch unter veränderten Rahmenbedingungen langfristig zu erhalten waren, der interessierten Öffentlichkeit aufgezeigt.

Im Jahr 2000 erhielt die Bewag vom Land Berlin die Ferdinand-von-Quast-Medaille, 2002 folgte der Preis für Denkmalpflege der Stiftung Denkmalschutz Berlin und im Jahre 2005 „Die Silberne Halbkuugel“, verliehen von dem Deutschen Nationalkomitee für Denkmalschutz.

Meta Design, RTL, SPM und Vattenfall Europe Berlin: Beispiele zufriedener Nutzer und Revitalisierung durch Eigennutzung

Seit 1999 hat Bewag/Vattenfall in Zusammenarbeit dem Landesdenkmalamt Berlin und unterschiedlichen Nutzern eine Reihe erfolgreicher Projekte realisiert.

Die Firma MetaDesign ist seit 2001 mit ihrem neuen Firmenstandort im ehemaligen Abspannwerk Leibniz – heute MetaHaus – in der Leibnizstraße in Berlin-Charlottenburg sehr zufrieden. Das Ergebnis des Zusammenspiels zwischen Denkmalschutz,

комплексов, всем стало очевидно, что при изменении общего к ним подхода здания бывших электростанций пригодны к длительному использованию в самых разнообразных формах.

В 2000 году компания Bewag получила медаль «Фердинанд фон Кваст» от правительства Федеральной земли Берлин, а в 2002 году была отмечена специальной премией Фонда по защите памятников Берлина. Спустя еще три года, в 2005 году Bewag стала обладателем «Серебряного полумесяца» — награды, присуждаемой Немецким национальным комитетом по защите памятников за особые заслуги в области сохранения культурного наследия нации.

Реконструкция для целевого использования. Meta Design, RTL, SPM и Vattenfall Europe Berlin — успешные арендаторы памятников культурного наследия

С 1999-го года Bewag/Vattenfall наряду с федеральным ведомством по защите памятников Берлина и при участии различных арендаторов осуществила ряд успешных проектов.

Офис MetaHaus — гордость фирмы «MetaDesign» — находится в здании бывшей понижающей подстанции Лейбниц на улице Лейбниц в районе Шарлоттенбург в Берлине. MetaHaus — результат удачного решения сразу двух задач, первая из которых — защита и сохранение памятника, вторая — необходимость извлечения экономической выгоды при использовании исторической постройки в утилитарных целях. MetaHaus — архитектурное воплощение философии фирмы «MetaDesign», которая с уважением относится к особенному характеру своего здания и чрезвычайно довольна тем, что наконец-то было найдено место, позволяющее реализовать идеальные представления о современном и комфортном рабочем процессе.

Пример успешного использования памятника промышленной архитектуры — берлинская студия частного телеканала RTL, которая располагается в бывшей электростанции Шиффауэрдамм, построенной в 1889-м году в центральной части города.

Понижающая подстанция Буххендлергоф, возведенная в 1928-м году в историческом центре Берлина на Мауэрштрассе и больше известная как техно-дискотека «E-WERK», сейчас является офисом фирмы по программному обеспечению «SAP».

Построенная в 1928-м году крупная подстанция-полумесяц «Шарнгорст» на Зеллерштрассе после снятия с эксплуата-

**Лейбницштрассе,
подстанция Лейбниц,
1928—1929 годы,
Ганс Генрих Мюллер.
MetaHaus фирмы
«Meta-Design»**

**Abb. 2. Leibnizstraße
Abspannwerk Leibnitz,
1928—1929 von Hans
Heinrich Müller –
MetaHaus der Firma
Meta-Design**

Wirtschaftlichkeit und Nutzerorientierung ist eine Architektur, die in idealer Weise die Unternehmenskultur von MetaDesign widerspiegelt, aber dabei dem besonderen Charakter des Hauses mit Respekt begegnet. Es wurde ein Ort gefunden, der es erlaubt, die Vorstellungen von moderner und humaner Arbeitsweise in idealer Weise zu realisieren.

Ein prominenter Nutzer der Industriedenkmäler ist auch das Hauptstadtstudio des privaten Fernsehsenders RTL, das sich im ehemaligen 1889 erbauten Kraftwerk Schiffbauerdamm in Mitte befindet.

Das 1928 in der historischen Stadtmitte Berlins in der Mauerstraße errichtete Abspannwerk Buchhändlerhof- besser bekannt als Techno-Diskothek E-WERK- ist heute Firmensitz des Software-Unternehmens SAP.

Das ebenfalls 1928 errichtete Großabspannwerk „Scharnhorst“ in der Sellerstraße wurde nach seiner Außerbetriebnahme in den 90er Jahren wieder einer neuen, zukunftsfähigen Nutzung zugeführt. Der kompakte, axial-symmetrisch angelegte Bau ist das größte und bedeutendste Werk seiner Art. Es weist in seiner formalen Ausgestaltung, insbesondere mit den Faltungen an der Schaufassade zum ehemaligen Nordhafen, deutliche Anklänge an persische Architekturen auf. Im Juli 2006 ist hier das neue Vertriebszentrum von Vattenfall Europe eingezogen. Mit seinen kundenorientierten Organisationsstrukturen hat dieser Nutzer an diesem Ort ideale räumliche Vorausset-

zungen für eine offene, kommunikative Arbeitsweise gefunden.

Perspektiven für die Zukunft

Viele historische Industriebauten sind längst zu attraktiven Gewerbe- und Kulturstandorten geworden. So haben sich die Tate Modern in London oder die Centrale Montemartini in Rom innerhalb kürzester Zeit zu Publikumsmagneten entwickelt.

Vattenfall Europe Berlin zeigte mit seiner Umnutzungsstrategie, dass durch professionelles Denkmalmanagement der Denkmalwert eines Industriegebäudes gesichert, der Immobilienwert gleichzeitig gesteigert und durch die nachhaltige Nutzung Ressourcen schonend gewirtschaftet werden kann.

Nachdem die damalige Bewag erfolgreich einen Markt für denkmalgeschützte Umspannwerke geschaffen hatte, stellte sich die Aufgabe, einen Markt für denkmalgeschützte ehemalige Kraftwerke zu gestalten.

Weitere Erfolg versprechende Ansätze bestehen dabei für das Kraftwerk Charlottenburg. Hierzu hat das Unternehmen 2002–2003 einen Studentenwettbewerb ausgelobt. Die große Beteiligung von Studenten und vor allem die planerische Qualität der Wettbewerbsbeiträge haben die Erwartungen der Initiatoren weit übertroffen. Es wurden realisierungsfähige Vorschläge gemacht, die für den Eigentümer Basis für weitere Gespräche mit den Genehmigungsbehörden und potenziellen Investoren bilden und konkrete Umsetzungschancen bergen. Das Wettbewerbsergebnis war für Berlins Energiedienstleister Ansporn und Verpflichtung zugleich.

Aus diesem Grunde wurde 2003–2004 ein weiterer studentischer Ideenwettbewerb ausgeschrieben: Der Hans Heinrich Müller Preis 2004, der anlässlich des 125. Geburts-

ции в 1990-х годах нашла свое новое перспективное применение. Симметричное по оси компактное строение одновременно является самым большим и значимым с точки зрения истории архитектуры среди аналогичных построек. Своим строгим внешним обликом, а также необычными изгибами на лицевом фасаде, выходящими на северную гавань, подстанция очень напоминает персидскую архитектуру. В июле 2006 года сюда переехал центр продаж Vattenfall Europe. Новый владелец, деятельность которого ориентирована на работу с клиентами, нашел в этом здании идеальные помещения для открытой коммуникативной деятельности.

Взгляд в будущее

Многие исторические промышленные здания в мире уже давно стали привлекательными индустриальными, торговыми и культурными центрами. Так, «Tate Modern» в Лондоне или «Centrale Montemartini» в Риме быстро завоевали искреннее признание и интерес обществу.

Грамотной стратегией эксплуатации старинных промышленных построек Vattenfall Europe Berlin продемонстрировала, что при профессиональном подходе к использованию архитектурных памятников, можно не только сохранить культурно-историческую ценность здания, не только значительно повысить стоимость этой недвижимости, но и в течение длительного времени пользоваться выдающимися ресурсами старых сооружений.

После того, как бывшая компания Bewag начала коммерчески успешно работать с особым родом недвижимости — с охраняемыми памятниками архитектуры, а именно — с трансформаторными подстанциями, была поставлена общая задача создания рынка бывших электростанций, находящихся под охраной. Так, предметом особенного интереса компании «Bewag» в этом ключе стала электростанция Шарлоттенбург. В 2002—2003-м годах был объявлен студенческий конкурс на лучший проект реконструкции здания электростанции. Большая заинтересованность студентов и, как следствие, высокое качество представленных проектов значительно превзошли ожидания организаторов. Были разработаны реальные предложения, послужившие для владельцев сооружения серьезной основой для ведения дальнейших переговоров с разрешительными ведомствами и потенциальными инвесторами. Результат конкурса стал для компании Bewag основным стимулом для принятия на себя обязательств по качественному и научно обоснованному реконструированию охраняемого архитектурного сооружения.

В 2003—2004-м годах был объявлен еще один студенческий конкурс — конкурс на создание лучшей концепции восстановления бывшей подстанции Вильгельмсру, находящейся под охраной государства. В рамках его проведения 20 апреля 2004 года была учреждена Премия Ганса Генриха Мюллера по случаю 125-й годовщины со дня рождения этого выдающегося архитектора. В работах студентов были представлены самые разнообразные идеи восстановления сооружения. Шансы на скорое начало эксплуатации подстанции Вильгельмсру в новом виде значительно возросли, и в 2007-м году по проекту архитектора Макса Дудлера началась реконструкция подстанции для размещения в здании офиса еще одного филиала Vattenfall.

Активное участие молодых проектировщиков в конкурсах Vattenfall выявило значительный рост интереса к строительству Vattenfall и широкую известность тендера. Поэтому в 2006-м году компания вновь объявила студенческий конкурс, победитель которого был удостоен очередной премии Ганса Генриха Мюллера. Темой конкурса стало использование бывшей электростанции Vattenfall на Эльбе в Вокероде. В результате были разработаны конкретные концепции экономически выгодного использования сооружения, не исключающего деликатного и уважительного отношения к этому выдающемуся памятнику промышленной архитектуры.

Ниже приведены данные о результатах деятельности отдела Vattenfall Europe Berlin по управлению памятниками:

- 12 успешно восстановленных подстанций;
- 6 подстанций, пребывающих на стадии проектирования;
- 100 000 м² проданных и активно используемых площадей охраняемых памятников;
- 30 000 м² арендуемых площадей охраняемых памятников;
- прибыль компании, полученная от использования зданий охраняемых памятников, с 1998-го по 2007-й годы составила свыше 280 млн. евро.

Положительный опыт Bewag/Vattenfall показывает, что доверительное сотрудничество между владельцами памятников, государственными ведомствами по охране памятников, архитекторами и потенциальными пользователями охраняемых исторических сооружений приводят к принятию удачных технических и экономических решений. Однако при этом все участники должны быть готовы к компромиссам. Как показывает практика, в плане долгосрочной эксплуатации памятников эти компромиссы выгодны для всех заинтересованных сторон.

**Зеллерштрассе,
подстанция
Шарнгорст, 1927—1929
годы, Ганс Генрих
Мюллер. Центр
продаж фирмы
Vattenfall Europe**

**Sellerstraße,
Abspannwerk
Scharnhorst,
1927—1929 von Hans
Heinrich Müller –
Vertriebszentrum von
Vattenfall Europe**

tages des ehemaligen Chefarchitekten am 20. April 2004 verliehen wurde. Die Arbeiten zeigen vielfältige Revitalisierungskonzepte für das denkmalgeschützte, ehemalige Abspannwerk Wilhelmsruh auf. Die Chancen des Abspannwerkes Wilhelmsruh für eine baldige Umnutzung waren deutlich gestiegen. Zwischen 2007 und 2008 wurde das Abspannwerk nach Plänen des Architekten Max Dudler als Bürostandort für eine weitere Vattenfall Tochtergesellschaft saniert.

Die große Teilnahme an den Wettbewerben von Vattenfall zeigte eine deutliche Steigerung des Interesses junger Planer an den Vattenfall-Bauten und der Bekanntheit des Wettbewerbes. Vattenfall hat deshalb auch den Hans Heinrich Müller Preis 2006 für einen studentischen Ideenwettbewerb ausgelobt. Thema war die Umnutzung des Kraftwerkes Elbe in Vockerode.

An diesem Standort sah Vattenfall Erfolg versprechende Ansätze für eine immobilienwirtschaftliche und denkmalgerechte Entwicklung eines ehemaligen Kraftwerkgebiets. Auch hier werden derzeit konkrete Nachnutzungskonzepte als Resultat des Wettbewerbes geprüft.

Zusammenfassend stellt sich das Denkmal-Management von Vattenfall Europe Berlin in

Zahlen und Daten wie folgt dar:

- Über 280 Mio. € Verkaufserlöse von 1998 bis 2007
- 100.000 m² denkmalgeschützte Flächen, die verkauft und umgenutzt wurden
- 30.000 m² denkmalgeschützte Flächen, die vermietet wurden
- 12 Abspannwerke, die erfolgreich revitalisiert wurden
- 6 weitere Abspannwerke, die in Planung sind

Die positiven Erfahrungen am Beispiel Bewag/Vattenfall zeigen, dass die frühzeitige und vertrauensvolle Zusammenarbeit zwischen Denkmaleigentümern, den Denkmalschutz-behörden, Architekten und potentiellen Denkmalnutzern zu überzeugenden technischen und wirtschaftlichen Lösungen führen. Dabei müssen sicher alle Beteiligten auch Kompromisse eingehen. Aber die Ergebnisse zeigen, dass sich diese Kompromisse meist im Sinne des langfristigen Erhaltes der Denkmalsubstanz für alle Seiten lohnen.

Йорг Хаспель,
глава Службы по охране
памятников города Берлина

Jörg Haspel,
Landeskonservator
Berlin

ЗАЩИТА И СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ В БЕРЛИНЕ

Denkmalschutz und Denkmalpflege in Berlin

Der Schutz und die Pflege von Denkmälern obliegt in der föderal organisierten Bundesrepublik den 16 Bundesländern gemäß dem Verfassungsgrundsatz der „Kulturhoheit der Länder“. Folglich gibt es in Deutschland 16 Landesdenkmalschutzgesetze, die in den Grundzügen ähnlich angelegt und verfassungskonform sein müssen. Das gemeinsame Ziel aller Gesetze ist es, die Erhaltung von Gebäuden, Ensembles und Gesamtanlagen, Gärten oder archäologischen Zeugnissen zu gewährleisten, deren Erhaltung aus geschichtlicher, künstlerischer, wissenschaftlicher oder städtebaulicher Bedeutung im Interesse der Allgemeinheit liegt. In den einzelnen Bundesländern existieren unterschiedliche Verwaltungsstrukturen. In der Regel bestehen in allen Bundesländern Untere Denkmalschutzbehörden auf lokaler Ebene und eine Oberste Denkmalschutzbehörde auf ministerieller Ebene sowie eine zentrale Denkmalfachbehörde für jedes Bundesland. Insgesamt sind in Deutschland mehr als eine Million Denkmale und über 30 Welterbestätten verzeichnet, davon über 8 000 Denkmale und zwei bzw. drei Welterbestätten in Berlin.

In Berlin sind bei allen denkmalschutzrechtlichen Ordnungsaufgaben (z.B. Genehmigungsverfahren) die Unteren Denkmalschutzbehörden bei den 12 Bezirksämtern von Berlin bzw. der Stiftung Preussischer Schlösser und Gärten Berlin-Brandenburg zuständig. Die bezirklichen Unteren Denkmalschutzbehörden entscheiden im Einvernehmen mit dem Landesdenkmalamt Berlin. Das Landesdenkmalamt Berlin ist vor allem für Ordnungsaufgaben gegenüber den Verfassungsorganen des Bundes – zum Beispiel für denkmalgeschützte Ministeriumsbauten der Bundesregierung – und für alle Fachaufgaben zuständig, etwa für die Erstellung der Denkmalliste und die Neueintragung oder Löschung von Objekten, aber auch für die Publikation von Denkmalinventaren und Denkmaltopographien. Als übergeordnete Behörde ist in Berlin die Senatsverwaltung

Охрана памятников в Федеративной Республике Германия — обязанность шестнадцати федеративных земель согласно конституционному принципу «исключительной компетенции земель в сфере культуры». Поэтому в Германии существует шестнадцать законов о защите культурных памятников земель, которые, по сути, должны одинаково финансироваться и соответствовать Конституции. Целью всех этих законов в целом является обеспечение сохранения зданий, архитектурных ансамблей и комплексов, садов или других аналогичных сооружений, сохранность которых имеет историческое, художественное, научное или градостроительное значение. В раз-

Карта административных границ Берлина и его двенадцати районов

Карта с административными границами Берлина и его двенадцати районов

ных федеративных землях существуют разные административные структуры. Как правило, во всех федеративных землях есть низшие ведомственные органы по охране памятников на локальном уровне и высшие ведомственные органы по охране памятников на министерском уровне, а также центральные ведомства по охране памятников в каждой федеральной земле. В целом, в Германии на считается более миллиона памятников

и свыше тридцати памятников всемирного наследия, из них 8 000 памятников и три объекта всемирного наследия находятся в Берлине.

В Берлине все вопросы, связанные с правовой охраной памятников (например, процедура утверждения), входят в компетенцию низших ведомственных органов по охране памятников при двенадцати окружных ведомствах Берлина или Фонда по защите прусских дворцов и садов Берлина и Бранденбурга. Районные низшие ведомственные органы по охране памятников принимают решения по согласованию с Земельным ведомством по охране памятников Берлина. Земельное ведомство по охране памятников Берлина занимается, прежде всего, вопросами, связанными с конституционными органами Федерации. Например, в его компетенцию входят все охраняемые здания министерств федерального правительства. Земельное ведомство по охране памятников Берлина призвано решать и отраслевые вопросы. Так, именно здесь составляются списки памятников, происходит регистрация новых объектов или исключение зданий из списков. Земельное ведомство по охране памятников Берлина публикует реестр памятников с указанием их географического расположения. Кроме того, Земельное ведомство по охране памятников дает компетентные консультации сенатору, отвечающему за охрану памятников.

В качестве вышестоящего органа в Берлине выступает Арбитраж градостроительного управления. Это учреждение принимает решения в случае, если районное ведомство по охране памятников не сможет прийти к согласию с Земельным ведомством по охране памятников.

В 1995 году Парламент Берлина единогласно принял новый закон об охране памятников взамен предыдущего закона, принятого в 1977 году. Одновременно был опубликован список памятников Берлина, и впервые за всю историю города открылась уникальная постоянно действующая выставка, посвященная наиболее выдающимся с точки зрения истории и археологии архитектурным объектам, памятникам подземного и садового зодчества на территории Берлина, которые необходимо сохранить.

Сохранение памятников Берлина после падения Берлинской стены стало проходить под знаком произошедших в связи с объединением Германии перемен. Радикальный социально-политический перелом, а также переезд столицы и последующая модернизация города, безусловно, сказались на деятельности города в сфере охраны исторических архитектурных сооружений. Для анализа положения, сложившегося в данной области, необходимо представлять характерную для Берлина возрастную структуру городской застройки. Следует знать, что в Берлине чуть менее пяти процентов зданий — старше 200 лет. Среди домов, построенных до 1800-го года, прежде всего,

стоит отметить религиозные сооружения Средневековья и Барокко, а также общественные здания — такие, как комплекс крепости Шпандау (Spandau). Более, чем три четверти всех памятников города относятся к периоду от основания Германской Империи в 1871-м году и установления столицы в Берлине до окончания Второй мировой войны в 1945-м году. За это время облик города значительно изменился. Около восьми процентов всех памятников, за исключением памятников зодчества и искусства, садовых памятников и исторических районов, датируются временем после 1945-го года и относятся к периоду «холодной войны», когда город был разделен двумя разными государствами.

«Афины-на-Шпрее» — прусское наследие

Градостроительное, архитектурное, садовое, а также художественное наследие курфюршества провинции Бранденбург и, прежде всего, Королевства Прусского нигде не представлены так выразительно, как в районе заложенного в 1648 году бульвара Унтер-ден-Лиден (Allee Unter den Linden — «под липами»). Знакомство с Берлином как с «Афинами-на-Шпрее» начинается, прежде всего, с Бранденбургских ворот. Ярчайшим их символом является венчающая колесница, выполненная Иоганном Готфридом Шадовым, одним из ключевых представителей классической берлинской школы скульпторов.

Бульвар Унтер-ден-Лиден, по оси соединяющий широко раскинутый проспект берлинского Дворцового острова с районом Тиргартен (Tiergarten), после освободительной войны в XIX веке был оформлен как Via Triumphalis. После 1945 года в занятой советским государством восточной части города программа вос-

für Stadtentwicklung Schiedsstelle, wenn die Unteren Denkmalschutzbehörde der Bezirke und das Landesdenkmalamt keinen Konsens finden. Außerdem berät ein Landesdenkmalrat die für Denkmalschutz zuständige Senatorin in Grundsatzfragen.

Im Jahre 1995 verabschiedete das Berliner Abgeordnetenhaus einstimmig ein neues Gesetz zum Schutz von Denkmälern in Berlin, das das Denkmalschutzgesetz von 1977 ablöste. Im selben Jahr wurde die Berliner Denkmalliste veröffentlicht und für alle Interessenten erstmals in der Geschichte der Berliner Denkmalpflege eine landesweite Zusammenschau der aus konservatorischen und archäologischen Gründen erhaltenen Bau-, Boden- und Gartenzeugnisse geliefert, die laufend aktualisiert wird.

Die Berliner Denkmalpflege stand nach dem Mauerfall ganz im Zeichen der durch die deutsche Vereinigung und den Hauptstadtumzug ausgelösten Umbrüche und Modernisierungen. Charakteristisch für das Denkmalprofil einer sich bisweilen rasant und dynamisch entwickelnden Großstadt ist die Alterstruktur der Berliner Denkmalpositionen. Weniger als fünf Prozent sind älter als 200 Jahre, stammen also aus der Zeit vor 1800, darunter vor allem mittelalterliche und barocke Sakralbauten, aber auch öffentliche Profanbauten, wie etwa der Komplex der Zitadelle Spandau. Über drei Viertel aller Denkmäler sind in den Jahren zwischen der Reichsgründung 1871 und der Ernennung Berlins zur deutschen Hauptstadt und dem Ende des Zweiten Weltkrieges 1945 entstanden, in etwa drei

Парижер Плац, Бранденбургские ворота, 1789—1791 годы, арх. Карл Готтхард Ланганс. Скульптурные работы Готфрида Шадова

Pariser Platz, Brandenburger Tor, 1789-91 von Carl Gotthard Langhans mit Bildhauerarbeiten von Gottfried Schadow

становления памятников в соответствии с прогрессивными традициями в духе социализма получила новую интерпретацию. Планы восстановления в новом качестве разрушенного во время войны замка Гогенцоллерн (Hohenzollernschlosses) и намерение ликвидировать памятник королю Вильгельму (вместо него был установлен памятник Марксу и Энгельсу) являли собой сенсационное начало культурного и политического противостояния между Западной и Восточной Германией. Снятие конной статуи Фридриха Великого (в 1945-м году она была перенесена в Потсдам и возвращена обратно лишь в 1981-м), демонтаж памятников военачальникам и их постепенное возвращение на места первоначальной установки по-новому расставило акценты на карте города.

Всемирно признанный Музейный Остров

Приблизительно в 1990-м году в список зарегистрированных памятников мирового значения кроме архитектурных ансамблей, замков и садов Берлина и Потсдама был включен Музейный остров Берлина как уникальное подтверждение того достойного места, которое занимает в истории человечества прусское культурное и художественное наследия в Берлине.

Это позволило закончить капитальный ремонт и реставрацию старой Национальной галереи (1866—1876 годы, Фридрих Аугуст Штюлер и Иоганн Генрих Штрак; 2001 год, Х.-Г. Мерц) и Музея Боде (1897—1904 годы, Эрнст фон Ине). На стадии разработки и планирования находятся капитальный ремонт, реконструк-

Улица Унтер-ден-Линден «Via Triumphalis» с Арсеналом и памятниками генералам Фридриху Вильгельму фон Бюлову и Герхарду фон Шарнхорсту, 1819—1822 годы, арх. Карл Фридрих Шинкель и Кристиан Даниэль Раух

„Via Triumphalis“ Унтер ден Линден mit Zeughaus und den Generälen Friedrich Wilhelm von Bülow und Gerhard von Scharnhorst, 1819-22 von Karl Friedrich Schinkel und Christian Daniel Rauch

ция и расширение Пергамского музея, который должен превратиться в соединительную галерею между двумя основными корпусами флигеля, а с помощью «археологической тропы» соединиться с Музеем Боде, Новым и Старым музеями, а также новым входным зданием.

Однако особенного внимания заслуживают многолетние дебаты, которое ведутся в обществе вокруг реставрации Нового музея (1843—1856 годы, Фридрих Аугуст Штюлер), начатой после падения Берлинской стены. В отличие от остальных четырех зданий на острове, значительная часть интерьеров этого музея относится к XIX веку, но вместе с тем выразительно демонстрирует послевоенные руины. Стараясь сохранить специфику этого сочетания, специалисты Мастерской «David Chipperfield Architects», производящие восстановительные работы в здании музея, следуют концепции комбинированной реставрации: данный объект реставрируется и дополняется в духе бережного сохранения следов двух далеко отстоящих друг от друга эпох. При обновлении ценнейшего памятника архитектуры, каким является Новый музей, Мастерская «David

Generations, die die Physiognomie nachhaltig verändert und bleibend geprägt haben. Rund acht Prozent aller Denkmäler – ausschließlich Bau- und Kunstdenkmäler, Gartendenkmäler und Denkmalbereiche – entstammen den Jahren nach 1945, entstanden also in den Jahren des Kalten Krieges und der geteilten Stadt.

„Spree-Athen“ – das Erbe Preußens

Das städtebauliche, architektonische, gärtnerische sowie künstlerische Erbe des Kurfürstentums der Mark Brandenburg und vor allem des Königreichs Preußen konzentriert sich nirgendwo eindrucklicher als im Einzugsbereich der 1648 angelegten Allee Unter den Linden. Unsere heutige Vorstellung von Berlin als „Spree-Athen“ ruft dabei vor allem das Brandenburger Tor vor Augen. Von höchstem Symbolwert sind hier die Geschichte und Gestaltung der bekrönenden Quadriga von Johann Gottfried Schadow – einem Schlüsselzeugnis der klassizistischen Berliner Bildhauerschule.

Die Allee Unter den Linden, die als großzügig angelegter Boulevard die Berliner Schlossinsel mit dem Tiergarten axial verbindet, hat nach den Befreiungskriegen im Laufe des 19. Jahrhunderts eine Ausgestaltung als Via Triumphalis erfahren. Nach 1945 im sowjetisch besetzten Ostteil der Stadt gelegen, sollte das Denkmälerprogramm – anknüpfend an die fortschrittliche Traditionen im Sinne der sozialistischen Erbe-Politik – einer Neuinterpretation unterzogen werden. Der Abriss des Hohenzollernschlosses und die Beseitigung des Kaiser-Wilhelm-Denkmal auf der vorgelagerten Schlossfreiheit, die für ein Marx-Engels-Denkmal reserviert wurde, waren der spektakuläre Auftakt eines politisch motivierten Bilder- und Denkmalsturms. Die Verbannung des Reiterstandbildes Friedrichs des Großen – 1945 nach Potsdam verlegt und erst 1981 zurückgekehrt –, die Entfernung der Feldherrenstandbilder und ihre schrittweise Wiederaufstellung an veränderten Standorten folgten als auffällige Neuausrichtungen im Stadtraum.

Welterbestätte Museumsinsel

Neben dem 1990 in die Welterbeliste eingetragenen Denkmalensemble der Schlösser und Gärten Berlin und Potsdam stellt die 1999 ebenfalls eingetragene Museumsinsel Berlin als einzigartiges Zeugnis der Menschheitsgeschichte den internationalen anerkannten Kernbestand des preußischen Kultur- und Kunsterbes in Berlin dar.

Abgeschlossen werden konnten inzwischen die Grundinstandsetzung und Restaurierung der Alten Nationalgalerie (1866–76 von Friedrich August Stüler und Johann

Chipperfield Architects» ставит во главу угла строительно-археологический аспект реставрационной деятельности. Это означает, что все сохраненные исторические детали гарантированно обрабатываются с соблюдением технологий, характерных для времени создания того или иного архитектурного элемента, последовательно, с использованием надежных дорогостоящих материалов, а подражание при реставрации интерьеров или изготовление макетов вместо утраченных элементов конструкции исключаются.

«Неудобное» наследие

Как известно, Берлин являлся административным средоточием национал-социализма, под знаменами которого в XX веке в Европе начались Вторая мировая война. После ее окончания в 1948—1949-м годах восточная часть Берлина стала столицей Германской Демократической Республики, а Западный Берлин отошел к Федеративной Республике Германия и в ее составе утратил положение столичного города. При этом Берлин всегда оставался главным местом действия, а также центром развития событий «холодной войны» после 1945 года. Разделенный город для обеих сторон служил не только политической «витриной» для демонстрации своего превосходства, но олицетворял собой глубинную архитекtonику мирового ценностного противостояния.

Особой концентрации архитектурное наследие Второй мировой войны и последующего периода разделения достигает на Нидеркирхнер-Штрассе (Niederkirchner

**Бодештрассе,
Национальная Галерея,
1866—1876 годы,
выполнено Иоганном
Генрихом Штраком
по эскизу Фридриха
Аугуста Штюлера**

**Bodestraße,
Nationalgalerie 1866-76
nach Entwürfen von
Friedrich August Stüler,
ausgeführt von Johann
Heinrich Strack**

Heinrich Strack, 2001 H.-G. Merz) und des Bodemuseums (1897–1904 von Ernst von Ihne). Im Entwurfs- und Planungsstadium befinden sich die Grundinstandsetzung, Neuordnung und Erweiterung des Pergamonmuseums, das eine Verbindungsgalerie zwischen den beiden Kopfbauten der Seitenflügel erhalten und durch den „archäologischen Pfad“ mit dem Bodemuseum, dem Neuen Museum sowie dem Alten Museum und einem neuen Eingangsgebäude verbunden werden soll. Höchste Aufmerksamkeit hat freilich der jahrelange Streit um die Wiederherstellung des Neuen Museums (1843–56 von Friedrich August Stüler) nach dem Mauerfall erfahren. Im Unterschied zu

**Музейный остров
Берлина**

**Museumsinsel
Berlin**

**Bodestraße, Neues
Museum, 1843-46 von
Friedrich August Stüler**

Шпреингель: замок Гогенцоллерн или символ государственности ГДР?

В апреле 1945 года, оказавшись в эпицентре ожесточенных боев, был полностью разрушен замок Гогенцоллерн — знаменитая резиденция прусских монархов династии Гогенцоллернов. На его месте, на острове Шпрееинзель, правительство ГДР приняло решение выстроить своеобразный символ новой социалистической государственности — уникальный, не имеющий мировых аналогов, государственный комплекс Штатсфорум (Staatsforum). Сначала на южной стороне площади Маркса и Энгельса появилось здание Государственного Со-

Важно отметить, что даже при проектировании здания Министерства иностранных дел ГДР (арх. Йозеф Кайзер) в 1964—1967-м годах организаторы строительства старались учитывать особое историческое местоположение будущей постройки, все-

den anderen vier Häusern auf der Insel besitzt das Haus noch in erheblichem Umfang raumkünstlerische Partien des 19. Jahrhunderts und ist zugleich als eindruckliche Kriegeruine überliefert. Denkmaleite, Bauseite und Museumsseite verfolgen mit dem Architekten (David Chipperfield Architects) das Konzept einer ergänzenden Wiederherstellung, wobei der Bau gewissermaßen im Sinne einer bau-archäologischen Denkmalpflege restauriert und vervollständigt wird. Dazu gehört, dass alle erhaltenen historischen Partien konsequent und kostenintensiv gesichert und bewahrt werden und auf nachahmende Wiederherstellungen oder Nachbildungen verlorn gegangener Bau- und Ausstattungsteile verzichtet wird.

Unbequemes Erbe

Berlin war die Schalt- und Machtzentrale des Nationalsozialismus, von der im 20. Jahrhundert Krieg und Verfolgung in Europa ihren Ausgang genommen haben. Nach dem Zweiten Weltkrieg 1948/49 wurde der östliche Teil von Berlin Hauptstadt der DDR sowie der Westberlin Hauptstadt im Wartestand der Bundesrepublik Deutschland. Berlin war ein Hauptschauplatz und immer auch Brennpunkt des Kalten Krieges nach 1945, und die geteilte Stadt diente beiden Seiten als politisches und architektonisches „Schaufenster“ zur Demonstration ihrer Überlegenheit.

На Нидеркирхнер-Штрассе: подземный памятник — бомбоубежище Тайной государственной полиции, архитектурные памятники — Берлинская стена и национал-социалистическое Министерство авиации

**Undemokratisches Erbe
an der Niederkirchner
Straße: das Bodendenk-
mal der Kellerreste der
Geheimen Staatspolizei,
die Baudenkmale
Berliner Mauer und
nationalsozialistisches
Luftfahrtministerium**

рьез задумывались о том, как сохранить дух прошлого в архитектурном облике нового сооружения. На этом фоне недавнее скороспелое, ситуативное, принятое на потребу текущего политического момента решение о ликвидации Дворца Республики архитектора Хайнца Граффундера выглядело бы чудовищно. Однако уже сегодня известно, что в результате реконструкции Дворец подвергнется лишь незначительной, поверхностной переделке, а здание Государственного совета ГДР полностью сохранит не только внешний вид фасада, но и общую планировку.

Судьба этих построек наглядно демонстрирует значительные успехи, достигнутые в Берлине в деле защиты памятников архитектуры периода ГДР. Хочу обратить особое внимание на тот факт, что при восстановлении разрушенного в 1950-х годах Городского Дворца планируется воспроизвести в историческом виде и знаменитый портал этого здания — балкон Либкнехта, с которого 9 ноября 1918 года в Германии была провозглашена Социалистическая Республики. Об этом важном событии будет напоминать и украшенное витражами работы Вальтера Вомака окно третьего этажа — как символ подъема рабочего движения, приведшего к Ноябрьской революции и построению первого социалистического государства на немецкой земле. Такой подход позволит нам сохранить архитектурно-историческое наследие двух совершенно различных эпох. В полноценном единстве окажутся вновь отстроенный замок Гогенцоллерн — «символ прусского милитаризма и дворянства», и памятники, постройка которых была характерна для сложившейся в ГДР после возведения стены в 1961-м году традиции, когда архитектура становилась своеобразной формой пропаганды. Ведь в те годы лозунг «Искусство на службе высших государственных интересов», безусловно, главенствовал в культурной жизни страны.

Не стоит забывать и о возможностях современного использования построек, расположенных в этом историческом месте. Так, в здании Государственного Совета ГДР, построенного в 1963-м году, сегодня обосновался международный частный университет. Удачное решение внутреннего пространства помещений, изначально предназначенных для выполнения государственных задач, способствует созданию комфортной учебной атмосферы. В этом — безусловная заслуга Архитектурного бюро Х.Г. Мерца.

Таким образом, мы наблюдаем очевидный результат грамотных последовательных действий, позволяющих нам сегодня не только сохранять и поддерживать в превосходном состоянии объекты архитектурно-исторического наследия, но и без ущерба их использовать.

Приводя пример здания Государственного Совета ГДР, хочу еще раз подчеркнуть, что истинная приверженность демократическим ценностям заключается в способности во имя идеалов гуманизма

In einer einzigartigen Konzentration und auch Konfrontation hat sich das undemokratische Erbe beiderseits der Niederkirchner Straße erhalten, wo die so genannte „Topographie des Terrors“ mit ausgegrabenen Kellern an die nach dem Krieg abgebrochene Gestapozentrale des NS-Systems erinnert und andererseits ein längerer Mauerabschnitt entlang der Straße auf den Eisernen Vorhang verweist, der hier die Stadt durchzog. Weiter nördlich schließt sich das Gelände der ehemaligen NS Reichskanzlei und des Regierungsviertels an, das – im Todesstreifen an der Berliner Mauer gelegen – abgeräumt wurde und heute nur noch in unterirdischen Bauzeugnissen gegenwärtig ist. Nicht von ungefähr hat sich Berlin zu einem Zentrum der sogenannten „NS-Archäologie“ entwickelt, die sich der Erforschung und Erhaltung der ungeliebten deutschen Vergangenheit widmet. Der mit laienhaften Propagandabildern ausgemalte Bunker der NS-Leibstandarte Adolf Hitler zählt zu den umstrittenen Bodendenkmälern dieser Art, deren Erschließung für Zwecke der historischen und politischen Bildungsarbeit immer noch ungeklärt ist.

Historische Stätte Spreeinsel: zwischen Hohenzollernschloss und DDR-Staatsforum

Anstelle der preußischen Residenz auf der Spreeinsel hatte die DDR nach der Sprengung des Hohenzollernschlosses schrittweise eine Art Staatsforum ausgebaut, zunächst das Staatsratsgebäude an der Südseite des Marx-Engels-Platzes (1961–1963), dann das Außenministerium an der Westseite (dem die Schinkel'sche Bauakademie zum Opfer fiel) sowie 1973–76 den Palast der Republik an der Ostseite.

Der nach dem Mauerfall ausgelobte internationale Spreeinselwettbewerb ging von dem Abbruch aller drei Staats- und Regierungsbauten der DDR aus, um den historischen Stadtgrundriss wiederherzustellen, also insbesondere die Volumen des Stadtschlusses und der Bauakademie nachzubilden sowie eine städtebauliche Rückstrukturierung an der Südseite des Schlossplatzes einzuleiten.

Während das DDR-Außenministerium (1964–67) von Josef Kaiser bereits „rückgebaut“ ist und die politische Beschlusslage eine Beseitigung des Palastes der Republik von Heinz Graffunder sowie eine Schlossfassadenlösung vorsieht, blieb das Staatsratsgebäude der DDR von der Abrissbirne verschont. Man darf in seinem Schicksal getrost einen der größten Erfolge in Sachen Denkmalschutz für DDR-Architektur in der Hauptstadt sehen. Mit dem Einbau des Lustgartenportals vom abgebrochenen Stadtschloss, das als so genannter „Liebknechtbalkon“ an die Ausrufung der sozialistischen Republik am 9. November 1918 erinnern soll, und mit einem dreigeschossigen farbigen Treppenhaufenster, das den Aufstieg der Arbeiterbewegung von der Novemberrevolution bis zum Aufbau des ersten sozialistischen Staates auf deutschem Boden darstellt (von Walter Womacka), lässt sich das nach dem Mauerbau 1961 vollendete Baudenkmal nämlich als eine Art propagandistisches Gesamtkunstwerk im Dienste des höchsten Staatsorgans der DDR interpretieren. Inzwischen ist der

Здание Государственного Совета с ризалитом портала IV Городского Дворца, 1962—1964 годы, арх. Роланд Корн, Ханс-Эрих Богацки и Клаус Пätzmann

Staatsratsgebäude, 1962–64 von Roland Korn, Hans-Erich Bogatzky und Klaus Pätzmann; mit Portalrisalit IV des Stadtschlusses

и просвещения, в полной мере осознавая ценность любого исторического наследия, бережно обращаться даже с теми памятниками, существованием которых мы обязаны недемократическим временам в истории нашего Отечества.

В 1991-м году, сразу после объединения Германии, Дворец Республики был закрыт и законсервирован под тем предлогом, что при его строительстве использовался вредный асбест. Стоит напомнить, что в те времена такой метод теплозащиты широко применялся во всем мире. В середине 1990-х годов на площади Маркса и Энгельса был вырыт котлован и заложен фундамент Городского Дворца, возведение которого задумано по особому, специально разработанному проекту. Уникальный план реконструкции утраченного в 1950-х годах здания предусматривает воссоздание исторического дворцового фасада, а также внедрение в композицию постройки остатков Дворца Республики.

Как и прежде, с востока площадь Маркса и Энгельса будет подпирать стройная вертикальная доминанта — телевизионная башня, а рядом с традиционным островком исторического квартала Николайфиртель — неизменный памятник Марксу и Энгельсу. Сегодня, как и много лет назад, он напоминает о социалистическом преобразовании внешнего облика столицы ГДР. Именно отсюда, с площади, расположенной в самом сердце Берлина берет начало и «первая социалистическая магистраль на немецкой земле» — Аллея Сталина, ныне переименованная в Карл-Маркс-Аллею (Karl-Marx-Allee).

Среди памятников «холодной войны», несомненно, исключительное значение имеют остатки построенной в 1961-м году Берлинской стены. На сегодняшний

день сохранилось более дюжины участков этого исторического сооружения. Сюда же мы относим и Зал пограничников, прозванный «дворцом слез», расположенный возле привокзальной улицы Фридрих-Штрассе (Friedrichstraße). В те времена он также являлся частью пограничной охранной системы. Нам удалось спасти отдельные наблюдательные вышки и длинный участок внутригородской стены вдоль Бернауэр-Штрассе (Bernauer Straße), начиная с того места, где в 1961-м году картины строительства стены и драматические попытки бегства с одной территории на другую потрясли весь мир. Спасен и участок стены вдоль Нидеркирхнер-Штрассе, расположенный на северном берегу реки Шпрее (Hinterlandmauer) в прилегающих к Берлину промышленных районах между Фридрихсхайном (Friedrichshain) и Кройцбергом (Kreuzberg). Эта часть стены известна как «East Side Gallery» («Галерея восточной стороны»). Между тем Бундестаг и правительство Германии приняли во внимание растущее значение Берлинской стены и подробно рассмотрели вопрос о границе, некогда разделявшей Германию на две части. В итоге была принята общая концепция сохранения Берлинской стены в качестве охраняемого памятника исторического наследия.

«Электрополисы» — индустриальное наследие

К началу XX века Берлин был крупнейшей промышленной метрополией на континенте. Это положение город сохранял вплоть до 1920-х годов. Фирмы, работающие в электропромышленности, такие как

Частная высшая школа «European School of Management and Technology» («Европейская школа управления и технологий»), расположенная в здании Государственного Совета ГДР

Die private Hochschule „European School of Management and Technology“ residiert im DDRStaatsratsgebäude

Umbau des 1963 fertig gestellten Hauses für eine internationale Privatuniversität abgeschlossen. Es ist dem Architekturbüro H.G.Merz gelungen, die wichtigsten, aufwändig ausgestatteten Raumfolgen und Repräsentationssäle vergleichsweise unbeschadet zu erhalten. Nirgendwo, so möchte ich behaupten, haben sich demokratische Einrichtungen aufgeklärter im Umgang mit einem undemokratischen Erbe verhalten als beim Staatsratsgebäude.

Während die Tage des seit 1991 wegen Asbest geschlossenen und als Rohbau zwischengenutzten Palastes der Republik gezählt sind, warten die auf dem Marx-Engels-Platz Mitte der 1990er Jahren ergrabenen Keller und Fundamente des Stadtschlösses noch auf ein angemessenes Konzept zur Erhaltung und Integration in den geplanten Neubau von Schlossfassaden. Das östlich anschließende Marx-Engels-Forum mit dem Fernsehurm als vertikaler Dominante und einer Marx-Engels-Denkmalanlage wird weiterhin im Verbund mit der Traditionsinself des Nikolaiviertels an die sozialistische Umgestaltung der Hauptstadt der DDR erinnern und überleiten in die stadtauswärts führende „erste sozialistische Magistrale auf deutschem Boden“, die als Stalinallee angelegte heutige Karl-Marx-Allee.

Unter den Denkmälern des Kalten Krieges kommt zweifellos den Resten der 1961 erbauten und in den Folgejahren mehrfach ausgebauten Berliner Mauer exzeptionelle Bedeutung zu. Mehr als ein Dutzend erhaltener Mauerabschnitte gehören dazu; mittelbar ist auch die „Tränenpalast“ genannte Grenzhalle am Bahnhof Friedrichstraße Teil dieses ungeheuerlichen Grenzsicherungssystems. Immerhin gelang es, einzelne Wachttürme und längere Abschnitte der innerstädtischen Mauer vor den Räumfahrzeugen zu retten – so entlang der Bernauer Straße, von wo 1961 die Bilder vom Mauerbau und dramatischen Fluchtversuchen die ganze Welt erschütterten, oder die Mauerabschnitte entlang der Niederkirchner Straße sowie am nördlichen Spreeufer die als „East Side Gallery“ bekannt gewordene Hinterlandmauer zwischen Friedrichshain und Kreuzberg. Inzwischen haben sich auch Abgeordnetenhaus und Senat zur herausragenden Bedeutung der Berliner Mauer und der ehemaligen innerdeutschen Grenze bekannt. In Abstimmung mit dem Bundestag und der Bundesregierung ist ein Gesamtkonzept zur Erinnerung an die Berliner

Siemens, AEG или Osram, а также предприятия энергоснабжения Германии являлись международными лидерами и пользовались всемирной славой. Многочисленные памятники технической индустрии того времени прекрасно сохранились: они пережили войну невредимыми, пострадавшие сооружения были качественно восстановлены. Кроме того, основную часть этого колоссального промышленно-архитектурного наследия не затронула всепроникающая модернизация последних десятилетий. Благодаря государственной промышленной политике ГДР многие производственные предприятия Берлина, являющиеся историческими памятниками, продолжали работать вплоть до падения стены.

Экономические, технологические и научные изменения, происходившие в течение столетия, оказали безусловное влияние на состояние производственной инфраструктуры города. Так, в 1910 году промышленный сектор Берлина насчитывал 1,4 млн. рабочих мест, в 2000 году — всего лишь 115 тысяч. Промышленные предприятия покинули свое историческое пристанище и оставили после себя бога-

тое культурно-историческое наследие. Последние 20 лет защита памятников в Берлине ведется под лозунгом «Сохранение путем преобразования». Именно такой подход позволяет нам все эти годы сохранять промышленно-архитектурное наследие города, поддерживать его в отличном состоянии и успешно двигаться по пути современного утилитарного использования исторически ценной технической инфраструктуры.

Еще до падения Берлинской стены произошло преобразование здания водопроводной станции Тойфельсберг (Teufelsberg) в образовательное учреждение в сфере экологии. Коренным образом изменился и старый молокозавод в Моабите, превратившийся в офисно-гостиничный комплекс. Аналогичные проекты крупномасштабных преобразований реализуются сегодня на террито-

Мauer entstanden, in dem den denkmalgeschützten materiellen Zeugnissen konstituierende Bedeutung zukommt.

„Elektropolis“ – das industrielle Erbe

Berlin war zu Beginn des 20. Jahrhunderts die größte Industriemetropole des Kontinents, und zwar bis in die 1920er Jahre hinein. Firmen der Elektrobranche wie Siemens, AEG oder Osram sowie die Stromversorgungsunternehmen nahmen eine internationale Spitzenstellung ein und genossen Weltruf. Zahlreiche Industrie- und Technikdenkmale haben den Krieg heil überstanden, wurden wiederaufgebaut und blieben teilweise auch von tief greifenden Modernisierungsschüben in der letzten Generation verschont. Als „verlängerte Werkbank“ westdeutscher Industrieunternehmen oder gefördert durch die staatliche Industriepolitik der DDR waren viele historische Denkmalstandorte in Berlin bis zum Mauerfall auch als Produktionsstandorte in Betrieb.

Аллея Карла Маркса, ресторан «Москва», 1961—1964 годы, арх. Йозеф Кайзер

Karl-Marx-Allee, Restaurant Moskau, 1961-64 von Josef Kaiser

рии завода Borsig в районе Тегель (Tegel), а также в районах традиционного размещения пивоваренных заводов — таких, как «Виктория-Ареал» («Victoria-Areal») в Кройцберге или «Культура пивоварения» в Пренцлауэр-Берге (Prenzlauer Berg).

Линия Берлинской стены внутри города с памятными местами

Verlauf der Berliner Mauer in der Innenstadt mit Gedenkort

Памятники промышленной архитектуры на реке Шпрее

В прилегающих к центру города районах Крейцберг и Фридрихсхайн вдоль берега Шпрее протянулась череда обновленных в результате реконструкции построек. Многочисленные памятники промышленной архитектуры, расположенные у самой воды, сегодня являются ценными историческими сооружениями. Некоторое время назад они были важнейшей частью системы речных грузовых коммуникаций.

Восстановление моста Обербаумбрюкке через реку Шпрее имело огромное символическое значение — наведение мостов между Восточным и Западным Берлином разрушало границы в сознании жителей города, знаменуя собой окончательное объединение нации. При реконструкции центральная часть моста была заменена на новую, современную, выполненную по проекту знаменитого архитектора Сантьяго Калатрава в неоготическом стиле — в подражание древнему облику крепостных стен города. Отреставрированный и

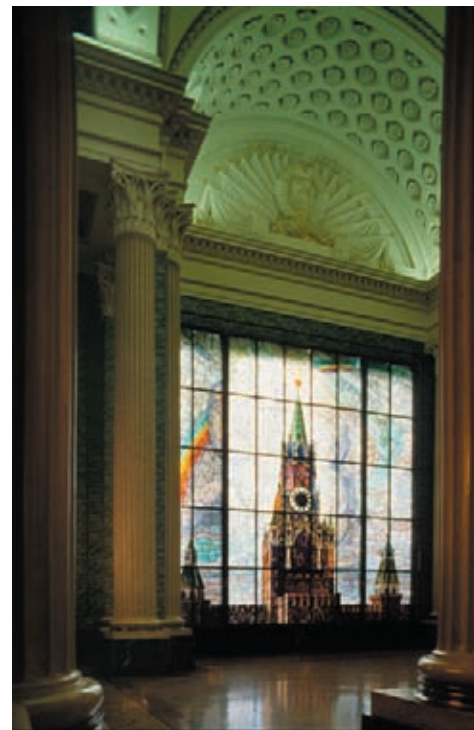
модернизированный мост Обербаумбрюкке был сдан в эксплуатацию в 1995 году. Сегодня по нему открыто пешеходное движение, пущен автотранспорт, ежедневно проносятся поезда метрополитена. Мост стал символом административного округа Кройцберг-Фридрихсхайн, прочно объединяющего восток и запад современного Берлина.

При непосредственном ознакомлении с районом, примыкающим к мосту Обербаумбрюкке, оказывается, что в настоящее время эта территория представляет собой зону многочисленных складов и хранилищ. Подвергшиеся грамотному восстановлению эти сооружения не только связаны между собой водным транспортом, оснащены современным погрузочно-разгрузочным оборудованием, но и заслуживают внимания с точки зрения истории архитектуры. Так, специальная награда был удостоен проект восстановления крупного зернохранилища, построенного в 1910 году, от которого после войны остался только остров. Сегодня старинный лабаз превращен в офисный центр, при этом сохранен его исторический

Die dramatische technologische und wirtschaftliche Veränderung der Industriegesellschaft machte sich in der Hauptstadt gewissermaßen verspätet nach der Maueröffnung bemerkbar: 1910 besaß Berlin 1,4 Millionen Industriearbeitsplätze, im Jahr 2000 noch 115.000. Die Industrie verließ ihre historischen Standorte - und hinterließ ein reiches kulturhistorisches Erbe. Unter dem Motto „Konservieren durch Konversion“ hat die Berliner Denkmalpflege in den letzten 20 Jahren die erhaltende Umnutzung von Industriestandorten und Standorten der technischen und verkehrlichen Infrastruktur betreut. Die noch vor dem Mauerfall abgeschlossene Umwandlung des Wasserwerks Teufelsberg in ein Ökobildungswerk und die grundlegende Umgestaltung der Alten Meierei in Moabit zum Büro- und Hotelkomplex gehören dazu, aber auch groß angelegte Konversionsprojekte wie auf dem Borsiggelände in Tegel oder an traditionsreichen Brauereistandorten, etwa dem „Victoria-Areal“ in Kreuzberg oder der so genannten „Kulturbrauerei“ in Prenzlauer Berg.

Улица Унтер-ден-Линден, Посольство СССР (ныне: Посольство Российской Федерации), 1949—1951 годы, колл. арх.: Стрижевский, Лебединский, Зихерт, Скуин

15 Unter den Linden, Sowjetische Botschaft (heute: Botschaft der Russischen Föderation), 1949-51 vom Kollektiv Anatoli Stryshewski, Lebedinskij, Sichert und Friedrich Skujin

внешний облик, в точности соблюдены архитектурные формы, размер и пропорции. А холодильное хранилище и склад общего назначения, расположенные по соседству, сохранили не только свое «лицо», но и первоначальное функциональное назначение.

Памятники электропромышленности и электроснабжения

Среди многочисленных памятников промышленной архитектуры, которые оставили после себя ведущие электротехнические предприятия Берлина, известнейшим является турбинный цех компании AEG, построенный Петером Беренсом. Он находится в особом районе города, где в начале XX века было сосредоточено большое количество предприятий по выработке электроэнергии и ее распределению. На карте Берлина это место значится, как знаменитый Электрополис.

В рамках специально разработанной программы защиты культурно-исторического наследия города — «Denkmalmanagement» — Служба по охране памятников Берлина вплотную занимается судьбой тех объектов городской недвижимости, которые одновременно являются ценными памятниками архитектуры. Служба осуществляет их подготовку к продаже, строго регламентируя их последующее использование арендаторами и покупателями. Так, например, существует «Концепция защиты памятников архитектуры Сименсштадта», в соответствии с которой Земельное ведомство по охране памятников с середины 1990-х годов внимательно контролирует деятельность компании, владеющей историческими сооружениями на данной территории. Предмет особого внимания ведомства — проводимая предприятием-владельцем реконструкция находящейся в районе производственной и жилой застройки, степень заботы компании-владельца о состоянии исторических зданий. Кроме того, земельное ведомство по охране памятников обязано регулярно информировать общественность о своих наблюдениях и результатах работы.

Реализация «Концепции защиты памятников архитектуры Сименсштадта (Siemensstadt)» — экспериментальный пилотный проект. В дальнейшем аналогичные рамочные соглашения были заключены с владельцами более двенадцати объектов культурно-исторического наследия промышленного и жилого назначения. Такие соглашения каждой из сторон предоставляют надежные гарантии: хозяевам и арендаторам объектов обеспечена безопасность их недвижимости, а государственным службам, призванным осуществлять надзор за состоянием памятников промышленной

архитектуры — надежные перспективы их современного использования при соблюдении режима полной сохранности ценных исторических построек.

По данному образцу была разработана третья, еще не утвержденная концепция охраны памятников, ключевым объектом которой выступает легендарный турбинный цех, находящийся сегодня в ведении компании Siemens. Построенный архитектором Петером Беренсом в Моабите (Moabit), цех некогда принадлежал компании AEG.

Неподалеку от Сименсштадта, на реке Шпрее расположен район Шоневайде (Schöneweide), жизнь которого неразрывно связана с электротехнической индустрией и энергоснабжением. Сменилось не одно поколение, прежде чем к началу прошлого века в Шоневайде сформировался крупнейший электропромышленный центр, ставший основой берлинского Электрополиса. Именно здесь был основан всемирно известный концерн AEG, давший импульс началу электрификации всей Европы.

За последние десять лет, постепенно преодолевая многочисленные конфликтные ситуации, связанные с эксплуатацией памятников промышленной архитектуры, удалось наладить позитивное сотрудничество между крупнейшим в Берлине производителем и поставщиком электроэнергии — компанией BEWAG (ныне Vattenfall Europe) и Земельным ведомством по охране памятников Берлина.

Основным потенциалом для развития этих отношений стала открывшаяся для современных компаний возможность приобретать в собственность здания, являющиеся памятниками архитектуры. Сегодня Электрополис — это не просто список охраняемых памятников, но и каталог выставленных на продажу ценнейших объектов городской недвижимости. Подход внимательного диалога между государ-

**Мост Обербаумбрюкке
после восстановления
в 1995-м году и исторические хранилища
на реке Шпрее**

**Oberbaumbrücke, nach
dem Wiederaufbau 1995
und historischen Lager-
häuser an der Spree**

Spree-Raum – Industriedenkmale im Fluss

In einer Mut machenden Transformation befinden sich die zentrumsnahen Wasserlagen entlang der Spree in Kreuzberg und Friedrichshain, die reich an schiffahrtsbezogenen Industrie- und Technikdenkmälern sind. Symbolhafte Bedeutung hatte hier der Brückenschlag zwischen Ost und West am Oberbaum über die Spree und die vormalige Grenze hinweg. Die bis auf das moderne Mittelstück (von Santiago Calatrava) in Formen der märkischen Backsteingotik rekonstruktiv wiederhergestellte Oberbaumbrücke konnte 1995 dem Fahrzeug-, U-Bahn- und Fußgängerverkehr übergeben werden und hat sich zum architektonischen Wahrzeichen des neuen Ost-West Fusionsbezirks Kreuzberg-Friedrichshain entwickelt.

Im unmittelbaren Anschluss an die Oberbaumbrücke erweist sich derzeit das Gelände des um die Jahrhundertwende angelegten Osthafens als Aktionsraum einer erhaltenden Erneuerung von schiffahrtsbezogenen Speichern und Lagerhäusern sowie Lösch- und Ladegeräten. Preisgekrönt wurde die Umwandlung des um 1910 erbauten mächtigen Getreidespeicher, dessen kriegszerstörte Dachlandschaft als Torso erhalten war und im Zuge der Umgestaltung für Büro Zwecke in Volumen und Kontur wiederhergestellt werden konnte. Weitere Kühl- und Lagerhäuser in der Nachbarschaft folgten in der erhaltenden Umnutzung.

Турбинный цех компании AEG, 1908—1909 годы, арх. Петер Беренс и Карл Бернхард. Общий вид и детали конструкции

AEG-Turbinenhalle, 1908-09 von Peter Behrens und Karl Bernhard, Gesamtansicht und konstruktives Detail

ством и частными компаниями, заинтересованными в приобретении находящихся под охраной старых электростанций, является наиболее действенным при решении вопросов сохранения уникальных промышленно-архитектурных ансамблей.

К удачными проектам реконструкции такого рода комплексов, — как с точки зрения охраны памятников, гармоничного внедрения в архитектурный рельеф города, так и в соответствии с требованиями экономической целесообразности, — причисляются восстановленные понижающие трансформаторные подстанции на берегу Паул-Линке (Paul-Linke) (1926—1928) и в Лейбницштрассе (Leibnitzstraße) (1928—1929), а также подстанция Шарнхорст (Scharnhorst) в Вединге (Wedding) (1927—1928) архитектора Ханса Генриха Мюллера.

Возможно, постройки Электрополиса трудно сравнивать с художественно-архитектурными памятниками прусского наследия в Афинах-на-Шпрее. Однако в качестве монументального свидетельства уникальной и неотъемлемой части нашего прошлого эти несколько мрачноватые и тяжеловесные сооружения периода индустриального бума занимают прочное место в богатейшем фонде памятников немецкой столицы.

Denkmale der Elektroindustrie und Stromversorgung

Neben unzähligen Bau- und Technikdenkmälern, die führende Unternehmen der elektrotechnischen Industrie in Berlin hinterlassen haben – darunter die berühmte AEG Turbinenhalle von Peter Behrens – sind es die Bauten der Stromerzeugung und Stromverteilung, die den Ruf Berlins als Elektropolis noch heute im Stadtbild dokumentieren.

Im Sinne einer vorbeugenden und vorbereitenden Denkmalpflege, die heute gelegentlich unter dem Begriff „Denkmalmanagement“ firmiert, hat die Berliner Denkmalpflege schon früh die Vermittlung von Denkmalimmobilien an neue Kauf- und Mieterinteressenten zur Nachnutzung unterstützt. Die sogenannte Denkmalschutzkonzeption Siemensstadt, die das Unternehmen Mitte der 1990er Jahre in zwei Teilen mit dem Landesdenkmalamt für seine denkmalgeschützten Produktionsstandorte und Wohnanlagen in Berlin entwickelt, vertraglich abgesichert und auch öffentlichkeitswirksam publiziert hat, war gewissermaßen ein konservatorisches Pilotprojekt dieser Art.

Entstanden ist eine Rahmenvereinbarung über mehr als ein Dutzend Industrie- und Wohnanlagen, die den Eigentümern frühzeitig Planungs- und Investitionssicherheit für eigene Vorhaben oder Fremdvermietung bietet und den Konservatoren eine verlässliche Erhaltungs- und Nutzungsperspektive für einen international bedeutenden Bestand an Industriedenkmalern. Nach diesem Muster ist inzwischen auch eine dritte, noch unveröffentlichte Denkmalschutzkonzeption für den heute von Siemens betriebenen ehemaligen AEG-Standort in Moabit mit der legendären Turbinenhalle von Behrens als Schlüsselzeugnis entstanden.

Neben dem Ortsteil Siemensstadt im Westen von Berlin stand der Ortsteil Schöne-weide im Osten ganz im Zeichen der elektrotechnischen Industrie und der Stromversorgung. In kaum einer Generation entwickelte sich dieser Standort an der Spree in den Jahrzehnten vor und nach 1900 zu einem kraftvollen Gründungs- und Entwicklungszentrum der Elektropolis Berlin. Von Schöne-weide sollte die Elektrifizierung in ganz Europa entscheidende Impulse erhalten, mit diesem Standort stieg die AEG zu einem Weltkonzern auf.

Im letzten Jahrzehnt hat sich schrittweise aus Denkmalkonflikten heraus auch die Kooperation zwischen dem Elektrizitäts- und Energieunternehmen BEWAG (heute: Vattenfall Europe) und dem Landesdenkmalamt Berlin zum Positiven entwickelt. Dabei stehen Entwicklungspotentiale verkäuflicher, weil nicht mehr betriebsnotwendiger technischer Baudenkmale im Vordergrund. Unter dem Titel „Elektropolis“ entstand zunächst eine Art Denkmal- und Verkaufskatalog für ungenutzte Abspannwerke, also ein Beitrag zum Immobilienmarketing, das zugleich als Denkmalmarketing fungiert. Vergleichbar angelegt ist die zweisprachig erschienene Veröffentlichung über historische Kraftwerksensembles, die unter Denkmalschutz stehen.

Zu den denkmalpflegerisch, architektonisch und wohl auch ökonomisch besonders gelungenen Transformationsprojekten zählen die auf den BEWAG-Hausarchitekten Hans Heinrich Müller zurückgehenden Abspannwerke am Paul-Linke-Ufer (1926/28) und in der Leibnitzstraße (1928/29) sowie das Abspannwerk Scharnhorst in Wedding (1927/28).

Das Erbe der Elektropolis ist vielleicht nicht so prominent wie die Bau- und Kunstdenkmäler, die das Erbe Preußens in Spree-Athen verkörpern. Aber als monumentale Zeugnisse einer außergewöhnlichen und unteilbaren Vergangenheit möchte man keine der erwähnten unbequemen oder industriellen Facetten im Denkmalbestand der deutschen Hauptstadt missen.

Улица Мюленштрассе, East Side Gallery («Галерея восточной стороны»), участок Берлинской стены протяженностью 1,3 км с рисунками и граффити

Mühlenstraße, East Side Gallery, 1,3 km langes Teilstück der Berliner Mauer mit Bemalungen und Graffiti

Норберт Хойлер,
Служба по охране памятников
города Берлина

Norbert Heuler,
Landesdenkmalamt
Berlin

НОВЫЕ ПОСТРОЙКИ

В АНСАМБЛЕ ПАМЯТНИКОВ ПРЕДМЕСТЬЯ ШПАНДАУ

Neubauten im Denkmalensemble Spandauer Vorstadt

Мюнцштрассе
(Münzstraße),
угол Рохштрассе
(Ecke Rochstraße)

Münzstraße, Ecke
Rochstraße

Предместье Шпандау начинает свое летоисчисление с конца XVII века. В то время оно находилось за пределами городских укреплений, возведенных в 1658—1683-м годах Йоганном Грегором Мемгардтом.

Особое значение предместья Шпандау как исторического архитектурного ансамбля заключается в наличии на его территории многочисленных разновременных наслоений. Исследуя их, ученые-топографы имеют возможность наглядно проследить градостроительное развитие данной местности, длившееся почти триста лет. Даже сегодня, спустя столетия, можно распознать в дорожной сети предместья Шпандау, считающейся историческим памятником, первоначальную сеть дорог. Когда-то, минуя лежащий перед воротами незастроенный участок земли, она соединяла средневековый город с расположенными по близости общинами. Из домов, сооружаемых вдоль этих путей, постепенно сформировалось предместье, которое все больше обрело городские черты и, в конце концов, стало частью большого города. Своим сегодняшним статусом охраняемого архитектурного ансамбля предместье Шпандау, прежде всего, обязано тому факту, что, будучи единственным в своем роде, оно практически не пострадало во время Второй мировой войны. Сегодня уникальное предместье является великолепным полем для изучения архитектурной и градостроительной истории Берлина.

Сразу после переломных событий 1990-го года, но еще до воссоединения Германии, состоявшегося 3 октября того же года, предместье Шпандау был присвоен статус охраняемого архитектурного ансамбля. Однако новое положение вовсе не добавило уверенности в том, что отныне сохранность построек, располо-

**Розенталер Штрассе
(Rosenthaler Straße),
угол Гинсштрассе
(Ecke Gipsstraße)**

**Rosenthaler Straße,
Ecke Gipsstraße**

женных на данной территории сама собой поднимется на безупречный уровень. Скорее, наоборот: охранный статус мог лишить предместье больших капиталовложений, шансы на получение которых, после объединения Германии значительно возросли.

В рамках специальной программы под названием «Защита градостроительных памятников» с начала 1990-х годов была восстановлена значительная часть старых зданий Шпандау. Благодаря высокому качеству проведенных реставрационных работ предместье превратилось в район, отличающийся удивительным неповторимым шармом. Созданию атмосферы живой старины, царящей в Шпандау, немало способствовало бережное сохранение гармоничного смешения архитектурных стилей разных эпох. В ходе общегосударственного конкурса на лучший проект восстановления находящихся под охраной памятников, искусство реставраторов, работавших в Шпандау, было отмечено золотой медалью.

Предместье Шпандау сегодня — это не только архитектурный слепок былых времен, но и полный жизни градостроительный ансамбль, который, благодаря своему местоположению, — а находится он в самом центре немецкой столицы, — приобретает особенное, совершенно новое значение. Здесь, в Шпандау, расположено большое количество различных галерей, магазинов, кафе и ресторанов.

Дие Spandauer Vorstadt entwickelte sich seit dem späten 17. Jahrhundert außerhalb der 1658–83 von Johann Gregor Memhardt angelegten Stadtbefestigung entlang der vom Spandauer Tor ausgehenden Straßen.

Die Bedeutung der Spandauer Vorstadt als Denkmalensemble liegt darin, dass sich hier ein vielschichtiger Denkmalort erhalten hat, der mit seiner Topographie und seinen überkommenen Bauten die fast dreihundertjährige städtebauliche Entwicklung dokumentiert. Noch heute ist im denkmalwerten Straßennetz der Spandauer Vorstadt das ursprüngliche Wegenetz ablesbar, das einst die mittelalterliche Stadt über das vor den Toren gelegene unbebaute Gebiet mit den umliegenden Gemeinden verbunden hat. Aus anfänglich entlang dieser Wege entstandenen Gebäuden entwickelte sich langsam eine Vorstadt, die immer stärker in das urbane Gefüge und schließlich die Großstadtentwicklung einbezogen wurde. Seine heutige Bedeutung als Denkmalensemble verdankt die Spandauer Vorstadt vor allem der Tatsache, dass es als einziges Vorortgebiet weitgehend von den Zerstörungen des Zweiten Weltkrieges verschont geblieben ist und uns heute exemplarisch und konzentriert Architektur-, Bau- und Stadtgeschichte Berlins vermittelt.

Bereit kurz nach der Wende und noch vor der Wiedervereinigung am 3. Oktober 1990 wurde die Spandauer Vorstadt zum Denkmalensemble erklärt und konnte so dem großen Investitionsdruck der unmittelbaren Nachwendezeit entzogen werden.

Im Rahmen des Sonderprogramms „Städtebaulicher Denkmalschutz“ wurde seit Anfang der 1990er Jahre ein großer Teil der vorhandenen Altbausubstanz instandgesetzt und restauriert. Die sensible, kleinteilige und behutsame Entwicklung der Spandauer Vorstadt zu einem Gebiet mit attraktivem unverwechselbarem Charme, lebendiger Nutzungsmischung und überzeugender denkmalpflegerischer Sanierung wurde im Bundeswettbewerb mit einer Goldplakette ausgezeichnet.

Die Spandauer Vorstadt ist heute aber nicht nur ein Zeugnis der Vergangenheit, sondern ein lebendiger Denkmalort, dem durch seine Lage im Zentrum der Hauptstadt besondere und neue Bedeutung zukommt. Die Eigentümer- und Bewohnerstruktur hat sich bereits verändert und wird sich weiter verändern. Im Gebiet haben sich viele Kunstgalerien, Läden und Gastronomiebetriebe angesiedelt. Die Spandauer Vorstadt ist ein beliebter Wohnort sowie ein Anziehungspunkt für Berliner und Touristen geworden. All dies prägt auch die weitere bauliche Entwicklung mit und wird als neue Schicht oder sogar Wachstumsring Spuren hinterlassen, so wie die Entwicklungen des 19. und frühen 20. Jahrhunderts heute in der Spandauer Vorstadt nachvollziehbar sind.

Aber – und hierin liegt der grundlegende Unterschied zu heute – die Entwicklung im ausgehenden 19. und frühen 20. Jahrhundert erfolgte gleichsam ungebrems-

Предмestье Шпандау стало излюбленным местом времяпрепровождения берлинцев, а также многочисленных туристов. Все это оставляет след современности на архитектурном челе города, откладываясь в виде новейших наслоений. Спустя десятилетия они станут историей, и исследователи последующих поколений будут читать по ним прекрасную Книгу Жизни Берлина.

Однако основное отличие сегодняшнего дня заключается в следующем: развитие города в конце XIX — начале XX веков происходило без учета необходимости сохранения старинных архитектурных построек, без проработки специальных правовых инструментов охраны исторических зданий, без прицела на будущее. Современное общество, напротив, заинтересовано в том, чтобы высоким темпам модернизации соответствовал серьезный уровень охраны ценных исторических сооружений. Безусловно, жизненное пространство берлинцев изменяется и будет меняться впредь, однако мы уверены, что эти перемены пойдут на пользу городу и его жителям. Удачный пример такого обновления — предмestье Шпандау — динамично развивающийся район в центре Берлина, сохранивший в своем облике нетленный дух минувших столетий.

Принятое сразу после воссоединения Германии решение об охране градостроительного ансамбля предмestья Шпандау — ценнейшего объекта архитектурного наследия — кардинальным образом изменило предпосылки дальнейшего развития района. В конце XIX — начале XX века архитекторы придерживались точки зрения, что устаревшие здания, рано или поздно будут снесены. Следовательно, вопрос о согласовании архитектурного дизайна новых построек со старыми даже не поднимался. Сегодня же, напротив, мы убеждены, что новые сооружения должны вписываться в общий архитектурный ансамбль, должны сохраняться характерные черты исторических построек. Распределение участков под новое строительство должно происходить в соответствии с принципом гармоничного взаимодействия современных архитектурных конструкций со старыми. Непременно должны учитываться планировочные решения, высота, внешний вид ранее возведенных построек, а также материалы, использованные при их строительстве.

В своей работе сегодняшние архитекторы, как правило, руководствуются особым распоряжением, которое строго обязывает проектировщиков и строителей сохранять неизменный внешний вид архитектурного памятника, вблизи которого встает новостройка. Как указано в распоряжении, новые здания не должны нарушать целостного восприятия архитектурного ансамбля места, где они возводятся.

Однако соблюдение внешнего вида является лишь дополнительным аспектом при анализе плана новой застройки

в пределах уже существующего архитектурного ансамбля. Ведь ансамбль как таковой — это не суммарное количество отдельных зданий, а их «полифония» — т.е. созвучие всех составляющих его компонентов. Архитектурный ансамбль является одним, целостным памятником. Поэтому при проектировании новой постройки архитектор должен рассматривать ее не как конструкцию, стоящую отдельно от охраняемого памятника или его территории, но как строение, являющееся частью единого градостроительного ансамбля.

Проект новостройки в ансамбле исторических памятников зачастую становится фактором его обновления. Такой вид реставрации является одним из этапов процесса реконструкции разрушенных памятников города. Если какие-либо части памятника повреждены или разрушены (но данные разрушения не снижают рыночной стоимости памятника), и реставрационные работы предусмотрены как профилактическое мероприятие по уходу за ним, в таком случае желаемый вид архитектурного дополнения необходимо согласовывать с представителями городских служб охраны исторического наследия. Совместно проектировщики и представители города должны решить: устранять дефекты старой постройки путем реставрации, чтобы вернуть зданию прежний вид, или же добавить к его внешнему виду современные архитектурные мотивы.

Ведь устранив дефекты, можно безвозвратно уничтожить уникальные отпечатки времени, которые в совокупности и создают ту неповторимую атмосферу

durch städtebauliche und konservatorische Erhaltungsziele, nicht gesteuert durch planungsrechtliche und denkmalschutzrechtliche Erhaltungsinstrumente, die heute im öffentlichen Interesse eine bestandsschonende Modernisierung gewährleisten sollen, ja mehr noch: Hätten sich die ungestümen Wachstums- und Erneuerungsimpulse, wie sie sich der Spandauer Vorstadt in ihren Randbereichen zum Stadtzentrum in den Jahren vor und nach 1900 einprägten, in der anfänglichen Dynamik im 20. Jahrhundert fortgesetzt, hätte das Quartier wohl kaum die Anerkennung und Zuwendung als Denkmalort und Lebensraum erfahren, die ihm seit der Wende entgegengebracht wurde und wird.

Mit der Entscheidung in der unmittelbaren Nachwendezeit, die Spandauer Vorstadt als Denkmalensemble und städtebauliches Erhaltungsgebiet zu schützen, haben sich die Voraussetzungen für die weitere Entwicklung des Gebietes grundsätzlich gewandelt. War im 19. Und frühen 20. Jahrhundert eine Anpassung oder Einfügung in die vorhandene ältere Bebauung kein Ziel, da davon ausgegangen werden konnte, dass die erhaltenen älteren Nachbargebäude früher oder später ebenso ersetzt werden würden, gehen wir heute davon aus, dass sich Neubauten in das Gesamtensemble einfügen, charakteristische Eigenarten respektieren, die historische Parzellierung aufnehmen und sich im Denkmalkontext durch Baukörpergliederung, Höhenentwicklung, Gestaltung und Material nicht ignorant verhalten.

Für die denkmalrechtliche Beurteilung von Neubauten gilt in der Regel der sogenannte Umgebungsschutz, nach dem bauliche Maßnahmen in der Umgebung eines Baudenkmals dessen Erscheinungsbild nicht wesentlich beeinträchtigen dürfen. Der Umgebungsschutz ist bei der Beurteilung eines Neubauvorhabens innerhalb eines

**На Хакешен Маркт, 2—3
(Am Hackeschen Markt
2—3), арх. А. Грюнтух**

**Am Hackeschen Markt
2—3 (Arch. Grüntuch)**

старины, благодаря которой мы особенно ценим тот или иной архитектурный объект, называя его памятником. Кроме того, возникает опасность, что первоначальный замысел зодчих, возводивших эту постройку сотни лет тому назад, сегодняшними реставраторами, — каким бы талантом и профессиональным чутьем они ни обладали, — будет передан неверно, и в результате оригинальный дух этого памятника будет утрачен навсегда.

Напротив, сегодня мы имеем возможность избрать иной путь — путь противопоставления старого и нового, древнего и современного. Мы можем подчеркнуть, сознательно выдвинуть на передний план разрушающуюся плоть памятника, и, сыграв на контрасте, заключить ее в кольцо современности, делая новое здание основной нотой этой архитектурной композиции. Такой подход позволит нам сохранить историческую ценность памятника, одновременно защитив его от дальнейшего разрушения.

Возникает ряд принципиальных вопросов. В какой мере реставрационное вмешательство изменяет памятник в своем содержании? В каком виде новостройка, введенная в устоявшуюся архитектурно-историческую среду, перейдет в будущее? Будет ли она воспринята как органичное явление и сохранится ли на долгие времена в виде естественной составляющей архитектурного ансамбля? Или, являясь посторонним предметом, подвергнется значительной перделке?

В конце XIX — начале XX века исходным импульсом строительства в предместье Шпандау была необходимость дальнейшего развития территории, нацеленная на ее долгосрочное преобразование. Сегодня же архитекторы и строители в процессе возведения новых зданий

**Краузникштрассе, 23
(Krausnickstraße 23)**

Krausnickstraße 23

Denkmalensembles jedoch nur ein zusätzlicher Aspekt. Die Bedeutung eines Denkmalensembles ergibt sich ja nicht in erster Linie aus der Summe seiner Einzelgebäude, sondern aus dem Zusammenwirken der einzelnen Bestandteile als ein Ganzes. Das Denkmalensemble ist in seiner Gesamtheit ein Denkmal. Das Neubauvorhaben entsteht deshalb nicht am Rande oder im Umfeld des denkmalgeschützten Baudenkmals bzw. Denkmalensembles, sondern im städtebaulichen Denkmal selbst.

Ein Neubauvorhaben im Denkmalensemble ist im übertragenen Sinne gleichzusetzen mit der Reparatur eines Denkmals, ist Stadt-Reparatur an einem gestörten Denkmal-Bereich. Wenn Teile eines Denkmals beschädigt oder zerstört sind, — und solche Zerstörung nicht selbst bereits den Denkmalwert mitprägt, sondern die Lückenschließung als denkmalpflegerisches Ziel gilt, muss die gewünschte Art der Ergänzung geklärt werden. Es gilt beispielsweise zu entscheiden, ob Fehlstellen eher rekonstruierend als Wiederherstellung oder eher zeitgemäß, d.h. als sichtbare bzw. nachvollziehbare Zutat ergänzt werden sollen. Durch die zurückhaltende Schließung einer Fehlstelle kann einerseits ein gestörter Gesamteindruck geheilt und wiedergewonnen werden, andererseits besteht die Gefahr, dass die Bedeutung des original Überkommenen verunklärt wird. Durch die kontrastierende Schließung dagegen

wird die Störung hervorgehoben. Hierbei kann der Denkmalrest bewusst abgesetzt und betont, aber auch überlagert und in den Hintergrund gedrängt, also abgewertet werden. Grundsätzlich stellt sich die Frage, inwieweit der bauliche Eingriff das Denkmal in seiner Aussage verändert und welcher Stellenwert einem Neubau von heute in späterer Zeit zukommt (zukommen soll), ob der Neubau künftig als integraler Bestandteil des Denkmalensembles interpretiert und konserviert oder als Fremdkörper wahrgenommen und womöglich erneut revidiert wird.

Während der Ausgangspunkt für die Gestaltung der Neubauten des ausgehenden 19. und beginnenden 20. Jahrhunderts in der Spandauer Vorstadt die Weiterentwicklung im Sinne einer langfristigen Umgestaltung war, müssen Neubauten heute das Erhaltungsziel des Denkmalensembles und des städtebaulichen Erhaltungsgebietes berücksichtigen. Dies bedeutet keineswegs eine Musealisierung oder Anbiederung. Ganz im Gegenteil sollten Neubauten selbstbewusst als neue Bestandteile des Denkmalensembles begriffen werden, die allerdings den überkommenen Bestand des Denkmalensembles und die für den Bereich charakteristischen Eigenarten respektieren und sich im Denkmalkontext durch Maßstäblichkeit, Baukörpergliederung, Höhenentwicklungen, Gestaltung und Material nicht ignorant verhalten.

D.h. die Neubauten dürfen das Gesamterscheinungsbild des Denkmalensembles bzw. das Erscheinungsbild einzelner Straßenzüge innerhalb des Denkmalensembles nicht dominieren.

Ein wesentlicher Punkt ist dabei die Höhenentwicklung der Gebäude. Mit den Neubauten des ausgehenden 19. und beginnenden 20. Jahrhunderts entstanden in der Spandauer Vorstadt Bauten mit der für Berlin damals üblichen Traufhöhe von 22 Metern. Diese Entwicklungsstufe lässt sich heute deutlich im Stadtbild ablesen und prägt einige Bereiche der Spandauer Vorstadt. Im Auge behalten muss man dabei, dass diese Entwicklung ohne ein übergeordnetes Erhaltungsinteresse, alleine im Hinblick auf die weitere Entwicklung und Umgestaltung des Bereiches erfolgte. Die nach der Wende realisierten und künftigen Neubauten entstehen jedoch unter geänderten Voraussetzungen, unter der erklärten Zielsetzung der Erhaltung des charakteristischen Erscheinungsbildes des Gebietes. Betrachtet man Neubauten unter diesem Aspekt, ist festzustellen, dass ein Teil dieser neuen Gebäude alleine durch ihre Bauhöhe, die Umgebung und den Bereich dominieren, sich vordrängen und damit das Denkmalensemble beeinträchtigen.

Ein weiterer Aspekt ist die Breite der Parzelle. Bereits im ausgehenden 19. und frühen 20. Jahrhundert wurden, vor allem entlang und südlich der Oranienburger Straße durch Zusammenlegung größerer Baugrundstücke geschaffen. Denkmalpflegerisches Ziel für die Entwicklung des Denkmalensembles ist die Erhaltung der

в исторических кварталах города должны помнить о необходимости сохранения единого архитектурного ансамбля Берлина, бережно относиться к градостроительным особенностям того или иного района. Это бережное отношение к историческим памятникам вовсе не означает немедленного превращения их в музей, а забота о сохранности старых построек не должна превращаться в пустую общественную шумиху. Наоборот, следуя цели гармоничного развития города, мы должны рассматривать современные постройки как новые составные части единого исторического ансамбля. При этом возводимые здания не должны доминировать в устоявшейся архитектурной среде, нарушать ее, искажать исторически сложившийся облик территории.

Существенным моментом является планирование высотности зданий. В конце XIX — начала XX века в предместье Шпандау появились здания высотой в 22 м. Именно эта высота являлась характерной для всех берлинских построек того времени. Сегодня в общем облике города мы легко можем обнаружить следы давно ушедшей архитектурной эпохи — одинаковой высотой крыш выделяются целые районы предместья Шпандау. Это еще одно подтверждение того факта, что на рубеже XIX—XX столетий градостроительное развитие Шпандау происходило без прицела на дальнейшее сохранение возводимых построек. Предполагалось, что растущий и развивающийся город в жерновах времени, как мелкое зерно, перемелет и эти сооружения, что на смену им вырастут новые архитектурные творения будущих эпох.

Однако и после того, как в числе заявленных градостроительных приоритетов появился тезис о непереносимом сохранении исторически сложившегося облика города, в Шпандау продолжали и продолжают возникать высотные постройки, явно выбивающиеся из общего ряда, грубо доминирующие в устоявшемся пространстве округа, нарушая гармонию слитного архитектурного ансамбля.

Еще одна немаловажная проблема, касающаяся охраны архитектурных памятников, связана с необходимостью защиты территорий, прилегающих к историческим зданиям. Так, например, уже в конце XIX — начале XX века участки земли вдоль всей южной стороны Ораниенбургер Штрассе (Oranienburger Straße) были объединены в одну большую территорию, предназначавшуюся для дальнейшей застройки. Однако цели охраны архитектурного наследия обязывают нас, наоборот, стремиться к сохранению в неприкосновенности небольших участков земли, окружающих исторические постройки.

Не менее важным моментом является и соблюдение пропорций этажности старых зданий в случае, если на первом этаже такой постройки размещается магазин. Ключевое значение имеет высота первых этажей, особенно тех, в которых

сегодня располагаются магазины. Часто бывает так, что несоразмерно раздутый в сравнении с бельэтажем первый этаж решительно портит вид здания, нарушает целостность восприятия исторического памятника как единого архитектурного произведения.

Точно также ничто не должно мешать восприятию единого пространства улицы, разрушать общий контур соразмерного и гармоничного взаимодействия отдельных зданий как архитектурной целостности. Совершенно необходимо соблюдать верные пропорции не только сравнивая первый этаж здания и размещенный в нем магазин со всей постройкой в целом. Важно, чтобы в гармонии находились все составляющие данного архитектурного пространства. Мы должны сопоставлять высоту здания и его этажей с шириной улицы, с интенсивностью потока пешеходов и автомобильного движения.

Недопустимо, когда огромная новостройка, выросшая рядом с невысоким историческим зданием, до неузнаваемости меняет облик всей округи. Критерии оценки новостроек в ансамбле памятников специалисты должны формировать

преодолеваемые парцеллентеiling, d.h. die Erhaltung einer kleinteiligen Bebauung.

Wesentliches Merkmal sind auch die Geschosshöhen und dabei vor allem die Höhe der Erd- und Ladengeschosse, die durch die optische und gestalterische Verknüpfung des Souterrains mit dem Hochparterre entsteht und das Bild der Straßenräume entscheidend mitprägt. Das Straßenraumprofil wird als großzügig wahrgenommen. Entscheidend und wirksam ist dabei die Höhe der Erd- und Ladengeschosse in ihrem Verhältnis zum Gesamtgebäude, in ihrem Verhältnis zur Breite der Straße und nicht zuletzt in ihrem Verhältnis zur Größe der Passanten. Die Erdgeschosse der meisten Neubauten sind dagegen zu niedrig und führen zu einer veränderten Wahrnehmung des Straßenraumes.

Die Kriterien für die Bewertung von Neubauten in einem Denkmalensemble ergeben sich also sowohl aus der historischen Entwicklung des Gesamtgebietes und aus dem Gesamtcharakter der unmittelbaren Umgebung. So kann ein Gebäude, das sich an einem bestimmten Ort innerhalb des Denkmalensembles einfügt, an anderer Stelle durchaus störend wirken, unabhängig von der Qualität der konkreten Gestaltung.

**Гипсштрассе, 5
(Gipsstraße 5),
арх. Х. Коллхоф
и Х. Тиммерманн**

**Gipsstraße 5 (Arch.
Kollhof/Timmermann)**

**Аугустштрассе, 62
(Auguststraße 62),
арх. Хойер & Шинделе**

**Auguststraße 62 (Arch.
Hoyer und Schindele)**

исходя из глубокого понимания особенностей исторического развития района в целом, а также из анализа общего характера прилегающих окрестностей.

Так например, здание на Мюнцштрассе (Münzstraße), угол Рохштрассе (Ecke Rochstraße), невзирая на чрезвычайно высокое качество архитектурного исполнения, уже за счет самого места своего расположения в значительной степени нарушает общий архитектурный ансамбль, искажая целостность его восприятия из-за своего неудачного оформления и безответственного планирования высотности. Здание находится в художественном диссонансе со своим окружением. Создается впечатление, что оно было спроектировано как отдельный элемент проекта, задача которого — превратить жилой квартал в деловой центр с офисными помещениями. Таким образом, данное здание является объектом, который выходит за рамки программы защиты и сохранения памятников и исторических архитектурных ансамблей.

Здание на Хакешен Маркт 2—3 (Am Hackeschen Markt) (арх. А. Грюнтух), напротив, несмотря на свое ультрасовременное решение, радикально новое архитектурное решение, замечательно вписывается в сложившуюся застройку улицы Розенталер Штрассе (Rosenthaler Straße) и Хакешен Маркт (Hackeschen Markt). Главная особенность этой постройки заключается в том, что своей высотой и размерами основных архитектурных элементов она соответствует окружающим ее зданиям и в ряду исторически сложившейся застройки чувствует себя уверенно, полностью раскрывая широкие возможности современной архитектуры.

Особым и до сих пор совершенно уникальным архитектурным явлением в пригороде Шпандау является здание, расположенное на улице Краузникштрассе 23 (Krausnickstraße). Проект данного здания — пример необычайно удачного архитектурного решения. За счет крайне выгодного оформления корпуса здания и, прежде всего, за счет своей необыч-

So beeinträchtigt z.B. das Gebäude Münzstraße, Ecke Rochstraße – ganz unabhängig von der überdurchschnittlichen architektonischen Qualität – alleine durch seinen Standort, erheblich das Denkmalensemble, da es in diesem Straßenzug durch seine Gestaltung und die Höhenentwicklung falschen Signale setzt. Das Gebäude fügt sich nicht in seine Umgebung ein, sondern scheint sich zum Vorläufer einer künftigen Entwicklung machen zu wollen, die aus einer von Wohnbauten geprägten Straße ein Geschäfts- und Bürohausviertel machen will. Das Gebäude konterkariert damit die Ziele des Denkmalschutzes wie des Erhaltungsgebietes.

Das Gebäude Am Hackeschen Markt 2–3 (Arch. Grüntuch) dagegen, das in seiner modernen Gestaltung ebenso radikal ist, fügt sich in die bestehende Bebauung der Rosenthaler Straße und des Hackeschen Marktes hervorragend ein. Die besondere Qualität dieses Neubaus besteht u.a. darin, dass er die Gesamthöhe und prägende Elemente der anschließenden Hackeschen Höfe, die historische Geschosshöhe und die Achsbreiten, aufnimmt und in eine selbstbewusste, zeitgemäße Architektur überträgt.

Ein Spezial- und bisher Einzelfall in der Spandauer Vorstadt ist der Neubau Krausnickstraße 23. Ohne dem Gebäude eine gestalterische Qualität absprechen zu wollen, ist hier der Versuch sich in die vorhandene Bebauung einzufügen nicht erkennbar. Durch die sehr plastische Gestaltung des Baukörpers und vor allem durch das aufgerissene Dach drängt sich der Neubau vielmehr als Fremdkörper und Neuheit in den Vordergrund und stört damit deutlich das Erscheinungsbild der mit Wohnhäusern einheitlicher Traufhöhe bebauten Krausnickstraße.

Nicht nur durch seine Gestaltung, sondern vor allem durch seinen städtebaulichen Maßstab fügt sich das Gebäude Rosenthaler Straße, Ecke Gipsstraße nicht in das Denkmalensemble ein.

Beispiele für eine sehr zurückhaltende Einfügung in die bestehende Umgebung, ohne dass dem aufmerksamen Betrachter ihre Entstehungszeit verheimlicht wird, sind die beiden Neubauten Sophienstraße 1, 1a (Arch. Kahlfeld) und Gipsstraße 5 (Arch. Kollhof/Timmermann).

Aber auch selbstbewusste Neubauten, die sich in keiner Weise gestalterisch anbieten können sich respektvoll in das Gesamtensemble einfügen. Beispiele hierfür sind die Gebäude Auguststraße 26a (Arch. Jörg Ebers) und Auguststraße 62 (Arch. Hoyer und Schindele) in dessen Fassade sich die innere Struktur der zweigeschossigen Maisonett-Wohnung abzeichnet, das sich also gänzlich von der Lochfassade und der Abbildung der einzelnen Stockwerke verabschiedet, das sich aber trotzdem, durch die Gesamtmaßstäblichkeit und Gebäudehöhe, wohltuend in das Gesamtbild der Auguststraße einfügt.

ной крыши здание воспринимается как отдельный объект, не имеющий ничего общего с архитектурным ансамблем улицы Краузникштрассе, которая полностью застроена жилыми домами одинаковой высоты. Несмотря на то, что здесь вовсе не прослеживается попытка соединить здание с уже имеющимися строениями, эта современная постройка выглядит органичным элементом единого пространства улицы.

Обратный пример: не только за счет своего оформления, но и, прежде всего, за счет своего громоздкого масштаба здание на улице Розенталер Штрассе (Rosenthaler Straße), угол Гипсштрассе (Ecke Gipsstraße) совершенно не вливается в общий архитектурный ансамбль.

От внимательного наблюдателя, конечно же, не утаить время постройки двух зданий, расположенных на улице Софиенштрассе 1, 1а (Sophienstraße 1, 1a) (архитектор Кальфельд) и Гипсштрассе 5 (Gipsstraße) (архитекторы Х. Коллхоф и Х. Тиммерманн). Это — пример архитектурного решения, в котором современные здания стилистически перекликаются с действительно старыми историческими постройками.

Самые невероятные, вызывающие современные решения в оформлении фасадов могут органично влиться в общий ансамбль улицы. Примерами тому являются здания на Аугустштрассе 26а (Auguststraße) (архитектор Й. Эберс) и Аугустштрассе 62 (Auguststraße) (Хойер & Шинделе). В фасадах этих неординарных построек вырисовывается внутренняя структура двухэтажной квартиры с внутренней лестницей. Авторы этих проектов полностью распрощались с идеей обычного оформления фасада, когда отверстия для окон и дверей четко расположены вдоль одной линии. Архитекторами-новаторами были отвергнуты и стандартные представления о понятии «этаж». Однако два невероятных здания на Аугустштрассе совершенно не портят общий вид улицы.

**Аугустштрассе, 26а
(Auguststraße 26a)
арх. Й. Эберс**

**Auguststraße 26a
(Arch. Jörg Ebers)**

**Софиенштрассе, 1
(Sophienstraße 1),
арх. П. Кальфельд**

**Sophienstraße 1, 1a
(Arch. Kahlfeld)**

Клаус Лингенаубер,
Берлинское земельное
управление по защите
памятников

Klaus Lingenauber,
Landesdenkmalamt
Berlin

СОХРАНЕНИЕ УНИКАЛЬНЫХ САДОВО-ПАРКОВЫХ АНСАМБЛЕЙ БЕРЛИНА В ГОДЫ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Siedlungen der Zwischenkriegszeit in Berlin Bedeutendes Gartenerbe
als Aufgabe der Gartendenkmalpflege

Свободное простран-
ство и сады посе-
ления Линденгоф,
1918—1921-й годы,
фотограф Леберехт
Мигге

Freiflächen und Garten-
anlagen der Siedlung
Lindenhof, 1918-21
von Leberecht Migge,
Teichanlage

Многие районы Берлина, архитектура которых имеет как национальное, так и мировое значение, возникли в годы между двумя мировыми войнами. Здания этих районов были спроектированы такими ведущими архитекторами как Мартин Вагнер, Бруно Таут, Пауль Мебес, Пауль Эммерих, Вальтер Гропиус, Хуго Геринг, Отто Рудольф Валвисберг, Отто Артинг и Ханс Хертелайн. В период с 1926-го по 1933-й год в развитие строительства новых районов весомый вклад внес Мартин Вагнер, который на тот момент являлся членом Городского совета по строительству. Он был назначен ответственным за озеленение города (диссертация, защищенная Вагнером ранее, рассматривала тему «Озеленение городов»).

К другим ярким представителям архитекторов, работавших в направлении садово-парковой архитектуры, относят Альфреда Бродерсена, Людвига Лессер, Леверехта Мигге, Гайнриха Фридриха Випкинга и Георга Бела Пниовера. И все же, очень многие проектировщики ландшафтных комплексов Берлина так и остались неизвестными.

Общественные парки, основанные в 1910—1920-х годах, можно отнести к значительным памятникам садово-паркового искусства. Наиболее интересными являются такие объекты, как Шиллерпарк (Schillerpark) Фридриха Бауера в одноименном районе города и рабочее поселение Сименс (Siemens) с общественным парком Юнгфернгайде (Jungfernheide) Эрвина Барта. В последние годы Отдел защиты памятников паркового искусства занялся восстановлением этих и других объектов восточной части Берлина.

В архитектуре некоторых районов Берлина прослеживаются традиционные формы и элементы архитектуры XVIII—XIX веков, а также присутствует воплощение реформаторских идей, характерных для строительства XX века. Другим районам Берлина, в особенности крупным, появившимся на карте города в 1920—1930-х годах, присущ дух экспрессионизма, т.н. новой вещественности.

В 2006-м году шесть жилых кварталов Берлина были внесены в список Всемирного Наследия ЮНЕСКО, и это, в свою очередь, поставило новые задачи в работе по защите памятников. Сохранение садово-парковых ансамблей является при этом одной из самых важных задач.

На многих охраняемых объектах сегодня проводятся детальные исследования с последующим составлением плана реконструкции, частично финансируемые городским управлением по защите памятников и частично — владельцами данных объектов. В некоторых парках уже начались восстановительные работы. Реставрация садовых памятников во мно-

гих районах города, особенно в бывшей восточной части, осуществляется уже на протяжении последних пятнадцати лет.

В качестве примеров садово-парковых ансамблей, созданных до 1920-х годов, можно привести город-сад Фалькенберг (Falkenberg), построенный в 1913—1916-м годах архитектором Бруно Таутом (этот парковый комплекс часто называют «палитрой красок»), а также поселение Линденгоф (Lindenhof) в районе Темпельгоф-Шонеберг (Tempelhof-Schöneberg), спроектированное архитектором Марином Вагнером. Обустройством садов в первом случае занимался Людвиг Лессер, а во втором — Лебрехт Мигге. Оба позже приняли участие в проектировании крупных жилых массивов.

Город-сад Фалькенберг, к примеру, до 2003-го года состоял в списке объектов, претендующих на внесение в фонд Всемирного Наследия. Велись активные работы по его восстановлению, и, благодаря помощи Строительного Общества (зарегистрированного в 1892-м году) и Службы по охране памятников, появилась возможность работать в этом направлении. Так, например, были восстановлены зеленые насаждения в Акациенгофе (Akazienhof), были разбиты палисадники и живые изгороди, а фасады и входы были декорированы вьющимися растениями. Таким образом, палисадники всего города были огорожены и частично засажены.

На основании заключения, составленного Отделом защиты памятников садово-паркового искусства, и в соответствии с положениями о вносимых изменениях — на протяжении значительного периода времени велись работы по сохранению первоначального, задуманного в проекте, внешнего вида города — были убраны мешающие хвойные деревья и высажены фруктовые.

Берлин besitzt eine große Anzahl bedeutender Siedlungen aus der Zwischenkriegszeit, die zum Teil nationale und internationale Bedeutung haben. Sie wurden von führenden Architekten wie Martin Wagner, Bruno Taut, Paul Mebes, Paul Emmerich, Walter Gropius, Hugo Häring, Otto Rudolf Salvisberg, Otto Bartning und Hans Hertlein erbaut. Der dem Großstadtgrün durch seine Dissertation über Das sanitäre Grün der Städte verpflichtete Martin Wagner ist dabei insbesondere in seiner Zeit als Stadtbaurat von Groß-Berlin 1926–33 als treibende Kraft des sozialreformerischen Großsiedlungsbaus anzusehen.

Auch bedeutende Landschaftsarchitekten und Gartenkünstler prägten die zugehörigen Freianlagen, so Alfred Brodersen, Ludwig Lesser, Leberecht Migge, Heinrich Friedrich Wiepking und Georg Béla Pniower. Bei vielen Anlagen ist allerdings die Urheberschaft der Freianlagen nicht bekannt beziehungsweise den Architekten zuzuschreiben. Zum Teil sind die Siedlungen bedeutenden, als Gartendenkmal geschützten Volksparkanlagen der 1910er und 1920er Jahre zugeordnet und bilden mit diesen hochkarätige Ensembles, wie die gleichnamige Siedlung mit dem Schillerpark von Friedrich Bauer, die Siemens-Werkssiedlungen und die Großsiedlung Siemensstadt mit dem Volkspark Jungfernheide von Erwin Barth. Die Gartendenkmalpflege hat in den letzten Jahren zahlreiche Anlagen aus dieser Phase insbesondere im ehemaligen Ostteil der Stadt betreut und darüber auch verschiedentlich berichtet.

Vor allem Siedlungen des Werkwohnungsbaus sind einer traditionalistischen Formensprache mit Rückgriff auf Vorbilder des 18. und 19. Jahrhunderts verpflichtet oder reflektieren den Reformwohnungsbau des beginnenden 20. Jahrhunderts. Andere, insbesondere die Großsiedlungen der zwanziger und dreißiger Jahre, sind neben

Благодаря совместной работе со строительным сообществом GEWO-Süd, в поселении Линденгоф удалось восстановить формы, изначально задуманные архитектором Лебрехтом Мигге. Так появилась возможность реконструировать запущенный в 1990-х годах природный водоем с крутым спуском, с прилегающей небольшой ивовой рощей и ступеньками из природного камня. Объект был отреставрирован, были восстановлены изгороди многочисленных садов и удалены хвойные растения.

От рабочего поселения Сименсштатта (Siemensstadt) (1921—1930) до поселения Хаймата (Heimat) (1929—1931) через весь Сименсштатт до Шарлоттенбурга (Charlottenburg) тянутся жилые постройки. Строительное общество «Сименс» (Siemens-Wohnungsgesellschaft mbH) в соответствии с заключением, сделанным Службой по охране памятников на основе исследования рабочих поселков, провело работы по обустройству площади Брунненплац (Brunnenplatz) на улице Харрисштрассе (Harriesstrasse) перед продажей домов поселка. Архитектура района привлекает своим живописным внешним видом, благодаря удачному сочетанию образности и садового искусства. Старые деревья в парке Юнгфернхайде (Jungfernheide) создают впечатление выросшего леса. Живые изгороди садов дополнительно подчеркивают уникальность общего вида.

Над проектами Сименсштатта под руководством Мартина Вагнера до 1931-го года работали архитекторы Ганс Шарун, Вальтер Гропиус, Хуго Геринг и др. Этот район также представляет архитектурную ценность. Концепция свободных пространств данного проекта разрабатывалась Леберехтом Мигге, который приложил немало усилий, чтобы защитить свое видение архитектуры города и развить дальше данный проект. Основными принципами его работы стало сохранение старых деревьев Юнгфернхайде и разделение улиц и площадей группами топей. Эти группы топей, определявшие в прошлом вид района, сохранились только в некоторых местах и требуют обязательного восстановления. Следующей целью является восстановление некогда измененного насаждениями Паркауэ (Parkaue) с помощью разбивки кустарников и изгороди со стороны входа. С особой тщательностью разрабатывался план размещения мусорных баков. Мигге предложил декорировать места расположения мусоросборников цветками подсолнечника, что и было реализовано Герингом. Геринг на своем участке работы разрабатывал вариант хорошо просматриваемой планировки парковых зон. Особое значение при дальнейшем восстановлении объектов района следует придать сохранению этих элементов, а также реконструкции и озеленению

dem Expressionismus der Neuen Sachlichkeit verpflichtet.

Die Nominierung von sechs Siedlungen der Berliner Moderne zur Aufnahme in die Welterbeliste der Unesco 2006 stellt besondere Anforderungen an die Denkmalpflegearbeit in Berlin. Die Gartenanlagen sind in allen Fällen wesentlicher Bestandteil des Antrags.

Für die meisten denkmalgeschützten Freiräume der Berliner Siedlungen existieren vom Landesdenkmalamt, Referat Gartendenkmalpflege, und den Eigentümern finanzierte gartendenkmalpflegerische Untersuchungen mit detaillierten Bestands- und Entwicklungsplänen, zum Teil sind bereits Instandsetzungsmaßnahmen erfolgt. Bei zahlreichen Siedlungen, insbesondere im ehemaligen Ostteil der Stadt, konnten in den letzten 15 Jahren flächendeckend umfassende gartendenkmalplegerische Restaurierungen erfolgen.

Als wichtige Vorläufer der zwanziger Jahre müssen die 1913–16 von Bruno Taut gebaute Gartenstadt Falkenberg, wegen ihrer starken Farbigkeit auch Tuschkastensiedlung genannt, und die von Martin Wagner als Bezirksstadtrat 1918–21 konzipierte Lindenhof-Siedlung im Bezirk Tempelhof-Schöneberg aufgeführt werden. Die Gestaltung der Gartenanlagen lag im ersten Fall in der Hand von Ludwig Lesser, beim Lindenhof war Leberecht Migge verantwortlich. Beide sind auch wenige Jahre später bei den Großsiedlungen beteiligt.

Die Berliner Bau- und Wohnungsgenossenschaft von 1892 e.G. setzte in enger Abstimmung mit dem Landesdenkmalamt bis 2003 den Welterbekandidat Gartenstadt Falkenberg vorbildlich instand. So konnten zum Beispiel im prägenden Akazienhof die fehlende Robinienreihe ergänzt, die Vorgärten mit Ligusterhecken und Fassaden und Eingänge mit Spalierobst und Rankpflanzen versehen werden. Die Vorgärten der gesamten Siedlung erhielten wieder einheitliche Zaunanlagen und zum Teil auch eine denkmalgerechte Bepflanzung.

Auf der Grundlage des gartendenkmalpflegerischen Gutachtens und eines entsprechenden Merkblattes für die Genossenschaftler wird kontinuierlich versucht, den Nutzgartencharakter der Gärten zu erhalten beziehungsweise durch Entfernen von störenden Koniferen und Einbringen historischer Obstsorten schrittweise wiederherzustellen.

In der Lindenhof-Siedlung gelang es durch eine vertrauensvolle Zusammenarbeit mit der Genossenschaft GEWO-Süd, wesentliche Gestaltungen von Leberecht Migge zu restaurieren. So konnte die aus einem ehemaligen natürlichen Pfuhl geformte, in den neunziger Jahren verwahrloste Teichanlage mit ihren strengen Rasenböschungen, Baumreihen aus Trauerweiden und einer mit Natursteinmauern und -treppen ausgestatteten Badestelle denkmalgerecht saniert werden. Ein Quartiersplatz

wurde instandgesetzt, die erhaltenen Zaunanlagen zahlreicher Gärten saniert, Koniferen entnommen und der ursprüngliche Nutzgartencharakter gestärkt.

Im Quartier der Siemensstadt zwischen Charlottenburg und Spandau spannt sich der Bogen der Siedlungstätigkeit von den Werkssiedlungen Siemensstadt (1921–30) und Heimat (1929–31) über die Großsiedlung Siemensstadt bis zur Siedlung Charlottenburg-Nord der fünfziger Jahre. Die Siemens-Wohnungsgesellschaft mbH erstellte in Abstimmung mit der Gartendenkmalpflege ein gartendenkmalpflegerisches Gutachten für die vom Siemens-Haus-Architekten Hans Hertlein gebaute Werkssiedlung Siemensstadt und setzte dies im Abschnitt der Harriesstrasse mit dem Brunnenplatz um, noch bevor sie die Siedlung verkaufte. Die vorzüglich erhaltene Siedlung besticht durch ihren malerischen Charakter, der im Zusammenspiel von Architektur, figürlicher Kunst und Gartenkunst entsteht, und zusammen mit dem erhaltenen Altbaumbestand der Jungfernheide den Eindruck einer gewachsenen Waldsiedlung vermittelt. Die weitgehend erhaltenen Hecken der Vor- und Nutzgärten unterstreichen dieses einheitliche Bild.

Die Architekten Hans Scharoun, Walter Gropius, Hugo Häring und andere bauten bis 1931 unter der Gesamtleitung von Martin Wagner die Großsiedlung Siemensstadt (Ringsiedlung). Auch diese Siedlung ist Kandidat des Welterbeantrags. Die Freiraumkonzeption lag in den Händen von Leberecht Migge, der das städtebaulich-architektonische Konzept durch seine Gestaltung stützte und ergänzte. Wichtige Prinzipien waren die Erhaltung des durch Bodenmodellierung geschickt einbezogenen Altbaumbestandes im ehemaligen Jungfernheidegebiet sowie die rhythmische Gliederung der Straßen und Plätze durch Gruppen und Solitäre von Säulenpappeln. Diese ehemals charakteristischen Pappelpflanzungen sind nur noch in wenigen Resten vorhanden und müssen mittelfristig unbedingt wiederhergestellt werden. Weitere Ziele sind die Betonung der ehemals großzügigen, heute durch Einbauten und Pflanzungen gestörten Parkaue mit Spielrichtungen im Zentrum der Anlage und die Pflanzung von Stauden, Sträuchern und Hecken an den Eingangsseiten. Besondere Sorgfalt wurde auch bei der Konzeption der Müllstandorte angewandt. Migge entwarf Müllhäuschen mit Wand- und Dachbegrünung aus Sonnenblumen und Kapuzinerkresse, die im Bauabschnitt Häring tatsächlich so realisiert wurden und bis heute, allerdings ohne Dachbegrünung, erhalten sind. Im Abschnitt Henning entschied man sich für eine abgesenkte Variante, welche die Durchsichtigkeit der parkartigen fließenden Grünräume sicherstellte. Bei künftigen Erhaltungs- und Entwicklungsmaßnahmen ist auf die denkmalgerechte Behandlung dieser Elemente einschließlich der Wiederherstellung der Dachbegrünung besonderer Wert zu legen. Ein im Auftrag der Gartendenkmalpflege 2003 erarbei-

крыш. В 2003-м году по заданию Службы по охране памятников садово-паркового искусства была тщательно собрана и проанализирована информация о насаждениях, о материалах покрытия дорог и отделки, что дало затем возможность разработать концепцию развития, постепенная реализация которого должна успешно происходить в течение следующих десяти лет при поддержке Службы по охране памятников.

Жилое поселение Карл Легиен (Carl Legien), спроектированное Бруно Таутом, возникло в период с 1928-го по 1930-й годы в районе Пенцлауер Берг (Prenzlauer Berg), Берлин. Это поселение — средоточие выдающихся культурных и природных объектов, являющихся достоянием всего человечества. Поселение состоит из шести парных, расположенных друг напротив друга открытых дворов. Именно в этом проекте Таут большое внимание

тетес Parkpflegewerk hat alle Bestände der Pflanzungen, Wegematerialien und Ausstattungen akribisch erfasst, bewertet und ein Entwicklungskonzept erarbeitet, dessen schrittweise Umsetzung durch die Wohnungsbaugesellschaft in den nächsten Jahren mit Unterstützung des Landesdenkmalamtes hoffentlich gelingen wird.

Die Siedlung Carl Legien von Bruno Taut, auch Welterbekandidat, entstand 1928 bis 1930 im Stadtteil Prenzlauer Berg. Sie besteht aus sechs jeweils paarweise gegenüberliegenden, einseitig geöffneten, großzügigen Höfen, an denen die Hauptwohnräume liegen. Gerade bei dieser Siedlung war Taut der gemeinschaftliche Außenwohnraum von zentraler Bedeutung, der Ende der neunziger Jahre in besonders starker Weise entsteht, aber noch nachvollziehbar war. Die Analyse der Freiraumentwicklung zeigte seit der Zeit des Zweiten Weltkrieges einen schleichenden Niedergang der ehemaligen Freiraumqualität. Bis in die neunziger Jahre konterkarierten mangelnde Pflege, fehlerhafte Nachpflanzungen, Verwilderung, Vermüllung und Auffassung der in der Kriegs- und Nachkriegszeit entstandenen Mietergärten die ursprüngliche Intention von Bruno Taut, der großzügige, offene, von allen Mietern gemeinschaftlich nutzbare grüne Höfe mit gezielten Baumpflanzungen beabsichtigte – im Inneren der Höfe mit Weiden, an den

Kopfbauten zur Erich-Weinert-Strasse mit Robinien.

Gemäß dem abgestimmten Wiederherstellungsentwurf wurden bis 2004 frühere Sichtbeziehungen zwischen den Höfen an der Erich-Weinert-Straße durch Herausnahme von Aufwuchs wiederhergestellt und flächendeckend, entsprechend der ursprünglichen Situation, fehlende Bäume, Hecken und Stauden nachgepflanzt. Die Mietergärten wurden neu geordnet und ungenutzte und verwahrloste Teilstücke zu gemeinschaftlich nutzbaren Rasen- und Spielflächen zusammengefasst. Die Wege wurden mit den Originalmaterialien wie Gussasphalt und Bernburger Kalksteinmosaik instand gesetzt, die Müllplätze überwiegend an den Originalstandorten erweitert und die Spielbereiche neu geordnet. Durch den Altbaubestand wirkt die Anlage stark durchgrünt und präsentiert sich im Hinblick auf den Welterbeantrag wieder in einem weitgehend denkmalgerechten Zustand.

Zwischenbilanz

Bei als Gartendenkmal oder als Gesamtanlage geschützten Siedlungsflächen erfolgt mittlerweile die Planung und Durchführung von Maßnahmen in aller Regel unter Einbeziehung der Gartendenkmalpflege

Ерих-Вайнерт-Штрассе, поселение Карл Легиен, 1928—1930 годы, фотограф Бруно Таут

Erich-Weinert-Straße, Wohnstadt Carl Legien, 1928-30 von Bruno Taut

уделил общему внешнему виду жилых зданий. К сожалению, к концу 1990-х годов эта задумка была значительно искажена, но это и понятно. Анализ развития поселения дал детальное объяснение этому процессу. Причинами искажения изначальной задумки архитектора были недостаточный уход, неверно спланированные дополнительные насаждения, запущенность, загрязнение и заброшенность садов, но, тем не менее, еще в конце 1990-х годов можно было угадать черты изначальной идеи архитектора. Конечно же, все эти факторы человеческой деятельности совсем не соответствовали проектам Бруно Таута, видевшего район с разбитыми и тщательно распланированными садами, открытыми для посещения всеми жителями, с вербами во дворах и белыми акациями вдоль Эрих-Вайнерт-штрассе (Erich-Weinert-Strasse).

Согласно принятому решению, до 2004-го года внешний вид дворов улицы Эрих-Вайнерт-штрассе (Erich-Weinert-Straße) был изменен, а ввиду невозможности повторной посадки деревьев, на их месте были засажены кустарники. Арендные сады были снова приведены в порядок, а на ненужных или окончательно запущенных участках были обустроены игровые площадки или лужайки. При строительстве дорог были использованы оригинальные материалы: литой асфальт, известняк; места сбора мусора остались на прежнем месте, детские площадки были построены заново. Благодаря продуманной концепции посадки деревьев весь массив поражает своими насаждениями и вполне заслуживает статуса мировой ценности.

Любое проведение планировочных мероприятий или реконструкций отдельных садовых памятников или целых садово-парковых ансамблей всегда проводится при согласовании данных работ со Службой по охране памятников и местными учреждениями, относящимися к данной сфере деятельности. При этом, для принятия окончательного решения в отношении будущих изменений, Служба по охране памятников, как правило, требует предоставить подробную, детальную информацию о характере будущих работ.

Другие многочисленные жилые массивы, созданные в 1920—1930-х годах и представляющие ценность для истории архитектуры, или уже восстановлены, или же для них разрабатываются проекты на основании собранных данных. К ним можно отнести, например, жилые массивы DEGEWO и GSW западнее Пренцлауер-алле (Prenzlauer Allee) в районе Пренцлауер Берг (Prenzlauer Berg), или массивы, находящиеся под протекцией общества S.T.E.R.N. в Берлин-Панкове (Berlin-Pankow) район Киссинген (Kissingenviertel). Среди таких объектов

находятся также Танненгоф (Tannenhof), Биркенгоф (Birkenhof) и Кастаниенгоф (Kastanienhof), которые по сравнению с другими подобными проектами 1920-х годов имеют разработанную форму дворов. Для таких объектов как садовый поселок Штаакен (Staaken), поселение Хуфайзен-зидлунг (Hufeisensiedlung), Шиллерпарк (Schillerpark) и Вайсе Штадт (Weiße Stadt) еще предстоит подготовить необходимую документацию и утверждения.

Подводя итог, можно сказать, что работа Службы по охране памятников направлена на сотрудничество с владельцами, на контроль соблюдения основной строительной концепции, на стимулирование в рамках своих ограниченных возможностей восстановительных работ и мероприятий по уходу за памятниками. Это становится особенно важным в свете частичной приватизации объектов, за соблюдение исторического статуса которых приходится бороться с огромным количеством различных частных владельцев.

При этом функцией органов Службы по охране памятников является осуществление контроля и проведение восстановительных работ, которые выполняются согласно утвержденным планам и решениям. Одной из функций данных органов управления также является организация собраний и проведение совместных консультаций между владельцами, арендаторами, инженерами и представителями административных органов, установление контактов с общественностью. Только так можно сохранить не только архитектурное, но и садово-парковое наследие 1900—1935-го годов в наступившем XXI веке.

Сохранение аутентичного вида садово-парковых ансамблей 1920—1930-х годов важно также и с точки зрения улучшения состояния прилегающих жилых массивов, которые не находятся под защитой Службы по охране памятников. Здесь также следует уделить должное внимание разработке оригинальных идей, а не опрометчиво хвататься за дорогостоящие проекты, предлагающие использовать в работе сиюминутные модные тенденции.

mit den bezirklichen Denkmalschutzbehörden. Es gilt inzwischen als Standard, dass vor Beginn der Planungen ausreichende Recherchen und Bestandsaufnahmen erfolgen, um die Entscheidungen der Gartendenkmalpflege auf gesicherte Grundlagen zu stellen.

Zahlreiche weitere Siedlungen der 1920er und 1930er Jahre wurden ebenfalls in ihren Freiräumen denkmalgerecht instand gesetzt oder befinden sich auf der Grundlage von gartenhistorischen Recherchen, Bestandsaufnahmen und mit der Gartendenkmalpflege abgestimmten Entwurfs- und Ausführungsplänen in Bearbeitung, beispielsweise die Siedlungen der DEGEWO und GSW westlich der Prenzlauer Allee im Bezirk Prenzlauer Berg sowie durch die Gesellschaft S.T.E.R.N. betreute Siedlungen in Berlin-Pankow (Kissingenviertel). Darunter sind auch die Anlagen Tannenhof, Birkenhof und Kastanienhof, die entgegen den meisten anderen Siedlungen der zwanziger Jahre eine landschaftliche Gestaltung der Höfe vorsehen. Für weitere Siedlungen wie zum Beispiel die Gartenstadt Staaken, die Hufeisensiedlung sowie die Siedlungen Schillerpark und Weiße Stadt liegen gartendenkmalpflegerische Untersuchungen vor, die allerdings nur schrittweise umgesetzt werden.

Insgesamt arbeitet die Gartendenkmalpflege mit den Eigentümern verstärkt auf Denkmalpflegepläne als Leitkonzeptionen für kurz- und langfristige Instandsetzungs- und Pflegearbeiten hin und fördert diese im Rahmen der begrenzten Möglichkeiten. Diese Konzepte sind besonders wichtig im Hinblick auf zum Teil erfolgte oder beabsichtigte Privatisierungen von Objekten, welche die Gartendenkmalpflege oft mit einer Vielzahl unterschiedlicher Eigentümer und Ansprüche konfrontiert, gerade auch bei Reihenhaussiedlungen.

Daneben bleibt die fachbehördliche Prüfung und Begleitung sowie gegebenenfalls Förderung konkreter Instandsetzungs- und Wiederherstellungsmaßnahmen auf der Grundlage von Entwicklungs- und Bestandsdokumentationen sowie abgestimmter Entwurfs- und Ausführungspläne. Hinzu kommen die Beratung von Eigentümern, Mietern, Fachplanern und Behörden sowie die Öffentlichkeitsarbeit, zum Beispiel durch Merkblätter. Nur so wird es möglich sein, nicht nur das bedeutende architektonische, sondern auch das gartenhistorische Erbe der Siedlungstätigkeit zwischen 1900 und 1935 auch im 21. Jahrhundert zu bewahren.

Die Bewahrung möglichst authentischer Freiraumgestaltungen der 1920/30er Jahre ist sehr wichtig als Maßstab für die breite Aufgabe der Wohnungsumfeldverbesserung in nicht denkmalgeschützten Siedlungen. Auch hier sollte man zunächst den Bestand und die ursprünglichen Ideen erforschen und nicht vorschnell bewährte Gestaltungsprinzipien über Bord werfen und möglicherweise kurzlebigen und teuren modischen Trends erliegen.

**Клаудиа Темплин,
Берлинское товарищество по
строительству и использованию
жилья 1892 года.**

**Claudia Templin,
Berliner Bau- und
Wohnungsgenossenschaft
von 1892 eG**

МОЙ ДОМ — ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ?

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И СДАЧА В НАЕМ ЖИЛЫХ ДОМОВ 1920-Х ГОДОВ

Wohnen im Welterbe? Sanierung und Vermietung denkmalgeschützter Siedlungen der 1920er Jahre

Некоторые компании специализируются на содержании и санации недвижимости, а также сдаче в аренду жилья. На этом основании я рада познакомить вас с работой Берлинского товарищества по строительству и использованию жилья 1892 года.

Товарищество было основано 9 марта 1892 года. В настоящее время в организации числится приблизительно 10 400 членов и около 6 200 квартир, расположенных в 21 маленьком и большом микрорайонах Берлина и в двух микрорайонах Бранденбурга (более подробную информацию можно найти на сайте www.bbwo1892.de).

Восемь наших микрорайонов с приблизительно 3600 квартирами находятся под программой охраны памятников. Это и отдельные памятники, и архитектурные ансамбли, и парки и сады.

Я бы хотела представить вам два микрорайона, являющихся кандидатами на внесение в Фонд Всемирного Наследия ЮНЕСКО: микрорайон Шиллерпарк в районе Вединг (Wedding) с приблизительно 590 квартирами и город-сад Фалькенберг (Gartenstadt Falkenberg) на юге Берлина в районе Грюнау (Grünau) с 134 квартирами.

Эти микрорайоны постепенно ремонтировались в период 1985-2002 гг. Совместно с архитекторами бюро «Brenne Gesellschaft von Architekten» был проведен анализ на прочность и разработана концепция по сохранению памятников. Также был разработан и согласован с ведомствами по охране памятников каталог необходимых строительных мероприятий. Проводились собрания жильцов для разъяснения и согласования с ними разработанных мероприятий. Эти согла-

**Город-сад Фалькенберг, 1913-1915 гг.,
архитектор Бруно Таут**

**Gartenstadt Falkenberg,
1913-15 von Bruno Taut**

Микрорайон Шиллер-парк, 1924-1930 гг., архитекторы Бруно Таут и Франц Хоффман

Schillerpark-Siedlung, 1924-30 von Bruno Taut und Franz Hoffmann

сования необходимы на основании жилищного права. Мы хотели согласовать с жильцами, как быть с формированием новых форм, например, застеклением лоджий, деревянными пристройками, заделыванием окон (демонтаж или сохранение). По всем этим вопросам мы тесно сотрудничали с ведомствами по охране памятников. Строительные мероприятия проводились под наблюдением представителя, уполномоченного жильцами каждого конкретного микрорайона. Есть также контактное лицо среди жильцов, с которым можно быстро связаться и разрешить мелкие вопросы, например, согласование сроков со строителями. В товариществе предусмотрено членство в виде комиссий и районных комитетов. О незначительных мероприятиях, например, ремонте лестничной клетки, информируется районный комитет, с которым такие мероприятия и согласовываются.

Für eine Genossenschaft gehören die Instandhaltung und Sanierung der Liegenschaften sowie die Vermietung ihrer Wohnungen zum Kerngeschäft. Aus diesem Grund freue ich mich, Ihnen einen Einblick in die Arbeit der Berliner Bau- und Wohnungsgenossenschaft von 1892 geben zu können.

Die Genossenschaft wurde am 9. März 1892 gegründet. Sie hat zur Zeit ca. 10.400 Mitglieder und ungefähr 6.200 Wohnungen. Diese verteilen sich auf 21 größere und kleinere Siedlungen in Berlin und zwei Siedlungen in Brandenburg (weitere Informationen unter www.bbwo1892.de).

Acht unserer Siedlungen mit ca 3600 Wohnungen stehen unter Denkmalschutz. Es sind sowohl Einzeldenkmale, Ensembles, Gesamtanlagen als auch Gartendenkmale.

Ich möchte Ihnen zwei Siedlungen vorstellen, die Kandidaten für das Unesco Welterbe sind: Die Siedlung Schillerpark im Wedding mit ca 590 Wohnungen und die Gartenstadt Falkenberg im Süden von Berlin, in Grünau, mit 134 Wohnungen.

Diese Siedlungen wurden zwischen 1985-2002 sukzessiv instand gesetzt. In Zusammenarbeit mit Brenne Architekten

wurde eine Bestandsanalyse durchgeführt und ein denkmalpflegerisches Konzept erstellt. Der für die Baumaßnahmen notwendige Maßnahmenkatalog wurde in enger Abstimmung mit den Denkmalschutzbehörden erarbeitet. Es folgten Bewohnerversammlungen mit Erläuterung der Maßnahmen und Abstimmung mit Bewohnern. Diese Abstimmungen sind auch aufgrund der mietrechtlichen Situation erforderlich. Wir wollten im Einverständnis mit den Bewohnern klären, wie mit Überformungen, z.B. Verglasung von Loggien, Holzanbauten, Schließen von Fenstern umzugehen ist (Rückbau versus Bestandsschutz). Auch hier arbeiteten wir eng mit den Denkmalbehörden zusammen. Die Baumaßnahmen wurden mit einem Betreuer der Bewohner vor Ort durchgeführt. Die Bewohner haben so immer einen Ansprechpartner, kleine Probleme, z.B. Terminabstimmungen mit Handwerkern, konnten schnell gelöst werden. In der Genossenschaft gibt es eine Mitgliederbeteiligung in Form von Beiräten und Siedlungsausschüssen. Kleinere Maßnahmen, wie z.B. eine Treppenhauseinstandsetzung werden dem Siedlungsausschuss vorgestellt und mit ihm abgestimmt.

План квартиры для группы совместно проживающих пожилых людей в микрорайоне Шиллерпарк

Grundriss einer Altenwohngemeinschaft in der Schillerpark-Siedlung

Сдача жилья в аренду является для нас «жизненно важным» шагом. Поэтому необходимо следить за рынком жилья и регулярно контролировать, как мы можем сделать предлагаемый нами продукт — квартиры в товариществе — более привлекательным для заинтересованных лиц.

Состояние квартиры играет важную роль. Мы делаем ставку на современные ванные, новейшее электрическое и бытовое оборудование (последнее слово в экономии энергии), абстрактные полы и никаких грубых волокон. Сюда также относятся ухоженная лестничная клетка и порядок в здании. Для арендаторов имеет большое значение, чтобы планировка соответствовала современной жизненной ситуации, а арендная плата была соразмерна условиям и расположению в Берлине.

Является здание памятником архитектуры или нет, к сожалению, не всегда определяет возможность сдачи его в аренду. Старожилы смотрят на это по-другому, они гордятся СВОИМ микрорайоном, охраняемым как памятник архитектуры, и охотно передают эту гордость «новичкам» микрорайона.

В связи с демографическими изменениями, у нас возникает желание иметь «много маленьких членов товарищества» и способствовать этому через объединение маленьких квартир в квартиры для целой семьи. И это также возможно в зданиях, находящихся под программой охраны памятников.

Товарищество оказывает не только моральную, но и финансовую поддержку для решения проблем физически ограниченных жильцов. Например, в одном из зданий, охраняемом как памятник архитектуры, осуществили установку лестничного подъемника для женщины, передвигающейся в инвалидной коляске. После долгих согласований со Стройнадзором

параметров ширины запасного выхода с лестничной клетки, строительство лестничного подъемника, в конечном итоге, было разрешено.

Мы также содействуем физически ограниченными жильцам, поддерживая другие строительные мероприятия, например, создание доступа к балкону на высоком первом этаже по небольшой лестнице.

Жить в объекте мирового наследия. В Шиллерпарке товарищество в сотрудничестве с Зарегистрированным Союзом «Объединение в поддержку пожизненных кооперативных квартир (Общество содействия)» и компанией AWO разработало проект жилья для старожил. Старые, нуждающиеся в уходе люди из микрорайона, не имеют необходимости доживать последние годы в другом окружении и могут оставаться в своем районе.

Таков небольшой обзор того, что мы считаем своим мировым наследием и культурным достоянием. Хочу подчеркнуть, что Берлинское товарищество по строительству и использованию жилья 1892 года уважительно относится к памятникам, но при этом учитывает потребности своих членов и находит достойные решения актуальным проблемам.

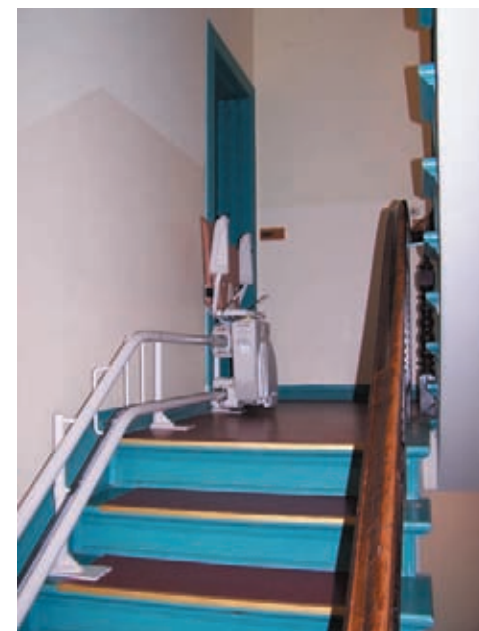
Die Vermietung von Wohnungen ist für uns „überlebenswichtig“. Es ist daher notwendig den Wohnungsmarkt zu beobachten und regelmäßig zu überprüfen wie wir unser Produkt - Wohnen in der Genossenschaft - noch attraktiver für Interessenten machen können.

Der Zustand der Wohnung ist wichtig. Wir legen Wert auf ein zeitgemäßes Bad, moderne elektrische und haustechnische Anlagen (Stichwort Energieeinsparung), abgezogene Dielen, keine Rauhfaser. Ein gepflegtes Treppenhaus und Wohnanlage zählen auch dazu. Es ist für Mieter von großer Bedeutung, dass der Grundriss der derzeitigen Lebenssituation entspricht, die Miethöhe angemessen ist und die Lage in Berlin stimmt.

Ob ein Gebäude ein Denkmal ist oder nicht, ist leider nicht immer ausschlaggebend für die Vermietung. Langjährige Bewohner sehen das anders, sie sind stolz auf „IHRE“ denkmalgeschützte Siedlung und vermitteln dieses Stolz auch gern den „Neuen“ in der Siedlung.

Лестничный подъемник в микрорайоне Шиллерпарк

Treppenlift in der Schillerpark-Siedlung

**Новый доступ к
балкону**

**Neuer Zugang über den
Balkon**

Mit Blick auf den demographischen Wandel haben wir den Wunsch nach „vielen kleinen Genossenschaftsmitgliedern“ und fördern das durch Zusammenlegungen von kleinen Wohnungen zu familiengerechten Wohnungen. Auch das ist auch in einer denkmalgeschützten Anlage möglich.

Die Genossenschaft unterstützt nicht nur ideell, sondern auch finanziell die Hilfe zur Selbsthilfe. Zum Beispiel den Einbau eines Treppenlifters für eine Rollstuhlfahrerin in einem denkmalgeschützten Gebäude. Nach längeren Diskussionen mit der Bauaufsicht wegen der Fluchtwegbreite im Treppenhaus konnte der Treppenlift schließlich eingebaut werden.

Hilfe zur Selbsthilfe geben wir auch durch Unterstützung bei anderen baulichen Maßnahmen, wie der Schaffung eines Zugangs zum Balkon im Hochparterre über eine kleine Treppe.

Wohnen im Welterbe. - Im Schillerpark hat die 1892 in Kooperation mit dem Verein zur Förderung des lebenslangen genossenschaftlichen Wohnens e.V. (Förderverein) und der AWO ein Altenwohnprojekt entwickelt. Alte, pflegbedürftige Menschen aus der Siedlung müssen in ihren letzten Jahren nicht in einer völlig anderen Umgebung leben, sondern können in ihrer Siedlung bleiben.

Soweit der kleine Überblick über die Art, wie wir mit unserem Welterbe und den anderen Denkmälern umgehen. Ich finde er zeigt, dass die Berliner Bau- und Wohnungsgenossenschaft von 1892 ihre Denkmale mit Respekt behandelt, aber trotz aller Ehrfurcht die Bedürfnisse der Mitglieder berücksichtigt und gute Lösungen für die anstehende Probleme findet.

Подъемная платформа, проход для физически ограниченных граждан в микрорайоне Шиллерпарк

Hebeplattform, Zugang für Behinderte in der Schillerpark-Siedlung

Анке Заливако,
архитектор (Технический
Университет – Берлин)

Anke Zalivako,
Architektin (TU Berlin)

ВЗАИМНЫЕ ВЛИЯНИЯ В ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ XX СТОЛЕТИЯ

Architekturhistorische Wechselwirkungen im 20. Jahrhundert

В двадцатые годы культурные отношения между странами были разносторонними. В Европе показывались русские фильмы и театральные постановки, устраивались выставки и публиковались литературные произведения. На момент возникновения модернизма ведущая роль в архитектуре – в общем для них стиле авангардизма – принадлежала художникам России и Германии, между которыми существовал тесный обмен опытом. В 1922 году Василий Кандинский был приглашен в недавно основанную высшую школу строительства и художественного конструирования «Баухауз» (Bauhaus) в Веймаре. Эль Лисицкий также играл важную роль как посредник между художниками обеих стран. Вместе с Ильей Эренбургом он в 1923 году издал в Берлине газету «Вещь» („Weschtsch-Gegenstand“) и был тесно связан с Баухаузом, где в 1926 году состоялась выставка Лисицкого. По сей день архитектура направления «Новое Строительство» вместе с архитектурой русского конструктивизма считается важной составной частью специфических

Заголовок газеты
„Das neue Frankfurt“ 9/
1930: Немцы строят в
Советском Союзе

Titelblatt von „Das
neue Frankfurt“ 9/1930:
Deutsche bauen in der
Sowjetunion

Визит представителей
Баухауза в Советский
Союз. Групповое фото
с русскими коллега-
ми: Гунта Штёлц (в
центре), Арии Шарон
(сзади 3-й справа),
Петер Бюкинг (слева),
12 мая 1928 года

Bauhäusler zu Besuch
in der Sowjetunion.
Gruppenfoto mit rus-
sischen Kollegen: Gunta
Stölzl (vorn Mitte), Arie
Sharon (hinten 3.v.r.), Pe-
ter Bücking (vorn links),
12.Mai 1928

немецко-русских культурных отношений, на которых основывается интерес к сохранившейся до наших дней архитектуре русского авангарда.

На фоне экономической безысходности в своей стране Россия после революции со своими архитекторами «нового строительства» считалась страной будущего, у которой есть все шансы реализовать социальную утопию о лучшей жизни для широких масс. Интерес к культурному обмену поддерживался благодаря экономическим интересам советского правительства в ускоренном построении промышленности. Прежде всего, необхо-

Вährend der zwanziger Jahre waren die kulturellen Beziehungen zwischen den Ländern vielfältig. Russische Filme und Theaterstücke wurden in Europa gezeigt; Ausstellungen veranstaltet und Literatur veröffentlicht. Bei der Entstehung der „Moderne“ in der Architektur übernahmen besonders die Künstler Russlands und Deutschlands als „Avantgarde“ gemeinsam und in engem Austausch eine führende Rolle. 1922 wurde Wassily Kandinsky an das neu gegründete Bauhaus in Weimar berufen. Eine bedeutende Rolle spielte auch El Lissitzky als Mittler zwischen den Künstlern beider Länder. Gemeinsam mit Ilya Ehrenburg gab er 1923 in Berlin die Zeitschrift „Weschtsch –Gegenstand“ heraus und hatte enge Beziehungen zum Bauhaus, wo 1926 eine Lissitzky-Ausstellung stattfand. Bis heute gilt die Architektur der Bewegung des „Neuen Bauens“ zusammen mit der Architektur des „Russischen Konstruktivismus“ als ein wichtiger Bestandteil der spezifisch deutsch-russischen Kulturbeziehungen, worin sich unser großes Interesse an der bis heute erhalten gebliebenen Architektur

димо было экономическое обоснование, чтобы наряду с социальными стремлениями помочь в строительстве молодого Советского Союза. Немецкие архитекторы поощряли выезд за рубеж и тем самым дали стимул для интернационализации направления Нового Строительства. Конкретные результаты мирового экономического кризиса проявились в Германии, как и в остальной Европе, к концу двадцатых или началу тридцатых годов. Девяносто процентов архитекторов оказались без работы. Из источников того времени можно узнать, что только из Франции подали заявления на работу в Советском Союзе 1400 архитекторов. Что касается архитектуры, то и здесь во всем мире в 20-е годы наблюдался существенный спад!

С сегодняшней точки зрения, в строительном секторе в 20-е годы с началом движения «Новое Строительство» за короткий период времени произошла революция в веками установленных традициях, которая заложила основы наших современных строительных технологий, включающих разнообразные материалы и методы строительства. Поэтому эпоха раннего модернизма, несмотря на краткий период своего расцвета — до 1932 года — имеет огромное значение в международной истории архитектуры и культуры с точки зрения понимания сегодняшней современной архитектуры.

Отправной точкой для этого стала специфическая экономическая и общественная ситуация после революции в России или после Первой Мировой Войны в Европе, когда была создана благоприятная среда для новаторства в архитектуре. Тяжелые экономические обстоятельства, нищета городов, отмеченная в годы войны безнадежностью почти во всех странах Европы, а особенно в Германии и в истерзанном Гражданской Войной молодом Советском Союзе, заставили находить рациональные подходы в строительном деле и спровоцировали первое проявление индустриализации и стандартизации в строительстве. Адаптивные методы возникали одновременно и параллельно во многих странах. Изобретение новых, дешевых строительных материалов, рациональных методов производства, серийное производство и т.д. стало центральным вопросом в работе Баухауза, а также немецкого Имперского Научно-Исследовательского Общества Рентабельности Строительного и Жилищного Дела, которое было основано в 1927 году немецким правительством с целью стимулирования исследований в строительном секторе. Аналогичные эксперименты в области планирования и производства проводились также и в Советском Союзе в рамках государственного экспериментального строительства.

С российской стороны жилищное строительство и строительство микрорайонов, которыми в Германии занимались Бруно Таут, Отто Хеслер, Вальтер Гропиус и

Современные строительные материалы: торфолеум и шлакобетонный камень из района Тёртен в Дессау.

Baumaterialien der modernen Bewegung: Torfoleum und Schlackenbetonstein aus der Siedlung Törten bei Dessau.

Эрнст Май, вызывало особенный интерес, и не только в техническом и функциональном, но и в социальном аспекте. Решение жилищного вопроса было центральной темой при обмене опытом. Когда Народный Комиссар по вопросам образования Анатолий Луначарский под руководством Бруно Таута осматривал микрорайон Хуфайзен (Hufeisensiedlung) в районе Бритц (Britz), он сказал: «Это построенный социализм». Бруно Таут играл важную роль посредника в отношениях между Германией и Россией. Я обращаю ваше внимание на исследование Барбары Крайс, посвященное Бруно Тауту и Москве. Именно об этом ее новая книга. Бруно Таут быстро установил дружеские отношения с Москвой. Он был искренне, до наивности в восторге от идеи помочь в строительстве нового, социального общества. После восьмидневного пребывания в Москве в 1926 году он описывает Москву «как давно любимый русский город, непринужденность и красочность построек которого не имеет ничего общего с симметрией и прямыми линиями Запада».

В 1929 году Таут занимается проектом нового московского Театра Профсоюзов. Вместе с Таутом были также приглашены А.В. Щусев, Константин Мельников и Моисей Гинзбург. С директором театра Евгением Любимовым-Ландским у Таута завязались дружеские отношения. Следующим проектом, которым занимается Таут в 1932 году, является жилой дом на углу Большой Димитровки и Страстного буль-

дер русской Avantgarde begründet.

Vor dem Hintergrund der wirtschaftlichen Desolation im eigenen Lande galt Russland nach der Revolution den Architekten des „neuen“ Bauens als das Land der Zukunft mit allen Chancen, die soziale Utopie von einer besseren Zukunft für die breite Masse zu verwirklichen. Das Interesse am Kulturaustausch wurde durch das ökonomische Interesse der sowjetischen Regierung am forcierten Aufbau der Industrie gefördert. Es waren vor allem wirtschaftliche Gründe, die neben den sozialen Ambitionen, beim Aufbau der jungen Sowjetunion mitzuhelfen, die deutschen Architekten zum Aufbruch ins Ausland ermunterten und damit Impulse für eine Internationalisierung des Neuen Bauens gaben. Die Weltwirtschaftskrise zeigte gegen Ende der zwanziger, bzw. zu Beginn der dreißiger Jahre in Deutschland wie im übrigen Westeuropa deutliche Folgen. 90% der Architekten waren ohne Beschäftigung. In den Quellen kann nachgelesen werden, daß sich allein aus Frankreich 1400 Architekten für eine Arbeit in der Sowjetunion bewarben. In Bezug auf die Architektur wurde die Welt in den 1920-er Jahren also um eine gehörige Portion kleiner!

Aus heutiger Sicht erfolgte mit dem Beginn des „Neuen Bauens“ seit Anfang der 1920er Jahre in kürzester Zeit eine Revolutionierung der über Jahrhunderte bestehenden Traditionen im Bausektor, mit der der Grundstein für unsere heutige Bautechnik aus vielfältigen Materialien und Baumethoden gelegt wurde. Deshalb hat die Epoche der frühen Moderne trotz ihrer kurzen Blütezeit bis 1932 für die Entstehung unserer heutigen modernen Architekturauffassung eine enorme Bedeutung in der internationalen Bau- und Kulturgeschichte.

Ausgangspunkt für diese Initialzündung war die spezifische ökonomische und gesellschaftliche Situation nach der russischen Revolution bzw. nach dem 1. Weltkrieg in Europa, die den Nährboden für die innovativen Ansätze in der Architektur bereitete. Die schwierigen ökonomischen Umstände, das Elend der Städte, gezeichnet durch die Trostlosigkeit der Kriegsjahre, in fast allen Ländern Europas aber besonders in Deutschland und in der vom Bürgerkrieg gezeichneten jungen Sowjetunion zwangen geradezu zu rationalen Ansätzen im Bauwesen und provozierten erste Ansätze der Industrialisierung und Standardisierung im Bauwesen. Die entwickelten Methoden entstanden in mehreren Ländern zeitlich parallel. Die Erfindung neuer, billiger Baustoffe, rationeller Fertigungsmethoden, eine Serienherstellung, etc. standen im Mittelpunkt der Bemühungen des Bauhauses, aber auch der deutschen Reichsforschungsgesellschaft für Wirtschaftlichkeit im Bau- und Wohnungswesen e. V., die 1927 von der deutschen Regierung zur Stimulierung von Erfindungen im Bausektor gegründet wurde. Vergleichbare Experimente in der Planung und Fertigung machte man aber auch in der Sowjetunion im Rahmen des staatlichen Experimentalbaus.

вара, а также новостройка того времени — гостиница «Москва».

В 1932 году Бруно Тавт как единственный иностранный консультант становится членом Экспертной Комиссии по разработке плана развития города в целях реконструкции Москвы. Из семи приглашенных групп планирования три находятся под руководством Эрнста Мая, Ханнеса Майера и Курта Майера, которые стараются шаг за шагом реализовать свои проекты генерального плана застройки Москвы, включая в них уже существующие исторические постройки.

Через семь лет Бруно Тавт получает официальное приглашение от Московского Городского Управления принять участие в строительстве города. «Тавт участвовал в большом количестве проектов, однако не реализовал ни одного, все его планы не проходили дальше стадии чертежной доски. Он приехал, желая помочь реализовать новую социальную идею, ... однако это ему так и не удалось. Он смирился с плохими условиями труда, а постоянные, долго не выполняемые обещания властей на разных уровнях глубоко противоречили его жажде деятельности и привычке нести за все личную ответственность».

На примере Бруно Тавта наглядно показана «проблема западного авангарда того времени, когда (...) субъективные ожидания должны были измеряться и применяться к объективным условиям другой общественной или экономической реальности». Высказывание Тавта: «Что хорошо функционирует, выглядит тоже хорошо» — встретило возражение в советской критике функционализма. Там функционализм толковался «как последовательность капиталистических методов рационализации, при которых архитектура лишается своей «живой души, искусства», а о душе человека забывается во все». Как известно, с выходом в апреле 1932 года постановления «О перестройке литературно-художественных организаций» быстро закончилась эпоха авангардизма в архитектуре и началась ориентация на исторический формализм так называемой сталинской архитектуры.

Взаимное влияние двух стран привело к продуктивным отношениям между Баухаузом в Дессау и московскими ВХУТЕМАС (Высшие Художественно-Технические Мастерские). Они основывались на одинаковых подходах обеих школ к педагогическому обучению в первые годы своего существования. Первые контакты произошли в 1927 году, когда студенты ВХУТЕМАС посетили выставку Союза Ремесленных Предприятий в рабочем районе города Штутгарта Вайсенхоф (Weissenhof) и в городе Дессау (Dessau). В 1928 году студенты Баухауза поехали в Москву. Архитектурные и строительные газеты подробно докладывали о состоянии западного строительства. Основанное в 1923 году общество «Друзья Новой России» выпустили, к примеру, газету «Новая Россия», в которой Вальтер Гропиус, Эрнст Май и Бруно Тавт рассказы-

**Фибролитовая
теплоизоляция дома
Наркомфина в Москве**

**Fibrolit-Wärmedäm-
mung am Narkomfin
Haus in Moskau**

Auf russischer Seite fanden der Wohnungs- und Siedlungsbau, wie ihn Bruno Taut; Otto Haesler, Walter Gropius und Ernst May in Deutschland betrieben, ein besonderes Interesse und dies nicht nur wegen der technisch-funktionellen, sondern besonders wegen der sozialen Aspekte. Die Lösung der Wohnungsfrage war ein zentrales Thema des Erfahrungsaustausches. Als der Volkskommissar für Bildungswesen Anatolij Lunacharskij unter Bruno Taut's Führung die Hufeisensiedlung in Britz beschichtig, äußert er, „das ist gebauter Sozialismus.“ Bruno Taut spielte eine bedeutende Mittlerrolle in den Beziehungen Deutschland – Rußland. Ich verweise auf die Forschungen von Barbara Kreis zu Bruno Taut und Moskau. Gerade ist ein neues Buch dazu erschienen. Bruno Taut entwickelte schnell freundschaftliche Beziehungen nach Moskau. Er war geradezu naiv begeistert von der Idee, beim Aufbau der neuen, sozialen Gesellschaft mitzuhelfen. „Nach einem dreiwöchigen Aufenthalt in Moskau 1926 beschreibt er Moskau als die von alters her geliebte Stadt der Russen, deren Unbefangenheit und Farbenfreude im Baulichen keine westlichen Symmetrie- und Gradlinigkeitsbegriffe kenne.“

1929 befaßt sich Taut mit dem Entwurf des neuen Moskauer Gewerkschaftstheaters. Neben Taut waren auch A. V. Schtschushev, Konstantin Melnikov und Mosai Ginzburg aufgefordert. Mit dem Direktor

**Микрорайон „Хижина
Дяди Тома“ в районе
Берлина Целендорф
(Zehlendorf)**

**Siedlung „Onkel-Toms-
Hütte“ in
Berlin-Zehlendorf**

des Theater Evgenij Ljubimov-Landskoi verbanden Taut freundschaftliche Kontakte. Ein weiterer Entwurf, mit dem sich Taut befaßte, ist 1932 das Wohnhaus an der Ecke Bolschaja Dimitrovka – Strastnoi Boulevard und auch der damalige Neubau des Hotel Moskau.

1932 nimmt Bruno Taut als einziger ausländischer Gutachter an der Expertenkommission zur Ausarbeitung des damaligen Stadtentwicklungsplanes zur Rekonstruktion Moskaus teil. Von sieben aufgeforderten Planungsgruppen stehen drei unter der Leitung von Ernst May, Hannes Meyer und Kurt Meyer, die sich bei ihren Entwürfen einer städtebaulichen Leitplanung für Moskau um eine stufenweise Realisierung unter Einbeziehung der historisch vorhandenen Bausubstanz bemühen.

Im selben Jahr erhielt Bruno Taut eine offizielle Einladung von der Moskauer Stadtverwaltung zur Teilnahme am städtischen Baugeschehen. „Taut war an einer Vielzahl von Projekten beteiligt, jedoch wurde keines realisiert; alle seine Entwürfe kommen über das Reißbrettstadium nicht hinaus. Er kam aus sozialem Interesse, um zu helfen..., doch gerade dies gelang ihm nicht. Er resignierte unter den schlechten Arbeitsbedingungen und der Langwierigkeit ständiger Absicherungen innerhalb der hierarchischen Verwaltung, die Taut's persönlichem Tatendrang und seiner Gewohnheit, individuell Verantwortung zu tragen, zutiefst widersprach.“

An Bruno Taut verdeutlicht „sich das Problem der damaligen westlichen Avantgarde, deren (...) subjektive Erwartungen sich messen und anpassen mußten an die objektiven Bedingungen einer anderen gesellschaftlichen und ökonomischen Realität.“ Tauts Ausspruch „was gut funktioniert, sieht auch gut aus“ stieß in der sowjetischen Kritik am Funktionalismus auf Widerspruch. Dort interpretierte „man den Funktionalismus als Konsequenz kapitalistischer Rationalisierungsmethoden, bei der der Architektur ihre „lebendige Seele, die Kunst“ genommen und die Psyche des Menschen vergessen werde.“ Bekannterweise kam es im April 1932 mit dem Dekret über die Gleichschaltung der Künstlerverbände dann ja auch zum schnellen Ende der Avantgarde-Architektur und zur Orientierung auf den historischen Formalismus der so genannten Stalinarchitektur.

Wechselwirkungen verursachten auch die produktiven Beziehungen zwischen dem Dessauer Bauhaus und der Moskauer VCHUTEMAS-Schule. Sie beruhten auf gleichen Bestrebungen beider Schulen in der pädagogischen Ausbildung in den ersten Jahren ihrer Existenz. Die ersten Kontakte fallen in das Jahr 1927, als VCHUTEMAS-Studenten die Werkbundaustellung auf dem Stuttgarter Weissenhof und auch Dessau besuchten. 1928 reisten Studenten des Bauhauses nach Moskau. Ausführlich berichten Architektur- und Bauzeitschriften über den Stand des westlichen Bauens. Die 1923 gegründete „Gesellschaft der Freunde des neuen Rußlands“ gab beispielsweise die

вали о советской архитектуре. И, наоборот, в основанной конструктивистами, в первую очередь Моисеем Гинзбургом, газете «Современная Архитектура» было много публикаций о западных архитекторах. На первую выставку современной архитектуры в 1927 году, организованную объединением „OSA“ (Организация современных архитекторов), было приглашено много немецких архитекторов с их работами.

Летом 1930 года Ханнес Майер на основании своих политических убеждений оставил без предупреждения пост директора Баухауза. Он и семеро студентов Баухауза переселились в Москву и создали там бригаду архитекторов «Ротфронт». Группа Ханнеса Майера, известная в литературе как «Красная Бригада Баухауза», прибыла в Москву в феврале 1931 года, и все ее члены поселились вместе в старом жилом доме на Арбате. Они организовали выставку о Баухаузе в Дессау. На практике они занимались в основном планированием промышленных вузов и разработали типовые проекты для советских государственных программ. Позже Майер расстался с группой, изучил в вузе архитектуру и строительное дело и в 1934 году стал членом Советской Академии Архитектуры. Остальные участники тоже вышли из группы.

Благодаря своему разностороннему опыту в строительстве микрорайонов, Советник по Вопросам Строительства Франкфурта Эрнст Май в 1930 году был приглашен со своей группой планирования в Москву. С ним приехали Март Штамм и Грете Шютте-Лихоцки, изобретательница первого встроенного кухонного оборудования, так называемой «франкфуртской кухни», созданной для местного рабочего района. Задачами группы Эрнста Мая были планирование и возведение нового так называемого «города-спальни» для центра тяжелой промышленности, а также внесение собственного вклада в рационализацию жилищного строительства. Группа Мая разработала генеральные планы застройки и проекты для Магнитогорска, Новокузнецка, Макеевки, Караганды, Автостроя, а также конкурсные проекты для развития города Москвы. Группа просуществовала до 1933 года. С российской стороны над рационализацией советского жилищного строительства в рамках Государственного Экспериментального Строительства работали тогда русские конструктивисты под руководством Моисея Гинзбурга.

Важную роль в эпохе раннего модернизма помимо Бруно Таута сыграл также Эрих Мендельсон. Эрих Мендельсон построил в 1925 году в Ленинграде текстильную фабрику «Красное Знамя». Также он принимал участие в конкурсе проектов Дворца Советов. Как еврейский архитектор своей судьбой он внес в последующие годы значительный вклад в

интернациональность возникающего модернизма. Интернациональность модернизма олицетворяет также Ле Корбюзье, для которого Москва должна была стать первой зарубежной строительной площадкой. Его первое крупномасштабное общественное здание «Центросоюз» находится в Москве.

Парад идей наиболее наглядно виден при параллельном рассмотрении работ Моисея Гинзбурга и Ле Корбюзье. Во время работы над своим проектом здания Центросоюза в Москве Ле Корбюзье познакомился с Моисеем Гинзбургом, который был ненамного старше его и был практически полностью поглощен темой коллективного проживания. Его самый известный проект – полукolleктивный жилой дом для служащих Наркомфина, построенный в Москве в 1928 году по строительной методике заводского изготовления „in situ“ («на месте»). Строительство дома Наркомфина по срокам и методам осуществлялось аналогично строительству района Тёртен (Törten) в Дессау. Ле Корбюзье, несколько десятилетий спустя, на основе впервые воплощенной идеи коллективного начала в жилищном строительстве, а именно на основе пилотного проекта Наркомфина, разработал свою концепцию вертикального города-сада, „ville radieuse“ («лучезарного города»). Прототипом «Машины для жилья» Ле Корбюзье во Франции является, как известно, дом Наркомфина в Москве. Цветовая концепция внутренних помещений принадлежит специалисту из Баухауза Хиннерку Шеперу, который в начале 30-х годов, до того, как закончил Берлинский Технический Университет и стал Главой Службы по Охране Памятников города Берлин, вместе со своим учеником Эрихом Борхардтом работал в Москве в Маярстрое, предприятии, специализирующемся на малярных, стекольных и штукатурных работах.

Пожалуй, ни одно здание эпохи раннего модернизма не демонстрирует так наглядно взаимное влияние архитектуры XX века, как московский коммунальный дом Наркомфина. Будучи совместным производением искусства европейских архитекторов Гинзбурга, Милиниса, Ле Корбюзье и Шепера как представителей Баухауза, он может считаться русско-французско-немецким совместным производством. Уже поэтому он олицетворяет собой идейное развитие раннего модернизма и, несомненно, обладает требуемой со стороны ЮНЕСКО для внесения в Фонд Мирового Культурного Наследия «выдающейся универсальной ценностью». Можно было бы добиться совместными усилиями сохранения его в подлинности для культурного наследия России, а также мирового культурного наследия всего человечества.

Zeitschrift „Das neue Rußland“ heraus, in der Walter Gropius, Ernst May und Bruno Taut über die sowjetische Architektur berichteten. Aber auch umgekehrt finden sich in der von den Konstruktivisten, an erster Stelle Mosei Ginzburg, gegründeten „Sovremennaja Architektura – Zeitgenössische Architektur“ viele Veröffentlichungen der westlichen Architekten. Auf der ersten Ausstellung zur modernen Architektur 1927, die von der Vereinigung „OSA“ (Organisation zeitgenössischer Architekten) organisiert wurde, waren die deutschen Architekten mit ihren Werken umfangreich vertreten.

Im Sommer 1930 wurde Hannes Meyer aufgrund seiner politischen Einstellung aus dem Amt des Bauhausdirektors fristlos entlassen. Mit sieben Bauhausstudenten siedelte er nach Moskau über und bildete dort die Architektenbrigade „Rotfront“. Die Gruppe Hannes Meyer, in der Literatur als „Rote Bauhausbrigade“ bekannt, traf im Februar 1931 in Moskau ein und wohnte gemeinsam in einem Altbau am Moskauer Arbat. Sie organisierten eine Ausstellung über das Bauhaus in Dessau. In der Praxis beschäftigten sie sich vornehmlich mit der Planung von Industriehochschulen und entwickelten Typenprojekte für die staatlichen sowjetischen Programme. Meyer löste sich später von der Gruppe, lehrte an der Hochschule für Architektur und Bauwesen und wurde 1934 Mitglied der Sowjetischen Akademie für Architektur. Auch andere Mitglieder schieden aus.

Aufgrund seiner vielfältigen Erfahrungen im Siedlungsbau wurde 1930 der Frankfurter Stadtbaurat Ernst May mit seiner Planungsgruppe nach Moskau gerufen. Mit ihm kamen Mart Stam und Grete Schütte-Lihotzky, die Erfinderin der ersten Einbauküche, der so genannten „Frankfurter Küche“, für die dortigen Arbeitersiedlungen. Die Aufgaben der Gruppe May waren die Planung und Errichtung neuer Wohnstädte für die Zentren der Schwerindustrie und Beiträge zur Rationalisierung des Wohnungsbaus. Generalbebauungspläne und Entwürfe für Magnitogorsk, Novokuznezsk, Makeevka, Karaganda, Avtostroi sowie einige Wettbewerbsentwürfe für die Stadtentwicklung Moskaus wurden von der Gruppe May erarbeitet. Die Gruppe blieb bis 1933 zusammen. Auf russischer Seite arbeiteten damals vor allem die Russischen Konstruktivisten im Rahmen des Staatlichen Experimentalbaus unter Leitung von Mosei Ginzburg an der Rationalisierung im sowjetischen Wohnungsbau.

Eine bedeutende Rolle in der frühen Moderne spielte außer Bruno Taut auch Erich Mendelsohn. Erich Mendelsohn baute 1925 in Leningrad die Textilfabrik „Krasnoje Znamja – Rote Fahne.“ Auch am Wettbewerb für den Palast der Sowjets nahm er teil. Er trug durch sein Schicksal als jüdischer Architekt in den folgenden Jahren maßgeblich zur Internationalität der entstehenden Moderne bei. Für diese Internationalität steht auch Le Corbusier, für den Moskau einer der ersten ausländischen

1 Сусанне Баумгартнер: Греее Шютте-Лихоцки, Зальцбург, 2004 г., с. 127.

2 Кристиан Шедлих: Баухауз и традиции совместной работы между немецкими и советскими архитекторами. Архитектура ГДР, Берлин, 25 (1976)12, с. 718

3 Барбара Крайс. Отношение Бруно Тавтса к строительству в Советском Союзе и его деятельность в Москве. Бруно Тавт 1880-1938: Выставка в Академии Искусств с 29 июня по 3 августа 1980 г. / [Каталог: Барбара Фолькман]. – Берлин, 1980, с. 108

4 Барбара Крайс: Московские письма 1932-1933 гг., Берлин, 2005 г.

5 Барбара Крайс. Отношение Бруно Тавтса к строительству в Советском Союзе и его деятельность в Москве. Бруно Тавт 1880-1938: Выставка в Академии Искусств с 29 июня по 3 августа 1980 г. / [Каталог: Барбара Фолькман]. – Берлин, 1980, с. 106

6 Членами группы Мая были: Эрнст Май, Март Штамм, Ганс Шмидт, Г. Ляйстиков, Вернер Хебебранд, Греее Шютте-Лихоцки, У. Вольф, В. Шютте, Вальтер Швагеншайдт, А. Винтер, В. Кратц, С. Кольпеницкий., Э. Маутнер, М. Фрюауф, К. Леманн, Х. Буркарт, список приведен в газете «Новый Франкфурт» («Das neue Frankfurt») 1930, Выпуск 9.

7 Членами бригады «Ротфронт» помимо Ханнеса Майера были Рене Менш, Клаус Мойман, Конрад Пюшель, Бела Шеффлер, Филипп Толцинер, Антон Урбан, Тибор Вайнер, список приведен в издании «Научная газета Университета Гумбольдта в Берлине, общественные и лингвистические ряды», 1967, выпуск 3, с. 383-400.

8 Барбара Крайс. Отношение Бруно Тавтса к строительству в Советском Союзе и его деятельность в Москве. Бруно Тавт 1880-1938: Выставка в Академии Искусств с 29 июня по 3 августа 1980 г. / [Каталог: Барбара Фолькман]. – Берлин, 1980, с. 115

9 Там же.

10 Барбара Крайс. Отношение Бруно Тавтса к строительству в Советском Союзе и его деятельность в Москве. Бруно Тавт 1880-1938: Выставка в Академии Искусств с 29 июня по 3 августа 1980 г. / [Каталог: Барбара Фолькман]. – Берлин, 1980, с. 116

11 Постановление ЦК ВКП(б) 23.04.1932 „О перестройке литературно-художественных организаций“.

12 Урбан, Менш, Шиффлер. Тибор Вайнер, Филипп Толцинер и Конрад Пюшель объединились с оставшимися участниками из группы Мая.

13 В состав бригады входили Март Штамм, Эрих Маутнер, Ганс Бургхардт и Вальтер Швагеншайдт в качестве специалистов по городскому планированию. Ганс Шмидт и Вальтер Кратц были ответственными за жилищное строительство, Вернер Хебебранд – за строительство больницы, Вильгельм Шютте – за строительство учебных заведений, а Маргарете Шютте-Лихоцки – за детские учреждения.

14 как и Вальтер Гропиус и Петер Берендс

15 „Центросоюз – Центральный Союз Потребительской Кооперации“, позднее „Наркомлеппром – Народный Комисариат Легкой Промышленности“, сегодня Государственное Управление Статистики, 1926-1936 гг. архитектор Ле Корбюзье при содействии Н.Д. Колли (исполнительное планирование), ул. Мясницкая, 39, Москва.

**Текстильная фабрика
«Красное Знамя»,
Ленинград, 1925 год,
архитектор Эрих Мен-
дельсон, Берлин**

**Textilfabrik „Krasnoje
Znamja – Rote Fahne“,
Leningrad 1925, Arch.
Erich Mendelsohn,
Berlin**

Bauplätze werden sollte. Sein erstes öffentliches Gebäude von großem Maßstab, der „Centrosojuz“, steht in Moskau.

Die Universalität der entstandenen Ideen zeigt sich am besten an der Parallele Mosei Ginzburg und Le Corbusier. Während seines Projektes für das Centrosojuz-Gebäude in Moskau lernte Le Corbusier den um einiges älteren Mosei Ginzburg kennen, der sich dem Thema des kollektiven Wohnens besonders verschrieben hatte. Sein bekanntestes Projekt ist das in Moskau 1928 nach den Bauhausmethoden der Vorfertigung „in situ“ errichtete semikollektive Wohnhaus für die Beamten des Finanzvolkskommissariates „Narkomfin.“ Der Bau des Hauses „Narkomfin“ erfolgte zeitlich und methodologisch analog zum Bau der RFG-Siedlung Törten in Dessau. Le Corbusier entwickelte Jahrzehnte später aus der hier im Pilotprojekt „Narkomfin“ erstmals baulich realisierten Idee von den kollektiven Ansätzen im Wohnungsbau in seinen Konzepten der vertikalen Gartenstadt, der „ville radieuse“, weiter. Der Prototyp für Le Corbusier’s Unites d’Habitation in Frankreich ist bekanntermaßen das Haus „Narkomfin“ in Moskau. Das Farbkonzept für die Innenräume stammt vom Bauhausmeister Hinnerk Scheper, der Anfang der 1930-er Jahre bei „Maljarstroj“, einem Spezialbetrieb für Maler-, Glaser- und Stukkateurarbeiten, zusammen mit seinem Schüler Erich Borchardt in Moskau arbeitete, bevor er an der Technischen Universität Berlin lehrte und Landeskonservator in Berlin wurde.

Wohl kein Gebäude der frühen Moderne veranschaulicht die Wechselwirkungen in der Architektur des 20. Jahrhunderts besser als das Moskauer Narkomfin-Kommunehaus. Als Europäisches Gesamtkunstwerk der Architekten Ginzburg, Milinitsin, Le Corbusier und Scheper als Vertreter des Bauhauses, kann es als eine russisch-französisch-deutsche Koproduktion verstanden werden. Schon deshalb steht es für die Ideengeschichte der frühen Moderne und erfüllt ohne jeden Zweifel den von der UNESCO für eine Eintragung ins Weltkulturerbe

be beispielsweise geforderten „Outstanding Universal Value“. Möge es durch gemeinsame Anstrengungen gelingen, es in seiner Authentizität für das kulturelle Erbe Russlands und im Sinne des Weltkulturerbes der gesamten Menschheit zu erhalten.

1 Susanne Baumgartner: Grete Schütte-Lihotzky, Salzburg 2004, S. 127.

2 Christian Schädlich: Das Bauhaus und die Traditionen der Zusammenarbeit zwischen deutschen und sowjetischen Architekten, in: Architektur der DDR, Berlin, 25 (1976)12, S. 718.

3 Barbara Kreis: Bruno Tauts Verhältnis zum Bauen in der Sowjetunion und seine Tätigkeit in Moskau, in: Bruno Taut 1880 - 1938 : Ausstellung in der Akademie der Künste vom 29. Juni bis 3. August 1980 / [Katalog: Barbara Volkmann]. – Berlin, 1980, S. 108.

4 Barbara Kreis: Moskauer Briefe 1932-33, Berlin 2005.

5 Barbara Kreis: Bruno Tauts Verhältnis zum Bauen in der Sowjetunion und seine Tätigkeit in Moskau, in: Bruno Taut 1880 - 1938 : Ausstellung in der Akademie der Künste vom 29. Juni bis 3. August 1980 / [Katalog: Barbara Volkmann]. – Berlin, 1980, S. 106.

6 Mitglieder der Gruppe May waren: Ernst May, Mart Stam, Hans Schmidt, H. Leistikow, Werner Hebebrand, Grete Schütte-Lihotzky, U. Wolf, W. Schütte, Walter Schwagenscheidt, A. Winter, W. Kratz, S. Kolpenitzky, E. Mauthner, M. Frueauf, K. Lehmann, H. Burkart, aufgeführt in: Das neue Frankfurt 1930, H.9.

7 Mitglieder der Brigade „Rotfront“ waren außer Hannes Meyer, René Mensch, Klaus Meumann, Konrad Püschel, Bela Scheffler, Phillip Tolziner, Anton Urban, Tibor Weiner, aufgeführt in: Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin, gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe 1967, H. 3, S. 383-400.

8 Barbara Kreis: Bruno Tauts Verhältnis zum Bauen in der Sowjetunion und seine Tätigkeit in Moskau, in: Bruno Taut 1880 - 1938 : Ausstellung in der Akademie der Künste vom 29. Juni bis 3. August 1980 / [Katalog: Barbara Volkmann]. – Berlin, 1980, S. 115.

9 Ebd.

10 Barbara Kreis: Bruno Tauts Verhältnis zum Bauen in der Sowjetunion und seine Tätigkeit in Moskau, in: Bruno Taut 1880 - 1938 : Ausstellung in der Akademie der Künste vom 29. Juni bis 3. August 1980 / [Katalog: Barbara Volkmann]. – Berlin, 1980, S. 116.

11 Postanovlenie CK VKP (b) 23.04.1932 „О перестройке литературно – худоџественных организаций“. Verordnung (b) des ZK der Kommunistischen Partei v. 23.04.1932 „über den Umbau der literarisch – künstlerischen Verbände“.

12 Urban, Mensch, Scheffler. Tibor Weiner, Philipp Tolziner und Konrad Püschel taten sich mit Resten der Gruppe Ernst May zusammen.

13 Der Brigade gehörten Mart Stam, Erich Mautner, Hans Burghart und Walter Schwagenscheidt als Stadtplaner an. Hans Schmidt und Walter Kratz waren für den Wohnungsbau, Werner Hebebrand für den Krankenhausbau, Wilhelm Schütte für den Schulbau und Margarete Schütte-Lihotzky, für Kinderanstalten verantwortlich.

14 wie auch Walter Gropius und Peter Behrens

15 „Centrosojuz – Zentralverband der Konsumgenossenschaften“, später „Narkomlepprom – Volkskommissariat für die Leichtindustrie“, heute Staatliches Amt für Statistik, 1926-36, Arch. Le Corbusier mit N. D. Kolli für die Ausführungsplanung, Ulica Mjasnickaja 39. Moskau.

II

ВЫСТАВКА «ЖИЗНЬ ВО ВСЕМИРНОМ НАСЛЕДИИ? РАБОЧИЕ ПОСЕЛКИ 1920-Х ГОДОВ В БЕРЛИНЕ»

**18—30 ИЮНЯ 2008 ГОДА, МОСКВА, БЕЛЫЕ ПАЛАТЫ,
ПРЕЧИСТЕНКА, 1**

**КРУГЛЫЙ СТОЛ . 19 ИЮНЯ 2008 ГОДА, МОСКВА, БЕЛЫЕ
ПАЛАТЫ, ПРЕЧИСТЕНКА, 1**

Ausstellung „Wohnen im Welterbe? Arbeitersiedlungen der 1920er Jahren in Berlin“

**18. –30. Juni 2008, Moskau, Weiße Kammern, Pretschistenka 1
Rundtischgespräch**

19. Juni 2008, Moskau, Weiße Kammern, Pretschistenka 1

Наталья Душкина,
кандидат археологических
наук, профессор Московского
архитектурного института (МАРХИ),
член Федерального научно-
методического совета по охране
архитектурного наследия XX века
Министерства культуры РФ

Natalja Duschkina,
Kandidat der archäologischen
Wissenschaften, der Professor
des Architekturinstitut Moskau
(MARHI), Mitglied des Föderalen
wissenschaftlichen-methodischen
Ratschlages für den Schutz des
architektonischen Erbes des XX.
Jahrhunderts des Ministeriums der
Kultur der Russischen Föderation

СОХРАНЕНИЕ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ XX ВЕКА. ИТОГИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

**Die Erhaltung des architektonischen Erbes des XX. Jahrhunderts.
Die Ergebnisse der letzten Jahre**

Специфика архитектуры XX века поставила перед специалистами всех стран целый ряд типовых проблем. Как сохранить здания, декларирующие ценности нового языка архитектуры, но изначально спроектированные как недолговечные сооружения? Как адаптировать к современным требованиям присутствующую им первоначальную функцию, а, следовательно, сохранить знаменитый лозунг «форма следует функции»? Как должен быть организован реставрационный процесс, если дешевое массовое производство, лежавшее в основе строительства авангарда, сегодня превращается в ручное воспроизводство огромной стоимости, если первый ремонт таких зданий необходимо осуществлять через 25—30 лет после их возведения? Стало очевидно — «новое наследие» требует иной системы оценок, иных приемов в подготовке документации, иной стратегии защиты. Попытки обойтись традиционными методами и материалами иногда приводят к элементарной фальсификации, и примеров этому множество.

История советского архитектурного авангарда 1920—1930-х годов и судьбы его памятников получили широкое освещение в многочисленных исследованиях и монографиях, конференциях и выставках, проходивших как в России, так и за рубежом. Для изучения наследия XX века были созданы научные отделы в российских академических институтах, на кафедрах в высших учебных заведениях. С 1960-х годов велась работа по выявлению и паспортизации памятников авангарда, завершившаяся постановкой их на государственную охрану и включением в официальный реестр наряду с постройками сталинской архитектуры 1930—1950-х годов. Однако этот мер оказалось недостаточно. Об этом свидетельствует неудов-

**Дворец Культуры
завода им. Сталина на
Восточной ул.**

летворительное состояние большинства построек «нового наследия», а также отсутствие в России достаточного опыта по их реставрации. Сооружения русского авангарда, которые традиционно рассматриваются в мире как выдающийся вклад России в историю модернистской архитектуры XX века, на протяжении длительного времени находятся в состоянии деградации. Большинство из них являются официально зарегистрированными памятниками истории и культуры, как правило, «местного» или «регионального» значения, находящимися под охраной государства. И лишь очень немногие обладают «федеральным» статусом, свидетельствующим об их выдающейся общероссийской ценности и позволяющим претендовать на включение в Список Всемирного наследия.

Наиболее значимые сооружения 1920—1930-х годов, сосредоточенные в Москве и являющие собой золотой фонд мирового Современного движения, были поставлены на охрану в 1987-м году и до 2005-го года являлись памятниками самой низшей «местной» категории. Многие из них оказались в запустении, подверглись переделкам, утратили интерьеры и оригинальную фактуру поверхностей, детали. Памятники страдают от атак девелоперов, от посягательств на собственную территорию, от внедрения новых архитектурных проектов. Такие всемирно известные сооружения как дом Наркомфина арх. М.Я. Гинзбурга и И.Ф. Милиниса, дом-коммуна арх. И.С. Николаева, рабочие клубы арх. К.С. Мельникова оказались на грани разрушения. Многие значимые постройки более позднего перио-

Дие Besonderheit der Architektur des XX. Jahrhunderts hat vor den Fachkräften aller Länder die ganze Reihe der typisierten Probleme gestellt. Wie kann man die Gebäude aufsparen, die die Werte der neuen Sprache der Architektur deklarieren, aber von vornherein wie die kurzlebigen Bauten entworfen? Wie kann man den modernen Forderungen die ihnen eigene ursprüngliche Funktion anpassen, und folglich, die berühmte Losung „die Form folgt der Funktion“ aufsparen? Wie der Wiederherstellungsprozess organisiert sein soll, wenn die billige Massenproduktion, die sich den Bau der Avantgarde bildete, in die Handreproduktion des riesigen Wertes heute verwandelt, wenn man die erste Reparatur solcher Gebäude nach 25—30 Jahren nach ihrer Errichtung verwirklichen muss? Es wurde offenbar, dass „das neue Erbe“ anderes Bewertungssystem, andere Aufnahmen in der Vorbereitung der Dokumentation, andere Strategie des Schutzes fordert. Die Versuche, mit den traditionellen Methoden und den Materialien manchmal umzugehen bringen zur elementaren Verfälschung, und dazu gibt es viele Beispiele.

Die Geschichte der sowjetischen architektonischen Avantgarde der 1920—1930er Jahre und des Schicksals ihrer Denkmäler haben die breite Beleuchtung in den zahlreichen Forschungen und den Monografien, Konferenzen und Ausstellungen bekommen, die wie in Russland, als auch im Ausland stattfand. Für die Untersuchung des Erbes des XX. Jahrhunderts waren die wissenschaftlichen Abteilungen in den russischen akademischen Instituten, auf den Lehrstühlen in den Hochschulen geschaffen. Seit den 1960er Jahren wurde die Arbeit an der Aufspürung und dem Paßwesen der Denkmäler der Avantgarde geführt, beendet von ihrer Errichtung auf den staatlichen Schutz und dem Einschluss in die offizielle

да — 1930—1950-х годов, известные в мире как «сталинская архитектура», так же подверглись разрушительным процессам в бурном коммерческом и градостроительном обновлении. Аналогичная ситуация сложилась во многих городах России, в постсоветских республиках.

Крупнейшая научная конференция по наследию модернизма «Heritage at Risk. Сохранение архитектуры XX века и Всемирное наследие», которая проходила в Москве в апреле 2006 года под патронатом Правительства Москвы, выявила многочисленные факты утрат и деградации и заявила о необходимости принятия безотлагательных мер по сохранению ценного пласта культурного наследия. В тексте итогового документа конференции — «Московской декларации по сохранению культурного наследия XX века» — прозвучал призыв к органам государственной власти «к строгому соблюдению законов о защите культурного и природного наследия, и в особенности — к необходимости финансирования программ по исследованию, консервации и реставрации объектов наследия XX века, обладающих выдающейся ценностью для всего мира». Участники конференции настаивают «на строгом применении международных научных принципов, отраженных в многочисленных международных хартиях по консервации и реставрации, а также Конвенции по Всемирному наследию». Декларация была подписана тремя влиятельными международными организациями — Международным Советом по вопросам памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС), Международной некоммерческой организацией по защите, учету и сохранению зданий (DOCOMOMO) и Международным Союзом Архитекторов (MCA). По сути, они объявили о начале широкомасштабной международной кампании по сохранению памятников архитектуры XX века на территории России и на постсоветском пространстве.

В развитие международной кампании в сентябре 2007 года в Берлине состоялась конференция ИКОМОС «Всемирное наследие XX столетия — лакуны и риски с европейской точки зрения», на которой вновь была подчеркнута универсальная ценность советского авангарда, представлены первоочередные претенденты на включение в Список Всемирного наследия, в т.ч. дом Наркомфина и московское метро 1930—1950-х годов. В этом же месяце в Музее современного искусства (MoMa) в Нью-Йорке прошел симпозиум «Советский авангард — утраченный и обретенный», также имевший большой публичный резонанс. В конце сентября 2008 года на высоком правительственном уровне в рамках «Петербургского диалога» была проведена неделя русского авангарда, а также представлен совместный русско-немецкий Меморандум «Авангард и Всемирное на-

Экспериментальный жилой дом, 1927—1929 годы, арх. К.С. Мельников. Кривоарбатский пер., д. 10

Experimentelles Wohnhaus, 1927—29, Architekt K.S. Melnikow. Kriwoarbatiskij pereulok 10

списке neben dem Bau der Stalinarchitektur der 1930—1950er Jahre. Doch waren diese Maßnahmen ungenügend. Das besagt der unbefriedigende Zustand der Mehrheit der Gebäude „des neuen Erbes“, sowie die Abwesenheit in Russland der ausreichenden Erfahrung ihrer Wiederherstellungen. Die Bauten der russischen Avantgarde, die in der Welt wie der hervorragende Beitrag Russlands in die Geschichte der modernen Architektur des XX. Jahrhunderts traditionell betrachtet werden, befinden sich während der langwierigen Zeit im Zustand der Degradation. Die Mehrheit von ihnen sind die offiziell registrierten Denkmäler der Geschichte und der Kultur in der Regel „der lokalen“ oder „regionalen“ Bedeutung, sich befindend unter dem Schutz des Staates. Und nur sehr wenige verfügen über „den föderalen“ Status, der von ihrem hervorragenden allrussischen Wert zeugt und zulas-

send, den Einschluss in die Liste des Weltweiten Erbes zu beanspruchen.

Die am meisten bedeutsamen Bauten der 1920—1930er Jahre, konzentriert in Moskau und zeigend von sich den goldenen Fonds der weltweiten Modernen Bewegung, waren auf den Schutz 1987 gestellt und bis 2005 waren die Denkmäler der niedrigsten „lokalen“ Kategorie. Viele von ihnen haben sich in der Verwüstung erwiesen, haben sich den Umarbeitungen untergezogen, haben die Innenansichten und die originelle Faktura der Oberflächen, die Details verloren. Die Denkmäler leiden an den Angriffen der Immobilienentwickler, von den Eingriffen auf das eigene Territorium, von der Einführung der neuen architektonischen Projekte. Solche weltweit bekannten Bauten wie das Haus von Narkomfin Architekten M.J.Ginzburg und I.F.Milinis, die Haus-Kommune Architekten I.S. Nikolaew, die Arbeitsklubs Architekten K.S.Melnikow haben sich am Rande der Zerstörung erwiesen. Viele bedeutsame Gebäude der späteren Periode — der 1930—1950er Jahre, bekannt in der Welt wie „die Stalinarchitektur“, ebenso haben sich den zerstörenden Prozessen in der stürmischen kommerziellen und städtebaulichen Erneuerung untergezogen. Die ähnliche Situation hat sich in vielen Städten Russlands und in den nachsowjetischen Republiken gebildet.

Die größte wissenschaftliche Konferenz für das Erbe des Modernismus „Heritage at Risk. Die Erhaltung der Architektur des XX. Jahrhunderts und das Weltweite Erbe“, die in Moskau in April 2006 unter dem Patronat der Regierung Moskaus stattfand, hat die zahlreichen Tatsachen der Verluste und der Degradation an den Tag gebracht und hat die Notwendigkeit der Annahme der unverzüglichen Maßnahmen für die Erhaltung der wertvollen Schicht des kulturellen Erbes erklärt. Im Text des zusammenfassenden Dokumentes der Konferenz — „Die Moskauer Deklaration über die Erhaltung des kulturellen Erbes des XX. Jahrhunderts“ — hat der Aufruf zu den Organen der staatlichen Macht „zur strengen Beachtung der Gesetze über den Schutz des kulturellen und natürlichen Erbes, und insbesondere — zur Notwendigkeit der Finanzierung der Programme für die Forschung, Konservierung und Wiederherstellung der Objekte des Erbes des XX. Jahrhunderts, verfügend über den hervorragenden Wert für die ganze Welt“ getönt. Die Teilnehmer der Konferenz bestehen „auf die strenge Anwendung der internationalen wissenschaftlichen Prinzipien, die in den zahlreichen internationalen Charten für die Konservierung und Wiederherstellung, sowie die Konvention für das Weltweite Erbe widerspiegelt sind“. Die Deklaration war von drei einflussreichen internationalen Organisationen unterschrieben: vom Internationalen Ratschlag für die Denkmäler und Sehenswürdigkeiten (IKOMOS), der Internationalen gemeinnützigen Organisation für den Schutz, die Berücksichtigung und Erhaltung der Gebäude (DOCOMOMO) und dem Internationalen Bündnis der Architekten (MCA). Eigentlich, haben sie den

следие». В эти же дни на XVI-й Генеральной Ассамблее ИКОМОС в Квебеке была повторно принята специальная резолюция о принятии срочных мер по сохранению архитектурного наследия К.С. Мельникова и дома Наркомфина.

Говоря о международных организациях, следует отметить деятельность Всемирного Фонда памятников, неоднократно включавшего постройки эпохи модернизма, находящиеся на территории России, в ежегодно публикуемый «Всемирный список 100 памятников, подвергающихся наибольшей опасности». Так, в World Monument Fund Watch List в 1998-м и в 2000-м годах была включена библиотека в Выборге (арх. Алвар Аалто, 1928), испытывающая по сей день большие трудности с реставрацией. Из московских шедевров в 1996 году в него попал клуб им. И.В. Русакова арх. К.С. Мельникова (1927). В 2006 году этот список также пополнился домом-студией Мельникова (1927). Трижды — в 2002-м, 2004-м и 2006-м годах в список включался дом Наркомфина, подтвердив репутацию памятника мирового значения, терпящего бедствие. Привлечь внимание властей к тяжелейшему состоянию этого уникального здания на протяжении десятилетий тщательно пытались специалисты России, Великобритании, Германии, Швейцарии, Италии и США. Придавая гласности этот международный документ, Всемирный Фонд памятников преследует цель отстоять ценности культурного наследия во многих странах мира, а также выделяет финансовую помощь на проведение локальных реставрационных работ. Так, на средства Фонда было проведено восстановление кровель библиотеки в Выборге и клуба им. И.В. Русакова в Москве.

Особо следует подчеркнуть, что в последнее десятилетие некоторые из памятников авангарда первой величины в Москве подверглись реставрационному и реконструктивному вмешательству. В первую очередь, это касается автобусного гаража на Бахметьевской улице и клуба «Буревестник», построенных по проектам арх. К.С. Мельникова, а также здание Московского планетария. В результате проведенных работ, отвечающих потребностям коммерческого заказа, подлинность памятников — главный ценностный критерий культурного наследия — была в значительной степени утрачена. Непоправимый урон также наносит нерегулируемое новое строительство, осуществляемое в непосредственной близости от памятника. Это приводит к искажению визуального восприятия, а при освоении прилегающего подземного пространства — к деформации гидрогеологии участка и дренажной системы. Так произошло с домом-студией К.С. Мельникова в Кривоарбатском переулке, что повлекло за собой не только изменение окружения этого уникального сооружения, но и деформацию его фундаментов, деградацию субстанции здания. Становится очевидным, что при таком подходе

Здание Центрального телеграфа, 1927 год, арх. И.И. Рерберг. Тверская ул., д. 7 (бывш. улица Горького)

Анfang der großangelegten internationalen Kampagne für die Erhaltung der Denkmäler der Architektur des XX. Jahrhunderts auf der Territorien Russlands und auf dem nachsowjetischen Raum erklärt.

Клуб им. С.М. Зуева, 1927—1929 годы, арх. И.А. Голосов. Лесная ул., д. 18/5, стр. 1

Zur Entwicklung der internationalen Kampagne in September 2007 in Berlin hat die Konferenz IKOMOS „Das Weltweite Erbe des XX. Jahrhunderts — die Lücken und die Risiken vom europäischen Standpunkt“ stattgefunden, auf der der universelle Wert der sowjetischen Avantgarde wieder betont war, die vorrangigen Bewerber für den Einschluss in die Liste des Weltweiten Erbes vorgestellt waren, einschl. das Haus Narkomfina und die Moskauer Metro der 1930—1950er Jahre. In diesem Monat im Museum der Gegenwartskunst (MoMa) in New York hat das Symposium „Die Sowjetische Avantgarde — verloren und gefunden“ stattgefunden, das auch die große öffentliche Resonanz hatte. Ende September 2008 war auf dem hohen Regierungsniveau in den Rahmen „Des Petersburger Dialoges“ die Woche der russischen Avantgarde durchgeführt, sowie war die gemeinsame russisch-deutsche Denkschrift „Die Avantgarde und das Weltweite Erbe“ vorgestellt. In diese Tage auf dem XVI. Generalversammlung von IKOMOS in Quebec war die spezielle Resolution über die Annahme der eiligen Maßnahmen für die Erhaltung des architektonischen Erbes von K.S. Melnikow und des Hauses von Narkomfin.

Über die internationalen Organisationen sagend, muss man die Tätigkeit des Weltweiten Fonds der Denkmäler bemerken, der die Gebäude der Epoche des Modernismus, sich befindend auf die Territorien Russlands, in die jährlich veröffentlichte „Weltweite Liste der 100 Denkmäler, die sich der meisten Gefahr unterziehen“, mehrfach aufnahm. So war in World Monument Fund Watch List in 1998 und in 2000 die Bibliothek in Wyborg (Architekt Alwar Aalto, 1928) aufgenommen, schwerfallend bis jetzt mit der Wiederherstellung. Aus den

Россия может навсегда утратить возможность включать созданные на ее территории в XX веке сооружения в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

После конференции «Heritage at Risk», средства массовой информации, Интернет-сайты и профессиональные журналы («Проект/Россия», «Проект классика», «Архитектурный вестник», «АРХ») разместили материалы о ее результатах и опубликовали итоговые документы. В 2007 году фундаментальные издания, подготовленные к конференции, были удостоены приза «Золотое сечение» как лучшие публикации об архитектуре. При Союзе московских архитекторов создан специальный Экспертный совет, а в марте 2007 года состоялось заседание рабочей группы по сохранению русского архитектурного авангарда Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству. Итогом стало принятие решения о необходимости придания федерального статуса наиболее значимым объектам русского авангарда. В конце 2007-го года была проведена

историко-культурная экспертиза десяти памятников. Кроме того, была подчеркнута важность финансирования реставрационных работ в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2006—2010 годы)», а также необходимость создания секции наследия XX века в Федеральном научно-методическом совете Министерства культуры РФ (утверждена в феврале 2008 года). Министерству культуры РФ рекомендовалось разработать концепцию включения объектов русского архитектурного авангарда в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Московские органы охраны наследия (в частности, Комитет по культурному наследию г. Москвы) продолжают постановку на охрану сооружений XX века. Так, в 2007—2008 годах в список охраняемых объектов было включено более 200 новых зданий. По поручению Правительства Москвы идет разработка «Концепции сохранения объектов жилой застройки 1920—1930-х годов», начаты ремонтные и реставрационные работы в доме-коммуне арх. И.С. Николаева и в клубе

Клуб им. С.М. Зуева

Moskauer Meisterwerken in 1996 ist der Klub namens I.W. Rusakow des Architekten K.S. Melnikow (1927) in diese Liste geraten. In 2006 wurde diese Liste vom Haus-Studio Melnikows (1927) auch ergänzt. Dreimal — in 2002, 2004 und 2006 war in die Liste das Haus von Narkomfin eingeschlossen, die Reputation des Denkmals der Weltgeltung, die die Not ertrugte, bestätigte. Die Fachkräfte Russlands, Großbritanniens, Deutschlands, der Schweiz, Italiens und der USA versuchten, die Aufmerksamkeit der Behörden zum schwersten Zustand dieses einzigartigen Gebäudes während der Jahrzehnte vergeblich heranzuziehen. Der Öffentlichkeit dieses internationale Dokument gebend, verfolgt der Weltweite Fonds der Denkmäler das Ziel, die Werte des kulturellen Erbes in vielen Ländern der Welt zu verteidigen, sowie gibt die Finanzhilfe für die Durchführung der lokalen Wiederherstellungsarbeiten. So war an den Mitteln des Fonds die Wiederherstellung der Dächer der Bibliothek in Wyborg und des Klubs namens I.W. Rusakow in Moskau durchgeführt.

Besonders muss man betonen, dass sich ins letzte Jahrzehnt einige den Denkmälern der Avantgarde der ersten Größe in Moskau der Wiederherstellungs- und Rekonstruktionseinmischung untergezogen haben. In erster Linie, betrifft es die Busgarage in der Bahmetjewskaja Straße und den Klub „Burewestnik“, aufgebaut nach den Projekten der Architekten K.S. Melnikow, sowie das Gebäude des Moskauer Planetariums. Im Ergebnis der durchgeführten Arbeiten, die den Bedürfnissen der kommerziellen Bestellung entsprechen, war die Authentizität der Denkmäler — das wertmäßige Hauptkriterium des kulturellen Erbes — zum großen Teil verloren. Den unverbesserlichen Verlust verursacht der unregelmäßige neue Bau, der in der unmittelbaren Nähe vom Denkmal verwirklicht wird. Es bringt zur Entstellung der visuellen Wahrnehmung, und bei der Aneignung des angrenzenden unterirdischen Raumes — zur Deformation der Hydrogeologie des Grundstücks und dem Dränagesystem. So ist es mit dem Haus-Studio K.S. Melnikows in der Kriwoarbatskij Gasse geschehen, was nicht nur die Veränderung der Umgebung dieses einzigartigen Baus, sondern auch die Deformation seiner Fundamente, die Degradation der Substation des Gebäudes verursacht hat. Das wird offensichtlich, dass Russland bei solchem Herangehen die Möglichkeit, die geschaffene auf seine Territorien im XX. Jahrhundert Gebäude in die Liste des Weltweiten Erbes der UNESCO einzuschließen, für immer verlieren kann.

Nach der Konferenz „Heritage at Risk“ haben die Massenmedien, Websites und professionellen Zeitschriften („Projekt/Russland“, „Projekt Klassik“, „Der Architektonische Bote“, „ARH“) die Materialien für ihre Ergebnisse aufgegeben und die zusammenfassenden Dokumente veröffentlicht. In 2007 waren die grundlegenden Ausgaben, die zur Konferenz vorbereitet sind, mit dem Preis „Der Goldene Schnitt“

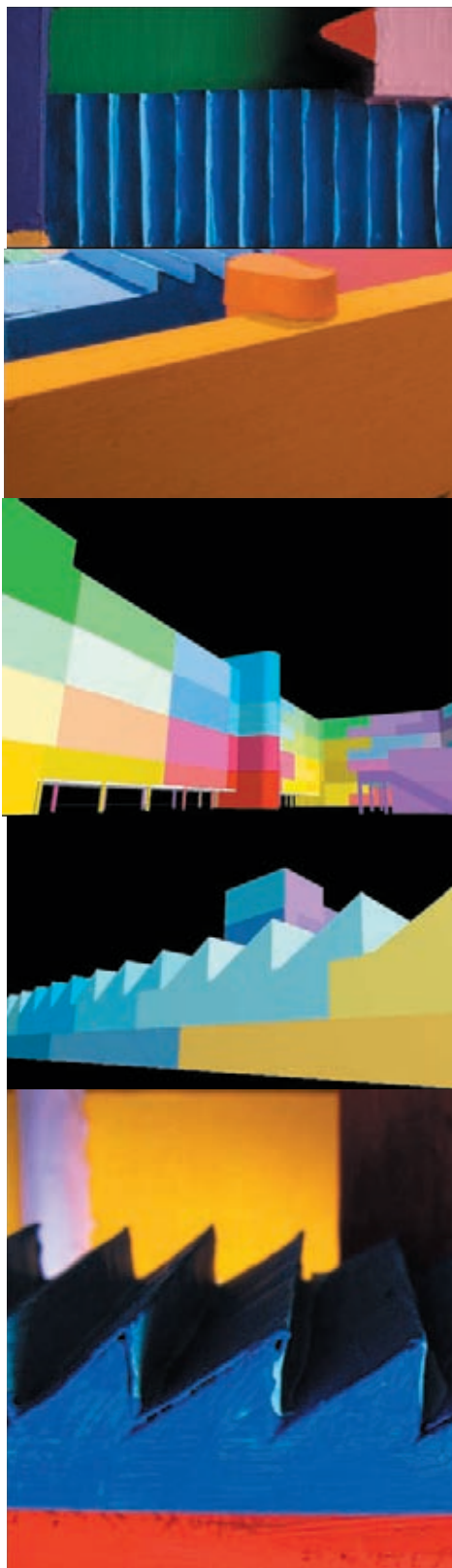

«Каучук» арх. К.С. Мельникова. Значительную роль играют встречи и научные семинары, проводимые с 2004 года на регулярной основе между органами охраны наследия Москвы и Берлина, а также «Петербургский диалог», проходящий под эгидой правительств России, Германии и Европейского Союза. Кроме того, в 2007—2008 годах разработан проект пилотного договора о прямом сотрудничестве между ИКОМОС и правительством Москвы по сохранению культурного наследия. С 1990-х годов продолжается совместный проект двух стран — России и Финляндии — по реставрации здания библиотеки в Выборге — яркого символа европейского архитектурного модернизма. Во всех этих программах одно из центральных мест отводится проблематике XX века, в т.ч. необходимости включения выдающихся сооружений этого периода, находящихся на территории России, в Список Всемирного наследия. Осуществление этих замыслов должно поднать отношение к памятникам «нового наследия» на качественно новый уровень.

Целый ряд международных исследовательских программ разработан с участием университетов и высших архитектурных школ России и Европы. Среди них — совместный проект по исследованию наследия авангарда, в котором в 2006—2007 годах приняли участие Технический университет Берлина (Германия), Московский архитектурный институт (МАРХИ) и Московский государственный строительный университет (МГСУ). В 2005 году над общим проектом работали Школа архитектуры Карлсруэ (Германия) и МАРХИ. В апреле 2008-го года стартовал проект «Москострукт», ставший возможным благодаря сотрудничеству римского университета La Sapienza (Италия) и МАРХИ и прямой финансовой поддержке Европейского Союза. Одна из его задач — привлечь внимание к ценностям архитектурного наследия авангарда органов власти и местных жителей.

С 2007-го года по настоящее время успешно развивается совместный проект «Баухауз на Урале» Баухауз-Университета в Веймаре (Германия) и Уральской архитектурно-художественной академии (УралГАХА), посвященный исследованию конструктивизма и функционализма в Уральском регионе, включая Екатеринбург, Магнитогорск, Орск, Пермь, Соликамск и другие известные центры Урала.

Продолжается многолетнее сотрудничество по исследованию наследия промышленной архитектуры и, в первую очередь, работ выдающегося российского инженера В.Г. Шухова между Государственным архитектурно-строительным университетом в Нижнем Новгороде (ННГАСУ) и Университетом Инсбрука (Австрия). Центр по исследованию и сохра-

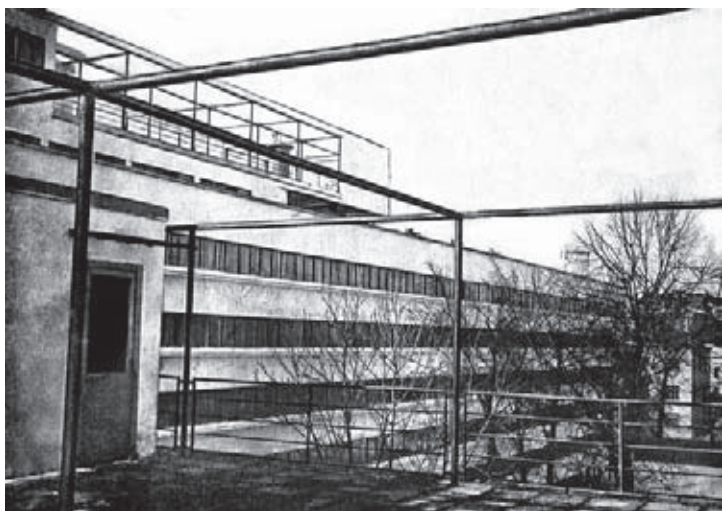

Современные
проекты покраски
Дома-коммуны

Heutige Projekte
der Farbgebung des
Kommune-Hauses

wie die besten Publikationen über die Architektur gewürdigt. Beim Bündnis der Moskauer Architekten ist der spezielle Expertenratsschlag geschaffen, und in März 2007 hat die Sitzung der Arbeitsgruppe für die Erhaltung der russischen architektonischen Avantgarde des Ratschlages beim Präsidenten der Russischen Föderation für die Kultur und die Kunst stattgefunden. Ergebnis wurde die Annahme der Lösung über die Notwendigkeit des Verleihens des föderalen Status den am meisten bedeutsamen Objekten der russischen Avantgarde. Ende 2007 war die historisch-kulturelle Expertise von zehn Denkmälern durchgeführt. Außerdem war die Wichtigkeit der Finanzierung der Wiederherstellungsarbeiten im Rahmen des Föderalen Vorhabenprogramms „Die Kultur Russlands (2006—2010)“, sowie die Notwendigkeit der Bildung der Sektion des Erbes des XX. Jahrhunderts im Föderalen wissenschaftlich-methodischen Ratschlag des Ministeriums der Kultur der Russischen Föderation (behauptet in Februar 2008) betont. Dem Ministerium der Kultur der Russischen Föderation ist es empfehlenswert, die Konzeption des Einschlusses der Objekte der russischen architektonischen Avantgarde in die Liste des Weltweiten Erbes der UNESCO zu entwickeln.

Die Moskauer Organe des Schutzes des Erbes (insbesondere das Komitee für das kulturelle Erbe Moskaus) setzen die Errichtung auf den Schutz der Bauten des XX. Jahrhunderts fort. So war in 2007—2008 in die Liste der beschützten Objekte mehr 200 neuer Gebäude eingeschlossen. Im Auftrag der Regierung Moskaus verläuft die Entwicklung „der Konzeption der Erhaltung der Objekte des Wohngebietes der 1920—1930er“, im Haus-Kommune des Architekten I.S. Nikolaew und im Klub „Kautschuk“ des Architekten K.S. Melnikow sind die Reparatur- und Wiederherstellungsarbeiten begonnen. Die bedeutende Rolle spielen die Treffen und die wissenschaftlichen Seminare, die seit 2004 auf der regelmäßigen Grundlage zwischen den Organen des Schutzes des Erbes Moskaus und Berlins durchgeführt werden, sowie „der Petersburger Dialog“, gehend unter der Ägide der Regierungen Russlands, Deutschlands und Europäischen Union. Außerdem in 2007—2008 ist das Projekt des Pilotvertrags über die gerade Zusammenarbeit zwischen IKOMOS und der Regierung Moskaus über die Erhaltung des kulturellen Erbes entwickelt. Seit 1990er Jahren dauert das gemeinsame Projekt von zwei Ländern — Russland und Finnland — an der Wiederherstellung des Gebäudes der Bibliothek in Wyborg — des hellen Symbols des europäischen architektonischen Modernismus. In diesen Programmen wird eine der zentralen Stellen der Problematik des XX. Jahrhunderts angewiesen, einschl. der Notwendigkeit des Einschlusses der hervorragenden Bauten dieser Periode, die sich auf dem Territorien Russlands befinden, in die Liste des Weltweiten Erbes. Die Verwirklichung dieser Vorhaben soll die Beziehung zu den Denkmälern „des neuen Erbes“ auf das qualitativ neue Niveau heben.

Жилой экспериментальный комплекс Наркомфина. Вид с крыши коммунального корпуса. Фото-снимок начала 1930-х годов

нению сооружений К.С. Мельникова (КМ-центр) действует в Московском институте коммунального хозяйства и строительства (МИКХиС), в котором великий архитектор проработал много лет.

В последние годы задача сохранения сооружений XX века все больше привлекает в России внимание неправительственных и общественных организаций. Российские отделения ИКОМОС и ДОСОМО, кафедра ЮНЕСКО по сохранению градостроительных и архитектурных памятников (Москва) участвовали в публикациях по памятникам истории и культуры советского авангарда, в т.ч. в проведении конференции «Heritage at Risk». Московское Общество охраны архитектурного наследия (МАРС), основанное в 2004-м году группой журналистов и архитекторов из разных стран, в сотрудничестве с SAVE Europe's Heritage, опубликовали отчет «Московское архи-

тектурное наследие: точка невозврата (2004—2007)», посвященный памяти А.И. Комеча (1936—2007) — выдающегося ученого и одного из лидеров сохранения культурного наследия в России. Значительная часть этого документа посвящена памятникам архитектуры XX века. В нем особо подчеркнута необходимость бережного сохранения построек авангарда, так называемой сталинской архитектуры и модернистского периода 1960—1970-х годов. В настоящее время аналогичный отчет разрабатывается для волжского города Самары, в котором сосредоточено большое число зданий конструктивизма. Следует также подчеркнуть роль общественного контроля за состоянием объектов культурного наследия таких организаций и Интернет-порталов, как «Москва, которой нет», «СовАрх», «Архнадзор», созданных в Москве, «Живой город» в Санкт-Петербурге.

Eine ganze Reihe der internationalen Forschungsprogramme ist mit der Teilnahme der Universitäten und der höchsten architektonischen Schulen Russlands und Europas entwickelt. Unter ihnen ist das gemeinsame Projekt an der Forschung des Erbes der Avantgarde, an dem in 2006—2007 die Technische Universität Berlin (Deutschland), das Architekturinstitut Moskau (MARHI) und die Moskauer staatliche Bauuniversität (MGSU) teilgenommen haben. In 2005 am allgemeinen Projekt arbeiteten die Schule der Architektur Karlsruhes (Deutschland) und MARHI. In April 2008 startete das Projekt „Moskonstrukt“, werdend möglich dank der Zusammenarbeit der römischen Universität La Sapienza (Italien) und MARHI und der geraden Finanzunterstützung der Europäischen Union. Eine seiner Aufgaben ist, die Aufmerksamkeit der Machtorgane und der Ortsbewohner zu den Werten des architektonischen Erbes der Avantgarde heranzuziehen.

Seit 2007 bis jetzt entwickelt sich erfolgreich das gemeinsame Projekt „Bauhaus im Ural“ von der Bauhaus-Universität in Weimar (Deutschland) und der Uralarchitektur- und Kunstakademie (UralGAHA), gewidmet der Forschung des Konstruktivismus und Funktionalismus in der Uralregion, einschließlich Jekaterinburg, Magnitogorsk, Orsk, Perm, Solikamsk und andere bekannte Zentren des Urals.

Die vieljährige Zusammenarbeit an der Forschung des Erbes der industriellen Architektur und in erster Linie der Arbeiten des ausgehenden russischen Ingenieurs W.G. Schuchow zwischen der Staatlichen Architektur- und Bauuniversität in Nishnij Nowgorod (NNGASU) und der Innsbrucker Universität (Österreich) dauert. Das Zentrum für die Forschung und Erhaltung der Bauten von K.S. Melnikow (KM-Zentrum) funktioniert im Kommunalwirtschafts- und

Дом-коммуна, 1929 год, арх. И.С. Николаев. Орджоникидзе ул. д.8/9

Kommune-Haus, 1929, Architekt I.S. Nikolajew. Ordschonikidse-Straße 8/9

В 2006—2008 годах был основан целый ряд частных некоммерческих организаций, деятельность которых непосредственно связана с сохранением произведений архитектурного авангарда и промышленного наследия XX века. Среди них «Фонд содействия сохранению культурного наследия русского авангарда», Фонд развития науки, культуры и искусства «Шуховская башня», благотворительный фонд «Наркомфин». На протяжении нескольких лет действует Международный благотворительный фонд имени Я.Г. Чернихова. В задачи этих фондов входит не только активная просветительская и издательская деятельность, аккумуляция архивных материалов, проведение независимых научных исследований, но и содействие государственной охране сооружений этого периода, их реставрация и приспособление к современным функциям. Так, в октябре 2007 года в рамках деятельности Фонда «Русский авангард» был создан Международный попечительский комитет по реставрации и созданию Музея дома Мельникова (1927—1929). Под его эгидой были проведены гидрогео-

логические исследования и зондажи (при участии МГСУ), мониторинг и обследование памятника, выполненные британскими специалистами в области консервации. Разработан предварительный проект по созданию музея в этом необычном доме. Аналогичные реставрационные программы разрабатываются фондами для дома Наркомфина арх. М.Я. Гинзбурга и И.Ф. Милиниса (1928—1930) и радиобашни инж. В.Г. Шухова (1919—1922) в Москве, водонапорной башни канатного цеха завода «Красный гвоздильщик» (1930—1931) арх. Я.Г. Чернихова в Санкт-Петербурге, что является еще одним шагом в укреплении их статуса как памятников общероссийского и мирового значения.

Поводя итог, следует подчеркнуть, что главными направлениями работ на ближайшее время остаются:

- 1) составление списков объектов XX века, входящих в государственный реестр памятников истории и культуры;
- 2) проведение историко-культурной экспертизы с целью повышения статуса памятников архитектуры XX века до федерального уровня;

Здание газеты «Известия», 1927 год, арх. Г.Б. Бархин при участии М.Г. Бархина. Пушкинская пл., д. 5

Bauinstitut Moskau (MIKHIS), in dem der große Architekt viele Jahre gearbeitet hat.

In den letzten Jahren zieht die Aufgabe der Erhaltung der Bauten des XX. Jahrhunderts in Russland die Aufmerksamkeit der nichtstaatlichen und gesellschaftlichen Organisationen immer mehr heran. Die russischen Abteilungen von IKOMOS und DOCOMOMO, der Lehrstuhl der UNESCO für die Erhaltung der städtebaulichen und architektonischen Denkmäler (Moskau) nahmen an den Publikationen über die Denkmäler der Geschichte und der Kultur der sowjetischen Avantgarde, einschl. an der Durchführung der Konferenz „Heritage at Risk“, teil. Die Moskauer Gesellschaft des Schutzes des architektonischen Erbes (MAPS), gegründet in 2004 von der Gruppe der Journalisten und der Architekten aus verschiedenen Ländern, in der Zusammenarbeit mit SAVE Europe's Heritage, haben den Bericht „Das Moskauer architektonische Erbe: der Unrückpunkt (2004—2007)“ veröffentlicht, gewidmet dem Gedächtnis von A.I. Kometsch (1936—2007), der hervorragende Gelehrte und einer der Führer der Erhaltung des kulturellen Erbes in Russland war. Der beträchtliche Teil dieses Dokumentes ist den Denkmälern der Architektur des XX. Jahrhunderts gewidmet. Darin ist die Notwendigkeit der vorsichtigen Erhaltung des Baus der Avantgarde, der sogenannten Stalinarchitektur und der modernen Periode der 1960—1970er Jahre besonders betont. Zur Zeit wird der ähnliche Bericht für die Wolgastadt Samaras entwickelt, in der die große Zahl der Gebäude des Konstruktivismus konzentriert ist. Mann muss auch die Rolle der gesellschaftlichen Kontrolle über den Zustand der Objekte des kulturellen Erbes solcher Organisationen und Internet-Portale, wie „Moskau, das existiert nicht“, „SowArh“, „Ahrnadsor“, geschaffen in Moskau, „Die Lebendige Stadt“ in Sankt Petersburg betonen.

In 2006—2008 war eine ganze Reihe der privaten gemeinnützigen Organisationen gegründet, deren Tätigkeit mit der Erhaltung der Werke der architektonischen Avantgarde und des industriellen Erbes des XX. Jahrhunderts unmittelbar verbunden ist. Unter ihnen gibt es „Die Stiftung für die Mithilfe der Erhaltung des kulturellen Erbes der russischen Avantgarde“, die Stiftung der Entwicklung der Wissenschaft, Kultur und Kunst „Der Schuhowskaja Turm“, die Stiftung „Narkomfin“. Während einiger Jahre funktioniert die Internationale Stiftung namens J.G. Tschernihow. Zu den Aufgaben dieser Stiftungen gehört nicht nur die aktive Aufklärungs- und Verlagstätigkeit, die Akkumulation der Archivmaterialien, die Durchführung der unabhängigen wissenschaftlichen Forschungen, sondern auch die Mithilfe dem staatlichen Schutz der Bauten dieser Periode, ihre Wiederherstellung und Verwendung zu den modernen Funktionen. So war in Oktober 2007 im Rahmen der Tätigkeit der Stiftung „Die Russische Avantgarde“ das Internationale Treuhandskomitee für die Wiederherstel-

Клуб им. С.М. Зюева

3) рассмотрение наиболее значимых проектов восстановления памятников 1920—1960-х годов

а) на стадии разработки концепции;

б) на стадии проектирования реставрации и приспособления — в соответствии с международными принципами и стандартами в области охраны культурного наследия;

4) разработка программы включения выдающихся сооружений XX века, находящихся на территории России, в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО;

5) продолжение реализации программ международного сотрудничества в области сохранения зданий и градостроительных ансамблей, составляющих культурное наследие XX века, в т.ч. подписание договора о прямом сотрудничестве между ИКОМОС и Правительством Москвы.

лунг и die Bildung des Museums des Hauses Melnikows (1927—1929) geschaffen. Unter seiner Ägide waren die Hydrogeologieforschungen und die Sondierungen (unter Mitwirkung von MGSU), das Monitoring und die Überprüfung des Denkmals, die von den britischen Fachkräften auf dem Gebiet der Konservierung erfüllt waren, durchgeführt. Das vorläufige Projekt an der Bildung des Museums in diesem ungewöhnlichen Haus wird entwickelt. Die ähnlichen Wiederherstellungsprogramme werden von den Stiftungen für das Haus von Narkomfin der Architekten M.J.Ginzburg und I.F.Milinis (1928—1930) und den Funkturm des Ingenieurs W.G. Schuhow (1919—1922) in Moskau, den Wasserturm der Seilerei des Betriebs „Krasnyj Gwosdilschtschik“ (1930—1931) der Architekten J.G.Tschernihow in Sankt Petersburg ent-

wickelt, was noch ein Schritt in der Festigung ihres Status wie die Denkmäler der allrussischen und Weltgeltung ist.

Zusammengefasst muss man betonen, dass die Hauptrichtungen der Arbeiten auf die allernächste Zeit bleiben:

1) die Zusammenstellung der Listen der Objekte des XX. Jahrhunderts, die in die staatliche Liste der Denkmäler der Geschichte und der Kultur eingehen;

2) die Durchführung der historisch-kulturellen Expertise zwecks der Erhöhung des Status der Denkmäler der Architektur des XX. Jahrhunderts bis zum föderalen Niveau;

3) die Betrachtung der am meisten bedeutsamen Projekte der Wiederherstellung der Denkmäler der 1920—1960er Jahre

a) auf die Stadien der Entwicklung der Konzeption;

b) auf die Stadien der Projektierung der Wiederherstellung und Verwendung — entsprechend den internationalen Prinzipien und den Standards auf dem Gebiet des Schutzes des kulturellen Erbes;

4) die Entwicklung des Programms des Einschlusses der hervorragenden Bauten des XX. Jahrhunderts, die sich auf dem Territorien Russlands befinden, in die Liste des Weltweiten Erbes von UNESCO;

5) die Fortsetzung der Realisierung der Programme der internationalen Zusammenarbeit auf dem Gebiet der Erhaltung der Gebäude und der städtebaulichen Ensembles, die das kulturelle Erbe des XX. Jahrhunderts bilden, einschl. die Unterzeichnung des Vertrags über die gerade Zusammenarbeit zwischen IKOMOS und der Regierung Moskaus.

Станция Московского метрополитена «Красные ворота».
Наземный вестибюль,
1935 год, арх. И.А. Фомин, А.А. Ладовский.
Красные Ворота пл.

**Александр Кудрявцев,
президент Московского
архитектурного института (МАРХИ)
и Российской академии
архитектуры и строительных наук
(РААСН)**

**Alexander Kudrjawtsew,
Präsident des Architekturin-
stitutes Moskau (MARHI)
und der Russischen Akad-
emie der Architektur und der
Bauwissenschaften (RAASN)**

ВЗГЛЯД В НЕДАВННЮЮ ИСТОРИЮ

Der Blick in die neuliche Geschichte

**Выставка «Жизнь
во всемирном на-
следии? Рабочие
поселки 1920-х годов в
Берлине»
18—30 июня 2008
года, Москва, Белые
палаты, Пречистенка, 1**

**Ausstellung „Wohnen
im Welterbe? Arbeiter-
siedlungen der 1920er
Jahre in Berlin“.
18. – 30. Juni 2008, Mos-
kau, Weiße Kammern,
Pretschistenka 1**

Еще десять—пятнадцать лет назад никто не мог предположить, что вместе с коллегами из Германии мы откровенно и по-деловому будем обсуждать судьбу зданий и инженерных сооружений, созданных в период фашизма — во время едва ли не самых трагических исторических событий XX века, как для Германии, так и для России.

Надо отметить также, что в наши дни изменилось понимание задач охраны наследия и совершенно по-новому формулируются профессиональные критерии оценки памятников. Так, еще недавно об охране архитектурного наследия было невозможно говорить как о деле государственной важности.

В связи с этим, чрезвычайно ценным для нас является опыт немецких специалистов в области организации практических мер по реставрации и реконструкции зданий XX века. Выставка, посвященная охране зданий и градостроительных комплексов, созданных Б. Таутом, дает представление о размахе подобных работ в Германии. Она характеризует высокий уровень профессиональной культуры на-

ших немецких коллег. Наблюдая за их деятельностью, мы видим, какой огромный научный материал собран германскими исследователями по изучению бункеров, бомбоубежищ, шахт и туннелей, сооруженных во время Второй мировой войны. Несмотря на идеологическую подоснову существования этих объектов, все они признаны историко-архитектурными памятниками и тщательно охраняются как ценное историческое наследие Германии. Серьезные дискуссии ведутся лишь вокруг знаменитого бункера Гитлера. Специалисты и общественность никак не могут решить, стоит ли предоставить это историческое сооружение для всеобщего доступа в образовательных целях.

А у нас? Подземный мир советских городов по-прежнему окутан тайной, посещение запасной резиденции советского правительства в Самаре — удел избранных, а как выглядит Метро-2 в Москве — не знает никто, и слухов о нем больше, чем истинных фактов. Этот огромный малоизученный пласт подземного архитектурного наследия открывает для нас невероятные перспективы, как в ис-

Никто не мог предположить, что вместе с коллегами из Германии мы откровенно и по-деловому будем обсуждать судьбу зданий и инженерных сооружений, созданных в период фашизма — во время едва ли не самых трагических исторических событий XX века, как для Германии, так и для России.

Man muss auch bemerken, dass sich das Verständnis der Aufgaben des Schutzes des Erbes heutzutage geändert hat und ganz auf neue Weise die professionellen Kriterien der Einschätzung der Denkmäler abgefasst werden. So war es noch vor kurzem über den Schutz des architektonischen Erbes unmöglich, wie über die Staatsaktion zu sagen.

In diesem Zusammenhang ist außerordentlich wertvoll für uns die Erfahrung der deutschen Fachkräfte im Gebiet der Organisation der praktischen Maßnahmen für die Wiederherstellung und die Rekonstruktion der Gebäude des XX. Jahrhunderts. Die Ausstellung, die dem Schutz der Gebäude und der städtebaulichen Komplexe gewidmet ist, geschaffenen von B. Taut, gibt die Vorstellung über das Ausmaß der ähnlichen Arbeiten in Deutschland. Sie charakterisiert das hohe Niveau der professionellen Kultur unserer deutschen Kollegen. Ihre Tätigkeit beobachtend, sehen wir, welches riesiges wissenschaftliches Material von den deutschen Forscher über die Untersuchung der Bunker, Luftschutzkeller, Gruben und der Tunnel, die während des Zweiten Weltkrieges errichtet sind, gesammelt ist. Ungeachtet der ideologischen Unterbasis der Existenz dieser Objekte, sind alle diesen als

следовательской области, так и в сфере практического восстановления и охраны этих уникальных объектов.

Говоря о сохранении культурного наследия советского периода, нельзя обойти стороной и проблему, связанную с эмблематикой того времени. Хорошо помню, как в 1990-е годы в Москве была создана специальная комиссия, в задачи которой входило полное уничтожение изображений серпа и молота на всех архитектурных постройках ВДНХ. Советские эмблемы собирались «вычистить» отовсюду — с капителей и фронтонов, а также из оформления внутренних интерьеров павильонов выставки. В то время аналогичная угроза нависла и над станциями метро, построенными в 1930—1950-х годах.

«Говорящая» архитектура времен ГДР и советского периода в нашей стране ставит немецких и российских специалистов перед необходимостью решения проблем одного порядка. Кроме того, по мере увеличения временного отрезка, отделяющего нас от той особой эпохи, наложившей печать идеологии на все охватываемое ею архитектурное наследие, возникает все больше сложнейших вопросов. К счастью, к поискам ответов на них привлекают все большее количество исследователей, особенно молодых.

Так, совместная работа студентов Берлинского университета (руководитель — проф. А. Заливако) и Московского государственного строительного университета (МГСУ) — хороший пример вовлечения немецких и российских студентов в дело изучения одного из выдающихся памятников авангарда в Москве — клуба им. И.В. Русакова, выстроенного по проекту К.С. Мельникова.

В рамках проекта «Москонструкт» студенты МАРХИ и Римского университета «Ла Сапиенца» совместно участвуют в решении проблем охраны наследия XX века. Руководитель этого проекта в Москве профессор Е.Б. Овсянников важное место отводит проектированию студентами новых жилых районов, расположенных в непосредственной близости от зданий 1920-х—начала 1930-х годов. Ряд их проектных предложений направлен на реконструкцию жилых комплексов того времени. В этой работе студенты вместе со своими преподавателями намного опередили московских проектировщиков, которые по данному направлению до сих пор не сформулировали ширококомасштабных градостроительных предложений. До недавнего времени зданиям периода советского авангарда не уделялось должного внимания, многие профессионалы упорно отказывались признавать их градостроительную значимость. Однако ситуация меняется, и в современной России осознаны сделанные ошибки. Глубокое понимание необходимости бережного сохранения культурно-исторического наследия особенно сближает наши позиции с позицией наших европейских коллег и, прежде всего, из Германии.

На выставке в Белых
палатах

In der Ausstellung in
den Weißen Kammern

die historisch-architektonischen Denkmäler anerkannt und sorgfältig wie das wertvolle historische Erbe Deutschlands geschützt werden. Die ernststen Diskussionen werden nur um den berühmten Bunker Hitlers geführt. Die Fachkräfte und die Öffentlichkeit können auf keine Weise entscheiden, ob man diesen historischen Bau für den allgemeinen Zugriff in den Ausbildungszielen zu gewähren braucht.

Und bei uns? Die unterirdische Welt der sowjetischen Städte ist vom Geheimnis nach wie vor eingehüllt, der Tausendste kann die Ersatzresidenz der sowjetischen Regierung in Samara besuchen — und man weiß nicht, wie die Metro-2 in Moskau aussieht, und es gibt mehr Gerüchte darüber, als die wahrhaften Tatsachen. Diese riesige wenig erforschte Schicht des unterirdischen architektonischen Erbes öffnet für uns die unglaublichen Perspektiven wie auf dem Forschungsgebiet, als auch auf der Sphäre der praktischen Wiederherstellung und des Schutzes dieser einzigartigen Objekte.

Über die Erhaltung des kulturellen Erbes der sowjetischen Periode sagend, darf man nicht von der Seite und das Problem umgehen, das mit der Emblematik jener Zeit verbunden ist. Ich erinnere mich gut daran, wie in 1990er Jahren in Moskau der Sonderausschuss geschaffen war, zu deren Aufgaben die volle Vernichtung der Zeichnungen der Sichel und des Hammers auf allem architektonischen Bau der Ausstellung der Errungenschaften der Volkswirtschaft gehört. Man wollte die sowjetischen Embleme allerseits — von den Kapitellen und den Giebeln, sowie aus der Erledigung der inneren Innenansichten der Pavillons der Ausstellung zu „säubern“. Damals ist die ähnliche Drohung auch über die Metrostationen gegangen, die in 1930—1950er Jahren aufgebaut waren.

Die „sagende“ Architektur der Zeiten der DDR und der sowjetischen Periode in unserem Land stellt die deutschen und rus-

sischen Fachkräfte vor der Notwendigkeit der Lösung der Probleme einer Ordnung. Außerdem je nach der Vergrößerung des vorübergehenden Abschnittes, der uns von jener besonderen Epoche abtrennt, die die Ideologie auf das ganze architektonische von ihr erfasste Erbe überstempelte, entstehen immer mehr sehr komplizierter Fragen. Zum Glück, zieht die Suche der Antworten auf ihnen immer größere Zahl der Forscher, besonders jung, heran.

So ist die gemeinsame Arbeit der Studenten der Berliner Universität (der Leiter — Prof. A.Saliwako) und der Moskauer staatlichen Bauuniversität (MGSU) ein gutes Beispiel der Heranziehung der deutschen und russischen Studenten in die Sache der Untersuchung einen der hervorragenden Denkmäler der Avantgarde in Moskau — des Klubs namens I.W.Rusakow, der nach dem Projekt von K.S.Melnikow aufgebaut ist.

Im Rahmen des Projektes „Moskonstrukt“ nehmen die Studenten aus MARHI und der Römischen Universität „La Sapienza“ an der Lösung der Probleme des Schutzes des Erbes des XX. Jahrhunderts gemeinsam teil. Der Leiter dieses Projektes in Moskau Professor E.B.Owsjannikowa führt die wichtige Stelle der Projektierung von den Studenten der neuen Wohngebiete, die sich in der unmittelbaren Nähe von den Gebäuden des Anfangs der 1920-1930er Jahre. Viele ihre Projektvorschläge sind auf die Rekonstruktion der Wohnkomplexe jener Zeit gerichtet. In dieser Arbeit haben die Studenten zusammen mit den Lehrern die Moskauer Projektanten um vieles überholt, die in dieser Richtung die großangelegten städtebaulichen Vorschläge bis jetzt nicht abgefasst haben. Bis vor kurzem sorgte man für die Gebäude der Periode der sowjetischen Avantgarde nicht gebührend, viele Spezialisten lehnten hartnäckig ab, ihre städtebauliche Bedeutung anzuerkennen. Doch ändert sich die Situation, und in modernem Russland sind die gemachten Fehler begriffen. Das tiefe Verständnis der Notwendigkeit der vorsichtigen Erhaltung des kulturellen-historischen Erbes nähert unsere Positionen mit der Position unserer europäischen Kollegen und vor allem aus Deutschland.

На выставке в Белых
палатах

In der Ausstellung in
den Weißen Kammern

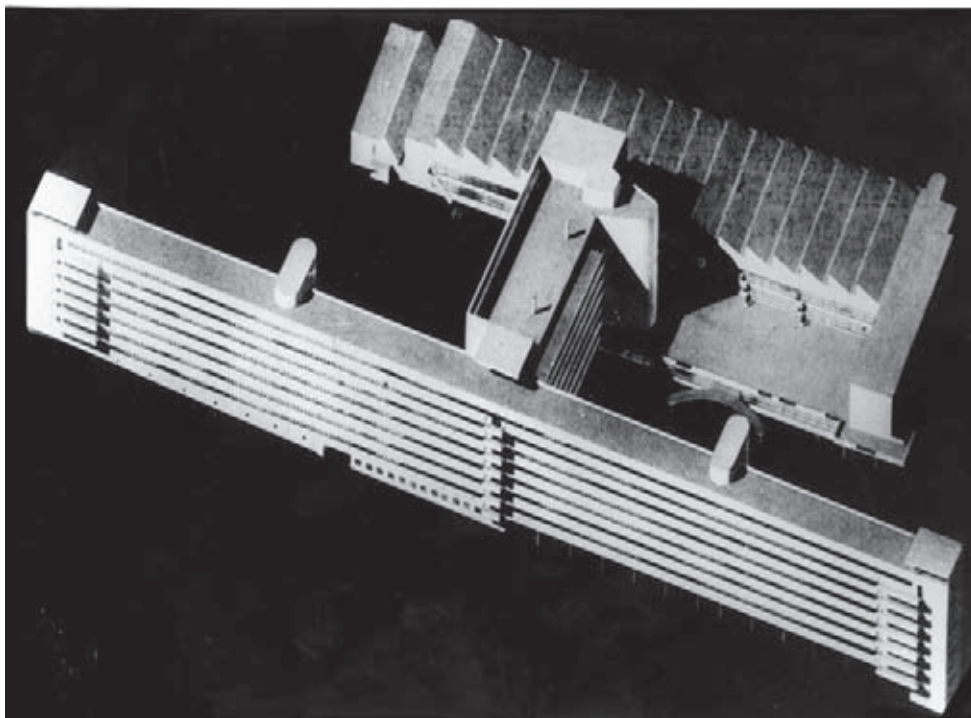
**Всеволод Кулиш,
профессор Московского
архитектурного института
(МАРХИ)**

**Wsewolod Kulisch,
Professor des
Architekturinstitutes Moskau
(MARHI)**

ДОМ-КОММУНА АРХИТЕКТОРА И.С. НИКОЛАЕВА. ОПЫТ РЕСТАВРАЦИИ

**Die Haus-Kommune des Architekten I.S. Nikolaew.
Die Erfahrung der Wiederherstellung**

Дома-коммуны (рабочие, коммунальные дома, бытовые коммуны) возникли стихийно в первые годы после революции 1917-го года и Гражданской войны. В основном это были различные формы самостоятельного коллективного содержания жилого дома за счет денежных и имущественных взносов жильцов. Возникновение домов-коммун было вызвано, в первую очередь, массовой миграцией молодого трудоспособного населения страны. Под напором переселенцев изменилась социальная структура населения крупных городов. Рабочие с окраин въезжали в бывшие доходные дома в центре города. Согласно статистическим данным в 1917-м году в пределах Садового кольца в Москве проживало менее 5% рабочих, а уже к 1920-му году — 40—50%. В 1921-м году в столице насчитывалось 865 домов-коммун. В Харькове в период с 1922-го по 1925-й годы было зарегистрировано 242 дома-коммуны.

Во второй половине 1920-х годов идея дома-коммуны как новой формы среды жизнедеятельности становится предметом горячих общественных дискуссий и профессиональных архитектурных разработок. Меняется и отношение власти к новой организации коллективного быта — государство начинает финансировать строительство коммунальных объектов.

Студенческий Дом-коммуна архитектора И.С. Николаева был построен по проекту, победившему в конкурсе среди проектных организаций Москвы. Программа конкурса была составлена Московским бюро пролетарского студенчества. Она предусматривала:

«1) выделение спальных помещений и дифференциацию помещений по родам бытовых процессов;

2) стерилизацию и оздоровление этих

**Дом-коммуна,
арх. И.С. Николаев.
Макет**

**Die Haus-Kommune,
Arch. I.S. Nikolaew.
Das Foto vom Modell**

процессов, развивающие у живущих здоровые навыки и привычки;

3) равенство затрат на строительство с общежитием обычного типа (50 м³ внешнего объема на одного живущего)».

Последний пункт программы, по мнению И.С. Николаева, был решающим. Путем ясных логических рассуждений архитектор приходит к выводу о необходимости «снятия» с помещения спальни избытка кубатуры по сравнению с обычной комнатой дневного пребывания. «Эти избытки, — писал он, — соединяясь, служат обобществленным фондом кубатуры, за счет которого создаются просторные помещения дневного, утреннего и вечернего пребывания».

По проекту комплекс состоит из двух основных частей: из помещений спален с примыкающей к ним санитарно-

**Дом-коммуна. Строительный комплекс.
Южный двор. 1931 год**

Die Haus-Kommune. Der Bau des Komplexes, der südliche Hof. 1931

Дие Häuser-Kommunen (die Arbeits-, kommunalen Häuser, die Haushalts-kommunen) sind spontan in den ersten Jahre nach der Revolution des 1917. Jahres und des Bürgerlichen Krieges entstanden. Hauptsächlich waren es verschiedene Formen des selbsttätigen kollektiven Inhalts des Wohnhauses auf Kosten von den geldlichen und Eigentumsbeiträgen der Bewohner. Das Entstehen der Häuser-Kommunen war in erster Linie von der Massenmigration der jungen arbeitsfähiger Bevölkerung des Landes herbeigerufen. Unter dem Andrang der Auswanderer hat sich die soziale Struktur der Bevölkerung der grossen Städte geändert. Die Arbeiter von den Rändern führen in die ehemaligen Mietshäuser im Stadtzentrum ein. Laut den statistischen Daten im 1917 innerhalb des Gartenrings in Moskau wohnten weniger als 5 % der Arbeiter, und schon im 1920 — 40—50 %. Im 1921 wurden in der Hauptstadt 865 Häuser-Kommunen aufgezählt. In Charkow in der Periode von 1922 bis 1925 waren 242 Häuser-Kommunen registriert.

In der zweiten Hälfte der 1920er Jahre wird die Idee des Hauses-Kommune wie die neue Form der Umgebung der Lebens-tätigkeit ein Gegenstand der heissen öffentlichen Diskussionen und der professionellen architektonischen Entwicklungen. Die Beziehung der Macht zur neuen Organisation des kollektiven Alltagslebens ändert sich auch — der Staat beginnt, den Bau der kommunalen Objekte zu finanzieren.

Das studentische Haus-Kommune des Architekten I.S. Nikolaew war nach dem Projekt, das im Wettbewerb unter den Projektorganisationen Moskaus siegte, aufgebaut. Das Programm des Wettbewerbes war vom Moskauer Büro der proletarischen Studentenschaft gebildet. Es sah vor:

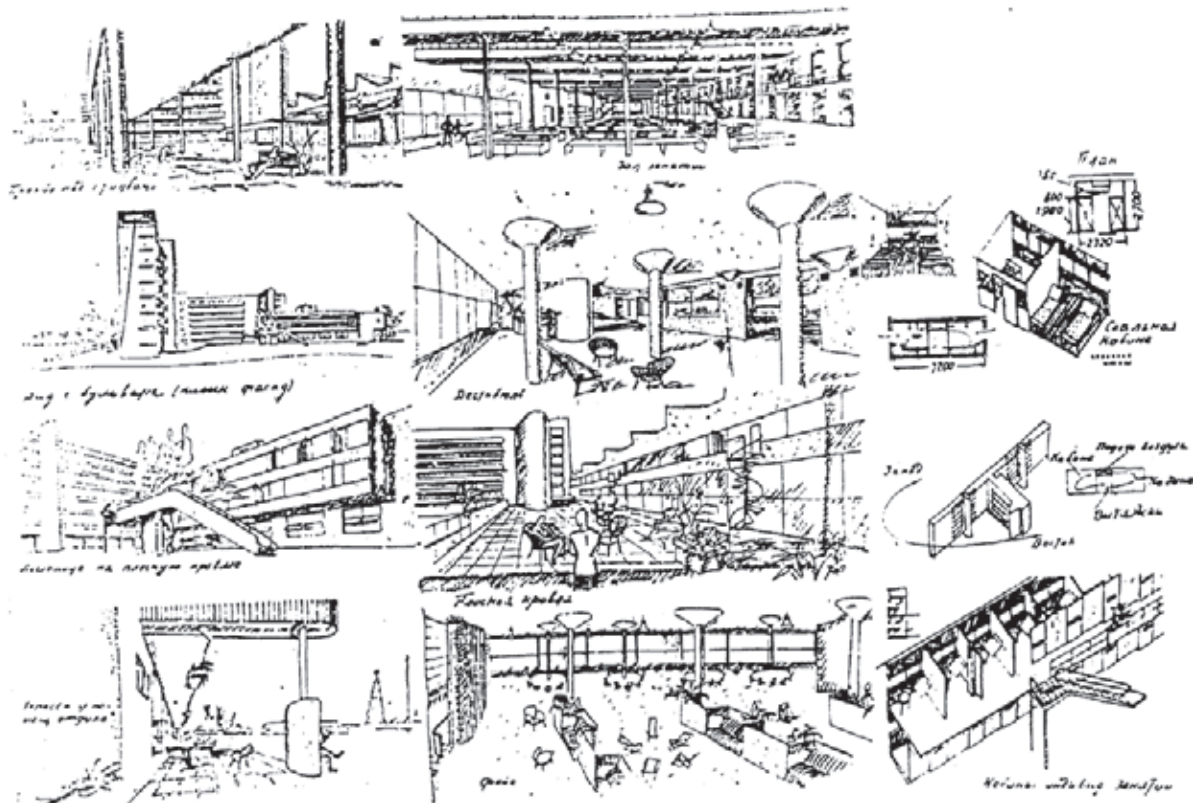
„1) die Aussonderung der Schlafräume und die Differenzierung der Räume laut der Sorten der Haushaltsprozesse;

2) die Sterilisation und die Gesundung dieser Prozesse, die bei Bewohnern die gesunden Fertigkeiten und Gewohnheiten entwickeln;

3) die Gleichheit des Bauaufwands mit dem Wohnheim des gewöhnlichen Typs (50 m³ des äusserlichen Umfanges für einen Bewohner)“.

Der letzte Punkt des Programms, nach Meinung I.S. Nikolaews, war entscheidend. Mittels der klaren logischen Überlegungen kommt der Architekt über die Notwendigkeit „der Abnahme“ vom Raum des Schlafzimmers des Überflusses des Rauminhalts im Vergleich zum gewöhnlichen Zimmer des Tagesaufenthaltes zum Schluss. „Diese Überflüsse, — schrieb er, — sich verbindend, dienen zum vergesellschafteten Fond des Rauminhalts, auf Kosten von dem die geräumigen Räume des Tages-, Morgen- und Abendaufenthaltes geschaffen werden“.

Laut dem Projekt besteht der Komplex aus zwei Hauptteilen: aus den Räumen der Schlafzimmer mit der sich ihm anschließenden sanitären-technischen Gruppe und den Räume des Tagesaufenthaltes. Die Gebäude der schlaf-sanitären Gruppe acht

Дом-коммуна.
Рисунки
И.С. Николаева

Die Haus-Kommune.
Die Abbildungen
I.S. Nikolaews

технической группой и помещений дневного пребывания. Здания спально-санитарной группы высотой восемь этажей были рассчитаны на размещение и обслуживание двух тысяч студентов. В спальном корпусе длиной 200 м и шириной 7,8 м на семи типовых этажах с центральным коридором помещались одна тысяча спальных кабин. В каждой спальной кабине площадью 6 м² стояли две кровати и два венских табурета. Никакой другой мебели в кабине не предусматривалось. Санитарный корпус включал гардеробные с индивидуальными шкафчиками, душевые и уборные. В подвальном этаже был физкультурный зал, а позднее кинозал с кружковыми комнатами. Предполагалось, что вечером, помывшись в санитарном блоке, коммунары надевают ночной костюм и приходят в свою спальную кабину. Утром по сигналу горна все жильцы должны были выйти на зарядку в широкие коридоры и на балконы санитарного корпуса.

Помещения дневного пребывания занимали широкий двухэтажный корпус с шедовыми фонарями верхнего света. На первом этаже, слева от вестибюля, размещались помещения кухни и столовой на 250 посадочных мест, а справа — небольшая аудитория и комнаты для кружков. Верхний этаж представлял собой зал для разного рода коллективных и индивидуальных занятий. Из этого зала были предусмотрены выходы на эксплуатируемую кровлю над вестибюлем, на которую можно было также попасть по открытой

Дом-коммуна. Корпус дневного пребывания.
Зал для занятий студентов

Die Haus-Kommune.
Das Gebäude des Tagesaufenthaltes. Der Saal für die Studien der Studenten

Stockwerke in die Höhe waren auf die Unterbringung und die Bedienung zwei Tausende Studenten gerechnet. Im Schlafgebäude 200 m in die Länge und 7,8 m in die Breite auf sieben typisierten Stockwerken mit dem zentralen Korridor fanden eine Tausend Schlafkabinen Platz. In jeder Schlafkabine 6 m² in die Fläche standen zwei Betten und zwei Wiener Hocker. Kein anderes Möbel

лестнице с уровня земли. Представлялось, что простор, обилие света и воздуха сделают эти помещения особо привлекательными для коммунаров и, тем самым, исключат потребность в пользовании спальными кабинами в дневное время.

Так это было задумано и осуществлено. Однако реализация этой жизнестроительной концепции с самого начала столкнулась с некоторыми трудностями. Первое, на что еще до постройки обращал внимание И.С. Николаев, — это завышенная вместимость общежития. На то время количество студентов — членов бытовых коммун было значительно меньше размера дома. Последующий спад в развитии движения студенческих коммун привел к тому, что Дом-коммуна постепенно стал заселяться посторонними людьми, а в помещениях, предназначенных для занятий студентов, стали размещаться различные организации.

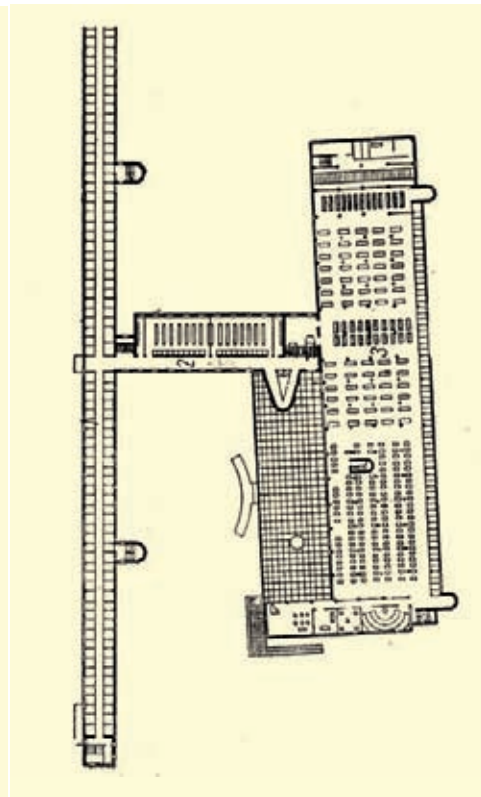
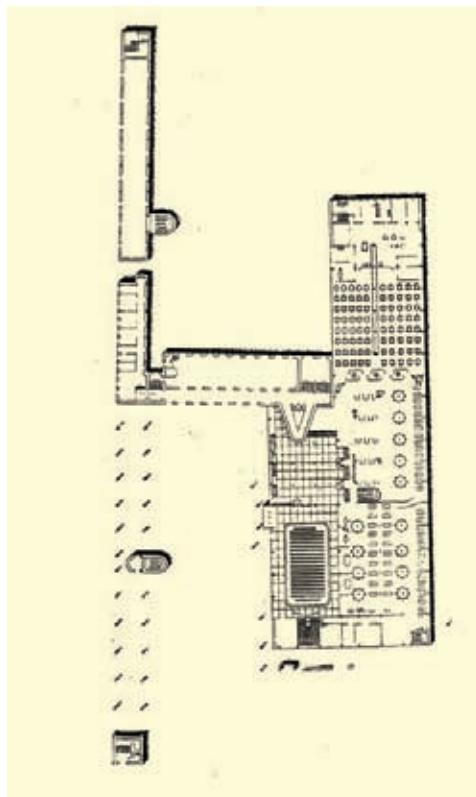
С середины 1930-х годов в обществе стало меняться отношение к коллективным формам организации жизни. Обобществление быта стало рассматриваться как досадная ошибка проектировщиков и строительство домов-коммун пошло на спад. Между тем, Дом-коммуна Николаева, утратив в значительной степени черты дома коллективного быта, продолжал функционировать как общежитие студентов московских вузов.

В 1966-м году с согласия И.С. Николаева была произведена перепланировка практически всех помещений Дома-коммуны. Наибольшие изменения коснулись зданий спально-санитарной группы. В спальном корпусе коридор вместо центрального стал односторонним, а спальные кабины заменены на более просторные жилые ячейки, однако без санитарных кабин. Уборные и душевые остались в санитарном корпусе, что вызывало серьезные неудобства при эксплуатации общежития. В корпусе для дневного пребывания в результате перепланировки была практически полностью утрачена зальная структура организации внутреннего пространства.

Изменения коснулись также внешнего облика здания. Были застроены сквозные проходы под южной частью спального корпуса, плоские кровли заменены на скатные, ленточные окна спального корпуса увеличены по высоте и в них появились простенки, бетонные ограждения балконов санитарного корпуса стали металлическими.

С течением времени Дом-коммуна в основной своей части — как студенческое общежитие — перестал отвечать современным требованиям. По официальному заключению городских служб комплекс был признан аварийным и непригодным для дальнейшей эксплуатации. Возникла реальная опасность утраты замечательного памятника конструктивизма.

В этой ситуации в 1994-м году владелец комплекса Московский Государственный институт стали и сплавов принимает решение о реставрации памятника с при-

wurde in der Kabine vorgesehen. Das sanitäre Gebäude nahm die Kleiderablagen mit den individuellen Schränken, die Duschräume und die Garderoben auf. Im Kellerstockwerk gab es die Turnhalle, und später den Filmsaal mit den Zirkelzimmern. Man hatte vor, dass am Abend, im sanitären Block gewaschen, der Kommunard den nächtlichen Anzug anzieht und zur Schlafkabine kommt. Am Morgen auf das Signal des Herds sollten alle Bewohner in die breiten Korridore und auf die Balkons des sanitären Gebäudes für die Frühgymnastik hinausgehen.

Die Räume des Tagesaufenthaltes nahmen das breite zweigeschossige Gebäude mit den Shedoberlichtern des oberen Lichtes ein. Auf dem Erdgeschoß, links von der Vorhalle, befanden sich die Räume der Küche und der Gaststätte auf 250 Sitzstellen, und rechts — der kleine Hörsaal und

Дом-коммуна. План 1-го и 2-го этажей

Die Haus-Kommune. Der Plan der Stockwerke 1 und 2

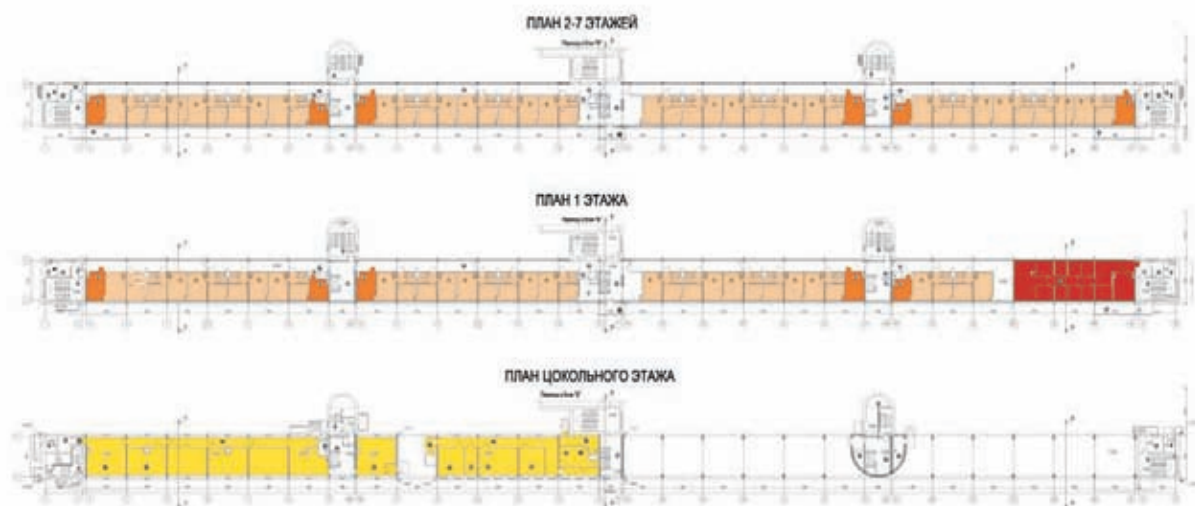
die Zirkelzimmer. Das obere Stockwerk stellte den Saal für verschiedene kollektive und individuelle Beschäftigungen dar. Aus diesem Saal waren die Ausgänge auf die bewirtschaftete Deckung über der Vorhalle vorgesehen, auf die man durch die offene Treppe vom Niveau der Erde auch kommen konnte. Man beabsichtigte, dass die Weite, der Überfluss des Lichtes und der Luft diese Räume besonders attraktiv für die Kommunarden machen werden und dadurch werden das Bedürfnis nach der Benutzung der Schlafkabine zur Tageszeit ausschließen.

So war es beabsichtigt und verwirklicht. Doch ist die Realisierung dieser lebensbau-

Дом-коммуна, проект реставрации. Спальный корпус

Die Haus-Kommune, das Projekt der Wiederherstellung. Das Schlafgebäude

Дом-коммуна, проект реставрации. Спальный корпус, планы этажей

Die Haus-Kommune, das Projekt der Wiederherstellung. Der Schlafgebäude, die Pläne der Stockwerke

способлением его к современным требованиям под многофункциональные цели. А с 1995-го года проектные работы по комплексу начинает вести Московский архитектурный институт (МАРХИ).

Проектировщик и заказчик были согласны в главном: комплекс должен сохранить свое первоначальное назначение — быть студенческим общежитием, но при этом сохранить в максимальной степени архитектурные качества памятника. Задание на проектирование предусматривало размещение жилых ячеек общежития в зданиях бывшей спально-санитарной группы и восстановление зальной структуры помещений корпуса дневного пребывания.

В ходе разработки архитектурной концепции была выявлена очень серьез-

lichen Konzeption auf einige Schwierigkeiten von Anfang an zusammengestoßen. Erstes, auf was noch bis zum Bau I.S. Nikolaew beachtete, war die überhöhte Kapazität des Wohnheimes. Auf jene Zeit war die Zahl der Studenten — der Mitglieder der Haushalts-kommunen viel weniger gegen den Umfang des Hauses. Der nachfolgende Rückgang in der Entwicklung der Bewegung der studentischen Kommunen hat dazu gebracht, dass die Haus-Kommune allmählich anfang, von den nebensächlichen Menschen besiedelt zu werden, und in den Räumen, die für die Studien der Studenten vorbestimmt sind, begannen verschiedene Organisationen aufgestellt zu werden.

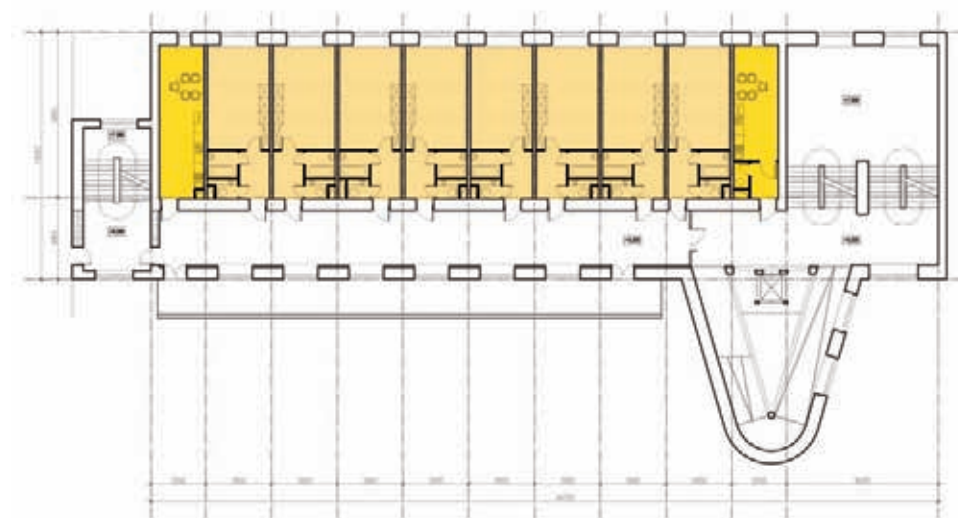
Seit der Mitte der 1930er Jahre begann in der Gesellschaft die Beziehung zu den kollektiven Formen der Organisation des

Lebens zu ändern. Man fing an, die Vergesellschaftung des Alltagslebens wie der bedauerliche Fehler der Projektanten betrachten und der Bau der Häuser-Kommunen ging auf den Rückgang. Inzwischen setzte Die Haus-Kommune von Nikolaew fort, wie das Wohnheim der Studenten der Moskauer Hochschulen zu funktionieren, obwohl das in bedeutendem Grade die Striche des Hauses des kollektiven Alltagslebens verloren.

Im 1966 mit Zustimmung I.S. Nikolaews war die Neuplanung tatsächlich aller Räume der Hauses-Kommune erzeugt. Die meisten Veränderungen haben die Gebäude der schlaf-sanitären Gruppe betroffen. Im Schlafgebäude wurde der Korridor anstelle zentral einseitig, und die Schlafkabinen sind durch die geräumigeren Wohnzellen

Дом-коммуна, проект реставрации. Санитарный корпус, план типового этажа

Die Haus-Kommune, das Projekt der Wiederherstellung. Das sanitäre Gebäude, der Plan des typisierten Stockwerks

**Дом-коммуна, проект реставрации.
Южный корпус**

**Die Haus-Kommune,
das Projekt der
Wiederherstellung. Der
südliche Hof**

ная проблема, ставившая под угрозу осуществление проектного замысла. Дело в том, что стальной каркас спального корпуса, являющийся остовом здания, не отвечал действующим нормам по несущей способности, а демонтаж и замена каркаса не представлялась возможной, т.к. означала бы утрату памятника. Чтобы не допустить разборки каркаса, было принято решение перейти на иную конструктивную основу здания, а именно — на поперечные несущие стены из железобетона. Здесь важно отметить, что в планировочном отношении эта конструктивная схема не противоречила поздней планировке спального корпуса, одобренной И.С. Николаевым. Переход на другую конструктивную основу здания потребовал увеличить пространственную жест-

ерсetzt, doch ohne sanitäre Kabinen. Die Garderoben und die Duschräume blieben im sanitären Gebäude, was die ersten Unbequemlichkeiten im Betriebszustand des Wohnheimes herbeirief. Im Gebäude für den Tagesaufenthalt war im Ergebnis der Neuplanung tatsächlich vollständig die Saalstruktur der Organisation des inneren Raumes verloren.

Die Veränderungen haben auch die äusserliche Gestalt des Gebäudes betroffen. Die durchgehenden Durchgänge unter dem südlichen Teil des Schlafgebäude waren bebaut, die flachen Deckungen waren auf die geneigten ersetzt, die Langfenster des Schlafgebäudes sind nach der Höhe vergrößert und da haben in ihnen die Zwischenwände erschienen, die Betonumzäunungen der Balkons des sanitären Gebäudes wurden metallisch.

Mit der Strömung der Zeit hat die Haus-Kommune im Hauptteil — wie das studentische Wohnheim — aufgehört, den modernen Anforderungen zu entsprechen. Laut dem offiziellen Schluss der städtischen Dienste war der Komplex notvoll und für die weitere Ausbeutung untauglich anerkannt. Die reale Gefahr des Verlustes des bemerkenswerten Denkmals des Konstruktivismus entstand.

In dieser Situation im 1994 fasst der Besitzer des Komplexes das Moskauer Staatliche Institut des Stahls und der Legierungen einen Beschluß über die Wiederherstellung des Denkmals mit seiner Verwendung zu den modernen Forderungen unter die multifunktionalen Ziele. Und seit 1995 beginnt das Architekturinstitut Moskau (MARHI), die Projektarbeiten am Komplex zu führen.

Der Projektant und der Besteller waren in der Hauptsache einverstanden: der Komplex soll die ursprüngliche Bestimmung aufsparen — ein studentisches Wohnheim sein, aber dabei maximal die architektonischen Qualitäten des Denkmals aufsparen. Die Entwurfsaufgabe sah die Unterbringung der Wohnzellen des Wohnheimes in den Gebäuden der ehemaligen schlaf-sanitären Gruppe und die Wiederherstellung der Saalstrukturen der Räume des Gebäudes des Tagesaufenthaltes vor.

Заказчик — Московский государственный институт стали и сплавов (Технологический университет).

Проектная организация — Московский архитектурный институт (государственная академия).

Научный руководитель проекта — академик А.П. Кудрявцев.

Руководитель авторского коллектива, главный архитектор проекта — архитектор В.О. Кулиш.

Главный архитектор проекта реставрации — архитектор А.А. Бернштейн.

Der Besteller — das Moskauer staatliche Institut des Stahls und der Legierungen (die Technologische Universität).

Der Projektierungsbetrieb — das Architekturinstitut Moskau (die staatliche Akademie).

Der wissenschaftliche Leiter des Projektes — Akademiemitglied A.P.Kudrjawtsew.

Der Leiter des Autorenkollektives, der Hauptarchitekt des Projektes — der Architekt W.O.Kulisch.

Der Hauptarchitekt des Projektes der Wiederherstellung — der Architekt A.A.Bernstein.

Дом-коммуна, проект реставрации

**Die Haus-Kommune,
das Projekt der
Wiederherstellung.**

Дом-коммуна, проект реставрации. Корпус дневного пребывания. Зал для занятий студентов

Die Haus-Kommune, das Projekt der Wiederherstellung. Das Gebäude des Tagesaufenthaltes, der Saal für die Studien

Дом-коммуна, проект реставрации

Die Haus-Kommune, das Projekt der Wiederherstellung.

Дом-коммуна, проект реставрации

Die Haus-Kommune, das Projekt der Wiederherstellung.

кость существующего каркаса, которая была бы недостаточной при производстве работ. С этой целью был выполнен проект усиления каркаса, осуществленный в натуре.

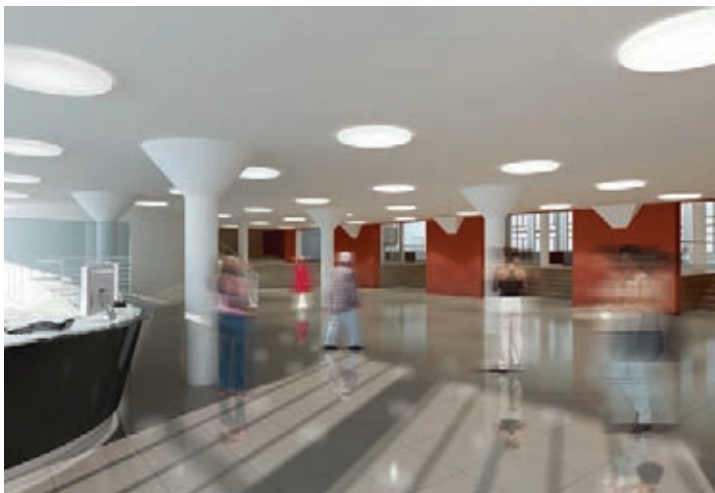
В 2005-м году была утверждена архитектурная концепция реставрации Дома-Коммуны, а в 2006-м году — проект реконструкции с реставрацией комплекса. По проекту решение генерального плана общежития базируется на данных оригинальной планировки участка. Полностью сохраняется сквер в северо-западной части территории, восстанавливаются первоначальные отметки рельефа северного двора и западного проезда вдоль спального корпуса. Организуется второй въезд на территорию с улицы Орджоникидзе. В спальном и санитарном корпусах размещаются жилые ячейки общежития, а в корпусе дневного пребывания на первом этаже восстанавливаются зальные пространства вестибюля-фойе с универсальным зрительным залом. Восстановлению

подлежат библиотека и помещения для занятий на втором этаже. Сохраняется также схема циркуляции студентов внутри корпуса, принятая в проекте И.С. Николаева.

Особое внимание в проекте было уделено архитектурной реставрации фасадов и интерьеров Дома-коммуны. Прежде всего, здания комплекса освобождаются от поздних пристроек, не имеющих исторической ценности. Расчищается застроенное пространство цокольного этажа в южной части спального корпуса, восстанавливаются плоские кровли зданий спально-санитарной группы, создаются бетонные ограждения балконов. Фасадам комплекса возвращаются первоначальные пропорции оконных проемов, а также их заполнение. По проекту И.С. Николаева ленточное остекление спального корпуса, высотой 90 см, не имело простенков, а оконные створки были сдвижными, а не распашными. Восстанавливается витражное остекление первого этажа корпуса дневного пребывания.

Проектом предлагается также воссоздание некоторых элементов архитектурного решения, имевшихся в проекте и

Im Verlauf der Entwicklung der architektonischen Konzeption war das sehr ernste Problem enthüllt, das die Verwirklichung des Projektvorhabens gefährdete. Es handelte sich darum, dass das Stahlskelett des Schlafgebäudes, das das Gerüst des Gebäudes war, den geltenden Normen über die tragenden Fähigkeit nicht antwortete, und die Demontage und der Ersatz des Skelettes unmöglich war, da den Verlust des Denkmals bedeuten würde. Um die Auseinandersetzungen des Skelettes nicht zuzulassen, fasste man den Beschluß auf andere konstruktive Grundlage des Gebäudes überzugehen, und zwar — auf die querlaufenden tragenden Wände aus dem Stahlbeton. Man muss hier bemerken, dass in der Planierbeziehung dieses konstruktive Schema dem späten Planieren des Schlafgebäudes, das von I.S.Nikolaew gebilligt war, nicht widersprach. Der Übergang auf andere konstruktive Grundlage des Gebäudes hat gefordert, die Raumhärte des existierenden Skelettes zu vergrößern, die

Дом-коммуна, проект реставрации

Die Haus-Kommune, das Projekt der Wiederherstellung.

известных нам по рисункам автора, но не реализованных при строительстве. Это, в частности, универсальный зрительный зал с куполом верхнего света на первом этаже корпуса дневного пребывания, помещения венткамер на кровле спального корпуса, пассажирский лифт в санитарном корпусе на месте патерностера, предусмотренного оригинальным проектом.

В 2007-м году выполнена рабочая документация, по которой в сентябре 2008-го года начаты строительно-монтажные работы первой очереди строительства. Проектные работы продолжаются.

ungenügend bei der Führung der Arbeiten wäre. Zu diesem Ziel war das Projekt der Verstärkung des Skelettes erfüllt, verwirklicht in der Natur.

Im 2005 war die architektonische Konzeption der Wiederherstellung der Hauses-Kommune behauptet, und im 2006 — das Projekt der Rekonstruktion mit der Wiederherstellung des Komplexes. Laut dem Projekt stützt sich der Beschluß des Generalplanes des Wohnheimes auf den Daten des originellen Planierens des Abschnittes. Vollständig bleibt die Grünanlage im nord-westlichen Teil des Territoriums erhalten, die ursprünglichen Notizen des Reliefs des Nordhofes und der westlichen Fahrt entlang dem Schlafgebäude werden wieder hergestellt. Die zweite Einfahrt auf das Territorium von der Ordschonikidse Straße wird organisiert. In den Schlaf- und sanitären Gebäude befinden sich die Wohnzellen des Wohnheimes, und im Gebäude des Tagesaufenthaltes auf dem Erdgeschoß werden die Saalräume der Vorhalle-Foyers mit dem universellen Zuschauerraum wieder herge-

stellt. Die Bibliothek und die Räume für die Studien auf dem zweiten Stockwerk sollen auch wieder hergestellt werden. Das Schema der Zirkulation der Studenten innerhalb des Gebäudes, übernommen im Projekt von I.S. Nikolaew, bleibt erhalten.

Die besondere Aufmerksamkeit im Projekt schenkte man der architektonischen Wiederherstellung der Fassaden und der Innenansichten der Hauses-Kommune. Vor allem werden die Gebäude des Komplexes von den späten Anbauten befreit, die keine historische Werte haben. Der bebaute Raum des Sockelgeschosses im südlichen Teil des Schlafgebäudes wird aufgeräumt, die flachen Deckungen der Gebäude der schlaf-sanitären Gruppe werden wieder hergestellt, die Betonumzäunungen der Balkons werden reproduziert. Die Fassaden des Komplexes bekommen die ursprünglichen Proportionen der Fensteröffnungen, sowie ihre Auffüllung. Laut dem Projekt I.S. Nikolaews hatte die Bandverglasung des Schlafgebäudes, die 90 cm in die Höhe war, keine Zwischenwände, und die Fensterflügel waren beweglich, doch ließen sich nicht ganz öffnen. Man erneuert die Farbverglasung des Erdgeschosses des Gebäudes des Tagesaufenthaltes.

Das Projekt beantragt auch die Wiederherstellung einiger Elemente der architektonischen Lösung, die im Projekt existierten und uns durch die Zeichnungen des Autors bekannten waren, aber beim Bau nicht realisiert werden. Das sind insbesondere der universelle Zuschauerraum mit der Kuppel des oberen Lichtes auf dem Erdgeschoß des Gebäudes des Tagesaufenthaltes, die Räume der Ventilatorstationen auf der Deckung des Schlafgebäudes, der Personenlift im sanitären Gebäude auf der Stelle des Paternosters, vorgesehen vom originellen Projekt.

Im 2007 ist die Arbeitsdokumentation erfüllt, laut der im September 2008 die Aufbauarbeiten der ersten Reihe des Baues begonnen sind. Die Projektarbeiten dauern.

**Дом-коммуна
Южный двор**

**Die Haus-Kommune.
2006. Der südliche Hof**

Елена Овсянникова,
профессор кафедры советской и
современной зарубежной архитектуры
Московского архитектурного института
(МАРХИ), координатор проекта
«Москонструкт»

Николай Васильев,
искусствовед (лаборатория
градостроительных исследований
МАРХИ),
заместитель координатора проекта
«Москонструкт»

Jelena Owsjannikowa,
Professor des Lehrstuhls der
sowjetischen und modernen
ausländischen Architektur des
Architekturinstitutes Moskau
(MARHI), Koordinator des Projektes
„Moskonstrukt“

Nikolaj Wassiljew,
Kunstwissenschaftler (das Labor
der städtebaulichen Forschungen
von MARHI),
Stellvertreter des Koordinators des
Projektes „Moskonstrukt“

ПРОЕКТ «МОСКОНСТРУКТ»

Das Projekt „Moskonstrukt“

Презентация
на архитектурном
биеннале

Architektonische
Biennale

Экскурсия

В рамках программы развития отношений России и стран Евросоюза задуман и успешно реализуется уникальный проект под названием «Москонструкт». Начатый в 2008-м году и рассчитанный на два года насыщенной деятельности двух вузов — Римского Университета «Ла Сапиенца» и Московского архитектурного института (МАРХИ) — проект «Москонструкт» направлен на привлечение внимания, как широкой общественности, так и профессионалов к проблемам сохранения наследия русского архитектурного авангарда 1920-х—начала 1930-х годов. Организаторы и участники проекта уверены: памятники архитектуры этого периода должны занять достойное место в структуре города. Без глубокого понимания этой задачи обсуждение частных вопросов реставрации памятников авангарда полностью теряет смысл. Именно поэтому в рамках проекта «Москонструкт» было решено привлечь студентов-архитекторов к обследованию городской застройки 1920—1930-х годов и поиску необходимых планировочных решений. Результаты этой работы будут использованы для популяризации наследия архитектурного авангарда Москвы и организации дискуссии горожан об использовании зданий, выстроенных в уникальную эпоху «романтического коммунизма».

Важно отметить, что на фоне эклектики и модерна в архитектуре этого периода сложились два прогрессивных направления. Первое — художественное выражение новых технологий (железобетонные каркасы и стеклянные фасады). Второе — экспрессия чистой скульптурной фор-

Им Rahmen des Programms der Entwicklung der Beziehungen Russlands und der Länder der Europäischen Union wird das einzigartige Projekt unter dem Titel „Moskonstrukt“ beabsichtigt und erfolgreich realisiert. Begonnen im 2008 und gerechnet auf zwei Jahre der saturierten Tätigkeit von zwei Hochschulen — der Römischen Universität „La Sapienza“ und dem Architekturinstitut Moskau (MARHI) — ist das Projekt „Moskonstrukt“ zu der Heranziehung der Aufmerksamkeit wie der breiten Öffentlichkeit, als auch der Spezialisten zu den Problemen der Erhaltung des Erbes der russischen architektonischen Avantgarde der 1920er — des Anfanges der 1930er Jahre gerichtet. Die Organisatoren und Teilnehmer des Projektes sind überzeugt: die Denkmäler der Architektur dieser Periode sollen den würdigen Platz in der Struktur der Stadt belegen. Ohne tiefes Verständnis dieser Aufgabe verliert die Erörterung der speziellen Fragen der Wiederherstellung der Denkmäler der Avantgarde den Sinn vollständig. Gerade deshalb entschied man im Rahmen des Projektes „Moskonstrukt“, die Studenten-Architekten zur Überprüfung der städtischen Bebauung der 1920—1930er Jahre und der Suche der notwendigen Planierlösungen heranzuziehen. Die Ergebnisse dieser Arbeit werden für die Popularisierung des Erbes der architektonischen Avantgarde Moskaus und der Organisation der Diskussion der Städter über die Nutzung der Gebäude, die in die einzigartige Epoche „des romantischen Kommunismus“ aufgebaut sind, verwendet sein.

мы и ее «рациональное» восприятие. В 1920-е годы эти направления называли конструктивизмом и рационализм. В обоих случаях речь шла о создании нового архитектурного языка без традиционных элементов архитектурного ордера — колонн, капителей, карнизов, фриз и проч. Мастера авангарда отказались от самого понятия «фасад», стали искать выразительность сочетания больших и малых объемов здания, новый ритм повторяющихся ячеек жилых домов, трибун и лестниц, выведенных за внешние стены рабочих клубов.

В период авангарда сложились концепции клуба, дома-коммуны и массового многоквартирного дома. Новые жилые районы стали важнейшей частью городской архитектуры.

В отличие от домов-коммун, значение которых как массового жилища давно утрачено, социальная роль клубов сегодня только возросла. В нынешней Москве — острый дефицит качественных общественных пространств, подменяемых подвалами, бывшими цехами и иными случайными помещениями. К несчастью, только один клуб тех лет до сего дня работает в центре Москвы по назначению. Это клуб им. С.М. Зуева на Лесной улице. Он представляет собой прямоугольный объем с парадной лестницей, заключенной в стеклянном цилиндре, до сих пор композиционно акцентирующий угол Лесной улицы и Миусского переулка (1927—1929 годы, арх. И.А. Голосов). Однако шедевр русского авангарда искажен переделками и требует реставрации (заложены многие окна, уничтожен балкон, деформированы металлические витражи). Но по своей функции он незаменим, и это могут подтвердить горожане.

Проекты студентов МАРХИ

Работа студентов МАРХИ над проектами

Es ist zu bemerken, dass sich auf dem Hintergrund des Eklektizismus und der Moderne in der Architektur dieser Periode zwei progressive Richtungen gebildet haben. Die erste ist der künstlerische Ausdruck der neuen Technologien (die Stahlbetonskelette und die Glasfassaden). Die zweite ist die Expression der reinen Skulpturform und ihrer „rationalen“ Wahrnehmung. In 1920er Jahren nannten diese Richtungen den Konstruktivismus und die Rationalität. Für beide Fälle handelte es sich um die Bildung der neuen architektonischen Sprache ohne traditionelle Elemente der architektonischen Anweisung — die Kolonnen, Kapitelle, Simse, Friesen u.a.m. Die Meister der Avantgarde haben vom Begriff „die Fassade“ abgelehnt, sie fingen an, die Ausdruckskraft der Kombination der großen und kleinen Umfänge des Gebäudes, den neuen Rhythmus der wiederholten Zellen der Wohnhäuser, Tribünen und Treppen, die für die äusserlichen Wände der Arbeitsklubs herausgeführt sind, zu suchen.

Im Laufe der Avantgarde haben sich die Konzeptionen des Klubs, der Hauses-Kommune und des Massenmehrfamilienhauses gebildet. Die neuen Wohngebiete wurden der wichtigste Teil der städtischen Architektur.

Im Unterschied zu den Häusern-Kommunen, deren Bedeutung wie die Massenbehausung seit langem verloren ist, ist heute die soziale Rolle der Klubs nur gewachsen. In jetzigem Moskau gibt es das scharfe Defizit der qualitativen öffentlichen Räume, die von den Kellern, ehemaligen Abteilungen und anderen zufälligen Räumen ausgewechselt werden. Unglücklicherweise, arbeitet nur ein Klub jener Jahre bis zu diesem Tag in der Mitte Moskaus bestimmungsgemäß. Das ist der Klub namens S.M.Suew in der Lesnaja Straße. Er stellt

Проекты жилых зданий эпохи авангарда были реализованы в условиях дефицита строительных материалов. Сегодня они выглядят ужасающе, однако, не только по этой причине: с момента постройки здания практически не реставрировались. Например, дом Наркомфина на Новинском бульваре (1928—1932 годы, арх. М.Я. Гинзбург, И.Ф. Милинис) благодаря особому статусу своего заказчика — Народного комиссариата финансов РСФСР — создавался по последнему слову отечественной техники (в железобетонном каркасе). Сегодня его облегченные стены из кустарно выполненных блоков пришли в полную непригодность. Кроме того, этот уникальный комплекс с жилой и общественной частью изуродован арендаторами и жителями (занято пространство между его опорами и кардинально изменена планировка квартир). Решить проблему его реставрации — необычайно сложная задача, т.к. в процессе будут неизбежно затронуты интересы целого ряда собственников, разместившихся в здании, а разговор о пересмотре сегодняшнего функционального назначения постройки еще более усложнит ситуацию. Не стоит забывать и о том, что кроме реставрации самого здания для достижения композиционно-архитектурной гармонии совершенно необходимо осуществить соответствующее благоустройство всего прилегающего квартала.

Множество проблем в наши дни связано с сохранением и дальнейшим ис-

Международная конференция по проблемам сохранения культурного наследия авангарда

пользованием знаменитых зданий, спроектированных К.С. Мельниковым. Клубы и гаражи далеко не всегда были выполнены по первоначальному архитектурному проекту и в дальнейшем зачастую подвергались основательной перестройке. Эти два обстоятельства требуют особого осмысления в ходе планирования реставрационных работ на данных объектах. Сохранению таких памятников не способствует и ситуация, складывающаяся вокруг них. Например, рядом с собственным домом-мастерской К.С. Мельникова

Презентация на архитектурном биеннале

den rechteckigen Umfang mit der Haupttreppe dar, geschlossen im Glaszylinder, der bis jetzt die Ecke der Lesnaja Straße und der Miusskij Gasse (1927—1929, Arch. I.A.Golosow) kompositionell betont. Doch ist das Meisterwerk der russischen Avantgarde von den Umarbeitungen verzerrt und fordert die Wiederherstellung (viele Fenster sind gelegt, der Balkon ist zerstört, die metallischen Buntglasfenster sind deformiert). Aber laut der Funktion ist er unersetzlich und es können die Städter bestätigen.

Die Projekte der Wohngebäude der Epoche der Avantgarde waren unter den Bedingungen des Defizits der Baustoffe realisiert. Heute sehen sie schrecklich aus, doch nicht nur aus diesem Grund: seit dem Bau wurden die Gebäude tatsächlich nicht restauriert. Zum Beispiel war das Haus von Narkomfin auf dem Nowinskij Boulevard (1928—1932, Arch. M.J.Ginzburg, I.F.Milinniss) dank dem besonderen Status des Bestellers — des Volkskommissariats der Finanzen von RSFSR — laut dem letzten Wort der einheimischen Technik (im Stahlbetonskelett) geschaffen. Heute sind seine erleichterten Wände aus der handwerklich erfüllten Blöcke zur vollen Untauglichkeit gekommen. Außerdem ist dieser einzigartige Komplex mit dem Wohn- und öffentlichen Teil von den Pächtern und Bewohnern entstellt (der Raum zwischen seinen Stützen ist besetzt und das Planieren der Wohnungen ist kardinal geändert). Das Problem seiner Wiederherstellung zu entscheiden — ist eine ungewöhnlich komplizierte Aufgabe, da im Prozess die Interessen vieler Besitzer, die im Gebäude aufgestellt sind, unvermeidlich geschädigt sein werden, und das Gespräch über die Revision der heutigen funktionalen Bestimmung des Baus wird die Situation noch mehr komplizieren. Man soll nicht vergessen, dass außer der Wiederherstellung des Gebäudes für die Errungenschaft der komposition-architektonischen Harmonie man den entsprechenden Komfort des ganzen angrenzenden Viertels verwirklichen muss.

Eine Menge der Probleme ist heutzutage mit der Erhaltung und weiterer Nutzung der berühmten Gebäude verbunden, die von K.S.Melnikow entworfen sind. Die Klubs und die Garagen waren laut dem ursprünglichen Architektenentwurf nicht immer erfüllt und in der Folge waren sie oft gründlich umbaut. Diese zwei Umstände fordern das besondere Verständnis im Verlauf der Planung der Wiederherstellungsarbeiten auf den gegebenen Objekten. Zur Erhaltung solcher Denkmäler trägt auch die Situation nicht bei, die um sie herum gebildet ist. Zum Beispiel errichtet man heute neben der eigenen Haus-Werkstatt von K.S. Melnikow die neuen Gebäude mit stark vertieften Stockwerken, was den Fundamenten des hervorragenden architektonischen Denkmals droht.

Es ist dabei offenbar, dass viele architektonische Ideen, die in die Projekte des Wohngebietes der Epoche der Avantgarde gelegt sind (Usatschewka, Dangauerowka, Dubrowka u.a.) bis jetzt nicht veraltet sind.

сегодня возводят новые здания с сильно заглубленными этажами, что угрожает фундаментам выдающегося архитектурного памятника.

При этом очевидно, что многие архитектурные идеи, заложенные в проекты жилой застройки эпохи авангарда (Усачевки, Дангауэровки, Дубровки и др.) не устарели до сих пор. Большой интерес вызывает уникальная планировка кварталов — расстановка домов под углом к «красной линии» или со сдвигом одного корпуса относительно другого для создания атмосферы уютного двора. Привлекательна оптимальная плотность такой застройки, на которую до сих пор ориентируются во всем мире при создании кварталов массового заселения. И только в России руководители строительного комплекса упорно игнорируют достижения отечественного градостроения.

Безусловно, сохранять и поддерживать в надлежащем состоянии облик таких архитектурных комплексов неизмеримо труднее, чем одного отдельно взятого здания. Однако для авторов проекта «Москонструкт» очевидно, что с исчезновением таких кварталов будет утрачена соразмерная человеку жилая среда и непоправимо повреждена планировочная ткань города. Учитывая многие из перечисленных проблем, они считают необходимым в рамках проекта провести фиксацию современного состояния зданий 1920-х—начала 1930-х годов для уточнения их историко-архитектурного статуса и предложить вниманию общественности студенческие проекты реконструкции городской застройки подобного рода.

Особое место в этой работе занимает сравнение ситуации, сложившейся вокруг памятников советского авангарда в Москве, с примерами решения аналогичных проблем в Риме. Опыт зарубежных коллег по осмыслению вопросов сохранения произведений архитектуры XX века исключительно важен для Москвы, особенно, если мы хотим, чтобы развитие российской столицы происходило на высоком общеевропейском уровне.

К реализации проекта «Москонструкт» привлечены отечественные и зарубежные художники, готовые внести свой творческий вклад в дело популяризации идеи охраны наследия XX века. Авторский коллектив проекта «Москонструкт» активно сотрудничает с благотворительными фондами, общественными и государственными организациями, с архитекторами, искусствоведами, реставраторами, специалистами-краеведами, студентами.

В 2009 году будет опубликован каталог материалов обследования московской городской застройки 1920-х—начала 1930-х годов, студенческих работ МАРХИ и римского университета «Ла Сапиенца». В ходе проекта будут изданы листовки и плакаты на тему охраны произведений русского авангарда, устроена выставка.

**Работа студентов
МАРХИ над проектами**

**Studenten der Moskauer Hochschule für
Architektur MARCHI
arbeiten an Projekten**

Das große Interesse erweckt das einzigartige Planieren der Viertel — die Aufstellung der Häuser unter dem Winkel „zur roten Linie“ oder mit der Verschiebung eines Gebäudes bezüglich anderen für die Bildung der Atmosphäre des gemütlichen Hofes. Die optimale Dichte solcher Bebauung ist attraktiv, auf die man in der ganzen Welt bei der Bildung der Viertel der Massenbesiedlung bis jetzt orientiert. Und nur in Russland ignorieren die Leiter des Baukomplexes die Errungenschaften des einheimischen Städtebaus hartnäckig.

Unbedingt ist es gewaltig schwieriger, die Gestalt solcher architektonischen Komplexe aufzusparen und sie im gehörigen Zustand zu unterstützen, als eines abgesondert genommenen Gebäudes. Doch ist es für die Autoren des Projektes „Moskonstrukt“ offenbar, dass mit dem Verschwinden solcher Viertel die dem Menschen entsprechende Wohnumgebung verloren sein wird und der Planierstoff der Stadt unverbesserlich beschädigt sein wird. In Anbetracht vieler der aufgezählten Problemen, halten sie das für notwendig, im Rahmen des Projektes die Fixierung des modernen Zustandes der Gebäude der 1920er—des Anfanges der 1930er Jahre für die Präzisierung ihres historisch-architektonischen Status durchzuführen, und der Aufmerksamkeit der Öffentlichkeit die studentischen

ähnlichen Projekte der Rekonstruktion der städtischen Bebauung anzubieten.

Eine besondere Stelle in dieser Arbeit nimmt der Vergleich der Situation, die sich um die Denkmäler der sowjetischen Avantgarde in Moskau herum bildete, mit den Beispielen der Lösung der ähnlichen Probleme in Rom ein. Die Erfahrung der ausländischen Kollegen vom Verständnis der Fragen der Erhaltung der Werke der Architektur des XX. Jahrhunderts ist für Moskau besonders wichtig, wenn wir wollen, dass die Entwicklung der russischen Hauptstadt auf dem hohen gesamteuropäischen Niveau geschieht.

Zur Realisierung des Projektes „Moskonstrukt“ sind die einheimischen und ausländischen Maler herangezogen, die fertig sind, den schöpferischen Baustein der Popularisierung der Idee des Schutzes des Erbes des XX. Jahrhunderts beizutragen. Das Autorenkollektiv des Projektes „Moskonstrukt“ arbeitet mit den Stiftungen, öffentlichen und staatlichen Organisationen, Architekten, Kunstwissenschaftlern, Restauratoren, Fachkräften-Heimatsforschern, Studenten aktiv zusammen.

Im 2009 wird der Katalog der Materialien der Überprüfung der Moskauer städtischen Bebauung der 1920er—des Anfanges der 1930er Jahre, der studentischen Arbeiten von MARCHI und der römischen Universität „La Sapienza“ veröffentlicht sein. Im Verlauf des Projektes werden die Flugblätter und Plakate zum Thema des Schutzes der Werke der russischen Avantgarde herausgegeben sein, man wird die Ausstellung veranstalten.

**Елена Овсянникова,
профессор кафедры советской
и современной зарубежной
архитектуры Московского
архитектурного института
(МАРХИ)**

**Jelena Owsjannikowa,
Professorin des Lehrstuhls
der sowjetischen und mod-
ernen ausländischen Archi-
tektur des Architekturinsti-
tutes Moskau (MARHI)**

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОСТИ МОСКВЫ В ДЕЛЕ ОХРАНЫ НАСЛЕДИЯ

Die Rolle der Öffentlichkeit Moskaus im Schutz des Erbes

Богатое архитектурное наследие столицы, веками складывавшееся в уникальный, красивейший в мире градостроительный ансамбль, — многослойный по временной структуре, разнообразный по стилям и направлениям, но при этом удивительно гармоничный, — позволяет по праву отдать Москве главное место среди городов русских. И конечно же, охрана исторических и культурных памятников российской столицы имеет свою замечательную историю. С 1864 года здесь действовало знаменитое Московское археологическое общество. Членами его являлись самые именитые граждане. Научное общество занималось изучением старины, охраной древних памятников, проведением многочисленных археологических раскопок и просуществовало вплоть до 1922-го года.

Известно, что за первые два десятилетия после Октябрьской революции Москва изменилась больше, чем за всю свою многовековую историю. Распространено мнение, что в это время никто не занимался охраной архитектурного наследия. Далеко не все знают, что и в труднейшие послереволюционные годы в столице Советской республики действовали государственные органы охраны наследия и служившие этой же цели общественные организации. Сносу каждого памятника архитектуры предшествовала упорная дискуссия зодчих и ученых с представителями Советов.

Еще в февральскую революцию при Моссовете сложилась Комиссия по охране памятников (первоначально — Художественно-просветительная комиссия). В связи с многочисленными реорганизациями, происходивших в структуре московских и всероссийских органов власти, Комиссия работала сначала при Наркомате имуществ республики, а потом при Московском отделе народного

Фрагмент деревянного здания первой половины XIX столетия, разобранного на дрова. Фото Комиссии по охране памятников Моссовета из архива Н.Д. Виноградова

Das Fragment des hölzernen Gebäudes der ersten Hälfte des XIX Jahrhunderts, das auf das Brennholz abgetragen ist. Das Foto der Kommission für den Schutz der Denkmäler des Moskauer Stadtrates aus dem Archiv von N.D. Winogradow

Дас reiches architektonische Erbe der Hauptstadt, das sich während der Jahrhunderte in einzigartiges, schönstes in der Welt städtebauliches Ensemble bildete, — mehrschichtig laut der vorübergehenden Struktur, vielfältig laut den Stilen und Richtungen, aber dabei merkwürdig harmonisch, — lässt rechtlich zu, Moskau die Hauptstelle unter den russischen Städten zu geben. Und natürlich hat der Schutz der historischen und kulturellen Denkmäler der russischen Hauptstadt die bemerkenswerte Geschichte. Seit 1864 galt hier die berühmte Moskauer archäologische Gesellschaft. Ihre Mitglieder waren die bekanntesten Bürger. Die wissenschaftliche Gesellschaft beschäftigte sich mit der Untersuchung der alten Zeit, dem Schutz der altweltlichen Denkmäler, der Durchführung der zahlreichen archäologischen Ausgrabungen und hat bis zum 1922 existiert.

Es ist bekannt, dass sich für zwei ersten Jahrzehnte nach der Oktoberrevolution Moskau grösser, als für die ganze jahrhundertealte Geschichte geändert hat. Es gibt eine landläufige Ansicht, dass niemand sich zu dieser Zeit mit dem Schutz des architektonischen Erbes beschäftigte. Lange nicht alle wissen, dass auch in der schwierigsten nachrevolutionären Jahren in der Hauptstadt der Sowjetischen Republik die staatlichen Organe des Schutzes des Erbes galten und diesem Ziel auch die gesellschaftlichen Organisationen dienten. Dem Abbruch jedes Denkmals der Architektur ging die hartnäckige Diskussion der Baumeister und Gelehrten mit den Vertretern der Ratschläge voran.

Noch hat sich in die Februarrevolution beim Moskauer Stadtrat die Kommission für den Schutz der Denkmäler gebildet (ursprünglich — die künstlerisch-aufklärende Kommission). Infolge einiger Reorganisationen, die in der Struktur der

образования (МОНО). В 1919 году аналогичная организация создана при Наркомпросе (первоначально — Коллегия по охране памятников, затем был образован соответствующий отдел). Деятельности последней было посвящено множество публикаций, тогда как информации о работе самой первой организации — Комиссии по охране памятников при Моссовете — практически не было. К счастью, архив Комиссии сохранил ее бывший руководитель, известный архитектор-реставратор Н.Д. Виноградов, и сегодня мы имеем возможность предоставить вниманию общественности ряд интересных материалов, посвященных предыстории современного Комитета по культурному наследию города Москвы (Москомнаследия).

В 1918—1921-х годах в Комиссию по охране памятников Моссовета вошли многие специалисты и любители, работавшие на общественных началах. Комиссия занималась изучением памятников, их классификацией и проведением в жизнь административных мер для их охраны. Деятельность ее то сужалась до решения исключительно внутригородских вопросов, то расширялась, охватывая проблемы губернского масштаба.

Исключительное значение имела работа в этой комиссии сотрудников архитектурной мастерской А.В. Щусева, Н.Я. Тамонькина, А.В. Снигарева и др., занимавшихся с 1918-го года генеральным планом «Новая Москва». Именно они поставили обследование городской застройки на высокий научный уровень, надеясь использовать собранные материалы в своем проекте. Сам же зодчий-академик А.В. Щусев входил в руководящий орган Комиссии по охране памятников Моссовета — в ее коллегию.

Однако в 1921-м году штат Комиссии по охране памятников Моссовета был сильно сокращен, а в 1923-м году — сведен к минимуму. В этот момент генеральный план «Новая Москва» был резко раскритикован. А.В. Щусеву удалось избежать репрессий лишь потому, что он получил правительственный заказ на проектирование Мавзолея Ленина. С 1927 года, когда были снесены только что отреставрированные Красные ворота, начался массовый снос старинных зданий в Москве.

В противовес этой тенденции в середине 1920-х годов возродилась общественная комиссия «Старая Москва», созданная еще до революции. При ней в 1926-м году Н.Д. Виноградов создал секцию регистрации памятников архитектуры. Ее члены-энтузиасты, любители и профессионалы, среди которых был А.М. Васнецов, П.Н. Миллер, К.А. Верещагин, использовали материалы, ранее собранные Комиссией по охране памятников Моссовета. Они продолжали начатое Комиссией обследование городской застройки для выявления ценных старинных построек.

На первой стадии этой работы в 1919—1921-х годах москвичи зарегистрировали

Н.Д. Виноградов, руководитель Комиссии по охране памятников Моссовета. Портрет работы С.В. Малютина. 1919 год. Картон, пастель. 90,5 x 59. Львовская картинная галерея

N.D. Winogradow, der Leiter der Kommission für den Schutz der Denkmäler des Moskauer Stadtrates. Das Porträt der Arbeit von S.W. Maljutin. 1919. Pappe, Pastell. 90,5 x 59. Die Lwower Gemäldegalerie

множество интересных деревянных зданий эпохи классицизма (так называемой послепожарной застройки, созданной после пребывания в городе войск Наполеона). На второй стадии в 1926—1930-х годах было обнаружено множество белокаменных палат XVII столетия — таких, как Белые палаты. Дело в том, что ранее были хорошо изучены только храмы Москвы. До революции их списки составлял М.И. Александровский, также работавший с 1918-го года в Комиссии по охране памятников Моссовета.

В 1930-м году Комиссия по охране памятников Моссовета была упразднена, как и общество «Старая Москва». Тем не менее, московская общественность продолжала сопротивляться вандализму. Однако ее мнение городские власти не принимали в расчет.

Сегодня, в начале XXI столетия мы стали свидетелями захватывающего процесса: изучением архитектурного наследия активно занимаются не только профессионалы, но и любители. С первых лет перестройки колоссальный интерес мировой общественности вызывают московские здания эпохи авангарда, в частности

Moskauer und allrussischen Machtorgane geschahen, arbeitete die Kommission zuerst bei Narkomat des Republikvermögens, und später bei der Moskauer Abteilung der Volksbildung (MONO). Doch war 1919 die ähnliche Organisation bei Narkompros geschaffen (ursprünglich — das Kollegium für den Schutz der Denkmäler, dann war die entsprechende Abteilung gebildet). Der Tätigkeit der letzten waren eine Menge der Publikationen gewidmet, während es keine Informationen über die Arbeit der ersten Organisation — die Kommission für den Schutz der Denkmäler beim Moskauer Stadtrat gab. Zum Glück hat das Archiv der Kommission ihr ehemaliger Leiter, der bekannte Architekt-Restaurator N.D. Winogradow aufgespart, und heute haben wir die Möglichkeit, der Aufmerksamkeit der Öffentlichkeit die Reihe der interessanten Materialien, die der Vorgeschichte des modernen Komitees für das kulturelle Erbe Moskaus gewidmet sind (Moskomnasledie), anzubieten².

In 1918—1921 gehörten zur Kommission für den Schutz der Denkmäler des Moskauer Stadtrates viele Fachkräfte und Liebhaber, die ehrenamtlich arbeiteten. Die Kommission

конструктивизма. Если прежде проблемы их сохранения не считались приоритетными, то сегодня можно наблюдать особое к ним внимание самых широких слоев общественности. К примеру, один их участников сегодняшнего круглого стола, Д.В. Ромодин, по собственной инициативе создал сайт «Советская архитектура» и проводит экскурсии, посвященные памятникам архитектуры Москвы XX века. Характерно, что в Интернете обсуждение проблем, связанных с сохранением советской архитектуры сегодня по своему объему значительно превосходит дискуссии по поводу охраны древнейших памятников.

Наши немецкие коллеги были в числе первых, кто поставил вопрос об охране зданий XX века сначала в Европе, а затем и в России. Достаточно назвать художника Г. Юккера, нашедшего средства для реставрации знаменитого дома Мельникова.

Особенно серьезные дискуссии до последнего времени ведутся вокруг форм реставрации и практического использования архитектурных объектов XX века. Это обсуждение далеко от завершения. Мы только встали на путь поиска новейшей трактовки данной темы и только пытаемся продумать ее концептуальную сторону, т.к. не только в России, но во всем мире на проблемы наследия такого рода внимание стали обращать относительно недавно.

Радует, что в обсуждение проблем сохранения архитектурных памятников минувшего столетия вовлечены широкие круги международной общественности. Это подтверждает весь мой научный опыт. Мне довелось участвовать в десятках зарубежных семинаров, посвященных русскому авангарду, и сопровождать множество иностранных гостей-архитекторов, приезжающих специально для изучения произведений архитектурного искусства 1920—1930-х годов. А лекции по истории советской архитектуры, которые я читаю в МАРХИ более двадцати лет, с каждым годом вызывают все больший интерес студентов.

Неслучайно Европейская комиссия активно поддержала проект «Москонструкт», в котором принимают участие МАРХИ и Римский университет «La Sapienza» (2008—2009, программа «Taxis»). Проект направлен на привлечение внимания широкой общественности к проблемам сохранения памятников архитектуры 1920-х—начала 1930-х годов. Как руководитель российской группы авторов этого проекта я ежедневно сталкиваюсь с заинтересованностью в этой теме журналистов, создателей телепрограмм, руководителей частных организаций — таких, как фонд «Шуховская башня».

В 2008-м году была реализована и программа Европейской комиссии «Tempus», участники которой из МАРХИ и Королевской высшей технической шко-

А.В. Снягирев. Схема обследования застройки Москвы, проведенного Комиссией по охране памятников Моссовета в 1919—1921-м годах, из архива Н.Д. Виноградова

A.W. Snigarew. Das Schema der Überprüfung der Bebauung Moskaus, durchgeführt von der Kommission für den Schutz der Denkmäler des Moskauer Stadtrates in 1919—1921, aus dem Archiv von N.D. Winogradow

Пригласительный билет на юбилейное заседание комиссии «Старая Москва». Из архива Н.Д. Виноградова

Die Einladungskarten zu den Jubiläumssitzungen der Kommission „Altes Moskau“. Aus dem Archiv von N.D. Winogradow

beschäftigte sich mit der Untersuchung der Denkmäler, ihrer Klassifikation und Durchführung ins Leben der administrativen Maßnahmen für ihren Schutz. Bald verengerte sich ihre Tätigkeit bis zur Lösung der außerordentlich innerstädtischen Fragen, bald erweiterte sich, die Probleme des Gouvernementsmaßstabes erfassend.

Die Ausnahmebedeutung hatte die Arbeit in dieser Kommission der Mitarbeiter der architektonischen Werkstatt von A.W. Schtschusew, N.J. Tamonkin, A.W. Snigarew u.a., die sich seit 1918 mit dem Generalplan „Neues Moskau“ beschäftigten. Gerade sie haben die Überprüfung der städtischen Bebauung auf das hohe wissenschaftliche Niveau gestellt, hoffend, die gesammelten Materialien im Projekt zu verwenden. Baumeister-Akademienmitglied A.W. Schtschusew gehörte dem leitenden Organ der Kommission für den Schutz der Denkmäler des Moskauer Stadtrates — ihrem Kollegium an.

Doch war im 1921 der Staat der Kommission für den Schutz der Denkmäler des Moskauer Stadtrates stark verringert, und im 1923 zum Minimum gemacht. In diesem Moment war der Generalplan „Neues Moskau“ heftig kritisiert. A.W. Schtschusew gelang, die Repressalien nur deshalb zu vermeiden, weil er die Regierungsbestellung auf die Projektierung des Lenin-Mausoleums bekommen hat. Seit 1927, wenn das gerade erst restaurierte Rote Tor fortgetragen war, hat der Massenabbruch der altertümlichen Gebäude in Moskau angefangen³.

Ins Gegengewicht dieser Tendenz hat Mitte 1920 die öffentliche Kommission „Altes Moskau“ wieder aufgelebt, die noch bis zur Revolution geschaffen war. Bei ihr hat N.D. Winogradow im 1926 die Sektion der Registrierung der Denkmäler der Architektur geschaffen. Ihre Mitglieder-Enthusiasten, Liebhaber und Spezialisten, unter denen A.M. Wasnetsow, P.N. Miller, K.A. Wereschtschagin waren, verwendeten die Materialien, die früher von der Kommission für den Schutz der Denkmäler des Moskauer Stadtrates gesammelt waren. Sie setzten die von der Kommission begonnene Überprüfung der städtischen Bebauung für die Aufspürung des wertvollen altertümlichen Baus fort.

Auf dem ersten Stadium dieser Arbeit in 1919—1921 haben die Moskauer eine Menge der interessanten hölzernen Gebäude der Epoche des Klassizismus registriert (der sogenannten Nachfeurbauung, die nach dem Aufenthalt in der Stadt der Truppen Napoleons geschaffen war). Auf dem zweiten Stadium in 1926—1930 war eine Menge der weißsteinernen Kammern des XVII. Jahrhunderts, wie die Weißen Kammern entdeckt. Es handelt sich darum, dass früher nur die Tempel Moskaus gut untersucht waren. Vor der Revolution bildete ihre Listen M.I. Aleksandrowskij, der auch seit 1918 in der Kommissionen für den Schutz der Denkmäler des Moskauer Stadtrates arbeitete⁴.

1930 war die Kommission für den Schutz der Denkmäler des Moskauer

**Проект Новой Москвы
(1918 - 1922)**

лы Стокгольма провели несколько совместных семинаров, посвященных произведениям архитектуры XX века России и Швеции.

Важно, что в наши дни общественность Москвы готова сотрудничать со специалистами во имя сохранения памятников архитектуры советского авангарда, отдавая долг выдающемуся культурно-историческому наследию страны.

1 Автор данной статьи на основе архива бывшего руководителя Комиссии по охране памятников Моссовета Н.Д. Виноградова написала и защитила диссертацию «Охрана памятников архитектуры Москвы в первые послереволюционные годы» (1978)

2 Красные и Триумфальные ворота, Сухарева башню, Китайгородскую стену реставрировали под руководством Н.Д. Виноградова в 1925—1927 годах, т.к. эти уникальные сооружения были переданы на баланс Моссовета. Ранее ими ведал Наркомпрос

3 См.: Овсянникова Е.Б. Из истории комиссии Моссовета по охране памятников // Советское искусствознание '81, 1982, вып. 2, с. 263—330; Старая Москва и «Старая Москва» // Архитектура и строительство Москвы, 1988, № 8, с. 24—27

4 В 1930 году были распущены все подобные общественные организации (например, Общество изучения русской усадьбы (ОИРУ)), многие их члены репрессированы

5 Инициатива Г. Юккера не дала сначала реальных результатов, но впоследствии государственные органы, на которые было оказано давление со стороны многих деятелей культуры мирового уровня, обратили внимание на эту проблему

6 Автор данной статьи принял участие в реализации этой программы

Стадтрates, wie die Gesellschaft „Altes Moskau“, aufgehoben. Nichtsdestoweniger setzte die Moskauer Öffentlichkeit fort, dem Vandalismus zu widerstehen. Doch rechneten die städtischen Behörden ihre Meinung nicht.

Heute, am Anfang des XXI. Jahrhunderts wurden wir die Zeugen des ergreifenden Prozesses: mit der Untersuchung des architektonischen Erbes beschäftigen sich nicht nur die Spezialisten, sondern auch die Liebhaber aktiv. Seit den ersten Jahren der Umgestaltung erweckt die Moskauer Gebäude der Epoche der Avantgarde, unter anderem des Konstruktivismus, das kolossale Interesse der Weltöffentlichkeit. Wenn früher galten die Probleme ihrer Erhaltung vorrangig nicht, heute kann man die besondere Aufmerksamkeit der breitesten Schichten der Öffentlichkeit zu ihnen beobachten. Zum Beispiel hat einer von den Teilnehmern des heutigen Rundgesprächs D.W. Romodin die Webseite „Sowjetische Architektur“ aus eigener Initiative geschaffen und führt die Exkursionen, die den Denkmälern der Architektur Moskaus des XX. Jahrhunderts gewidmet sind. Das ist charakteristisch, dass im Internet die Erörterung der Probleme, die mit der Erhaltung der sowjetischen Architektur verbunden sind, heute laut dem Umfang die Diskussionen über den Schutz der altertümlichsten Denkmäler wesentlich übertrifft.

Unsere deutschen Kollegen waren unter ersten, wer die Frage über den Schutz der Gebäude des XX. Jahrhunderts zuerst in Europa gestellt hat, und dann in Russland. Es ist genügend den Maler G. Jukker zu nennen, der das Mittel für die Wiederherstellung des berühmten Hauses Melnikows fand⁵.

Die besonders ernsten Diskussionen werden um die Formen der Wiederherstellung und der praktischen Nutzung der architektonischen Objekte des XX. Jahrhunderts bis der letzten Zeit geführt. Diese Erörterung ist von der Vollendung fern. Wir sind auf den Weg der Suche der neuesten Deutung dieses Themas nur aufgestanden und nur versuchen wir, seine begriffliche Seite zu durchdenken, da nicht nur in Russland, sondern auch in der ganzen Welt man fing an, die Probleme des derartigen Erbes vor kurzem zu beachten.

Das erfreut uns, dass zu den Erörterungen der Probleme der Erhaltung der architektonischen Denkmäler des vergangenen Jahrhunderts die breiten Kreise der internationalen Öffentlichkeit zugezogen sind. Es bestätigt meine ganze wissenschaftliche Erfahrung. Ich hatte Gelegenheit, an den Dutzenden der ausländischen Seminare, die der russischen Avantgarde gewidmet waren, teilzunehmen, und eine Menge der ausländischen Gäste-Architekten zu begleiten, die speziell für der Untersuchung der Werke der architektonischen Kunst der 1920—1930er Jahre ankamen. Und die Vorlesungen in der Geschichte der sowjetischen Architektur,

die ich in MARHI mehr zwanzig Jahre halte, erwecken mit jedem Jahr immer mehr Interesse der Studenten.

Nicht von ungefähr hat die Europäische Kommission das Projekt „Moskonstrukt“ aktiv unterstützt, an dem MARHI und die Römische Universität „La Sapienza“ teilnehmen (2008—2009, das Programm „Taxis“). Das Projekt ist auf die Heranziehung der Aufmerksamkeit der breiten Öffentlichkeit zu den Problemen der Erhaltung der Denkmäler der Architektur der 1920er — des Anfanges der 1930er Jahre gerichtet. Als die Leiterin der russischen Autorengruppe dieses Projektes stoße ich täglich auf das Interesse an diesem Thema der Journalisten, der Schöpfer der Teleprogramme, der Leiter der privaten Organisationen, wie die Stiftung „Schuhowskaja Baschnja“.

2008 war auch das Programm Europäischer Kommission „Tempus“ realisiert, deren Teilnehmer aus MARHI und der Königlichen höchsten technischen Schule Stockholms etwas gemeinsamer Seminare durchgeführt haben, die den Werken der Architektur des XX. Jahrhunderts Russlands und Schweden gewidmet waren⁶.

Es ist wichtig, dass heutzutage die Öffentlichkeit Moskaus fertig ist, mit den Fachkräften im Namen der Erhaltung der Denkmäler der Architektur der sowjetischen Avantgarde zusammenzuarbeiten, die Schuld dem hervorragenden kulturellen-historischen Erbe des Landes zurückgebend.

1 Der Autor dieses Artikels hat aufgrund des Archives des ehemaligen Leiters der Kommission für den Schutz der Denkmäler des Moskauer Stadtrates N.D. Winogradows die Dissertation „Der Schutz der Denkmäler der Architektur Moskaus in die ersten nachrevolutionären Jahre“ (1978) geschrieben und verteidigt.

2 Das Rot Tor und die Triumphbogen, der Suharewa Turm, die Kitajgorodskaja Wand waren unter Leitung von N.D. Winogradow in 1925—1927 restauriert, da diese einzigartigen Bauten in die Bilanz des Moskauer Stadtrates übertragen waren. Narkompros leitete sie früher.

3 m. s.: Owsjannikowa E.B. Aus der Geschichte der Kommission des Moskauer Stadtrates für den Schutz der Denkmäler // die Sowjetische Kunstwissenschaft '81, 1982, H. 2, S. 263—330; Altes Moskau und „Altes Moskau“ // die Architektur und der Bau Moskaus, 1988, № 8, S. 24—27.

4 1930 waren alle ähnlichen gesellschaftlichen Organisationen aufgelöst (zum Beispiel, die Gesellschaft der Untersuchung des russischen Hofes (OIRU)), ihre vielen Mitglieder waren verhaftet.

5 Die Initiative von G. Jukker hat zuerst die realen Ergebnisse nicht gegeben, aber nachher haben die staatlichen Organe, auf die der Druck seitens vieler Kulturschaffender des weltweiten Niveaus geleistet war, dieses Problem beachtet.

6 Die Autorin dieses Artikels hat an der Realisierung dieses Programms teilgenommen.

**Денис Ромодин,
краевед, редактор сайта
«Советская архитектура»**

**Denis Romodin,
Heimatsforscher, Redakteur
der Webseite „Sowjetische
Architektur“**

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ 1920-Х ГОДОВ

Die Popularisierung der sowjetischen Architektur der 1920er Jahre

**Студгородок в Голова-
новском переулке**

**Das Studentenviertel
in der Golowanowskij
Gasse**

Советская архитектура Москвы в последнее время привлекает большое внимание не только специалистов, но и обычных москвичей. Начиная меняться взгляды на советское прошлое. Если еще десять лет тому назад у основной массы людей советская архитектура ассоциировалась либо с типовыми неразительными зданиями 1960—1980-х годов, либо с добротными постройками конца 1930-х—первой половины 1950-х, то в последнее время все возрастающий интерес у горожан вызывает архитектура русского авангарда 1920—1930-х годов. Это наглядно показывают различные электронные проекты, появляющиеся сегодня на просторах Рунета, а также регулярно организуемые коммерческие и некоммерческие экскурсии, посвященные архитектуре этого периода.

Первые бесплатные пешие экскурсии, рассказывающие о малоизвестных памятниках архитектуры 1920-х, стали проводиться в Москве в конце 1990-х годов. Они были организованы историком Сергеем Александровичем Никитиным. Целью его экскурсий стало привлечение внимания общественности к интересным, но почти неизвестным и неизученным объектам московского авангарда. Несмотря на такую узкую тематику этих познавательных прогулок, они стали пользоваться популярностью не только у искусствоведов, архитекторов, студентов архитектурных и строительных вузов, но и у людей, не имеющих отношения к архитектуре, но живо интересующихся историей развития города. Впоследствии, на рубеже XX и XXI веков стали появляться и другие инициативные группы и сообщества, занимающиеся изучением и популяризацией советской архитектуры.

Одним из интереснейших проектов стал электронный ресурс «СовАрх» (от сокращения «советская архитектура»), появившийся в 2007-м году. Этот уникальный проект был создан для того, чтобы привлечь к наследию советского авангарда не только внимание специалистов, но и вызвать интерес у самых обычных рядовых граждан. В рамках этого проекта в 2007—2008-м годах было проведено шесть экскурсий по Москве и одна — в Санкт-Петербурге. Они наглядно и доходчиво знакомили экскурсантов с архитектурным наследием 1920—1930-х годов, в изобилии сохранившимся на территории двух российских столиц. Архитектурные прогулки проводились волонтерами проекта совершенно бесплатно и собрали огромное количество людей, живо интересующихся историческим наследием русского авангарда, желающих узнать о нем что-то новое. И сегодня все желающие могут принять участие в экскурсионных программах, которые включают посещение не только самых популярных авангардных построек Москвы, но позволяют познакомиться с малоизвестными сооружениями, выполненными в этом стиле.

Дие sowjetische Architektur Moskaus zieht die große Aufmerksamkeit nicht nur der Fachkräfte, sondern auch der gewöhnlichen Moskauer in letzter Zeit heran. Die Meinungen über die sowjetische Vergangenheit beginnen, sich zu ändern. Wenn noch vor zehn Jahre die Hauptmasse der Menschen die sowjetische Architektur entweder mit den typisierten ausdruckslosen Gebäuden der 1960—1980er Jahre, oder mit dem guten Bau des Endes der 1930er-erster Hälfte 1950er vereinigte, so hat die Städter in letzter Zeit das wachsende Interesse für die Architektur der russischen Avantgarde der 1920—1930er Jahre. Das zeigen anschaulich verschiedene elektronische Projekte, die heute auf den Weiten des Runets erscheinen, sowie die

**Гараж Госплана, 1936
год, арх. К.С. Мельни-
ков. Авиамоторная ул.,
д. 63, стр. 1, 3**

**Die Garage des Staats-
planes in der Awiamo-
tornaja Straße
(Arch. Melnikow)**

Особенной популярностью пользуются экскурсии по рабочим городкам и жилым массивам 1920-х. С каждым годом жилая застройка этого периода привлекает внимание не только специалистов, но и горожан, интересующихся историей Москвы. Об этом свидетельствует огромное число желающих попасть на экскурсии, устраиваемые проектом «СовАрх». Среди экскурсантов и люди старшего поколения, и молодежь. Проект сумел привлечь внимание не только к архитектуре жилых городков в Колодезном переулке, на Авиамоторной улице и квартала на Преображенском Валу, но и к состоянию жилых зданий и их сохранности. А также, благодаря экскурсионно-просветительской деятельности эти объекты стали предметом интереса общественности, что позволило спасти исторические здания от сноса и придать старым жилым комплексам охранный статус.

Кроме того, проект «СовАрх» постепенно создает электронный каталог построек московского авангарда, в который попали не только общеизвестные постройки этой эпохи или объекты, уже имеющие охранный статус, но и обычные, порой неизвестные постройки 1920-х годов.

В дальнейшем в каталоге «СовАрха» появится подробная картотека, которая будет включать краткое описание объекта с фотографиями. Этот каталог будет полезен не только профессионалам-архитекторам, искусствоведам и историкам, но и любителям архитектуры.

Жилой квартал в Колодезном переулке

Das Wohnviertel in der Kolodesnyj Gasse

regelmäßig organisierten kommerziellen und gemeinnützigen Exkursionen, die der Architektur dieser Periode gewidmet sind.

Die ersten kostenlosen Fußexkursionen, die über die wenig bekannten Denkmäler der Architektur der 1920 erzählten, begannen, in Moskau Ende 1990 durchgeführt zu werden. Sie waren von Historiker Sergej Alexandrowitsch Nikitin organisiert. Das Ziel seiner Exkursionen wurde die Heranziehung der Aufmerksamkeit der Öffentlichkeit zu interessanten, aber fast unbekannten und nicht untersuchten Objekten der Moskauer Avantgarde. Ungeachtet solcher engen Thematik dieser wissenswerten Spaziergänge, begannen sie, nicht nur bei den Kunstwissenschaftlern, der Architekten, der Studenten der architektonischen und Bauhochschulen, sondern auch bei den Menschen, die keine Beziehungen zur Architektur haben, aber sich lebendig für die Geschichte der Entwicklung der Stadt interessieren, populär zu sein. Nachher begannen auf der Grenze der XX. und XXI. Jahrhunderte andere initiative Gruppen und die Gesellschaften, die sich mit der Untersuchung und Popularisierung der sowjetischen Architektur beschäftigten, zu erscheinen.

Eines der interessantesten Projekte wurde die elektronische Ressource „SowArh“ (von der Kürzung „die sowjetische Architektur“), die im 2007 erschien. Dieses einzigartige Projekt war darum geschaffen, um zum Erbe der sowjetischen Avantgarde nicht nur die Aufmerksamkeit der Fachkräfte heranzuziehen, sondern auch, bei den gewöhnlichsten Bürgern Interesse zu erwecken. Im Rahmen dieses Projektes in 2007—2008 waren sechs Exkursionen durch Moskau und eine in Sankt Petersburg durchgeführt. Sie machten anschaulich und verständlich die Exkursionsteilnehmer mit dem architektonischen Erbe der 1920—1930er Jahre bekannt, das in Hülle und Fülle auf den Territorien zwei russischer Hauptstädte erhalten blieb. Die architektonischen Spaziergänge wurden von den Freiwilligen des Projektes ganz umsonst durchgeführt und haben die riesige Zahl der Menschen gesammelt, die sich für das historische Erbe der russischen Avantgarde lebendig interessieren, und wünschen, über sie etwas neu zu erkennen. Und heute können alle Interessierten an den Exkursionsprogrammen teilnehmen, die den Besuch nicht nur der populärsten Avantgardebaus Moskaus aufnimmt, aber lassen zu, die wenig bekannten Bauten, die in diesem Stil erbaut sind, kennenzulernen.

Die Exkursionen durch die Arbeitsstädtchen und die Wohnmassiven der 1920er Jahre sind besonders populär. Mit jedem Jahr zieht das Wohngebiet dieser Periode die Aufmerksamkeit nicht nur der Fachkräfte, sondern auch der Städter heran, die sich für die Geschichte Moskaus interessieren. Davon zeugt die riesige Zahl der Menschen, die wünschen, auf die Exkursionen zu kommen, die vom Projekt „SowArh“ veranstaltet werden. Unter den

**Дом культуры им.
Ильича на Можайском
шоссе**

**Das Kulturhaus namens
Iljitsch an der Moscha-
jskoe Autobahn**

Exkursionsteilnehmern gibt es nicht nur viel Menschen der älteren Generation, sondern auch Jugend. Das Projekt hat gekonnt, die Aufmerksamkeit nicht nur zur Architektur der Wohnstädtchen in der Kolodeskij Gasse, der Awiamotornaja Straße und des Stadtviertels auf der Preobrazhenskij Wall Straße, sondern auch zum Zustand der Wohngebäude und ihrer Unversehrtheit heranzuziehen. Sowie, dank der Exkursions- und Aufklärungstätigkeit wurden diese Objekte ein Gegenstand des Interesses der Öffentlichkeit, was zugelassen hat, die historischen Gebäude vom Abbruch zu retten und, den alten Wohnkomplexen den Schutzstatus zu geben.

Außerdem schafft das Projekt „SowArh“ den elektronischen Katalog des Baus der Moskauer Avantgarde, in den nicht nur die allgemeinbekannten Gebäude dieser Epoche oder die Objekte, die den Schutzstatus schon haben, sondern auch

die gewöhnlichen, manchmal unbekannten Gebäude der 1920er Jahre allmählich geraten sind.

Im Folgenden wird im Katalog „SowArh“ die ausführliche Kartotheek erscheinen, die die kurze Beschreibung des Objektes mit den Fotografien aufnehmen wird. Dieser Katalog wird nicht nur den Spezialisten-Architekten, Kunstwissenschaftlern und Historikern, sondern auch den Liebhabern der Architektur nützlich sein.

**Жилой квартал на
Авиамоторной улице
(1930-е годы)**

**Das Wohnviertel in der
Awiamotornaja Straße
(1930)**

Йорг Хаспель,
глава Управления по Охране
Памятников Берлина

Jörg Haspel,
Landeskonservator
Berlin

НАСЛЕДИЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА — ИЗМЕНЕНИЕ ФУНКЦИИ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ

Das Erbe des Dritten Reichs – Funktionsveränderung als eine Erhaltungsart

Наследие XX столетия включает в себя памятники модернизма и демократического начала, но кроме этого и следствия тоталитарного режима. «Памятники Третьего Рейха» или «архитектурные памятники времен нацизма» без сомнения относятся к наиболее сложным заданиям, которыми вынуждены заниматься хранители музеев, воспроизводя немецкую историю. Но все же, речь идет о таком периоде в истории, который имел место не так давно и к тому же, сыграл важную роль из-за своих катастрофических последствий, которые не зависят от времени. Речь идет о произошедшей как разлом цивилизации цезуре в культуре и истории нашей страны. Рассуждая об охране памятников, возникает вопрос, свидетельствуют ли и если да, то в какой мере, архитектурные памятники тех времен об историческом и культурном расколе и являются ли для обществу болезненным воспоминанием о жертвах и их страданиях, а также о преступлениях и их виновниках. Если согласиться с тем, что под охраной памятников подразумевается объяснение обществу своего отношения к прошлому, то в отношении памятников эпохи нацизма такая охрана выполняет еще и важную исторически педагогическую функцию.

В моей работе акцентировано внимание на эпохе национального социализма и памятниках архитектуры, которые возникли преимущественно в Берлине в период захвата власти 1933-го года и моментом капитуляции 1945-го года, и которые сохранились до настоящего времени. При этом следует отметить, что речь не идет или, по крайней мере, не дано первостепенное значение достопримечательностям с точки зрения искусстве-

дов и экскурсоводов. Больше внимание уделено значимым напоминаниям из прошлого, которые берут свое начало в Германии, в Берлине и которые причинили миллионам людей в Европе ужасную боль, необъяснимые страдания и привели к невосполнимым потерям.

Немало забот вызывает тот факт, что использование памятников в качестве напоминания о нацизме или о Третьем Рейхе неправильно истолковывается, а иногда даже рассматривается как добавление популярности памятнику, что привело всего лишь несколько лет тому назад к распространению в Германии ограничительной

ул. Лейпцигерштрассе
5-6 (Leipziger Straße
5-6), Министерство
Авиации Рейха,
1934-36 гг. выполнено
Эрнстом Загебиль

Leipziger Straße 5-6,
Reichsluftfahrtministe-
rium, 1934-36 von Ernst
Sagebiel

практики охраны памятников. Это касается, прежде всего, земель бывшей ГДР, а также земель, находящихся в западной части современной Германии. Такая ситуация продолжалась до 1990-х годов, пока специалисты и специальные органы не смогли целенаправленно поднять вопрос о защите архитектурных памятников и открыто заявили о существующей в этой области проблеме. Немецкий Национальный Комитет по Охране Памятников обсуждал этот вопрос на конференциях и в своих публикациях под девизом «Не забыто... - архитектура и городское строительство 30-40 гг.» и комитет культуры немецкого парламента городов в конце 1999 года провел акцию «Как относиться к историческим памятникам эпохи нацизма», чтобы подчеркнуть особую историческую ответственность коммунальных учреждений к толкованию эпохи нацизма и архитектурным и садовым памятникам тех времен.

Работники Управления по Охране Памятников Берлина неоднократно, даже после внутренних споров, посвящали свои работы теме архитектурных зданий и памятников искусства эпохи нацизма и говорили о способах их защиты и охраны. К ним относится вышедший в 90-х годах обзор Вольфганга Шехе (Wolfgang Schäche) «Архитектура и городское строительство Берлина 1933-1945 гг.» из серии «Здания и памятники искусства Берлина», а также специальный путеводитель Матиаса Доната (Matthias Donath) «Архитектура Берлина 1933-1945 гг.» (2004 г.), который вышел в виде компактной карманной книги с описанием 30 городских объектов и продается как на немецком, так и на английском языке. Сюда же относится диссертация Франка Шмица (Frank Schmitz) «Загородные дома Берлина 1933-1945 гг.» также из серии «Здания и памятники искусства Берлина» (2007). Общественное мнение по поводу этих работ разделилось, но специалисты настроены преимущественно положительно. Подобная реакция возникает также в отношении защиты таких памятников и мероприятий по их реставрации и сохранению. Очевидно в последние 20 лет укрепилось мнение, что ни прославление памятников эпохи нацизма, ни осквернение исторического наследия Третьего Рейха не может быть уместным.

Большинство строений эпохи нацизма, которые были отнесены к историческим памятникам после падения Берлинской Стены в 1989-1990 гг., стали использоваться в более прагматических целях в послевоенный период, и благодаря этому сохранились до настоящего времени. Министерство Авиации Рейха, которым управлял Герман Геринг (построенное в 1933-1935 гг. Эрнстом Сагебилем, архитектором здания Аэропорта Темпельхоф) после войны стало промежуточным местом работы Советского Военного Управления, а в 1948 году стало использоваться Не-

Министерство Авиации Рейха, проект

Reichsluftfahrtministerium, Grundriss

ул. Эбертштрассе (Ebertstraße), здание бункера Транспортного Отдела Канцелярии Рейха, 1941 г., архитектор К. Краузе

Ebertstraße, Bunkernanlage der Fahrbereitschaft der Reichskanzlei, 1941 von K. Krause

Дас Erbe des 20. Jahrhunderts schließt Denkmale der Moderne und eines demokratischen Neuanfangs ebenso ein wie Zeugnisse totalitärer Regime. „Denkmale des Dritten Reichs“ oder „Baudenkmale aus der NS-Zeit“ zählen zweifellos zu den schwierigsten Aufgaben, denen sich Konservatoren bei der Aufarbeitung der deutschen Geschichte widmen müssen. Handelt es doch um ein Kapitel, das uns nicht nur zeitlich noch ziemlich nahe ist, sondern dem man wegen seiner katastrophalen Auswirkungen gewissermaßen eine zeitlose Vordringlichkeit bescheinigen möchte. Es geht um einen als Zivilisationsbruch empfundene Zäsur in der Kultur und Geschichte unseres Landes und für die Denkmalpflege um die Frage, ob und wie Bauwerke aus jener Zeit diesen historischen und kulturellen Bruch bezeugen und für die Öffentlichkeit die schmerzhafteste Erinnerung an die Opfer und Leiden sowie an die Täter und Verbrechen wach halten sollen. Wenn es stimmt, dass Denkmalpflege im Auftrag der Gesellschaft deren Verhältnis zur Vergangenheit zu klären habe, dann käme auf die Denkmalpflege gerade im Hinblick auf die NS-Zeit eine kaum zu überschätzende geschichtspädagogische Verantwortung zu.

Im Zentrum meines Beitrags stehen die Zeit des Nationalsozialismus und Bauzeugnisse, die in den Jahren zwischen der Machtergreifung 1933 und der Kapitulation 1945 – überwiegend in Berlin – entstanden und die bis in die Gegenwart erhalten geblieben sind. Dabei handelt es sich nicht oder nicht in erster Linie um Sehenswürdigkeiten im Sinne der Kunst- und Reiseführer. Es handelt sich vielmehr um bedeutende Erinnerungsposten an eine Vergangenheit, die ausgehend von Deutschland und Berlin Millionen Menschen in Europa und darüber hinaus grausame Unterdrückung und schreckliche Not, unsägliches Leid und unvorstellbare Opfer gebracht hat.

мецким Комитетом Экономики, затем оно превратилось во временное место заседания Народной палаты ГДР, пока не стало «Домом министерств» до падения Берлинской стены. В здании также работало Ведомство по Опеке над Государственным Имуществом (1991-1995) - с тех пор оно стало называться домом Детлева Роуведера (с 1992 г.), а со временем стало новым местом работы министерства финансов (1999 г.). Новый владелец выразил свое мнение, по крайней мере на своей страничке в Интернете, по поводу споров о защите памятников 90-х гг., написав следующее: «Федеральное Министерство Финансов приняло тот исторический вызов, с которым связано это здание. Было принято осознанное решение не следовать назойливым советам демонтировать здание, но произвести реконструкцию всего здания и сохранить его для общества. Дальнейшее использование здания предоставляет нам шанс сохранить нашу историю как живое предупреждение и напоминание будущим поколениям».

Впрочем, пример государственных и правительственных зданий эпохи нацизма не нашел последователей, но все же провел некую параллель между светскими и бытовыми зданиями (вспоминается Олимпийский Стадион и Спортивное Поле Рейха или Аэропорт Темпельхоф, являющимися очень крупными сооружениями Третьего Рейха) также как и большого количества небольших построек целевого назначения и частных домов или даже культовых сооружений, таких, например, как Лютеранская Церковь Памяти, которую пресса называет «Нацистская Церковь».

Неиспользуемые бункеры

К наиболее спорным историческим сооружениям, которые непосредственно возникли вследствие тоталитарного режима нацизма, относится так называемый «Бункер фюрера» - бункер главного штандартенфюрера эсэсовской армии Адольфа Гитлера, который находится под землей на бывшей границе Восточной и Западной Германии недалеко от Нового Ведомства Рейхсканцлера. В наши дни Бункер расположен на строительной площадке представительств федеральных земель Германии, которые в 90-е годы получили в свое распоряжение земельные участки на территории бывшего Управления Садами и Парками. Прошло более 15 лет после его шумевшего обнаружения (1990 г.) и документального подтверждения Управлением Археологии (1992 г.), и только в 2006 году Бункер был официально занесен Управлением по Охране Памятников в список исторических памятников Германии. Бункер шоферов представляет собой основопо-

Нicht zuletzt die Sorge, dass Denkmalausweisungen für NS-Zeugnisse oder für Zeugnisse aus dem Dritten Reich als Auszeichnung sich missdeuten oder gar als Aufwertung zum Monument interpretieren lassen, hatte bis vor wenigen Jahren eine in Deutschland wohl eher eine restriktive Unterschutzstellungspraxis zur Folge. Das gilt für das Gebiet der ehemaligen DDR wohl ebenso wie für die Länder der westdeutschen Bundesrepublik. Es sollte bis in die 1990er Jahre dauern, ehe die Fachleute und die Fachorgane der Denkmalpflege das Thema gezielt aufgreifen und öffentlich problematisieren konnten. Das Deutsche Nationalkomitee für Denkmalschutz widmete dem Thema Tagungen und Veröffentlichungen unter dem Motto „Nicht vergessen... - Architektur und Städtebau der 30er/40er Jahre“, und der Kulturausschuss des Deutschen Städtetages verabschiedete 1999 „Hinweise zum Umgang mit Zeugnissen der NS-Zeit“, um die besondere geschichtliche Verantwortung der Kommunen für eine Aufarbeitung der NS-Zeit und ihrer Bau- und Gartendenkmale zu betonen.

Die Berliner Denkmalpflege hat verschiedentlich, auch nach kontroverser interner Debatte, Bauwerken und Kunstdenkmälern aus der NS-Zeit zunächst ei-

genständige Fachveröffentlichungen und gezielte Schutz- und Erhaltungsmaßnahmen gewidmet. Dazu zählen nach 1990 die Überblicksdarstellung „Architektur und Städtebau in Berlin zwischen 1933 und 1945“ von Wolfgang Schäche in der Reihe „Die Bauwerke und Kunstdenkmäler von Berlin“ oder der einschlägige Stadtführer von Matthias Donath „Architektur in Berlin 1933-1945“ (2004), der inzwischen in einer kompakten Taschenbuchausgabe mit 30 Innenstadtobjekten in deutsch und sogar auf englisch im Handel ist, oder zuletzt die Dissertation von Frank Schmitz „Landhäuser in Berlin 1933-1945“, ebenfalls in der Reihe „Die Bauwerke und Kunstdenkmäler von Berlin“ (2007). Die öffentliche Resonanz ist uneinheitlich, die fachliche überwiegend positiv. Ähnliches gilt für Unterschutzstellungen und eine ganze Reihe von Konservierungs- und Restaurierungsverfahren auf diesem Feld. Offenbar hat sich im Laufe der letzten 20 Jahren die Überzeugung durchgesetzt, dass weder eine Verherrlichung der NS-Monumente noch eine Verteufelung der Erbschaft des Dritten Reichs angemessen wäre.

Die meisten NS-Monumentalbauten, die spätestens mit dem Mauerfall 1989/90 auf die Denkmalliste gekommen waren, verdanken pragmatischen Umnutzungen der Nachkriegszeit, dass sie bis in die Gegenwart überdauert haben. Das Reichsluftfahrtministerium von Hermann Göring (1933/35, von Ernst Sagebiel, dem Architekten des Flughafengebäudes Tempelhof) fand nach Kriegsende als reparierter Sitz der Sowjetischen Militäradministration eine Zwischennutzung, der 1948 die Deutsche Wirtschaftskommission als Simultannutzer bzw. Zwischennutzer folgte, dann die provisorische Volkskammer der DDR, ehe

ул. Альбрехтштрассе
24-25 (Albrechtstraße
24-25), бункер, 1943
г., архитектор Карл
Бонац

Albrechtstraße 24-25,
Bunker, 1943 von Karl
Bonatz

**Бункер в качестве
здания для художе-
ственных выставок и
пентхаус**

**Bunker als Kunstaus-
stellungsgebäude und
Penthouse**

лагающее олицетворение идеологии оружия эсэсовской армии и той роли, которую сыграл «штандартенфюрер Адольф Гитлер» во Второй Мировой войне. Бункер является основным символом так называемой «нацистской археологии» или «археологии мировой войны», исследований, охраны и открытия подземных памятников архитектуры XX столетия в Берлине. Сейчас он не доступен ни общественности, ни научному миру. После того, как были наскоро проведены документальные исследования, его закрыли и «засыпали песком».

Следует упомянуть о неиспользуемом, но не бесполезном памятнике, который занесен в список памятников как «памятник из земли» и который в некоторой степени хранится для будущих поколений после того, как разрушительные планы о чрезвычайно актуальном политическом месте канули в лету. Также не используется – и это относится ко многим сохранившимся подземным бомбоубежищам Берлина, – уже упоминавшийся нами «Бункер фюрера», частично разрушенный и записанный как бетонный каркас, сохранившийся неподалеку. В отличие от бункера шоферов, который до сих пор остается неизвестным для прохожих памятником под землей эпохи нацизма, табличка с надписью на разных языках (в 2006 году была отмечена наградой за

der Bau als „Haus der Ministerien“ der DDR bis zum Mauerfall überdauert. Als Sitz der Treuhandanstalt (1991-1995) und seitdem Detlev Rohwedder Haus (seit 1992) genannt fand es nach der Wende eine neue Zwischennutzung und wurde dann als Sitz des Bundesfinanzministeriums (1999) hergerichtet. Der neue Hausherr hat sich, zumindest auf seiner Homepage, die Denkmalpflegargumentation aus dem Streit der 1990er Jahre zu eigen gemacht, wenn er schreibt: „Das Bundesministerium der Finanzen hat die historische Herausforderung angenommen, die mit diesem Gebäude verbunden ist. Bewusst wurde die Entscheidung getroffen, nicht den auf Abbruch drängenden Gutachten zu folgen, sondern den gesamten Baukomplex zu sanieren und für die Öffentlichkeit zu erhalten. Allein die Weiternutzung des Gebäudes bietet die Chance, die eigene Geschichte als Mahnung und Erinnerung für die nächsten Generationen lebendig zu erhalten.“

Im übrigen hat das Beispiel der Staats- und Regierungsbauten aus der NS-Zeit vielleicht nicht Schule gemacht, aber doch etliche Parallelen unter öffentlichen Profanbauten und Nutzbauten – man denke an das Olympiastadion und das Reichsportfeld oder den Flughafen Tempelhof um zwei sehr ausgedehnte Anlagen des Dritten Reiches anzuführen – sowie in einer Fülle von kleineren Zweckbauten und Privathäusern

oder sogar Sakralbauten, wie der von den Medien gelegentlich als „Nazi-Kirche“ angesprochene Martin-Luther-Gedächtniskirche.

Ungenutzte Bunkieranlagen

Zu den meistdiskutierten Bauzeugnissen, die unmittelbar dem Terrorsystem der NS-Zeit entstammen, zählt sicher der gelegentlich als „Führerbunker“ angesprochene Fahrerbunker der SS-Leibstandarte Adolf Hitler, der sich unterirdisch im ehemaligen Grenzbereich zwischen Ost und West nahe dem Standort der Neuen Reichskanzlei erhalten hat. Heute liegt er Bunker im Baufeld der bundesdeutschen Landesvertretungen, die nach 1990 Grundstücke den ehemaligen Ministergärten angeboten bekommen haben. Mehr als 15 Jahre nach seiner vielbeachteten Wiederentdeckung (1990) und Dokumentation (1992) durch das Archäologische Landesamt konnte der Bunker erst 2006 vom Landesdenkmalamt förmlich in das Denkmalverzeichnis eingetragen werden. Der Fahrerbunker zeigt innen eine programmatische Ausmalung, die auf die Ideologie der Waffen SS und speziell auf die berühmte Rolle der „Leibstandarte Adolf Hitler“ im Zweiten Weltkrieg verweist. Der Bunker gilt als ein Schlüsselzeugnis der gelegentlich als „NS-Archäologie“ oder «Weltkriegsarchäologie» apostrophierten

охрану исторических памятников) «Подземное Общество Берлина» сообщает нам предысторию одного из мест нацистской топографии, которое с 1945 года перестало существовать.

Переоборудованные бункеры

(Из бункерной программы, которая с 1940 года превратилась в столицу рейха (более 400 публичных бункеров, которые вмещали около 200 000 человек и огромное количество частных бомбоубежищ), некоторые высотные бункеры являются охраняемыми архитектурными памятниками. К ним относится бункер зенитной артиллерии Гумбольдтхайн (Humboldthain), каркас которого после испытаний на разрыв, проведенных союзниками, стоит в засыпанной груде развалин, его вышка была полностью разрушена во время боевого штурма. Следует также упомянуть о последнем символе трех сравнимых сооружений Берлина (зоопарк, Фридрихсхайн/ Zoo, Friedrichshain) из архитектурной серии времен Фрица Тамма боевых и защитных башен (построен по такому же образцу и находится под охраной как памятник архитектуры бункер зенитной артиллерии в Гамбурге и в Вене).

Большинство таких бункеров было переоборудовано после Второй Мировой

войны для гражданских целей, затем во времена Холодной Войны они опять превратились в бомбоубежища или место хранения продовольственных запасов в случае войны или кризиса, пока в последние годы не приобрели статус зданий, имеющих культурно-экономическое и информационное значение. Многие годы разобранный, но не полностью заваленный бункер Гумбольдта заставлял молодых людей заниматься опасными для жизни раскопками оставшейся части зала. В 90-е годы было принято решение о дорогостоящей ликвидации колоссов для объединения руин бункера с ближайшим парком и контролируемому использованию объекта в качестве стены для скалолазов. «Подземное Общество Берлина» занялось очисткой и охраной доступных помещений и использует оставшуюся часть сооружения для проведения экскурсий и выставок в рамках своей работы.

Массивные, как и полагает быть бункерам, они пережили много преобразований, но все же без значительных дополнительных затрат и возможного нанесения вреда памятнику используются как помещения, которые можно быстро переоборудовать. Самый молодой и, пожалуй, самый выдающийся пример подерживаемой и восстановленной адаптации бункера находится в Берлине. Бомбоубежище на улице Альбрехтштрассе (Albrechtstraße), монументальное убежище ПВО для вокзала на улице Фридрихш-

Ерфуршунг, Erhaltung und Erschließung von unterirdischen Bauzeugnissen des 20. Jahrhunderts in Berlin. Er ist heute weder für die Öffentlichkeit noch für die Fachwelt zugänglich, sondern seit seiner Schnelldokumentation wieder verschlossen und mit Sand verfüllt.

Es handelt sich sozusagen um ein ungenutztes, aber nicht nutzloses Denkmal, das auf der Denkmalliste als Bodendenkmal geführt und das gewissermaßen für die Zukunft vorgehalten wird, nachdem Abbruchpläne an dem politisch brisanten Standort aufgegeben worden sind. Ebenso ungenutzt – und das gilt für viele erhaltene unterirdische Luftschutzbunker in Berlin – ist der bereits erwähnte „Führerbunker“, der teilzerstört und kaum dokumentiert als Betontorso in der näheren Nachbarschaft überdauert hat. Im Unterschied zum Fahrerbunker, der bis heute für die Passanten unerkennbar als NS-Zeugnis im Untergrund liegt, informiert seit einigen Monaten eine mehrsprachige Text-Bild-Tafeln der (2006 mit dem Deutschen Preis für Denkmalschutz ausgezeichneten) „Berliner Unterwelten e.V.“ über die Vorgeschichte dieses seit 1945 zur Unkenntlichkeit überformten Standorts in der NS-Topographie.

Umgenutzte Bunkieranlagen

(Von dem Bunkerprogramm, das seit 1940 in der Reichshauptstadt umgesetzt worden war (über öffentliche 400 Bunker für rund 200 000 Menschen und unzählige private Luftschutzräume), stehen einige Hochbunker als Baudenkmale unter Schutz.

ул. Кельнишештрассе 1-17 (Köllnische Straße 1-17), лагерь для иностранных рабочих, начало строительных работ: 1943 г., архитектор Ханс Фризе

Köllnische Straße 1-17, Fremdarbeiterlager, ab 1943 von Hans Freese

трассе (Friedrichstraße) было сооружено (1942 г.) Карлом Бонац (братом знаменитого Пауля Бонаца) в виде укрепительного железобетонного углового блока с консольным карнизом и обрамленными смотровыми щелями. После 1945 года это сооружение использовалось сначала советской секретной службой НКВД, которая нуждалась в неприступном и невидимом сооружении с наилучшей шумо- и теплоизоляцией. Позднее колосс использовался в качестве склада пищевых продуктов народным предприятием ОФК (овощи, фрукты, картофель) Берлина, из-за чего среди жителей Восточного Берлина получил название «банановый бункер». В 1996 году Федеративная Республика Германия передала этот бетонный блок в пользование частному лицу. Спустя несколько лет это монументальное военное сооружение было перепланировано и превратилось в выставочный павильон для частной художественной коллекции, а также в жилую квартиру-пентхауз, возвышающуюся над остальными домами Берлина. Высота этажей здесь составляет от 2-х до 2,30 метров, а армированные стены и потолки толщиной около метра позволили железобетонному сооружению установить новые финансовые и технические границы. В 2008 году результат такой адаптации здания был представлен общественности.

Новое использование барakov для заключенных концлагеря

В 1944 году в Берлине находилось приблизительно 400 000 иностранных рабочих. По всему городу было построено более 700 лагерей и других зданий для проживания, большинство из которых располагалось недалеко от промышленных предприятий военного назначения. Строительством концентрационных лагерей (лагерей для иностранных рабочих, лагерей для восточных рабочих) превратилось в обширное задание, которое принимало различные проявления по мере прибытия и заселения новых заключенных. Трудовые лагеря и бараки эпохи нацизма не перестраивались систематически. Последний, почти полностью сохранившийся лагерь был обнаружен благодаря проведенному учету памятников в 90-е годы в промышленной и реконструкционной области Шönehaide/Schöneweide (Трептов-Кёпеник) и в 1995 году официально получил статус памятного места.

Лагерь состоял из тринадцати массивных барakov, 12-ти жилых и одного хозяйственного барака, которые были построены в период 1943-1945 гг. и в них проживало 2000 рабочих. Лагерь представлял собой массивное сооружение с бетонной крышей и частично даже с бомбоубежищем, которое вероятно возникло вследствие отказа от более 100

Dazu zählt der Flakbunker Humboldthain, der nach Sprengversuchen der Alliierten als Torso im angeschütteten Trümmerberg liegt, während der zu dem Gefechtssturm gehörige Leitturm, dem Erdboden gleichgemacht wurde. Es handelt sich um das letzte Zeugnis von drei vergleichbaren Berliner Anlagen (Zoo, Friedrichshain) aus der auf Fritz Tamm zurückgehenden Bauserie von getrennten Gefechts- und Geschütztürmen. (Ähnlich ausgeführt und ebenfalls unter Denkmalschutz gestellt, sind die Flakbunker in Hamburg und vor allem in Wien.)

Die Mehrzahl dieser Flaktürme hat nach dem Zweiten Weltkrieg zunächst eine Umnutzung für zivile Zwecke, sodann bisweilen im Kalten Krieg eine Reaktivierung als Schutzraum oder zur Vorratshaltung für den Kriegs- und Krisenfall erfahren, ehe in den letzten Jahren verstärkt kulturwirtschaftliche und medienwirtschaftliche Funktionen Einzug hielten. Der fragmentierte, aber unvollständig verschüttete Humboldt-Bunker zog jahrelange verbotener Weise viele Jugendliche zu lebensgefährlichen Erkundungsgängen der verbliebenen Hohlräume an. Ein Plan zur millionenschweren Beseitigung des Kolosses wurde nach 1990 zugunsten der Integration der dauerhaften Bunkerruine in den umgebenden Park und zur kontrollierten Nutzung als Kletterwand aufgegeben. Der „Verein Berliner Unterwelten“ übernahm die Räumung und Sicherung zugänglicher Bereiche und nutzt das Restbauwerk für Führungen und Ausstellungen im Rahmen seiner Vereinsarbeit.

Robust, wie es sich für Bunker geziemt, halten sie viele Umnutzungsvarianten aus, lassen aber umgekehrt ohne erheblichen Mehraufwand und mögliche Denkmalbeeinträchtigungen nur räumlich anpassungsfähige Funktionen zu. Das jüngste und wohl auch aktuell prominenteste Beispiel einer erhaltenden und reaktivierenden Bunkeradaptation findet kürzlich in Berlin seinen Abschluss. Der Luftschutzbunker Albrechtstraße, ein monumentaler Luftschutzbau für den Bahnhof Friedrichstraße, den

Музей лагеря для иностранных рабочих

Gedenkstätte Fremdarbeiterlager

Karl Bonatz (der Bruder des berühmteren Paul Bonatz) als festungsartigen Stahlbeton-Eckblock mit Konsolgesims und gerahmten Belichtungsschlitzen entworfen hatte (1942), diente nach 1945 zuerst dem sowjetischen Geheimdienst NKWD, der für seine Zwischennutzung offenbar eine uneinnehmbare und uneinsehbare, aber auch bestens geräuschisolierte Lösung brauchte. Später tat der Koloss als Lebensmittellager der VEB OGS Berlin (Obst, Gemüse, Speisekartoffeln) seinen Dienst, im Ostberliner Volksmund deswegen auch „Bananenbunker“ genannt. 1996 veräußerte die Bundesrepublik den Betonblock an Private. Seit einigen Jahren wird der monumentale Wehrbau umgeplant und umgebaut als Ausstellungshaus für eine private Kunstsammlung sowie als Familienwohnung in einem Penthouse über den Dächern von Berlin. Bei Geschosshöhen von 2 Meter bis 2,30 und stellenweise meterdicken armierten Wänden und Decken sind der Anpassungsfähigkeit des Stahlbetonbaus an neue Nutzungen finanzielle und technische Grenzen gesetzt. Das Ergebnis wird im Sommer 2008 der Öffentlichkeit zugänglich gemacht.

Neunutzung von Zwangsarbeiter-Baracken

1944 gab es schätzungsweise 400 000 ausländische Arbeiter in Berlin. Mehr als 700 Lager und andere Unterbringungsmöglichkeiten waren überall in der Stadt anzutreffen; die meisten standen in Verbindung mit den kriegswichtigen Industriebetrieben. Der Bau von Zwangsarbeiterlagern (Fremdarbeiterlager, Ostarbeiterlager) entwickelte sich zu einer umfangreichen Bauaufgabe, die je nach Herkunft und Einsatz der Gefangenen auch unterschiedliche Ausprägungen

000 спальных мест в деревянных бараках во время воздушных атак 1943 года. Планирование района Нижнего Шоневайде (Niederschöneweide) поручили службе «генерального инспектора по строительству столицы рейха Берлина» (ГИС) под руководством Альберта Шпеера (Albert Speer), который спроектировал во время войны около 75 лагерей. Лагерь в районе Нижнего Шоневайде был построен под руководством «строительного отдела Хетцельта» ГИС, архитектором был профессор Ганс Фризе. Оба принадлежали к ближайшему окружению Альберта Шпеера, после 1945 года один из них стал работать в Городском Управлении по Строительству в г. Оберхаузен, а другой стал ректором Технического университета в Берлине.

После окончания войны бараки, по видимому, использовались Красной Армией. Затем они неоднократно использовались в промышленных и общественных целях, т.к. хорошо подходили в архитектурном плане. Там обосновались ремесленные мастерские и предприятия сферы обслуживания, среди которых были такие автомобильные предприятия, как завод BMW в Восточном Берлине, евангелистский детский сад, ресторан с кегельбаном («Völkerfreundschaft»/«Дружба народов») и, прежде всего, уже существовавший в 1946 году, завод по производству вакцины в районе Нижнего Шоневайде, которому возможно подходила лагерная атмосфера, удаленность от городского центра, обзорность и санитария незанятых барачных, а также наличие контрольно-пропускного пункта.

Несмотря на многочисленное переоборудование сооружения после 1945 года, твердо сохранились подлинные следы и структуры, которые напоминают о его первом предназначении. К ним относится градостроительное расположение лагеря в данном ландшафте, основная форма здания, которая разделена коридорами со спальными комнатами закрытых по обе стороны барачных, остатки защитной краски, двери и окна со ставнями, остатки арматуры, бомбоубежище, останки общего таза для умывания, и даже одиночные надписи бывших лагерных жителей и советская звезда, воздвигнутая в первые послевоенные дни.

Институт им. Роберта Коха, между тем, выкупил у властей Берлина группу барачных в западной части лагерей и сделал из них ядро экспозиции музея-памятника. Один из барачных был переоборудован и там находится канцелярия, библиотека и комнаты для проведения семинаров, второй, который лучше сохранился, используется в качестве наглядного материала для посетителей и проведения экскурсий. Два других барака пока не используются в качестве памятных мест. Пятый барак, который находится на противоположной

стороне лагеря и в котором сохранилось наибольшее число исторических элементов и оборудования тех времен, должен быть продан общественной организации для использования в качестве музея в рамках общей концепции дома-музея.

Неиспользование громоздких зданий из бетона

С другой стороны в городской картине Берлина существует взаимосвязь между выступающими инженерными сооружениями и монументальной государственной архитектурой нацистской системы. На углу одной из улиц района Шонеберг (Schöneberg) в направлении Кройцберга расположен огромный круглый бетонный блок посередине крупного городского квартала, удивляя любопытных прохожих, и который берет свое начало от нацистского планирования мировой столицы Германии. В соответствии с планированием Шпеера Гитлер предполагал построить новую монументальную ось в направлении с севера на юг, неподалеку от Рейхстага в огромном «Народном Зале», представляющим собой бетонное здание со сводом-оболочкой гигантской ширины, а также сооружение величественной триумфальной арки: 160 метров в ширину, 119 метров в толщину и 117 метров в высоту с высеченными из камня именами 1,8 миллиона немецких солдат, погибших во время Первой Мировой Войны.

Колоссальное здание должно было затмить собой не только предыдущие триумфальные сооружения, но и требовало радикально новые статистические методы расчета и конструкции. Крупномасштабное строительное испытание из 12 650 тонн бетона и железобетона неподалеку от запланированного памятника должно было помочь вычислить нагрузочную способность грунтового основания и процесс ожидаемого давления на грунт. «Пробное сооружение», огромный округлый блок, было построено в военный 1941 год после трехлетнего планирования.

В связи с военными и послевоенными волнениями Немецкое Общество по Механике Грунтов, основанное в 1928 году, смогло лишь в 1948 году выполнить ряд крупнолинейных измерений. Прозванное «грибом» пробное сооружение оставалось с 1951 года по 1977 год объектом высоких нагрузок, с помощью которого проводились испытания для самых разнообразных целей, в основном по поручению Федерального Министерства Строительства. Одним поколением позже неиспользуемое и всеми оставленное испытательное сооружение стало памятни-

анnehmen konnte. Arbeitslager und Barackenanlagen der NS-Zeit sind in Berlin nicht systematisch aufgearbeitet worden. Das letzte fast vollständig erhaltene Lager wurde im Zuge der Denkmalerfassung nach 1990 im Industrie- und Sanierungsgebiet Schöneweide (Treptow-Köpenick) ermittelt und 1995 in als Denkmalsbereich förmlich eingetragen.

Es bestand aus dreizehn massiven Baracken, eine zwölf Wohn- und eine Wirtschaftsbaracke, die zwischen 1943 und 1945 erbaut worden waren und über 2000 Arbeiter aufnahmen. Die Ausführung in Massivbauweise mit Betondach und teilweise sogar mit Luftschuttkeller erfolgte vermutlich als Reaktion auf die Vernichtung von mehr als 100 000 Schlafstellen in Holzbaracken durch die Luftangriffe 1943. Die Planung für Niederschöneweide oblag der Dienststelle des „Generalbauinspektors für die Reichshauptstadt Berlin“ (GBI) unter der Leitung von Albert Speer, der während des Krieges etwa 75 Lager projektierte. Das Lager in Niederschöneweide entstand unter der Leitung der „Bauabteilung Hetzelt“ des GBI, Architekt war Prof. Hans Freese. Beide zählten zum engsten Kreis um Albert Speer, der eine wurde nach 1945 Stadtbaurat in Oberhausen, der andere Rektor der TU Berlin.

Nach dem Kriegsende wurden die Baracken anscheinend zunächst durch die Rote Armee genutzt. Es folgte die Ansiedlung gewerblicher und öffentlicher Nutzungen, für die die Baracken teilweise baulich angepasst werden mussten. Handwerksbetriebe und Dienstleister richteten sich ein, darunter Kfz-Betriebe wie die einzige BMW-Werkstatt in Ostberlin, ein evangelischer Kindergarten, eine Gaststätte mit Kegelbahn („Völkerfreundschaft“) und vor allem das bereits 1946 nachgewiesene Impfstoffwerke Niederschöneweide, dem vielleicht der Lagercharakter, seine Abgelegenheit vom Stadtzentrum, die Übersichtlichkeit und Hygiene der freistehenden Baracken und die Möglichkeit der Zugangskontrolle zupass kamen.

Trotz der vielfältigen Überformungen der Anlage nach 1945 finden sich noch eine dichte Überlieferung authentischer Spuren und Strukturen, die auf die Erstnutzung zurückverweisen, wie die städtebauliche Grunddisposition des Lagers in der Landschaft, die Grundform der durch Mittelflure mit Schlafsälen beiderseits erschlossenen Baracken, Reste von Tarnfarbenanstrichen, Türen und Fenster mitsamt Läden, Fassungsbefunde innen, einen Luftschuttkeller, Relikte eines Gemeinschaftswaschbeckens, ja sogar vereinzelte Inschriften der ehemaligen Lagerinsassen und ein restauratorisch ermittelter Sowjetstern aus den ersten Nachkriegswochen.

In Nachfolge des Robert Koch Instituts konnte mittlerweile eine zusammenhängende Gruppe von Baracken im Westteil des Lagers vom Land Berlin erworben und als Kernbestand einer Gedenkstätte erneut umgewidmet werden. Eine der Baracken wurde im Innern für Büro-, Bibliotheks- und Seminarräume umgebaut, die zweite,

ком (1995 год). Между тем близлежащую территорию убрали, был сделан небольшой общественный парк с информационной табличкой о сооружении и его истории, а само сооружение надежно защищено от проникновения туда корней растений и влаги.

Заключение

Насколько прошлое Третьего Рейха не имеет право на существование, настолько же его наследие не должно быть отвергнуто или игнорироваться в Берлине. Это касается не только послевоенных поколений, но и наших современников. Именно те, которые хотели бы наблюдать другой ход истории в период 1933-1945 гг. – и, следовательно, другую историю развития национального социализма – хотя не просто отречься или вытеснить наследие тех времен, но и стереть его с городской картины. Также «дело не должно порастить травой», потому что воспоминания и символы нацистской эпохи напоминают о себе, иногда даже слишком сильно и, в любом случае, заставляют нас не стирать их из коллективной памяти и общественного сознания. Архитектурное наследие XX столетия – это не только наследие технических и общественных достижений, но и наследие, которое находится в Германии и возможно также в России и представляет собой следы преследований и гнета, войны и разрушения. Собрание немецких и русских архитекторов и хранителей музеев, которые в Москве и Берлине ведут дискуссию о памятниках архитектуры, должно передать бликам общей истории XX столетия, также как и темным сторонам нашего общего прошлого.

ул. Генераль-Пане-
штрассе (General-Pape-
Straße), большое громозд-
кое здание, 1941-42 гг.

General-Pape-Straße,
Großbelastungskörper,
1941-42

bessere erhaltene dient als Anschauungs-
material für Besucher und Führungen. Zwei
weitere Baracken liegen noch ohne Folge-
nutzung im Zugriff der Gedenkstätte, eine
fünfte – am entgegen gesetzten Lagerrand
gelegen und wohl der mit zahlreichen histo-
rischen Details und Ausstattungselementen
die besterhaltene – soll von der öffentlichen
Hand erworben und für museale Zwecke
in das Gedenkstättenkonzept einbezogen
werden.

Nichtnutzung eines Beton- Belastungskörpers

An einer anderen Stelle scheint der Zu-
sammenhang zwischen herausragenden
Ingenieurbauleistungen und monumentaler
Staatsbaukunst des NS-Systems bis heute
im Berliner Stadtbild auf. An einer Schöne-
berger Straßenecke in Richtung Kreuzberg
gibt ein mächtiger runder Betonblock mit-
ten im Großstadtquartier neugierigen Pas-
santen Rätsel auf, die von der NS-Planung
für die Welthauptstadt Germania herrühren.
Im Zuge der Speerplanungen hatte Hitler
eine neue monumentale Nord-Süd-Achse,
die nahe des Reichstags auf die riesige
„Halle des Volkes“, eine Beton-Kuppelschal-
lenkonstruktion von gigantischer Spann-
weite, münden sollte, auch den Bau eines
stadtbildbeherrschenden Triumphbogens
vorgesehen: 160 Meter breit, 119 Meter
tief und 117 Meter hoch mit den eingemei-
ßelten Namen der 1,8 Millionen gefallenen
deutschen Soldaten des Ersten Weltkriegs.

(Abb. 8) Der Kolossalbau hätte nicht nur
alle bisherigen Triumphbauten in den Schat-
ten gestellt, sondern bedurfte auch völlig
neuartiger statischer Berechnungsmetho-
den und Konstruktionen. Ein Großversuchs-
bau von 12 650 Tonnen Beton und Stahlbe-
ton sollte unweit des geplanten Monuments
die Belastbarkeit des Baugrunds und den
Verlauf der erwarteten Bodenpressung er-
mitteln helfen. Der „Probebelastungsbau“,
ein riesiger kreisrunder Massivblock, war
im Kriegsjahr 1941 nach dreijähriger Pla-
nungszeit fertiggestellt worden.

Aufgrund der Kriegs- und Nachkriegs-
wirren konnte die 1928 gegründete Deut-
sche Gesellschaft für Bodenmechanik (De-
GeBo) erst 1948 die akribisch geführten
Messreihen auswerten. Als Schwerbelas-
tungskörper blieb der „Pilz“ genannte
Versuchsbau dann von 1951 bis 1977 für
Probebelastungen unterschiedlichster Art
in Funktion, meist im Auftrag des Bundes-
bauministeriums. Knapp eine Generation
später wurde der stillgelegte und unge-
nutzte Probebelastungskörper als Denkmal
eingetragen (1995). Inzwischen konnte das
umgebende Gelände beräumt, eine kleine
öffentliche Grünanlage mit Informationsta-
feln zum Objekt und seiner Vorgeschichte
und eine Sicherung des Betonbauwerks ge-
gen eindringende Wurzeln und Feuchtigkeit
abgeschlossen werden.

Schlussbemerkung

Sowenig sich die Vergangenheit des
Dritten Reiches generell ungeschehen ma-
chen lässt, sowenig lässt sich dessen Erbe
ausschlagen oder speziell in Berlin auch
nur ignorieren. Das gilt nicht bloß für die
Nachkriegsgenerationen, sondern auch für
die Zeitgenossen heute. Gerade wer sich
für die Jahre zwischen 1933 und 1945 ei-
nen anderen Verlauf der Geschichte – mit-
hin auch der Vor- und Nachgeschichte des
Nationalsozialismus – gewünscht hätte,
wird die Hinterlassenschaft dieser Zeit nicht
einfach verleugnen oder verdrängen wol-
len, wird sie weder aus dem Stadtbild noch
aus der Erinnerung löschen dürfen. Auch
soll kein „Gras über die Sache wachsen“.
Dazu sind die Erinnerungen, die Zeugnisse
der NS-Zeit wach halten oder wachrufen
können, bisweilen zu mächtig und in jedem
Fall unverzichtbar für unser kollektives Ge-
dächtnis und unser Geschichtsverständnis.
Das architektonische Erbe des 20. Jahrhun-
derts ist nicht nur ein Erbe des technischen
und gesellschaftlichen Fortschritts, sondern
das Erbe des letzten Jahrhunderts schließt
auch – gerade in Deutschland und vielleicht
auch in Russland – Zeugnisse von Verfol-
gung und Unterdrückung sowie von Krieg
und Zerstörung mit ein. Gerade ein Forum
deutscher und russischer Architekten und
Konservatoren, wie sie der Denkmaldia-
log Berlin-Moskau zusammenführt, wird
sich den Glanzlichtern der gemeinsamen
Geschichte im 20. Jahrhundert eben ver-
schreiben müssen wie den Schattenseiten
unserer gemeinsamen Vergangenheit.

Анке Заливако,
Архитектор (Берлинский
Технический Университет
(TU Berlin))

Anke Zalivako,
Architektin
(TU Berlin)

ДОМ КУЛЬТУРЫ ИМ. И.В. РУСАКОВА.

ИССЛЕДОВАНИЕ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ДАЛЬНЕЙШЕМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ

Bauforschung und Nachnutzungsvorschläge zum Rusakov- Arbeiterklub

Дом культуры им. И.В.
Русакова,
1927—1929 годы,
арх. Н.С. Мельников.
Стромынка ул., д. 6

Rusakov-Arbeiterklub,
1927-1929,
Arch. N.S. Melnikov

Советская архитектура авангарда 1920–30-х годов и наследие немецкой архитектурной школы вместе с другими сооружениями классического модерна являются сегодня неотъемлемой частью нашего общего культурного достояния. Оно возникло как результат обмена техническими и творческими идеями между двумя нашими странами. Ответственность за сохранение исторических памятников того времени ложится на оба наших государства в равной степени. Перед нами стоит непростая задача ввиду особой хрупкости конструкций и материалов сооружений.

В деле сохранения авангардных сооружений, находящихся в лучшем случае под защитой ЮНЕСКО, два вопроса требуют более детального освещения:

Изучение строительной техники раннего модерна как условие проведения восстановительных работ.

Сегодня по-прежнему ошутим недостаток детальных знаний о строительной технике и материалах, используемых при сооружении зданий раннего модерна. С момента их возникновения за строительными методами авангардной архитектуры закрепилась репутация неудовлетворительной строительной техники, применяющей некачественные материалы. Такое положение вещей в целом имело место и остается в Европе до сих пор. Именно этот предрассудок наряду с критикой эстетики сооружений конструктивизма является одной из главных причин препятствования необходимому уходу за небольшими, однако, крайне ценными для мировой культуры, памятниками архитектуры.

Для этого нужно понимать использование техники в соответствии с ее временем, воспринимать сооружение как отдельно функционирующий организм, чтобы построить и реализовать в дальнейшем продуманный комплекс необходимых мероприятий. Проблема при этом заключается в продолжительном отсутствии надлежащего технического ухода за зданиями и, к сожалению, в проведении непродуманных восстановительных работ, таких как, например, грубая замена оригинальных материалов новыми (использование стеклопакетов). Поэтому глубокое знание и уважение к применявшейся строительной технике будет являться неременным условием и основой для всех вкладываемых серьезных усилий по восстановлению сооружений периода авангарда, даже если речь будет идти о сравнительно молодом памятнике.

Рассмотрение архитектуры авангарда в рамках вузовского курса

Сохранение имеющегося архитектурного наследия авангарда является одной из задач сегодняшнего поколения архи-

Дие sowjetische Architektur-Avantgarde der 1920-30er Jahre und das deutsche Bauhauserbe zusammen mit anderen Bauten der Klassischen Moderne sind heute ein unauslöschlicher Teil unseres gemeinsamen kulturellen Erbes. Es ist damals auch als ein Ergebnis eines Wissens- und Künstler austausches im Bauwesen zwischen unseren beiden Ländern entstanden. Auch die Aufgabe der Erhaltung zumindest der unter Denkmalschutz stehenden Ikonen aus dieser Zeit obliegt unseren beiden Ländern gleichermaßen. Dieses ist vor allem wegen der Fragilität dieser Architektur, sowohl in ihren Materialien als auch in ihrer architektonischen Komposition, eine besondere Herausforderung.

Зwei Fragen, die an dieser Stelle näher beleuchtet werden sollen, spielen bei den Chancen der Avantgarde-Bauten auf Erhaltung, im besten Fall und teilweise als Weltkulturerbe der UNESCO eine zentrale Rolle:

Die Kenntnis der Bautechnik der frühen Moderne als Voraussetzung für sachgemäße Sanierungsvorhaben

Auch heute noch mangelt es oft an einem detaillierten Wissen über die Bautechnik und Materialien der frühen Moderne. Seit ihrer Entstehung waren die Bauweisen der Architektur-Avantgarde

stigmatisiert als eine mangelhafte Bautechnik aus schlechten Materialien. So war und ist es teilweise auch heute noch in Europa geblieben. In der Russischen Föderation liegt neben der Kritik an der ästhetischen Erscheinung der Bauten des Konstruktivismus gerade in diesem Vorurteil einer der Haupthinderungsgründe für eine Akzeptanz und angemessene Pflege des kleinen, jedoch im internationalen Zusammenhang sehr wertvollen Denkmalsbestands.

Dabei sollte man die Technik vor allem in ihrer Zeit sehen und verstehen, den Bau als in sich funktionierenden Organismus zu begreifen, um daraus jeweils im Einzelfall behutsame und angemessene Sanierungsmaßnahmen zu definieren und zu realisieren. Das Problem liegt hier vor allem in einer über viele Jahrzehnte währenden, mangelnden Bauunterhaltung und leider auch in unangemessenen Sanierungsmethoden, wie dem rücksichtslosen Ersatz originaler Materialien mit neomodischen Baustoffen (beispielsweise Kunststofffenster). Die fundierte Kenntnis der Bautechnik von damals und der Respekt vor dem - wenn auch relativ jungen Denkmal - ist deshalb eine unabdingbare Voraussetzung für und das Fundament aller seriösen Restaurierungsbemühungen an Gebäuden der Avantgarde.

**Обмер здания
дома культуры
им. И.В. Русакова.**

**Baufaufnahme im
Rusakov-Arbeitsklub**

текторов. Высшие учебные заведения, непосредственно влияющие на развитие подрастающих архитекторов, играют важнейшую роль в этом процессе, кроме того, их безусловной обязанностью является подготовка архитекторов, реставраторов и инженеров, специализирующихся на решениях подобных задач. Очевидно, в глобализованном мире это наилучшим образом осуществимо при применении практики научного обмена.

С 1969 года в рамках договора о сотрудничестве Берлинский Технический Университет и Московский Государственный Строительный Университет проводят совместную работу. Со стороны МГСУ партнерство уже долгие годы курирует факультет архитектуры, профессор Алексей Соловьев.

В апреле 2007 года Берлинским Техническим Университетом в Москву была направлена рабочая группа, специализирующаяся на истории городского строительства, в составе двух профессоров, проф. Крамера и проф. Блока, четырех студентов и меня, основной нашей целью было историческое исследование строительства Дома культуры им. И. В. Русакова. Со стороны МГСУ в работе под руководством проф. Соловьева и д-ра Ольги Тюменевой принимали участие четыре студента факультета архитектуры. Ситуация была наглядно продемонстрирована студентам на месте во время экскурсии к другим конструктивистским сооружениям: дому Наркомфина, дому Мельникова, дому Николаева, Шаболовской телевышке и прочим зданиям. Только после этого мы отправились к Клубу Русакова, где нас тепло встретили и оказали поддержку. Первыми данными нашего исследования стали планы 1929 года, части чертежей, предоставленные нам Государственным музеем архитектуры им. А. В. Щусева. В течение четырех дней обе группы совместно проводили ознакомление с конструкцией дома и изучали отдельные моменты, такие как, например, расположение и конструкция окон. Было проведено сравнение текущего состояния сооружения с историческими документами, о чем путем картирования и наблюдения был составлен отчет. Более точное проникновение в конструкцию стало возможным благодаря уже имевшимся открытым конструкционным элементам.

Очевидно, что возведение клуба Ру-сакова происходило с применением большого количества типов конструкций и материалов. Таким образом, сооружение представляет собой в некотором роде энциклопедию строительных технических возможностей русского авангарда. Данное суждение подтверждается характером как основной конструкции (кирпичи/стальные балки/железобетонный каркас), так и отделкой (всевозможные изоляционные материалы, новаторское заполне-

Строительные материалы аванграда.
Место находки:
дом культуры
им. И.В. Русакова

Baumaterialien der Moderne. Fundort: Rusakov-Arbeitsklub in Moskau

Die Thematisierung der Architektur-Avantgarde im Rahmen der Hochschullehre

Es ist die Aufgabe der heute berufstätigen Generation, das noch vorhandene architektonische Erbe der Avantgarde zu erhalten. Die Hochschulen, die den direkten Zugang zu den nachwachsenden Generationen haben, spielen dabei nicht nur eine besondere Rolle, sondern sie haben auch die besondere Pflicht, Architekten, Restauratoren und Ingenieure auszubilden sowie geeignet auch auf diese Aufgabe vorzubereiten. Dies gelingt in einer globalisierten Welt vermutlich am besten im internationalen Wissensaustausch miteinander.

Im Rahmen eines Kooperationsvertrages, verbindet die Technische Universität Berlin seit 1969 eine Zusammenarbeit mit der Moskauer Staatlichen Universität

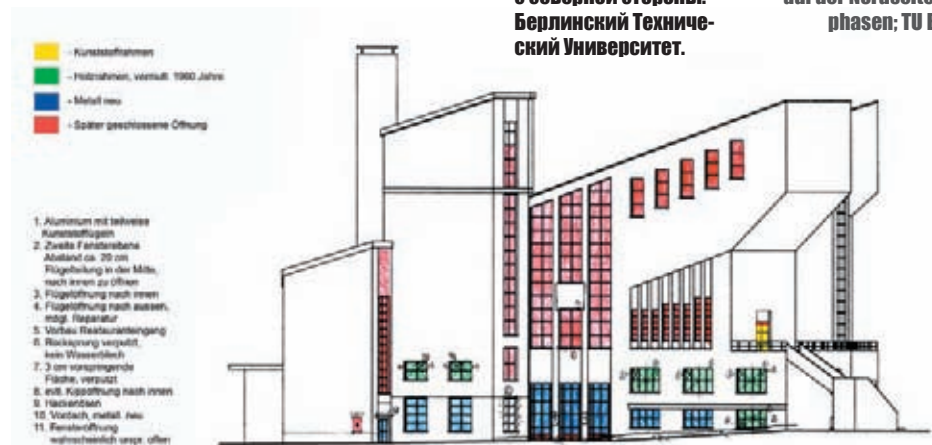
für Bauwesen MGSU. Von Seiten der MGSU wird die Partnerschaft seit vielen Jahren von der Architekturfakultät, Prof. Alexei K. Solovev, ausgefüllt.

Im April 2007 reiste eine Arbeitsgruppe des Fachgebietes Bau- und Stadtbaugeschichte der TU Berlin, bestehend aus zwei Professoren, Prof. Cramer und Prof. Block, vier Studenten und mir nach Moskau gefahren, um vor allem den Rusakov-Arbeiterklub unter Bauforschungsgesichtspunkten zu untersuchen. Von Seiten der MGSU nahmen unter Leitung von Prof. Solovjev und Dr. Olga Tjumenewa die vier Architektur- bzw. Denkmalpflegestudenten teil. Eine Exkursion zu anderen exponierten Bauten des Konstruktivismus, zum Narkomfin-Haus, zum Melnikov- und zum Nikolaev-Haus, aber auch zum Shabolovka – Sendeturm und zu weiteren Gebäuden veranschaulichte den Studenten die Situation vor Ort. Erst dann wandten wir uns dem Rusakov-Klub zu, wo wir freundlich vom zuständigen Ingenieur begrüßt und nach Kräften unterstützt wurden. Eine erste Orientierung zum Verstehen des Gebäudes boten einige Werkpläne von 1929, Schnitte und Teilgrundrisse, die von der sowjetischen Abteilung des Schtschussev Architektur museums in Moskau zur Verfügung gestellt wurden. Vier Tage lang machten sich Zweiergruppen im Teamwork mit den Studenten der MGSU mit der Konstruktion des Hauses vertraut und studierten Detailbereiche, wie beispielsweise die Fenster. Der vorgefundene Baubestand wurde mit den historischen Dokumenten abgeglichen und der konkrete Baubestand durch Kartierung und Beobachtung systematisch erfasst. Einblicke in die konkrete Baukonstruktion wurden durch bereits vorhandene Bauteilöffnungen erleichtert.

Offensichtlich wurde der Bau des Ruskov-Klub wurde in überaus vielfältigen und unterschiedlichen Konstruktionen und Materialien realisiert. Er stellt heute so etwas wie eine Enzyklopädie der bautechnischen Möglichkeiten der russischen Avantgarde dar. Diese Einschätzung bezieht sich sowohl

**Картирование окон
с северной стороны.
Берлинский Техниче-
ский Университет.**

Kartierung der Fenster auf der Nordseite. Zeitphasen; TU Berlin

**Проект районной
библиотеки в здании
ДК им. И.В. Русакова**

**Stadtteilbibliothek im
Rusakov-Arbeitsklub.
Grundriss**

ние каркаса). В то время как основная конструкция состоит из традиционных несущих стен и железобетонного каркаса, в качестве прошивки оштукатуренных стен используется исключительно шлак и сжатая древесная шерсть (гераклит - фибролит в русском варианте). Следует также отметить, что здание претерпело множество перестроек и для создания единой реставрационной концепции, отвечающей значению здания, необходимо предварительное историческое и реставрационное исследование. Конечно, для тщательной реставрации на научной основе потребуется время. Так, новомодные стеклопакеты особенно вредны не только в строительном и физическом, но и в эстетическом смысле. Никогда в средневековую церковь вместо подобной оригиналу реконструкции не вставляли стеклопакеты.

Во время летнего семестра 2007 года в Берлинском Университете на одном из семинаров поднималась тема дальнейшего использования рабочего клуба, что поначалу имело вид небольших рефератов о различных сооружениях авангарда в Москве, а затем приняло форму конкретного исторического, градостроительного, конструктивного и структурного анализа (открытие/конструкция/масса/объемы/структура). В результате было разработано шесть проектов, два из которых

были выделены, как имеющие потенциал к реализации, так как в достаточной степени учитывали статус памятника и его значение в международном контексте.

**Районная библиотека
с современным
медиацентром**

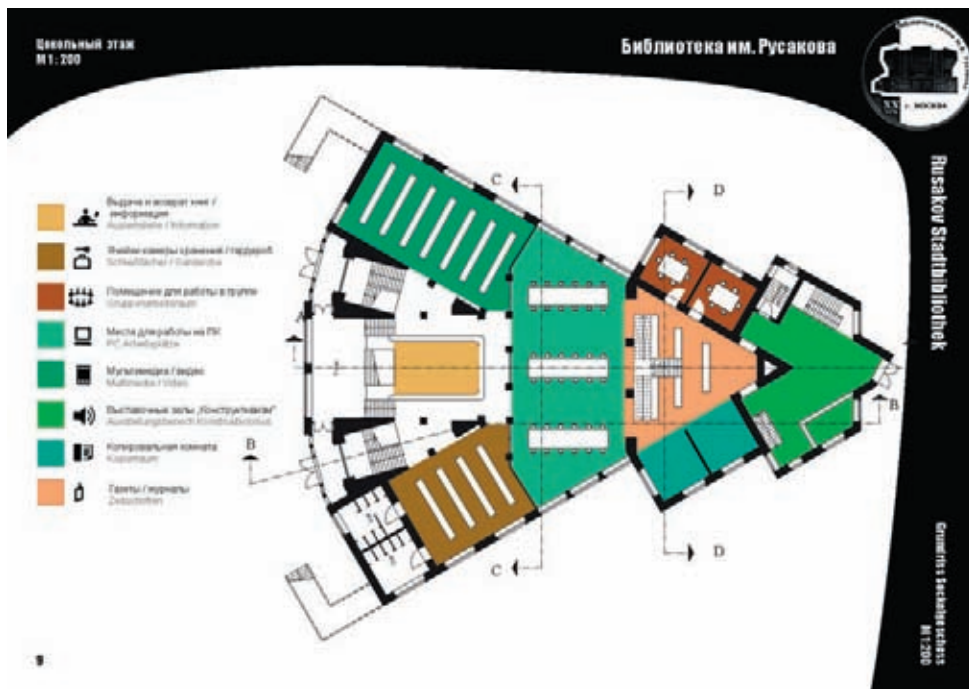
Эта группа предложила разместить в здании бывшего рабочего клуба Русакова районную городскую библиотеку с медиацентром, совмещающим все современные медиасредства. Путем минимальных изменений внутренней конструкции сооружения, таких как, протяжение перемычек и расширение площадки, студентам удалось развить убедительную пространственную концепцию для дальнейшего использования бывшего рабочего клуба. Наружный вид здания остается прежним и реставрируется в соответствии с историческим видом, которое оно имело до 1940 года, когда оконные проемы еще не были заложены.

**Здание радиостанции
Русакова**

Скульптурная форма сооружения и его ассоциация с рупором натолкнула двух

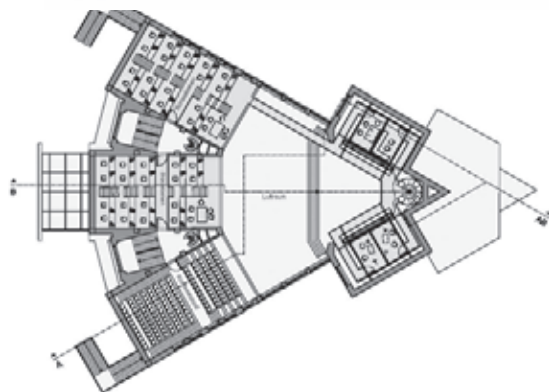
на Rohbaukonstruktion (Ziegel / Stahlträger / Stahlbetonskelett) als auch auf den Ausbau (unterschiedliche Dämmstoffe, innovative Ausfachung der Skelettkonstruktion). Während die Rohbaukonstruktion aus einer Kombination aus traditionellem tragendem Mauerwerk und einem Stahlbetonskelett besteht, kamen Schlacke und gepresste Holzwolleplatten (Heraklith – russ.: Fibrolit) allein als Wärmedämmstoffe in den verputzten Wänden zum Einsatz. Tatsache ist aber auch, dass der Bau heute vielfach überformt ist und weiterer bauhistorischer und restauratorischer Voruntersuchungen bedarf, um ein geeignetes restauratorisches Denkmalpflegekonzept, das der Bedeutung des Gebäudes Rechnung trägt, fundiert zu erarbeiten. Soviel Zeit muss sein, denn das Gebäude bedarf nach wie vor einer Restaurierung auf wissenschaftlicher Grundlage. Besonders die neuzeitlichen Kunststofffenster schaden dem Bau nicht nur in bauphysikalisch, sondern vor allem auch in ästhetischer Hinsicht. Nie hätte man in eine mittelalterliche Kirche Kunststofffenster anstelle originalähnlicher Rekonstruktionen in Holz eingebaut.

Im Sommersemester 2007 wurde das Thema Rusakov-Klub in einem Entwurfsseminar zur Nachnutzung dieses Arbeiterklubs an der TU Berlin weitergeführt. Zunächst mit Kurzreferaten zu verschiedenen Moskauer Gebäuden der Avantgarde, dann

Проект районной библиотеки в здании ДК им. И.В. Русакова

Stadtteilbibliothek im Rusakov-Arbeiterklub. Grundriss

План-проект создания радиостанции в здании ДК им. И.В. Русакова

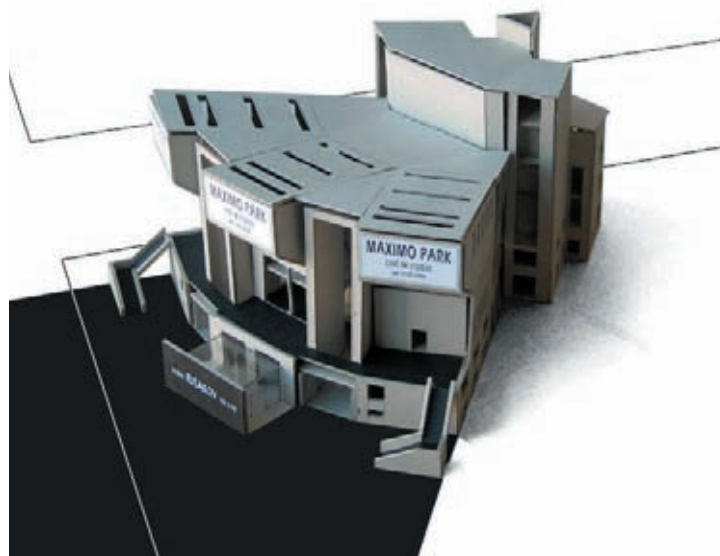
Radio Rusakov im Rusakov-Arbeiterklub. Grundriss

студентов на идею дальнейшего использования постройки в качестве здания радиостанции. В этом случае внешний вид здания также остается неизменным. Как это и предполагал Константин Мельников в 1985 году, необходимо будет оборудовать подъезд к зданию и проложить шумоизоляционное покрытие дорог в его близи. Единственным вмешательством в конструкцию здания станет размещение звуконепроницаемой записывающей студии в районе сцены. Ярусы будут преобразованы в помещения для кабинетов. Один из ярусов будет предназначаться для проведения различных конференций и собраний. Акустическое и оптическое отделение кабинетов на уровне сцены и балкона от зала студии во время мероприятий осуществляется путем перемещения подвижных стен.

конкрет на den Rusakov – Klub bezogen mit einer historischen, städtebaulichen, Tragwerks- und Gebäudeorganisationsanalyse (Erschließung / Konstruktion / Masse / Volumina / Gebäudeorganisation). Es entstanden sechs Entwürfe, von denen zwei durchaus Realisierungspotential aufweisen, weil sich die Entwurfsideen sehr gut mit dem Denkmalstatus und der Bedeutung des Gebäudes im internationalen Kontext verbinden lassen.

Макет радиостанции в здании ДК им. И.В. Русакова

Radio Rusakov im Rusakov-Arbeiterklub. Das Modell

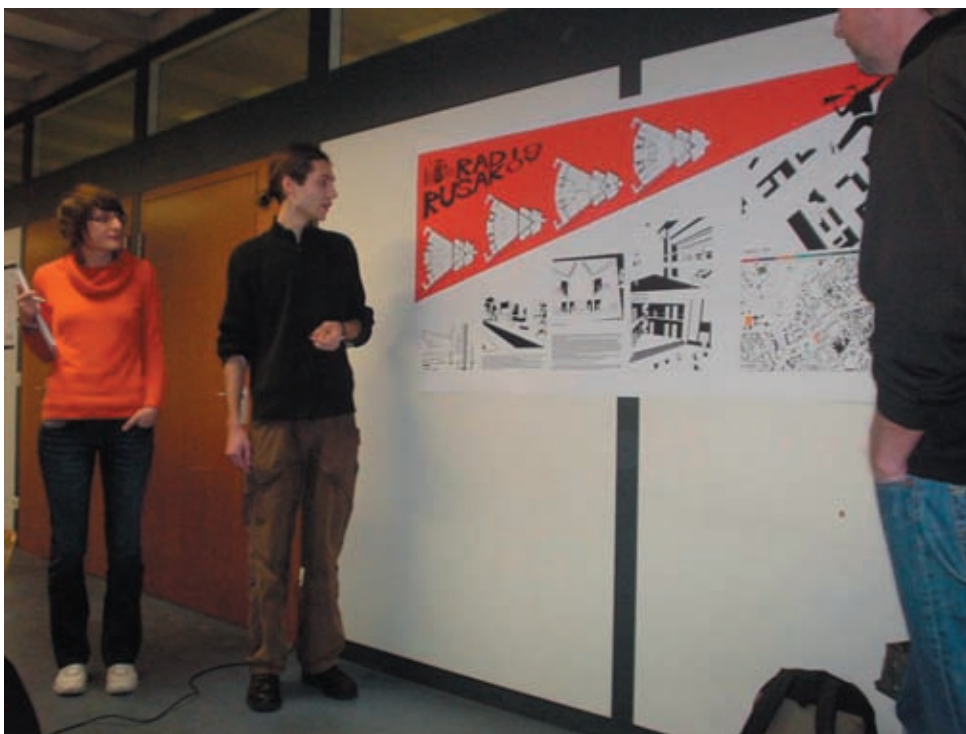

Stadtteilbibliothek mit modernem Informationsmedienzentrum

Diese Gruppe hat im Bau des ehemaligen Rusakov-Arbeiterklubs eine Stadtteilbibliothek mit einem Medienzentrum, das alle modernen Informationsmedien miteinbezieht, untergebracht. Durch minimale Eingriffe im Innern des Gebäudes, wie das Einziehen von Verbindungsstegen und weiterer Ebenen im ehemaligen Bühnenturm ist es den Studenten gelungen, ein plausibles Raumkonzept für die Nachnutzung des ehemaligen Arbeiterklubs zu entwickeln. Von außen bleibt das Gebäude unangetastet und soll in seiner historischen, d.h. bauzeitlichen Erscheinung unter Öffnung der in den 1940er Jahren geschlossenen Fensteröffnungen restauriert werden.

Rusakov - Rundfunkhaus

Zwei Studenten haben sich - inspiriert durch die skulpturale Form des Gebäudes und die empfundene Assoziation der mit einer Sprechbühne - für eine Nachnutzung des Gebäudes als Rundfunkhaus (здание радиостанции) entschieden. Auch hier bleibt die äußere Kubatur unter Rückbau auf die bauzeitliche Fassadengestaltung erhalten. Der Eingangsbereich wird wie schon von Konstantin Melnikov 1985 gefordert dem Gebäude vorgelagert und ein schalldämmender Straßenbelag im Bereich des Rundfunkhauses eingezogen. Den einzigen konstruktiven Eingriff bildet die Unterbringung von ebenfalls schalldichten Aufnahmestudios im Bereich des Bühnenturms. Die Ränge werden zu Büroebenen umgebaut. Ein Rang bleibt als Konferenz- und Vortragsraum erhalten. Die Büros im Bühnen- und auch im Balkongeschoss sollen bei Veranstaltungen mittels flexibler Wände akustisch und optisch vom Studiosaal abtrennbar sein.

Мы считаем, что обе концепции соответствуют статусу здания и его значению в международном контексте, и могут иметь дальнейшее развитие.

Кроме проведения исследования и семинара в сентябре 2008 года удалось также устроить недельный визит студентов МГСУ в Берлин. В программу посещения входили экскурсии к берлинским сооружениям модерна, таким как Башня Эйнштейна и рабочие поселки 20-х годов (Бруно Тавт), внесенные ЮНЕСКО летом 2008 года в число объектов мирового культурного наследия. Отличная возможность углубиться в материал представилась студентам во время двухдневного пребывания в Дессау с ночевкой в бывшем студенческом общежитии и интенсивным изучением построек Дессау, а также исследовательского архива фонда «Баухауз». Как раз в это время проходила выставка мастера Баухауза Гиннерка Шепера посвященная также его разработке внутреннего цветового решения для дома Наркомфина в Москве. Студенты также побывали на небольшой экспозиции в Берлинском Техническом Университете посвященной сооружениям модерна в России и Германии, включавшей в себя также осмотр оригинальных строительных материалов и ознакомление с архивами. Московские студенты посетили авангардную выставку Москомнаследия при берлинском сенате городского развития и нашу выставку авангарда в Берлинском Техническом Университете.

Одна из студенток МГСУ настолько была впечатлена темой, что приняла решение защитить свою дипломную работу по теме дома Наркомфина в Москве. К сожалению, ее намерение не одобрили педагоги, аргументировав это чрезмерной

обширностью темы. Данный факт нахожу досадным, мне хотелось бы, чтобы подобные реставраторские идеи находили отклик в высших учебных заведениях. Только так мы сможем пробудить интерес к данной задаче у будущих поколений.

Поощрение интереса к изучению и пониманию функционирующих как единый организм конструкций и материалов раннего модерна с одной стороны, и приобщение будущих поколений к теме сохранения сооружения классического модерна, в том числе и русского авангарда, с другой стороны является сейчас крайне важной задачей. Считаем, что именно в этом направлении необходимо прилагать усилия в будущем.

**Дом культуры
им. И.В. Русакова**

Rusakov-Arbeitsklub

Экскурсия студентов в высшую школу строительства и художественного конструирования «Баухаус» в Дессау

Studentenexkursion zu den Bauhausbauten nach Dessau

Wir denken, dass beide Entwurfsideen sich gut mit dem Denkmalstatus und der Bedeutung des Gebäudes im internationalen Kontext verbinden lassen, jedoch noch weiter entwickelt werden müssen.

Außer dem Bauforschungs- und Entwurfsseminar ist es im September 2008 gelungen, mit denselben Studenten der MGSU aus Moskau eine Woche in Berlin zu verbringen. Auf dem Programm standen Exkursionen zu Berliner Bauten der Moderne, wie dem Einsteinurm und den Arbeitersiedlungen der 1920er Jahre (Bruno Taut), die im Sommer 2008 in die Weltkulturerbeliste der UNESCO eingetragen wurden. Zwei Tage in Dessau mit Übernachtung im ehemaligen Studentenwohnheim des Bauhauses und intensiver Beschäftigung mit den Dessauer Bauhausbauten sowie dem Bauforschungsarchiv, d.h. der Baustoffsammlung der Stiftung Bauhaus Dessau, boten allen Teilnehmern einen guten Einblick in die Materie. Zufälligerweise wurde in den Meisterhäusern gerade eine Ausstellung über den Bauhausmeister Hinnerk Scheper und eine Zeit in Moskau gezeigt, während der er das Innenfarbkonzept für das Narkomfin-Kommunehaus erarbeitete. Auch die kleine Avantgarde-Ausstellung in der TU Berlin zum Umgang mit den Bauten der Moderne in Russland und Deutschland inklusive der Originalbaumaterialien aus dem Bauforschungsarchiv und aus Moskau konnten die Studenten sehen. Auch die Ausstellung von MOSKOMNASLEDIJE zur Avantgarde beim Berliner Senat für Stadtentwicklung und unsere Ausstellung zur Avantgarde in der Technischen Universität Berlin konnten die Moskauer Studenten sehen.

Eine Studentin der MGSU war anschließend so begeistert von dem Thema, dass sie ihre Diplomarbeit über das Narkomfin-Haus in Moskau machen wollte. Leider wurde sie von den Lehrkräften in ihrem Vorhaben gebremst, weil man die Aufgabe für zu umfangreich hielt. Ich finde das sehr schade, und möchte ich im Gegenteil dazu ermutigen, solche restauratorischen Aufgabenstellungen an den Hochschulen bearbeiten zu lassen. Denn nur so können in der nächsten Generation Interessierte gefunden werden.

Die Förderung der Kenntnis und des Verständnisses der als Organismus zusammenwirkenden Baustoffe und Konstruktionsweisen der frühen Moderne einerseits und die Heranführung der nächsten Generation an das Thema der Erhaltung der Bauten der Klassischen Moderne, bzw. der Russischen Avantgarde andererseits sind extrem wichtig. In diese Richtung sollten sich die Bemühungen in Zukunft entwickeln sollten.

Советский авангард 1920—1930-х годов

Правительство Москвы

Комитет по культурному наследию города Москвы
Пятницкая, 19

© ООО «Издательский дом Руденцовых»

Дизайн-студия Натальи Малининой

Тираж 500 экз.

Sowjetische Avantgarde der 1920er und 1930er Jahre

Regierung der Stadt Moskau

Komitee für Kulturerbe der Stadt Moskau
Pjatnizkaja 19

Verlag „Isdatelskij dom Rudenzowych»

Design-Studio Natalja Malinina